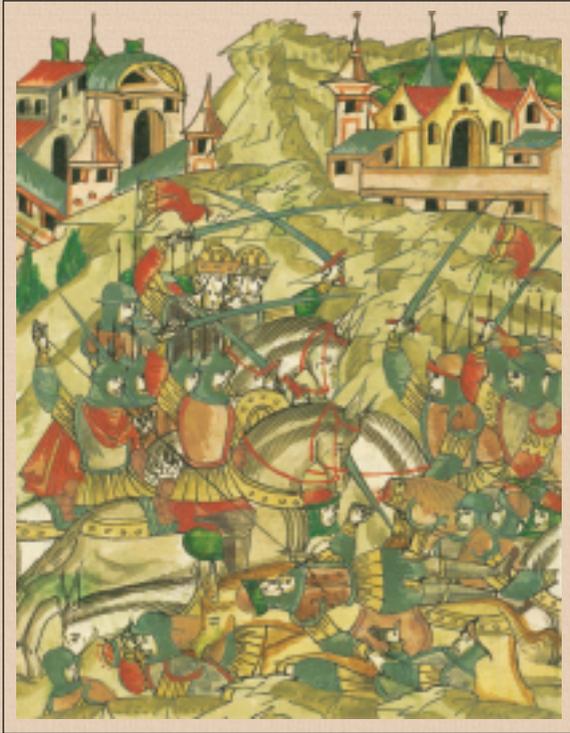

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник
Основан в 2008 году

ВЫПУСК 3

МИНСК
РИВШ
2010

Рекомендовано

Ученым советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 10 от 29 ноября 2010 г.)

Редакционная коллегия:

- А.В. Мартынюк** – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г.Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О.А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю.Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
З. Вайтковяк – доктор исторических наук (Познань)
В.А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
Л.В. Левшун – кандидат филологических наук (Минск)
А.А. Любая – кандидат исторических наук (Минск)
А.В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И.А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
Н.В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
А. Рахуба – доктор исторических наук (Варшава)
В.А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В.А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А.И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А.Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)

Рецензенты:

- доктор исторических наук, профессор **В. С. Кошелев**;
доктор исторических наук, профессор **Н. С. Сташкевич**

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 3. – Минск : РИВШ, 2010. – 342 с.
ISBN 978-985-500-439-5.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-985-500-439-5

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	7
<i>Мартынюк А.В.</i> Пять текстов, о которых следует напомнить исследователям восточноевропейского Средневековья.....	9
<i>Самонова М.Н.</i> Скандинавы на белорусских землях в IX–X вв.: к постановке проблемы.....	16
<i>Ковалев А.В.</i> Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании.....	30
<i>Жарко С.Б.</i> К вопросу о битве на реке Калке в 1223 г.	44
<i>Темущев С.Н.</i> Литва и Русь: трансформация взаимоотношений от даннической зависимости к внешней экспансии (историография проблемы).....	49
<i>Голубев О.Е.</i> Феномен «своей античности» в истории Великого княжества Литовского	73
<i>Любый А.В.</i> Символика перстня в легализации власти монарха над Великим княжеством Литовским (casus 1430 года).....	92
<i>Жарин Д.В.</i> Ганза и Восточная Европа: торговое и культурное взаимо- действие в XIII–XV веках.....	102
<i>Варонін В.А.</i> Арганізацыя гарадской улады ў Полацку ад канца XIV да сярэдзіны XVI ст.....	124
<i>Темущев В.Н.</i> Кричевский участок литовско-московской границы в XVI в.	135

<i>Шимак Е.К.</i> «Проблема Московии» и антиосманская коалиция в политике Римской курии в первой трети XVI в.	166
<i>Падалінскі У.А.</i> Шляхта Вялікага Княства Літоўскага ў дыпламатычных місіях Рэчы Паспалітай (апошняя трэць XVI ст.).....	188
<i>Моисеев М.В.</i> Слон Ивана Грозного.....	209
<i>Дзярновіч А.І.</i> “Невядомы Стрыйкоўскі”: Гісторыя рукапісу паэмы “Бітва пад Улай” (1564 г.) са збораў Пушкінскага Дому ў Санкт-Пецярбурзе.....	221
<i>Левшун Л.В.</i> К вопросу о роли церковной унии (1596 г.) в формировании белорусской национальной культуры.....	245
<i>Самодурова Ю.С.</i> Редакционная принадлежность Бельского Стишного пролога (на март–август) 1496 г.	255
СООБЩЕНИЯ	265
<i>Дзярновіч О.И.</i> Грюнфельд или Грюнвальд? К вопросу об исторической компетенции канцелярских писарей	267
<i>Галенчанка Г.Я.</i> Новы дакумент аб Скарыне	271
ИСТОЧНИКИ	273
<i>Гагуа Р.Б.</i> «Soldbuch» Тевтонского ордена как ценный источник для исследования сражения при Грюнвальде 15 июля 1410 года.....	275
<i>Казакоў А.У.</i> Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г.....	291

РЕЦЕНЗИИ.....	301
<i>Мартынюк А.В.</i> Алесь Белый в поисках Белой Руси (Белы А. «Хроніка Беларусі». Мінск, 2000).....	303
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	309
Эхо Грюнвальда: Международная научная конференция «Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге)» (<i>Дзярновіч О.И.</i>)	311
IN MEMORIAM.....	315
<i>Сосна У.А.</i> Сяляне і шляхта ў даследаваннях Паўла Лойкі.....	315
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	325
РЕЗЮМЕ	327
SUMMARY	333
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	340

СТАТЬИ

ПЯТЬ ТЕКСТОВ, О КОТОРЫХ СЛЕДУЕТ НАПОМНИТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ ВОСТОЧНО- ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Изучение восточноевропейского Средневековья идет неравномерно, часто оказываясь в зависимости от историографической традиции и институциональной организации современной исторической науки. Некоторые сюжеты – персоналии, события и целые исторические эпохи – приковывают к себе пристальное внимание исследователей на протяжении уже многих столетий, другие, напротив, остаются в тени. Особенно не повезло в этом отношении периоду XIV–XV вв. – «темному веку» в истории Восточной Европы. Эта эпоха «проваливается» как во времени (между историей классической Древней Руси и историей «послемонгольской Руси»), так и в пространстве: именно с этого периода начинается резкая фиксация современных национальных историографий России, Украины и Беларуси на «своей истории», а сюжеты, выходящие за эти жестко заданные рамки, как правило, оказываются на периферии внимания исследователей. В представленной ниже статье рассматриваются пять малоизвестных текстов, которые, на взгляд автора, заслуживают того, чтобы на них обратили пристальное внимание современные исследователи.

«*Descriptio Europae Orientalis*»: от ученого трактата к программе завоеваний

Сложные политические и династические комбинации после прекращения династии Арпадов привели в 1308 г. на венгерский престол Карла Роберта Анжуйского. В том же году его дальний родственник, титулярный император Латинской империи Карл Валуа, предпринял попытку овладеть Константинополем. Эти события послужили поводом для создания анонимного трактата, получившего в историографической традиции название «*Descriptio Europae Orientalis*» («Описание Восточной Европы», 1308 г.). Автор трактата дает краткий, но чрезвычайно содержательный обзор самой Венгрии и соседних с ней стран: Византии, Албании, Болгарии, Рутении

(земли Галицко-Волынского княжества), Польши и Чехии. Фактически трактат представляет собой программу завоеваний соседних с Венгрией православных земель и завершается призывом подчинить «все эти схизматические и варварские народы, которые незаконно обладают такими богатыми и процветающими королевствами» [11, р. 42]. Интересно отметить, что данная программа оказалась в целом выполненной: в период правления Анжуйской династии многие названные земли оказались в зависимости от венгерской короны. Для современного историка трактат имеет значение как своеобразный срез политической ситуации в Восточной Европе, содержащий интересную, а иногда и уникальную информацию (это относится, например, к истории Галицко-Волынской земли, сведения об истории которой в начале XIV в. крайне скудны). Текст «*Descriptio Europae Orientalis*», изданный в 1916 г. польским историком Ольгердом Гуркой, доступен для исследования в латинском оригинале [11].

«Книга знаний»: энциклопедический справочник XIV века

В 1877 г. испанский ученый-энциклопедист Маркос Хименес де ла Эспада опубликовал в Мадриде географический трактат XIV в. «*El Libro del conocimiento de todos los regnos e tierias e señoríos que son por el mundo*» («Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире») [9]. Трактат, построенный в виде описания путешествия от первого лица, действительно содержит описание «всех королевств, земель и владений», известных в то время: от Севильи, где начинается путешествие автор, до Китая и Индии. Исследователей не обманул настойчиво подчеркиваемый в тексте «эффект присутствия»: трактат является скорее ученой компиляцией, чем записью реальных путешествий. Это не умаляет ценности произведения, которое является одним из первых систематических описаний всего известного тогда мира [4].

Для исследователя истории Восточной Европы трактат интересен тем, что дает цельное представление о восточноевропейском регионе. Автор трактата неоднократно «пересекает» этот регион в разных направлениях – и оставляет описания владений «*императора татар Uxbeto*» (хан Узбек, правитель Золотой Орды в 1313–1341), «*великой провинции Roxia*» (русские земли), «*страны Litefama*» (Литва), «*большого города Nogarado*» (Новгород), северных пустынь, где день и ночь длятся по шесть месяцев и т.д. Не все гео-

графические пункты и исторические реалии поддаются уверенному отождествлению, но даже такое беглое ознакомление с данными «Книги знаний» показывает значение этого источника для изучения истории Руси и Восточной Европы в целом. Еще одной особенностью трактата является наличие гербов описываемых земель, в некоторых случаях эта геральдическая информация носит уникальный характер. Так, например, изображение герба «*страны Litefama*» является первой в европейской традиции попыткой включить Великое княжество Литовское в систему европейской геральдики [5].

Следует отметить тесную связь «Книги знаний» с испанской картографической традицией XIV в. и, прежде всего, с таким уникальным памятником как Каталонский атлас 1375 г. [о последнем см.: 3]. Эта связь открывает широкие возможности для верификации сведений «Книги знаний», а в перспективе – для реконструкции всего комплекса представлений об исторической географии Восточной Европы, который сложился в Европе Западной в конце XIV века.

Иоанн де Галонифонтибус познает мир и открывает Европу

Иоанн де Галонифонтибус, архиепископ Султании (летняя столица ильханов в Северном Иране), был отправлен Тимуром (Тамерланом) к европейским правителям с вестью о своей победе над султаном Баязидом в битве при Анкаре. Галонифонтибус чрезвычайно ответственно подошел к выполнению этой миссии: десятилетний вояж (1402–1412 гг.) по Европе привел его ко дворам византийского императора и римского папы, английского и французского королей, императора Священной Римской империи и великого магистра Тевтонского ордена. Результатом пребывания архиепископа Иоанна в Европе стали два произведения – краткая записка о Тимуре и его империи и «*Libellus de notitia orbis*» («Книга познания мира», 1404 г.). Содержание «Книги» – описание всех известных земель, ее основная мысль – необходимость объединения христиан для борьбы против мусульман. Произведение Иоанна де Галонифонтибуса основано как на литературных источниках (Исидор Севильский, Одорико де Порденоне, Гетум из Корикоса и др.), так и на собственных впечатлениях автора, что придает ему особую ценность в качестве исторического источника. К сожалению, до настоящего времени отсутствует полноценное научное издание «Книги познания мира», а ее рукописная традиция изучена в недостаточной степени.

Особый интерес представляет сделанное Галонифонтибусом описание Руси и Литвы [6]. Иоанн говорит сначала о «малой» и «великой», а затем о «внешней» и «внутренней» *Руссии*. Именно в последней находится город *Mosco*, из которого идет кратчайший торговый путь в *Catay* – уникальное свидетельство как о русско-татарских отношениях того времени, так и о появлении Москвы в поле зрения Европы! Далее кратко говорится об обычаях русских: наличии у них своего языка и письма, приверженности «греческой схизме», холодном климате страны. Раньше русские земли платили дань и выставляли воинов императору татар, продолжает Галонифонтибус, ныне же большая часть Руссии подчинена Витовту и королю Польши. О самой Литве («малой стране») автор сообщает, что прежде ее жители были язычниками, ныне же являются добрыми католиками – «что уже известно всем». Эта краткая ремарка чрезвычайно интересна в контексте той острой идеологической борьбы между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским, которая развернулась накануне битвы под Грюнвальдом.

В настоящее время фрагмент о Руси и Литве готовится автором данных строк к публикации (по рукописи из библиотеки университета города Граца, Австрия), но изучение всего комплекса сведений Иоанна де Галонифонтибуса о Восточной Европе только начинается.

Разорванное путешествие Гильбера де Ланнуа

Фламандского рыцаря, дипломата и путешественника Гильбера де Ланнуа (в литературе до сих пор используется устаревшая транскрипция – *де Ланноа*) нельзя назвать забытой фигурой. Его «*Voyages et Ambassades*» («Путешествия и посольства») давно введены в научный оборот, а фрагменты, содержащие описание поездок в Новгород и Псков (1413 г.) и по южным землям Великого княжества Литовского (1421 г.) давно стали хрестоматийными (в прямом смысле этого слова – входят во все хрестоматии по истории Восточной Европы [см., например: 8, с. 545–549, 661–666]). К сожалению, в предшествующей фразе ключевым словом является именно слово *фрагменты*: хотя с момента первой публикации «Путешествий и посольств» (1840 г.) прошло уже 170 лет, историки вынуждены довольствоваться двумя не связанными между собой отрывками. В качестве характерного примера можно привести две современные публикации, в которых предстают два совершенно разных Гильбера

де Ланнуа – «русский» и «литовский» [2; 7]. «Русский Ланнуа» и «литовский Ланнуа» существуют в двух параллельных мирах, совершают свои путешествия в двух совершенно разных, и при этом дискретных, пространствах: въезжают на территорию Новгородской республики и Великого княжества Литовского из ниоткуда и выезжают в никуда... Неясно даже, встречались ли они друг с другом? Очевидно, что такой подход исчерпал себя и не позволяет адекватно оценить представления бургундского путешественника о Восточной Европе. Представляется, что путевые записки Гильбера де Ланнуа уже давно заслужили того, чтобы стать объектом самостоятельного исследования.

Лаоник Халкокондил: от Скифии к Восточной Европе

«В этой истории записано то, что видел и слышал в своей жизни Лаоник афинянин...», – этой фразой, отсылающей к классическим образцам античной историографии (а именно – к Фукидиду), начинается свое произведение византийский автор середины – второй половины XV в. Лаоник Халкокондил. Вопреки такому архаизирующему началу, произведение представляет собой весьма серьезную новацию в византийской историографии. Лаоник Халкокондил был современником падения Константинополя в 1453 г. и это не могло не отразиться на его исторических взглядах. Новацией стало уже то, что в центре внимания «Истории» Халкокондила находится не только и не столько Византийская империя: одно из центральных мест в произведении занимает история возвышения Османской державы. Автор пытается понять, каким образом пала великая империя и как Константинополь попал в руки турок. Этим можно объяснить пристальное внимание Халкокондила еще к двум регионам, где мир христианства напрямую сталкивался с миром ислама – Пиренейскому полуострову и Восточной Европе.

Именно последний фрагмент сочинения Халкокондила (т.н. «*Скифский фрагмент*» (скифами автор именует татар)) и представляет наибольший интерес для отечественных историков [немецкое издание: 10, с. 29–36; см. также: 1]. Описывая русские земли, автор говорит о *Белой* и *Черной Сарматии* – в первой лежит Новгород, во второй – Москва, Тверь, Киев [10, с. 31]. Очевидно, перед нами один из этапов развития цветовых обозначений различных регионов восточнославянского мира, которые позднее привели к

появлению таких хоронимов как Белая, Черная и Червоная (Красная) Русь. Халкокондил подчеркивает такой важный для изучения генезиса этих наименований момент, что цветовые обозначения использовали сами русские. Кратко, но достаточно содержательно говорится о Великом княжестве Литовском (Халкокондил различает собственно Литву и Жемайтию, говорит о язычестве жемайтов), Тевтонском ордене, Польше, Чехии (здесь опять появляется тема язычества, что, несомненно, является отголоском гуситских войн), Молдавии, татарских ордах и ханствах, возникших после распада Золотой Орды. Уникальным является рассказ Халкокондила о пермяках – «племени, которое большую часть средств к существованию добывает охотой». Это свидетельствует о том, что в поле зрения заинтересованного наблюдателя начинает попадать информация даже о самых далеких уголках Восточной Европы. Несмотря на архаизирующую терминологию, свойственную византийской традиции историописания (*скифы, сарматы, даки, трибаллы* и т.п.), произведение Лаоника Халкокондила является весьма достоверным изложением восточноевропейских реалий середины XV в. и важным источником по истории этого региона.

Данный обзор не является и не может являться исчерпывающим. Его цель, сознательно вынесенная в заголовок, – обратить внимание отечественных историков на представленные выше тексты, которые являются важными источниками по политической истории и исторической географии Восточной Европы в XIV–XV вв. Данный текст можно рассматривать и в качестве своеобразной программы исследований: автор будет считать свою задачу выполненной, если исследователи – и прежде всего молодые исследователи – обратятся к изучению оригинальных письменных памятников по истории восточноевропейского Средневековья.

Список литературы

1. Диттен, Г. Известия Лаоника Халкокондила о России / Г. Диттен // Византийский временник. – 1962. – Т. XXI. – С. 51–94.
2. Лялькоў, І. Жыльбер дэ Ланаа: Фламандзец у Вялікім Княстве Літоўскім пачатку XV ст. / І. Лялькоў // Беларусь – Бельгія: Грамадска-культурнае ўзаемадзеянне / Рэдкал. А. Мальдзіс (гал. рэд.) і інш. – Мінск, Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 47–52.
3. Мартынюк, А.В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века / А.В. Мартынюк // Труды международной научной конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков» / Отв. ред. Петров П.Н. – М.: Нумизматическая литература, 2008. – С. 79–83.

4. Мартынюк, А.В. Малоизвестные источники по исторической географии Восточной Европы XIV века / А.В. Мартынюк // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 3 (37). – С. 72–73.
5. Мартынюк, А.В. Герб Литвы: взгляд из Европы XIV века / А.В. Мартынюк // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 2. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 23–29.
6. Мартынюк, А.В. Епископ Султании Иоанн де Галонифонтибус и его сообщение о Руси и Литве в начале XV века / А.В. Мартынюк // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2010. – С. 188–191.
7. Мунд, С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et Ambassades рыцаря Гильбера де Ланноа (1413) / С. Мунд // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 1 (7). – С. 47–50.
8. Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен до конца XV века / Под. ред. М.Н. Тихомирова. – М., 1960.
9. De la Espada, M.J. El Libro del conocimiento de todos los regnos e tierras e señoríos que son por el mundo / M.J. de la Espada // Boletín de la Sociedad Geográfica de Madrid. – Tomo II. – Madrid, 1877.
10. Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen / Hrsg. von E. v. Ivánka. – Graz, 1965.
11. Górká, O. Anonymi Descriptio Europae Orientalis / O. Górká. – Cracoviae, 1916.

Самонова М. Н.

СКАНДИНАВЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В IX–X вв.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Проникновение скандинавов на территорию современной Беларуси было одним из проявлений широкой экспансии викингов, как в соседние, так и дальние земли и страны. *Викингами* называли в Скандинавии тех воинов, которые принимали участие в военных и грабительских походах, торговых экспедициях. В Западной Европе они были известны как *норманны*, на Руси их называли варягами. Запад был естественным направлением движения норвежцев и датчан, шведы отправлялись на восток, в земли финнов, балтов, восточных славян и далее – в Византию и Арабский халифат, что не исключало участия шведов в западных походах, а норвежцев и датчан в походах на восток¹.

Скандобалтийская цивилизация. Продуктом эпохи викингов стала *Скандобалтийская цивилизация*, появившаяся в результате совместного творчества скандинавских, славянских, балтских и прибалтийско-финских народов в их взаимодействии с другими этносами, культурами и цивилизациями Запада и Востока [1, с. 601]. В ее основе лежала трансевропейская система естественных водных коммуникаций, таких как Волжский путь «из варяг в арабы» и Днепровский путь «из варяг в греки»². Данная концепция была впервые сформулирована в коллективной монографии «Славяне и скандинавы» (1986), подготовленной ведущими зарубежными (Й. Херрман, О. Клиндт-Енсен, В. Хольмквист и др.) и советскими исследователями (Е.А. Мельникова, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев и др.), и стала главным методологическим подходом в решении вопроса о роли варягов в генезисе Руси [2]. Отметим, что в российской историографии изучение связей и отношений Древней Руси со Скандинавией традиционно является одним из наиболее разрабатываемых направлений исторического исследования, поскольку непосредственно связано с началом рус-

¹ Территории, что простирались на восток от Скандинавии, от Восточной Прибалтики до Византии, викинги называли *Austrvegr* – «Восточный путь», *Austrlönd* – «Восточные земли».

² Термин «из варяг в арабы» искусственный, т.е. введен в литературу по аналогии с оригинальным летописным «из варяг в греки».

ской истории. Признание и осознание существовавших тесных взаимоотношений скандинавов и восточных славян в эпоху образования Древнерусского государства дали толчок к развитию в России в XX в. *скандинавистики* – комплекса наук, изучающих скандинавские языки, древнескандинавскую письменность и литературу, историю, экономику и культуру скандинавских народов. Среди ведущих современных российских скандинавистов, продолжающих исследование русско-скандинавского взаимодействия, необходимо назвать Е.А. Мельникову, Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазырину. Их подход характеризуется публикацией древнескандинавских письменных источников, анализом их известий, интерпретацией текстов и реконструкцией на этой основе исторических реалий эпохи викингов и Древней Руси.

Белорусские земли, в особенности Полоцкое княжество, через которые по Днепру, Западной Двине и Неману, пролегали основные торговые пути, соединявшие бассейны Балтийского и Черного морей, также включаются исследователями в Скандобалтийскую цивилизацию эпохи викингов. Однако, ни в российской, ни в зарубежной историографии пребывание и деятельность скандинавов на белорусских землях не стали предметом специального исследования. Обобщающие научные работы по данной проблематике отсутствуют и в белорусской историографии, хотя некоторые аспекты (изучение скандинавских древностей, анализ отдельных письменных памятников и т.д.) были рассмотрены в работах С.Д. Дерновича и А.С. Котлярчука [3; 4]. В результате этого, территория Беларуси должным образом не представлена в контексте тех общих процессов, которые происходили в Северной и Восточной Европе под влиянием скандинаво-славянского взаимодействия и привели к формированию мультикультурной и полиэтничной Скандобалтийской цивилизации эпохи викингов. Хотя уже самые первые письменные источники указывают на активные контакты скандинавов и славян на белорусских землях – достаточно вспомнить имена Рюрика, Тура, Рогволода и Рогнеды.

По мнению известного российского специалиста по норманнам Г.С. Лебедева, ресурсы Скандобалтийской цивилизации имели определяющее значение в генезисе Древнерусского государства, иными словами, эпоха викингов стала началом Руси. В свою очередь, Древняя Русь стала фундаментом и направляющей силой в развитии этой цивилизации [1, с. 606]. Для Беларуси, как молодого

государства, большое значение имеет осознание своих исторических корней, которые произрастают из восточнославянского единства, воплощенного в общем для белорусов, украинцев и русских историко-культурном наследии Древней Руси. Именно с эпохи Древней Руси и эпохи викингов – времени активного развития скандинаво-славянских связей берут свое начало истоки белорусского народа и белорусской государственности. Самым очевидным и в то же время серьезным аргументом в пользу этого положения является название нашей страны, которое стало отражением ее многовековой истории. Смыслообразующим элементом в названии «Беларусь» является корень «русь».

Рождение Руси. Большинство исследователей возводят название «русь» к древнеисландскому слову *roðr*, которое означает «гребец, участник похода на гребных судах», а также и сам поход. Так, предполагается, называли себя скандинавы, совершавшие в VII–VIII вв. плавания в Восточную Прибалтику и вглубь Восточной Европы, в Приладожье, населенные финскими племенами [5, с. 12]. В устье Волхова викингам приходилось менять технику плавания: до Ладоги еще можно было добираться на морских судах под парусом, а далее нужно было идти на веслах против течения. Поэтому скандинавы, шедшие по рекам на гребных судах, не называли себя викингам, а именовались «гребцами» [6, с. 44]. Финны, первыми познакомившиеся со скандинавами, усвоили их самоназвание в форме *ruotsi*, поняв его как этноним. Включившиеся в финно-скандинавские контакты восточные славяне заимствовали местное обозначение скандинавов, которое приобрело в восточнославянском языке форму русь. Его значение претерпело длительную эволюцию, занявшую около столетия: 1) первоначальное значение «скандинавские воины в Восточной Европе», представленное в сказании о призвании в варягов; 2) обозначение военной знати во главе с князем и профессиональных воинов, по преимуществу скандинавского происхождения – это значение мы находим в трактате Константина Багрянородного в середине X в.; 3) наименование земель и народов (славянских и финских), подвластных «русскому» князю; 4) обозначение Древнерусского государства и восточных славян как доминирующего в нем этноса [подробнее см.: 7]. На наш взгляд, этимология и эволюция названия «русь» стали ярким отражением тесных взаимоотношений восточных славян и скандинавов в эпоху викингов.

Самое раннее сообщение о Руси, а точнее первое упоминание в источниках этнонима *Ros (Rhos)*, содержится в «Бертинских анналах», написанных в IX в. на территории современной Германии и относящихся к анналистической традиции Франкской империи. В одной из записей анналов под 839 г. сообщается о прибытии ко двору франкского императора Людовика I Благочестивого (814–840 гг.) посольства византийского императора Феофила II (829–842 гг.), который «*прислал также ... некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему (Феофилу), как они уверяли, ради дружбы...Тщательно расследовав [цели] их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа шведов (Sueones)...*» [5, с. 288]. Данное сообщение имеет огромное значение для изучения скандинаво-славянского взаимодействия и его связи с зарождением древнерусской государственности. Оно служит основанием для предположения о существовании в Восточной Европе в 30-е гг. IX в. раннего государственного образования, которое в историографии принято обозначать как каганат *росов (русов)*.

Известие «Бертинских анналов» сближаются с первой датированной статьей Повести временных лет (далее – ПВЛ). Она включает этимологическую легенду о возникновении названия «Русская земля»: «*В лето 6360 (852), индикта 15, начению Михаилу цесарьствовати, нача ся прозывати Руская земля. О сем бо увьдохом, яко при сем цесари приходиха Русь на Цесарьград, якоже писашеть в летописании грѣцком*» [8]. Это сообщение приурочено к первому году правления византийского императора Михаила III (842–867 гг.), непосредственным предшественником и отцом которого был Феофил II. Начальная дата правления Михаила III, которая соответствует 852 г., указана летописцем неверно – император начал царствовать в 842 г. Очевидно, что даты и ключевые названия «Бертинских анналов» и ПВЛ предельно близки друг другу: 839 г. и «народ Рос» – 842 г. и «Русская земля» соответственно. Более определенная контаминация данных известий возможна, учитывая также то, что малолетний Михаил был некоторое время соправителем своего отца Феофила [1, с. 586–587]. Таким образом, в 30-е гг. IX в. глава «Руской земли» принимает титул «хакан» и отправляет первое посольство в Византию и Франкскую империю, тем самым именно в это время Русь (*Rhos*) выходит на мировую арену и становится субъектом международных отношений.

Хронист «Бертинских анналов» вполне ясно указывает на этническую принадлежность послов хакана росов – они шведы, свеи (*Sueones*). В данном случае идентификация росов как шведов не вызывает сомнения, поскольку Людовик Благочестивый и его окружение были хорошо знакомы с ними. Франкский император ранее (ок. 829 г.) отправил христианскую миссию во главе Ансгарием¹ в Бирку – главный торговый город королевства свеев и один основных торговых центров Скандинавии в IX – первой половине X в. Расположение Бирки в начале пролива, соединяющего озеро Меларен с Балтийским морем, позволяло ей быть отправной точкой продвижения шведских викингов по Волжскому пути – своеобразному «серебряному мосту», связывавшему Север Европы с Востоком. Использование викингами торговых маршрутов по восточноевропейским рекам неизбежно вело к оседанию части из них в ключевых узлах на речных путях и взаимодействию с местным населением. Анализ известия «Бертинских анналов» в данном контексте позволяет говорить об активном участии скандинавов (шведов) в социально-политических и экономических процессах зарождения древнерусской государственности в первой половине IX в., а именно в деятельности «каганата росов». Это прослеживается и по археологическим и нумизматическим данным. Раннему этапу скандинаво-славянских контактов (750–830 гг.) в памятниках Древней Руси соответствует Староладожское поселение, «петергофский клад» 810–825 гг., курганы в могильнике Плакун (Ладога), в Гнездове (Смоленское Поднепровье) и Тимерево (Ярославское Поволжье) [1, с. 572]. По мнению Г.С. Лебедева, «каганат росов» – это политический эквивалент экономического пространства первоначального денежного обращения арабского серебра в Восточной Европе, определяемого в пределах 780–833 гг. Показательным в этом отношении является «петергофский клад», запечатлевший весь спектр связей этого региона: среди знаков на монетах – скандинавские и хазарские руны, греческая надпись [1, с. 586].

Рассмотренные свидетельства письменных источников («Бертинские анналы», ПВЛ) соответствуют показаниям петергофских

³ Святой Ансгарий (801–865) известен в исторической литературе как «апостол Севера». О его деятельности рассказывает «Житие св. Ансгария», написанное его учеником Римбертом ок. 870 г. Житие содержит уникальные и вполне достоверные свидетельства о политической ситуации в Швеции и Дании и походах скандинавских конунгов в Восточную Прибалтику.

граффити и в совокупности отражают картину русско-хазарско-византийско-скандинавских отношений. Следовательно, экономическую, а вероятно, и политическую сферу воздействия «хакана росов» 838 г. необходимо рассматривать от Балтики до Черного моря [1, с. 587]. Учитывая то, что наиболее ранние и представительные находки скандинавских древностей второй половины VIII – первой половины IX вв. обнаружены в Приладожье, некоторые исследователи (Д.А. Мачинский, А.Д. Мачинская) полагают, что центром «каганата росов» была Ладога [9, с. 47]. Существует также обоснованное предположение о том, что первым правителем Руси, скрытым за титулом «хакан» был летописный Дир (др.-исл. *Dýri*), согласно ПВЛ – киевский князь, возможно отмеченный арабским географом X в. аль-Масуди как первый из славянских царей. Правление Дира, локализуемого в Киеве как столице «каганата росов», условно может быть отнесено к 838–859 гг. [1, с. 587].

Сфера влияния хакана росов, как уже отмечалось, простиралась от Балтийского до Черного морей. Прохождение через территорию Беларуси связующих речных путей подразумевает ее включение в орбиту влияния каганата, что находит подтверждение и в имеющихся на белорусских землях ранних кладах арабского серебра, хронологически соответствующих времени существования рассматриваемого государственного образования. Движение «серебряного потока» через земли Беларуси к Балтике в первой половине IX в. осуществлялось по Западновинскому и Неманскому путям, о чем свидетельствуют находки арабских дирхемов в бассейнах этих рек [1, с. 429; 10, с. 119; 11, с. 459].

«Каганат росов» оказался довольно эфемерным образованием. Столкнувшись с ударами вновь прибывающих отрядов викингов на севере и давлением хазар на юге, каганат распался. В Восточной Европе начали обретать более четкие очертания два образования – Верхняя (Северная, Приволховская) Русь с центром в Ладоге, а позднее в Новгороде, и Нижняя (Южная, Приднепровская) Русь с центром в Киеве. Отголоски этих событий были запечатлены летописью: «В лето 6367 (859). Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на словѣнехъ, и на меряхъ и на всѣхъ, кривичахъ. А козаре имахуть на полянех, и на сѣверехъ, и на вятичихъ, имаху по бѣль и вѣверици тако от дыма» [8]. Полоцкая земля, учитывая ее принадлежность к этнической общности кривичей и географическое положение в близости от Варяжского моря – так в ПВЛ называлось

Балтийское море – примыкала или даже была составной частью Северной Руси. Трудно судить об политико-территориальных связях середины IX в. остальных белорусских территорий – земель дреговичей и радимичей, поскольку в письменных источниках нет соответствующих сведений. Однако, исходя из дальнейшего хода исторических событий (уплата радимичами дани хазарам, а затем киевскому князю Олегу; устойчивая зависимость Туровской земли от Киева) эти земли тяготели к Южной Руси.

Полоцк в государстве Рюрика. Северная Русь, представлявшая собой объединение восточнославянских (словене, кривичи) и финских племен (чудь, меря, весь), оформилась как государственное образование при активном участии выходцев из Скандинавии. Отправным пунктом данного процесса по хронологии ПВЛ стал 862 г., когда на княжение в земли славян и финнов был призван варяжский князь Рюрик со своими братьями, что стало следующим за «каганатом росов» этапом оформления древнерусской государственности: *«Ркоша руси чюдъ, словенъ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣть нами». И избрашася триє брата с роды своими, и пояша по собѣ всю русь, и придоша къ словѣномъ пѣрвѣ. И срубиша город Ладогу. И сѣде старѣйший в Ладозѣ Рюрикъ, а другой, Синеусъ на Бѣль озе ѣр, а третѣй Труворъ въ Изборьскѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля»* [8].

В контексте этих знаковых для восточнославянской истории событий впервые называется Полоцк: *«И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша иъ Новъгород, и сѣдъ ту, княжа, и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити: овому Полѣтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ варязи; пѣрвиѣ населници в Новъгородѣ словенъ, и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣль озерѣ весь, Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ»* [8]. Как видим, появление Полоцка на исторической арене связано с включением варягов в процесс государственного строительства на землях восточных славян и финнов. Это включение стало возможным благодаря взаимному интересу друг в друге местной племенной элиты и пришлых варяжских князей, что было закреплено на договорной основе и отразилось в летописи в сказании о призвании варягов. Приглашение Рюрика было сделано в целях защиты от викингов, регулирования межплеменных отношений и вклю-

чения восточноевропейских народов в международную торговлю. В свою очередь, заключение договора со славяно-финской конфедерацией племен позволило скандинавам получить, с одной стороны, беспрепятственный доступ к торговым путям, в первую очередь к Волжскому, с другой – к богатейшим ресурсам Восточной Европы (пушнина, воск, рабы и др.), что обеспечивало поступление арабского серебра и других ценностей как в саму Скандинавию, так и во владения «варяжской» Руси. Договор также определил и территорию, на которую распространялась власть «приглашенного» скандинавского князя – она охватывала земли вдоль Волжского пути с центрами в Ладоге, Новгороде, Изборске, Белоозере, Полоцке, Ростове и Муроме.

Военно-торговая и государственно-политическая активность скандинавов на просторах Восточной Европы, приведшая к созданию «каганата росов», а затем государства Рюрика, способствовала раннему подключению Полоцка к системе внешних торгово-экономических и политических связей, что послужило основой превращения племенного града кривичей в крупный торговый и политический центр Восточной Европы. Утверждение власти варяжских князей в Полоцке стало одним из оснований выделения Полоцкого княжества в составе Древнерусского государства. Аналогичная ситуация с приходом скандинавского князя имела место в середине X в. и в Турове, чего нельзя сказать о радимичах, не сумевших только собственными силами создать свое княжество. Отметим, что формирование и других главных политических центров Руси IX–X вв. – Новгорода и Киева было непосредственно связано с установлением в них власти сильных скандинавских правителей, соответственно Рюрика (др.-исл. *Hroerekr*) и Аскольда (др.-исл. *Höskuldr*).

Большое значение Полоцка в геополитическом пространстве Восточной Европы было не в последнюю очередь обусловлено его выгодным положением в зоне пересечения трансконтинентальных речных путей – Волжского и Днепровского. Через Западную Двину открывался еще один выход на Балтику и в Скандинавию. Полоцк контролировал путь по Западной Двине, на которую можно было выйти с Волги и Днепра. Археологические находки свидетельствуют, что освоение скандинавами Западнодвинского пути произошло в первой трети IX в. В кладе у деревни Кислая, что вблизи реки Каспля, одной из артерий перехода из Западной Двины в Днепр, вместе с арабским серебром найден датский полубрактеат Хедебю

(ок. 825 г.), поступивший по этому пути [2, с. 222]. Письменные источники, а именно «Сага о гутах», также запечатлели довольно раннее использование скандинавами Западной Двины, началом которого стало, по легенде, переселение в V–VI вв. части жителей Готланда в восточноприбалтийские земли: «и поплыли на один остров близ Эстланд, который называется Дагё, и поселились там, и построили [там] борг, остатки которого видны еще и теперь. Но и там они не могли себя прокормить и поплыли к реке, которая называется Дюна (Западная Двина), а по ней – через Рюцаланд (Русь). Они плыли так долго, что приплыли в Грекланд (Византия)» [12, с. 308].

Одновременно с Русью Рюрика существовало еще одно государственное образование с центром в Киеве, условно обозначаемое как Приднепровская или Южная Русь. Контролировали ее скандинавы во главе с Аскольдом. Это было довольно мощное славяно-скандинавское объединение, охватившее территорию вдоль Днепровского отрезка пути «из варяг в греки». О его силе можно судить по походу Аскольда на Константинополь в 860 г., запечатленному в послании патриарха Фотия, а также упоминаемому в ПВЛ под 866 г. [1, с. 431–432].

Подчинение власти Рюрика основных центров Верхней Руси означало и то, что под контролем новгородского князя оказались все выходы к Балтике. Такая ситуация не соответствовала политическим и экономическим интересам скандинаво-славянской элиты Южной Руси. Для осуществления коммуникаций со Скандинавией и Европой Киеву также был необходим доступ к Варяжскому морю. Можно предположить, что с этой целью Аскольд предпринял поход на Полоцк, в котором уже управлял один из «мужей» Рюрика. Отголоски данной ситуации могли отразиться в сообщении поздней Никоновской летописи, относящей этот поход киевского князя к 865 г.: «воеваша... полочань и много зла створиша». Оснований не верить этому сообщению нет, поскольку, как отмечал Л.В. Алексеев, оно является слишком кратким и незначительным, чтобы быть вымышленным [13, с. 237]. Чем закончился поход неизвестно, однако для нас важно то, что уже с середины IX в. Новгород и Киев рассматривали Полоцк как стратегически важный центр на Западнотинском пути, контроль над которым был одним из необходимых условий достижения первенства в Восточноевропейском регионе. Не менее важно и то, что через Западную Двину скандинавам открывался путь к богатствам арабских стран и Византии.

Скандинавский фактор в истории Полоцкого княжества. Значимое положение Полоцка в геополитическом пространстве Восточной Европы, несомненно, стало одной из главных причин прибытия в земли кривичей в середине X в. варяга Рогволода, ставшего первым исторически известным полоцким князем. Именно скандинаву Рогволоду было также суждено стать родоначальником полоцкой княжеской династии, что не было случайностью. Северное происхождение первых древнерусских князей стало отражением той организующей и консолидирующей роли, которую сыграли скандинавские дружины и их предводители в образовании восточнославянской государственности. Выделение княжеского рода Рогволодовичей и стало основой обособления Полоцкого княжества в составе Киевской Руси.

Утверждение о скандинавской принадлежности первого полоцкого князя опирается на два основания. Первое – сообщение летописи о том, что Рогволод «перешель изъ заморья, имяше волость свою Полотьскъ». Второе – скандинавская этимология имен *Рогволодъ* и *Рогънъдъ*, которые в оригинале представлены как *Ragnvaldr* и *Ragnheidr*. Современный российский исследователь Ф.Б. Успенский утверждает, что варяжское происхождение Рогволода и Рогнеды подтверждается не только самими их скандинавскими именами, но и той моделью, которая используется при образовании имени дочери от имени отца. Он отмечает, что способ имянаречения, при котором одна из основ двусоставного имени отца повторялась в имени сына или дочери, был широко распространен в Скандинавии в X в. [14, с. 819].

Судя по летописным известиям, в событиях 980 г. (А.А. Шахматов считал, что они происходили в 970 г.), связанных с междоусобицами сыновей Святослава – Ярополка, Олега и Владимира, – Полоцкое княжество выступало как независимое государственное образование, в котором единолично правил Рогволод. Он был представителем новой волны скандинавов (по летописи одновременно с ним пришел и Туры, утвердившийся в Турове), осевших на Руси приблизительно в середине X в. К этому времени потомки предыдущей скандинавской волны, во главе которой были Рюрик и Олег, были славянизированы и уже практически утратили свою связь с прародиной. По мнению Ф.Б. Успенского, тот факт, что сына киевского князя Игоря – представителя третьего поколения «варяжской руси» – называют славянским именем «Святослав», иллюстрирует

то, что род пришлых варяжских князей демонстративно переориентируется на местные (славянские) интересы, а важность скандинавских связей уменьшается [15, с. 30–31]. Однако, сын Святослава – Владимир, направленный отцом на княжение в Новгород, во время противостояния со своим братом – киевским князем Ярополком «бѣжа за море... Приде Володимиръ с варягы къ Новугороду», то есть в трудную минуту решил прибегнуть к помощи своих скандинавских родичей.

О самостоятельности Полоцкого княжества при Рогволоде говорит и то обстоятельство, что к заключению союза с ним стремились оба Рюриковича – и Владимир и Ярополк. Рогволод склонялся к поддержке верховного правителя Руси – киевского князя Ярополка, что привело к нападению Владимира на Полоцк. Интересно, что в летописях поводом полоцко-новгородской войны выступает отказ Рогнеды выйти замуж за Владимира, содержащий оскорбление новгородского князя: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю»¹ [16, с. 251]. Традиционным объяснением этого отказа полоцкой княгини является указание на неблагородное происхождение Владимира, мать которого не была княжеского рода, а всего лишь ключница киевской княгини Ольги. В последнее время появились и другие интерпретации летописного текста в отношении статуса Владимира. Д.А. Мачинский предположил, что термин «робичич» в данном контексте указывал на этническое происхождение новгородского князя – он не был скандинавом, а был представителем местного славянского населения. Для полоцкой княгини было неподобающим ее скандинавскому происхождению выходить замуж за полуславянина Владимира, поскольку она воспринимала местное население как данников собственно «русов» [16, с. 251]. Заметим, что слабой стороной версии Д.А. Мачинского является то, что Рогнеда все же хотела стать женой Ярополка, который как и Владимир не родился в Скандинавии, а значит, не мог рассматриваться ей как равный по происхождению. Как уже отмечалось выше, Рогволод был представителем нового поколения варягов, прибывших на Русь непосредственно со Скандинавии. Об этом прямо говорит летопись – «перешель изъ заморья», а также свидетельствует скандинавское имя его дочери Рогнеды. В это же время в династии Рюриковичей уже далеко зашли процессы ее славянизации, внешним

¹ Слово «робичич» употребляется в списках Лаврентьевской летописи и отсутствует в Ипатьевской.

проявлением этого стало преобладание славянских имен в антропонимиконе киевских князей – Святослав, Ярополк, Владимир и т.д.

Повествование о сватовстве Владимира к Рогнеде повторяется в Лаврентьевской летописи под 1128 г., однако, уже с новыми подробностями. В частности, появляется рассказ о попытке отмщения Рогнеды Владимиру за смерть отца и пренебрежение к ней. В семейный конфликт оказался втянутым и Изяслав – старший сын Рогнеды и Владимира, который заступился за мать. Исход этой драмы оказался довольно неожиданным – по совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в ее отчину: «И созва (Владимир) бояры и поведа им. Они же рекоша оуже не оубиш ея детяти деля сего, но въздвигни отчину ея и даи еи с сыном своим. Володимиръ же оустрой городъ и да има и нареч имя городу тому Изяславль. И оттоле мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославим внуци» [16, с. 252]. Данное летописное известие позволяет заключить, что Рогнеда была восстановлена в правах на отцовское наследство и вместе со своим сыном вступила в права владения своей родовой собственностью – Полоцким княжеством. Это (для нас неожиданное) решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были вполне актуальны при дворе Владимира, поскольку в его окружении находились варяги, да и сама Рогнеда была скандинавкой. В Скандинавии женщины, ближайшие родственницы по отцовской линии – дочь или сестра отца – в случае отсутствия прямых наследников мужского пола получали законное право наследовать *одаль* (др.-исл. *óðal*) – родовое земельное владение [17, с. 53–54]. При этом право конунга (др.-исл. *konungr* – «конунг, король, князь») на власть над страной рассматривалось как наследственное право одаля. [18, с. 71–73]. Необходимо также учитывать, что для скандинавской и восточнославянской действительности X в. были характерны сильные родовые традиции, проявлявшиеся в распространении кровной мести, которая была священной обязанностью члена рода. В глазах скандинавского окружения Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещением за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и ее сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии *отчиной*) – Полоцком. Заметим, что особое отношение киевских князей к их скандинавским женам прослеживается не только на примере Владимира и Рогнеды, но и в случае с Ярославом Мудрым и его супругой

Ингигерд, дочь шведского конунга Олава Эйрикссона (995–1022 гг.). В качестве свадебного дара от Ярослава Ингигерд получила Ладогу и прилегающую к ней область [2, с. 196].

Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода создало нетипичную ситуацию: сын Владимира и Рогнеды остался в роду матери, поскольку получил родовое владение Рогнеды. Иными словами, Изяслав Владимирович стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце X в., раньше чем в других древнерусских политических центрах, оформилась своя княжеская династия – Рогволодовичи. Еще при жизни Владимира власть в Полоцком княжестве передаётся только сыновьям Изяслава – сначала Всеславу, а затем Брячиславу. Имя родоначальника династии Рогволода прочно входит в антропонимикон полоцких князей (известны полоцкие князья Рогволод-Борис Всеславич, Рогволод-Василий Борисович).

Таким образом, можно сказать (разумеется, с необходимой долей условности), что в основе государственности на белорусских землях лежит ярко выраженный «скандинавский след». Он отразился, во-первых, в названии нашего государства (Русь – Беларусь); во-вторых, в первых летописных известиях о белорусских землях и их правителях (Рюрик, Рогволод, Рогнеда, Тур); в-третьих, в легитимации в Полоцке власти скандинавского по происхождению княжеского рода Рогволодовичей. Началом собственной государственной традиции стало обособление Полоцкого княжества в составе Киевской Руси. Это обособление было обусловлено скандинавским фактором, выразившимся во взаимосвязанных событиях, начавшихся с утверждения в Полоцке власти скандинавского князя Рогволода, затем последовала отправка Рогнеды и ее сына Изяслава в «отчину» и, наконец, произошло закрепление за их потомками наследственных прав на Полоцкое княжество.

Сделанные в результате данного исследования выводы о значимости скандинаво-славянского взаимодействия для ранних этапов становления государственности на белорусских землях не являются окончательными. Однако они позволяют говорить об актуальности исследуемой тематики и перспективности дальнейшей работы в этом направлении.

Список литературы

1. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г.С. Лебедев. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.

2. Славяне и скандинавы / Пер. с нем.; общ. ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Прогресс, 1986. – 416 с.
3. Дернович, С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси / С.Д. Дернович. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 86 с.
4. Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. – 328 с.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Логос, 1999. – 608 с.
6. Петрухин, В.Я. Легенда о призвании варягов и Балтийский регион / В.Я. Петрухин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 2 (32). – С. 41–46.
7. Мельникова, Е.А. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // Вопросы истории. – 1989. – № 8. – С. 24–37.
8. Повесть временных лет // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [Электронный ресурс]. – 2006–2009. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>. – Дата доступа: 23.09.2010.
9. Мачинский, Д.А. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. / Д.А. Мачинский, А.Д. Мачинская // Культура Русского Севера. – Л.: Наука, 1988. – С. 44–58.
10. Гуревич, Ф.Д. Скандинавские находки X–XI вв. на территории Белоруссии / Ф.Д. Гуревич // Скандинавский сборник. – № 33. – Таллинн: Олион, 1990. – С. 110–121.
11. Штыхаў, Г. Манетныя і манетна-рэчавыя скарбы / Г. Штыхаў // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Навук. рэд. П.Ф. Лысенка. – Мн.: Беларуская навука, 2000. – С. 454–462.
12. Сага о гутах / Пер. с древнегютского и прим. С.Д. Ковалевского // Средние века. – 1975. – Вып. 38. – С. 307–311.
13. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
14. Успенский, Ф.Б. Династическое имя в средневековой Скандинавии и на Руси: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Ф.Б. Успенский. – М., 2004. – 1238 с.
15. Успенский, Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: историко-филологические очерки / Ф.Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.
16. Семянчук, Г. Полацкая зямля ў «Повесці временных лет» / Г. Семянчук // Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі. – Вільня; Мінск: AIDAI-ATHENAEM, 2009. – С. 247–257.
17. Гуревич, А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье / А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 1977. – 337 с.
18. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии / А.Я. Гуревич. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. – 367 с.

Ковалев А.В.

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО И ИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ В ЛЕТОПИСАНИИ

Первые цельные историографические трактатки эпохи Андрея Боголюбского восходят только ко времени Московского царства. Эта тенденция связана также и с тем фактом, что во Владимире-на-Клязьме в 50-е – 70-е годы так и не появилось княжеской летописи, хотя и имелись значительные предпосылки к ее возникновению. Характерным примером таких предпосылок могут являться Летописец Андрея Боголюбского¹, который, однако, описывает период, предшествующий владимирскому княжению Андрея, записи Успенского собора города Владимира и цикл литературы, посвященной владимирской иконе Богоматери.

Характерной особенностью источниковой базы, таким образом, является то, что летописание и Владимира, и, тем более, Киева и Новгорода Великого не дает последовательного, истинно биографического, описания правления Андрея. Его княжение попросту вписано в общую картину жизни Руси в XII столетии. Деятельность Андрея связана в летописи с другими событиями и фигурами: с его отцом Юрием Долгоруким, с князем киевским Ростиславом, с борьбой за Киев и Новгород... При этом, однако, летописание всех трех центров Руси сохраняет свою собственную интерпретацию событий.

Учитывая специфическую идеологическую программу Андрея Юрьевича, в 1157 году посаженного на ростовский стол в обход клятвы Ростова и Суздаля его отцу Юрию Долгорукому², представ-

¹Подробнее о нем см. Лимонов Ю.А. [1, с. 61–69].

²Ростовцы и суздальцы целовали крест князю Юрию на том, что Суздальская земля отойдет к младшим детям Долгорукого, так как старшие по мысли князя Юрия, должны были наследовать Киев и Переяслав. Уже в 1161 г. (?) Андрей выслал («погна») из Ростовской земли своих младших братьев [2, стлб. 520, 521] Мстислава, Василька, племянников Ярополка и Мстислава Ростиславичей, мачеху с совсем молодым сводным братом Всеволодом, мужей из старшей дружины отца, а также епископа Леона. Младшие братья вместе с матерью гречанкой оказались в Византии, где получили пожалования от Мануила I Комнина. Подробнее см. Лимонов Ю.А. [3, с. 52]. Интересно, что пассаж об изгнании из Суздальской земли братьев Андрея читается только в киевском летописании, отрицательно

ляется интересным наблюдением, где это возможно, за трактаткой и интерпретациями деятельности князя владимирского в различных источниках.

Посаженный на княжение, как и следовало по традиции, в Ростове [4, стлб. 348; 2, стлб. 490], Андрей вопреки традициям и ожиданиям сделал своей столицей небольшой и молодой город Владимир-на-Клязьме. Основополагающим элементом программы Андрея была идея создания *Нового Города* (Владимира). Города, который мыслился Новым Киевом и уподоблялся Константинополю и Иерусалиму. Так, переход к белокаменному зодчеству, более дорогому и трудоемкому, но дающему возможность создавать храмы с резным декором, в значительной мере уподоблял новые соборы и церкви храму Соломона. Кроме того, возведенные в княжение Андрея Боголюбского сооружения, как культовые, так и фортификационные, позволяют говорить об уподоблении Владимира-на-Клязьме Киеву (воспроизведение построек Ярослава Мудрого в Киеве), Иерусалиму, где по средневековым представлениям и Хождению игумена Даниила находился центр мира – «Пупъ земли» [6], и Константинополю – Царьграду. Цель возвеличения Владимира преследовала и попытка организации нескольких епархий и самостоятельной митрополии во Владимиро-Суздальском княжестве. Летописные записи, ведшиеся во Владимире в 60–70-е годы XII столетия, отразили все эти параллели и, кроме того, прокламировали покровительство, оказываемое Богородицей, как городу Владимиру, так и непосредственно Андрею Боголюбскому¹.

Вероятно, что в подобном свете были оформлены и три крупнейших военных конфликта, которые Андрей вел в 60-е годы XII столетия. Таким образом, целью данной статьи является наблюдение за идеологическими сюжетами, которые владимирский книжник вплетает в историческое повествование, а в ряде случаев и сравнение позиции владимирского летописания с точками зрения его соперников из Новгорода и Киева.

Хронологически первым военным сюжетом, получившем при Андрее Боголюбском специфическое религиозное оформление, стал поход 1164 г. на Волжскую Булгарию. Как известно, Северо-Восточ-

настроенном по отношению к Андрею Боголюбскому. При этом данный сюжет получил в Киеве резко негативную трактовку: Андрей был обвинен в желании быть самовластцем, что уподобляло его Святополку Окаянному.

¹Подробнее см. Воронин Н.Н. [8], Obolensky D. [9, p. 354–356], Заграевский С.В. [10].

ная Русь в XII столетии стала ближайшим славянским соседом и соперником Волжской Булгарии. Булгария была одним из основных торговых партнеров Владимиро-Суздальской земли, и далеко не случайно главные торговые ворота города Владимира назывались Волжскими. Характерным примером прочных торговых связей между двумя государствами является, например, тот факт, что ткань погребальной рубашки Андрея Боголюбского попала во Владимир из Аль-Андалуса или Византии через Булгарию [11, с. 254–255, 327; 12, с. 226]¹. В то же время поход 1164 г. получил во владимирском летописании трактовку крестоносного. В Лаврентьевской летописи читается краткая редакция *Сказания о победе над волжскими булгарами*², которая состоит из краткого рассказа о победе и предшествующего ему летописного сообщения об этом же событии. Редакция трактует победу 1164 г. над волжскими болгарами как новое чудо Владимирской иконы Богоматери (... и поможе имъ Бѣ и стѣта Бѣа³ на Болгары..., ... се же быѥ чудо новое стое Бѣи Володимер[с]кое юже взаль баше с собою блговѣрныи князь Андрѣи и принесь ю с славою [и] постави ю въ стѣи Бѣѣ Володимери в Золотоверсѣи идѣже стоить и до сего днѣ) [4, стлб. 352–353].

Пространная редакция [13, с. 21–28] *Сказания* сообщает об установлении праздника Спаса 1 августа в связи с тем, что победа владимирских полков над болгарами явилась чудом взятой князем в поход иконы «Сѣса са нашего влдки и Бѣа», от которой «(всѣвѣтима) лоча вгнены». По *Сказанию*, в тот же день император Мануил Комнин одержал победу над сарацинами в результате точно такого же знамения: «То ж видѣние Мануииль цѣрь (видѣ оу себѣ) тамо видѣ въ единь дѣнь августа въ а̄ (1)».

Давно отмечено, что в данном сюжете прослеживается трансляция на Андрея и Владимир семантики *Лабарума*, видения императору Константину Флавию перед битвой при Сакса Рубра (Saxa Rubra) на правом берегу Тибра у Мульвиева моста (Pons Mulvius).

¹ Подробнее о Киево-Иерусалимской параллели, Константинополе-Царьграде и восприятии этого аспекта пространства в Древней Руси см.: Данилевский И.Н. [5, с. 335–368], *Хождение игумена Даниила* [6], *Слово о законе и благодати Митрополита Илариона* [7, с. 122–152].

² *Сказание* известно в трех редакциях и более чем в 30 списках. Подробнее об источнике см. работы Воронина Н.Н. [17, с. 88–92], Рыбакова Б. А. [18, с. 110, прим. 47], Филипповского Г.Ю. (здесь же библиография) [19, с. 411–412], Pelensky J. [20, р. 769], Плехановой М.Б. [21, с. 32].

³ *Locus communitis* для владимирского летописания данного периода.

В то же время тот факт, что *Сказание* приписывает учреждение нового церковного праздника как самому Андрею Боголюбскому, так и императору Мануилу Комнину, патриарху Луке Хрисовергу (1157–1169/1170), киевскому митрополиту Константину (1167–1170) и ростовскому епископу Нестору заставляет задуматься о времени создания *Сказания*. Если имена церковных иерархов в *Сказании* верны¹, то время его создания можно относить к периоду 1167–1170 гг., и этот памятник входит в состав наиболее идеологически ярко оформленных сюжетов во владимирском летописании, созданных в этот же период.

Разумеется, весь этот сюжет был включен в повествование для того, чтобы подчеркнуть равенство между Андреем и василевсом, и в этой связи следует отдельно отметить упор *Сказания* на византийское происхождение Андрея Боголюбского, через жену деда, где дед Андрея, Владимир Мономах, наделяется равным с Мануилом титулом («царь»). Кроме того, в поздних списках *Сказания* титулом «царь» именуется и сам Андрей Боголюбский.

Третья редакция *Сказания* отличается от предыдущей лишь тем, что за самим текстом *Сказания* следует «Слово великого князя Андрея Боголюбского о милости Божией» [22, 46–47], состоящее из установления о празднике 1 августа и этикетной молитвы к Спасу и Богоматери.

Таким образом, военный поход на Булгарию в 1164 г., вызванный торговым соперничеством двух государств, получил во владимирском летописании оформление как крестоносного в рамках идеи христианского царства, что было закреплено введением нового церковного праздника Спаса 1 августа [23, с. 109, 197] и созданием *Сказания* о победе над волжскими булгарами и празднике 1 августа.

¹ Помимо всего прочего, упоминание имени епископа Нестора, а не Владыки Феодора позволяет говорить о том, что именно он заменил Леонтия II, окончательно изгнанного в 1164 г. с ростовской кафедры и что по крайней мере до 1167 г. Ростовская епископия главенствовала над Владимирской епархией. Попутно автор хотел бы выразить свое мнение относительно превалирующей в современной историографии точки зрения, согласно которой оппонентом Леонтия Ростовского на церковном диспуте о постах был митрополит киевский Феодор. Как кажется, упоминание того факта, что диспут проводился в присутствии князя Андрея [4, стлб. 352], дает достаточное основание для признания, что владыка Феодор – это, скорее всего, глава новообразованной Суздальской или Владимирской епархии и личный приближенный князя Андрея.

Два других конфликта Андрея, с Киевом и Новгородом, относятся к самому концу 60-х годов XII столетия. Скорее всего, это объясняется существованием соглашения между Андреем и великим князем Ростиславом Мстиславичем Смоленским (1160–1167 гг.), который после гибели Юрия Долгорукого (15 мая 1157 г.) и последовавшей затем убоицы занял киевский стол [4, стлб. 348; 2, стлб. 504]. Во всяком случае, единичные случаи вмешательства Андрея Боголюбского в события за пределами Владимиро-Суздальской земли зафиксированы летописанием под 1159 г., то есть еще во время борьбы за киевский стол. Тогда Андрей по брачному договору послал своего сына Изяслава со своей дружиной и муромскими полками на помощь зятю¹ Святославу Владимировичу, на тот момент осажденному в Вщиже коалицией князей, что позволило последнему заключить почетный мирный договор².

Одновременно с этими событиями Андрей посылал в Новгород, требуя себе новгородский стол и с особенным тщанием указывая на факт заключения договора между собой и Новгородом³. В результате борьбы между двумя новгородскими группировками в 1159–1160 гг. из Новгорода был изгнан сын Ростислава Святослав и сменился посадник [25, с. 30–31; 26 с. 145]. И после напряженных переговоров с Андреем на стол в Новгород отправился его племянник Мстислав Ростиславич [4, стлб. 351; 2, стлб. 511]. Однако в 1161 г. Андрей вывел своего племянника из Новгорода на основании уже упомянутого ряда с Ростиславом Киевским. В городе на Волохве вновь сел изгнанный в 1160 г. Святослав Ростиславич [2, стлб. 517–518; 25, с. 30–31; 26, с. 145; 3, с. 67, 78 прим. 8].

После этого до смерти Ростислава Мстиславича Киевского Андрей не вмешивался в дела северного соседа, что свидетельствует о продолжении действия договора. Лишь после того, как киевский стол достался Мстиславу Изяславичу весной 1167 г., такой

¹ В 1159 г. Андрей Боголюбский принял в Городце брачное посольство основного соперника Ростислава, новгород-северского князя Изяслава Давидовича. Посольство договорилось о браке между дочерью Андрея Боголюбского и племянником Изяслава Давидовича Святославом Владимировичем. [4, стлб. 350; 2, стлб. 508–509].

² Впрочем, в киевском летописании сообщение о походе Ростислава Киевского на Вщиж дублируется под соседними годами, причем во втором случае из сообщения удалены сведения о том, что именно помощь Андрея Боголюбского помогла Святославу заключить почетный договор. Разбор летописных сведений о данном сюжете см.: Шеков В.А. [24, с. 108–110].

³ «Хочю искази Новагорода и добромъ и лихомъ а хрѣтъ есте были црѣвали ко мнѣ на томъ ѿко имѣти мене княземъ собѣа мнѣ вамъ хотѣти» [2, стлб. 509–510].

порядок вещей нарушился. Положение Мстислава, который мог прямо контролировать лишь Волынь и Киев, осложнялось крайне неприязненными отношениями с Андреем Боголюбским. Соперничество двух князей длилось с 1150-х годов, тогда развиваясь в рамках борьбы их отцов Юрия Долгорукого и Изяслава Мстиславича. Так владимирский свод изначально трактовал киевское княжение Мстислава как узурпацию: во Владимире-на-Клязьме считали, что Мстислав выгнал со стола в Киеве своего дядю Владимира Мстиславича [4, стлб. 354].

Несмотря ни на что, Мстислав Изяславич вел весьма активную политику: принял на митрополию Константина II, организовал совместный поход на половцев в 1168 г., вмешался в борьбу за Великий Новгород, где в 1167 г. «показали путь» Святославу Ростиславичу. Святослав Ростиславич обратился за помощью к Андрею Боголюбскому. Однако организация коалиции суздальцев, смолян и полочан, которая требовала вернуть на княжение Святослава Ростиславича, вызвала мятеж в городе. После этого Новгород направил послов в Киев, чтобы Мстислав дал им на княжение своего сына [2, стлб. 543; 25, с. 32]. Приход Романа Мстиславича на стол в Новгород знаменовал собой окончательный разрыв между Мстиславом и его двоюродными братьями Ростиславичами. Общее недовольство Мстиславом и вместе с тем его достаточно слабые позиции на Юге Руси сыграли на руку Андрею Боголюбскому, который не замедлил воспользоваться ситуацией и организовал коалицию для похода против Мстислава.

Сам Андрей не принимал участия в этой военной кампании, а над ратью начальствовал его старший сын Мстислав. Киевская летопись сообщает нам имя воеводы Андрея, опущенное суздальским летописцем. Им оказался Борис Жидиславич, ростовский боярин, заметная фигура в Северо-Восточной Руси, упомянутый, в том числе, в «Сказании о чудесах Владимирской иконы»¹. В числе князей, которые принимали участие в походе, были брат Андрея Глеб Переяславский, Владимир Дорогобужский, смоленские Ростиславичи (Роман, Рюрик, Давыд и Мстислав). Кроме того, в войско Андрея Боголюбского привели свои дружины и Ольговичи: Олег и Игорь Святославичи [2, стлб. 543].

Мстислав Андреевич и остальные князья соединились близ Вышгорода. Лагерь их войска находился около монастыря Святого

¹ Подробнее смотри «Сказание о чудесах Владимирской иконы» [28, с. 38–39].

Кирилла. Через неделю Киев был взят в кольцо и князь Мстислав Изяславич был заперт в городе.

После трехдневной осады 8 марта 1169 г. Киев был взят и разграблен, «его же не было никогда же». Мстислав Киевский вынужден был подчиниться требованию своей дружины и бежать из Киева в Василев. По-видимому, из Киева Мстиславу пришлось прорываться с боем через боевые порядки врага. В этом прорыве дружина Мстислава понесла ощутимые потери: летописец перечисляет имена пяти приближенных, один из которых был еще и тиуном, погибших около Мстислава. Лаврентьевская летопись к этим фактам добавляет сведения о пленении жены и сына Мстислава. В Никоновской летописи читается сообщение о том, что Киев был взят в результате обманного маневра (ложного штурма) благодаря предательству киевского боярина Петра Бориславича, указавшего на слабое место в городских укреплениях [4, стлб. 354; 2, стлб. 544; 27, с. 238]. При этом сам поход и падение Киева, вызванные соперничеством между амбициозным Мстиславом и не менее амбициозным Андреем Боголюбским, получили в летописании совершенно иную трактовку. И владимирская, и киевская летописи объясняют захват и последующий трехдневный разгром Киева грешным статусом города. Тем не менее, немаловажным представляется отметить также и различия в киевском и владимирском восприятии данного события.

Мстислав Андреевич, вместе со своим отцом и всей землей становится орудием божественного наказания¹ Киева: «се же здѣла за грѣхы ихъ». Киевский, наоборот, в первую очередь объясняет падение города грехами киевлян: «си же вса сдѣлаша грѣхъ ради нашихъ», при этом обоснование божественной помощи в отличие от владимирского летописания минимально, что интересно, ведь пассаж о падении Киева в Ипатьевской летописи значительно превосходит лаврентьевский по объему. Важно отметить, что только владимирское летописание отдельно упоминает «митрополицию неправду» как самый важный грех, непосредственно послуживший причиной наказания. Под неправдой, скорее всего, здесь подразумевается взбудораживший Русь конфликт между митрополитом Константином и игуменом киево-печерским Поликарпом².

¹ Во владимирском своде в классической форме «поможе Бѣ и стѣа Бѣа».

² Все 60-е годы XII столетия Русь сотрясал конфликт высшего греческого и русского духовенства. Догматические расхождения относительно необходимости поста, если Великий праздник выпадает на среду или пятницу, и события 50-х годов, когда Изяслав

В то же время, такое внимание к Киевской митрополии и ее грехам позволяет высказать предположение о том, что подобную идеологическую трактовку падение Киева получило во Владимире именно в рамках попытки Андрея Боголюбского добиться установления митрополии во Владимире-на-Клязьме¹.

В самом деле, разгром и поругание города, а также вынос всех святынь лишали Киев его сакрального статуса². Причем и разгром Киева, и лишение его сакрального статуса прошли по единому для народов библейской традиции сценарию. По сути, описание разгрома Киева в Ипатьевской летописи это *locus communis*. Киевское летописание транслирует на Киев описание захвата халдеями Иерусалима³: убийство верующих вне зависимости от пола и возраста (*крѣстьян*), вынос священных сосудов и сокровищ (*и цркви ибнажшиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша всѣ*), осквернение Храма (*и Софью и Десятинную Бѣю*) и последующий поджог города (*и вса стѣи взата бѣи зажеже*).

Данное событие оказало именно такое влияние на умы современников, особенно учитывая участие в разгроме половцев, кочевья которых только год назад разгромила организованная киевлянами коалиция князей. «Мать городов русских», впервые оскверненная организованной Андреем Боголюбским ратью, и в последующие годы вплоть до монгольского завоевания 6 декабря 1240 года будет неоднократно подвергаться грабежам и разгромам: только в первое десятилетие XIII столетия их будет не менее пяти.

Мстиславич поставил митрополитом Киева Клим Смолятича, минуя санкцию Константинополя, делали ситуацию внутри церкви весьма напряженной.

¹ Подробнее о церковной политике Андрея Боголюбского см.: ПСРЛ т. 1 [4, стлб. 347, 352, 355п.–357], ПСРЛ т. 2, [2, стлб. 491, 493, 520, 551–554], ПСРЛ т. 4, [29, с. 12], ПСРЛ т. 9, [27, с. 209, 221–222, 239–241], Соколов П.П. [30, с. 116–117], Приселков М.Д. [31, с. 395–404], Воронин Н.Н. [32, с. 29–50; 33, с. 24–46; 34, с. 191–219], Vodoff V. [35, р. 193–215], Pelenski J. [20, р. 770–771], Лимонов Ю.А. [3, с. 48–62], Янин В.Л. [36, с. 5–18], Зубов Н.И. [37], Буданов М.А. [38].

² Также см. разбор семантики падения и разгрома города в индоевропейской традиции: Топоров В.Н. [39, с.121–132], непосредственно Киева: Pelenski J. [40, р. 303–316; 143, р. 761–780], Плюханова М.Б. [21, с. 190].

³ 2 Пар. 36: 17–19 17: «И Он навел на них царя Халдейского, и тот умертвил юношей их мечом в доме святыни их и не пощадил [ни Седекии,] ни юноши, ни девицы, ни старца, ни седовласого: все предал Бог в руку его. И все сосуды дома Божия, большие и малые, и сокровища дома Господня, и сокровища царя и князей его, все принес он в Вавилон. И сожгли дом Божий, и разрушили стену Иерусалима, и все чертоги его сожгли огнем, и все драгоценности его истребили».

В том же 1169 г. Андрей отдал Киев своему брату Глебу Переяславскому, который был младшим сыном ненавистного киевлянам Юрия Долгорукого. Посажен он был вопреки традиции и желаниям киевского веча. По сути, в Киеве сел князь-«подручник» князя владими́ро-суздальского, что еще больше принижало значение Киева. Это будет хорошо понятно даже половцам, от которых в том же году Киев с новым князем будет чудесным образом избавлен и которые пошлют к Глебу Юрьевичу сказать: «*Бѣ посадиѡ тѧ и князь Андрѣи на шчѣинѣ своѣи и на дѣдини в Кѣевѣ*» [4, стлб. 357; 2, стлб. 555].

Падение Киева во владимирской трактовке (Лаврентьевский свод) [4, стлб. 355]	Падение Киева в южнорусской трактовке (Ипатьевский свод) [2, стлб. 545–546]
<p>Изславичъ же Мстиславъ затвориса в Кѣевѣ городѣ и бѣяхуться [крѣпко] И с города г̄ (3) д̄ни и поможе Бѣ и стѧа Бѣа и шчѣна и дѣна м̄тва князю Мстиславу Андрѣвичю с братьєю своєю взяша Кѣевъ ижео҃ж не было никогдаже а Мстиславъ Изславичъ бѣжа с братом̄ ис Кѣева Володимерю с малою дружиною а княгыню иего яша и с̄на иго и дружину иго изымаша и весь Кѣевъ пограбиша и церкви и монастырѣ за г̄ (3) д̄ни и иконы поимаша и книги и ризы се же здѣаса за грѣхы /л.119/ ихъ паче же за митрополичу неправду...</p>	<p>В лѣт̄ ꙗ̄с̄ х̄ . ѿ ѿ [6679 (1171)] ... <i>поможе Бѣ Андрѣвичю Мстиславу съ братѣю и взяша Кѣевъ ...</i> Взять же быс̄ Кѣевъ м̄ца марта въ ӣ (8) въ второѣ недѣлѣ поста в середине и грабиша за в̄ (2) д̄ни весь град̄ Подолье и Гору и монастыри и Софью и Десатинную Бѣю и не быс̄ помилованиа ником҃же ни ѿк҃д҃же цр̄кѡм̄ горащимъ кр̄стыаномъ оубиваемомъ другѣм̄ важемымъ жены ведоми быша въ плѣнъ разлучаеми ну҃жею ѿ мужии своих̄ младенци рыдаху зраще м̄трии своих̄ и взяша имѣнья множество и цр̄кви шбнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша всѣ Смолнани и Соуждальци и Черниговци и Шлгова дружина и вса ст̄ни взата быс̄ зажеже А быс̄ и монастырѣ Печерьскыи стѧа Бѣа ѿ поганых̄ но Бѣ м̄твѡми стѧа Бѣа съблюде и ѡ таковыа ну҃жа и быс̄ в Кѣевѣ на всих̄ члѣвцехъ стенание и туга и скорбь не оутѣшимаа и слезы непрѣстанныа си же вса сдѣаша̄с̄ грѣхъ ради наших̄</p>

В марте 1169 г. Андрей Юрьевич достиг впечатляющего политического успеха: его войска подчинили Киев, и теперь основным соперником великого князя владимирского остался Господин Великий Новгород, где все еще сидел сын побежденного Мстислава Изяславича Роман. После описанного новгородской летописью столкновения новгородского войска с силами Андрея Боголюбского за Волоком, окончившегося неудачно для суздальских полков [25, с. 33], зимой 1169–1170 г. суздальская рать осадила Великий Новгород. С Мстиславом Андреевичем пришли также Роман и Мстислав Ростиславичи, дружина Полоцка, муромские и рязанские силы¹, которые привели сыновья местных князей. После трехдневной (как и в случае с Киевом) осады войска коалиции пошли на приступ, который, однако, был отбит. Разбитое войско с большими потерями отошло от города: новгородская летопись сообщает, что пленные «суждальцы» продавались всего по две ногаты за человека [1, стлб. 361; 2, стлб. 560; 3, с. 33.].

И если новгородская летопись описывает данные события в исключительно деловом стиле, то владимирский свод обосновал поражение вмешательством Божьей Матери, не желающей городу гибели Содомы и Гоморры. Неслучайна, поэтому, и трансляция на Новгород библейского сюжета с уstraшенной, раскаявшейся и помилованной Богом Ниневией². Это очередное противопоставление праведного Владимира-Залесского иному неправедному городу, в случае 1169 г. – Киеву, а сейчас – Новгороду. Летописец обвинил новгородцев в гордыне и преступлении крестоцелования князьям, потомкам первых новгородских князей [1, стлб. 362]. Таким образом, поход на Новгород представлен во Владимирском летописании в качестве Божественной кары новгородцам, причем князь Андрей в данном случае называется в Лаврентьевской летописи исполнителем Божьей воли (*навелъ и наказаль по достоянью рукою бл҃говѣрнаго княза Андрѣа*)³.

¹ Рязань и Муром находились в 60–70-е гг. в устойчивой зависимости от Андрея Боголюбского. О подчинении Рязани см.: Лимонов Ю.А. [3, с. 70–71].

² Ион. 1–4.

³ Необходимо отметить, что в XIV столетии на основе летописного сообщения об осаде Новгорода было создано «Сказание о битве новгородцев с суздальцами», которое приписывало поражение Андрея Боголюбского вмешательству иконы Божьей Матери *Знамение*. Данное «Сказание» носит ярко выраженный проновгородский характер и отличается неточностью в изложении событий. См.: Дмитриев Л.А. (здесь же библиография) [19, с. 347–351].

Осада Новгорода во владимирской трактовке (Лаврентьевский свод) [4, стлб. 361, 362]	Осада Новгорода в новгородской трактовке (Новгородская первая летопись) [25, с. 33]
<p>Новгородци же затворишася в городѣ съ княземъ Романомъ и бхуться крѣпко с города и многы избиша ѿ нашихъ и не оупсѣвше ничтоже городу ихъ възвратишася впаѣт и двѣа дома своя гаша пѣши впаѣт а друзии людие помроша с голода не быс бо николиже толь тажка пути людемъ симъ друзии бо ѿ нихъ и конину ѣша в великоѣ говѣньне се же быс за наши грѣхы слышахомъ бо прежѣ трии лѣтѣ бывшеѣ знаменѣ Новѣгородѣ всѣмъ людемъ видашимъ в трѣхъ бо црквахъ Новгородскыхъ плакала на трѣхъ иконахъ стаѣ Бѣа /Стлб. 362/ провидѣвши бо мѣти Бѣиѣ пагубу хоташю быти надъ Новѣмъгородомъ и надъ его волостью молашеть сѣна своего со слезами дабы ихъ штинудь не искоренилъ якоже преже Содомѣ и Гомора но яко Ниневгитаны помилуетъ якоже и быс вчивѣсто бо Бѣ и мѣти Бѣиѣ избави ѣ млѣстью своею зане хрсѣяне суть наказана накази ма речѣ Гѣи а смрѣти не предажъ мене глѣ Дѣвѣ тако и сѣи людѣ Новгородскыѣ наказа Бѣ и смѣри ѣ дозѣла за преступленѣе крѣтноѣ и за гордость ихъ наведе на на и млѣстью своею избави градъ ихъ не глѣмъ же прави суть Новгородци тако издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ но аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи крѣсть преступити или внуки или правнуки соромлати а крѣсть чѣстныи цѣловаше ко внукомъ ихъ и к правнукомъ то преступати то доколѣ Бѣви терпѣти надъ нами за грѣхы навель и наказаль по достоянью рукою блѣговѣрнаго княза Андрѣя</p>	<p>Въ то же лѣто, на зиму, придоша подъ Новѣгородъ суждальци съ Андреевищемъ, Романъ и Мѣстиславъ съ смольняны и съ торопыцяны, муромѣци и рязанѣци съ двема князьма, полоцкыи князь съ полоцяны, и вся земля просто Русьская. Новгородци же сташа твѣрдо о князи Романѣ о Мѣстиславлици, о Изяславли вѣнуче, и о посадницѣ о Якунѣ, и устроиша острогъ около города. И приступиша къ граду въ недѣлю на съборѣ, и съездишася по 3 дни въ четвѣртыи же день въ среду приступиша силою и бишася всѣ день и къ вечеру побѣди я князь Романъ съ новгородѣци, силою крѣстьною и святою богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Илие, мѣсяця феураря въ 25, на святого епископа Тарасия, овы исѣкоша, а другыѣ измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху суждальцѣ по 2 ногатѣ.</p>

Впрочем, ситуация с Новгородом вскоре изменилась в пользу Владимиро-Суздальской земли. Уже под следующим годом новгородский летописец сообщил, что новгородцы «показали путь» князю Роману и попросили у Андрея Боголюбского мира «на всей его воле», а чуть выше объяснил такую внезапную уступчивость со стороны Новгорода дороговизной на хлеб в Новгороде¹. Андрей, как и многие другие владимирские князья впоследствии, умело пользовался тем, что Новгород постоянно испытывал недостаток продовольствия. Кроме того, после смерти Мстислава Изяславича союз Новгорода с ним распался сам собою, а поэтому сохранять стол за его сыном новгородцам не было никакой надобности. В Новгород Андрей отправил княжить Рюрика Ростиславича [4, стлб. 362; 2, стлб. 559, 562; 25, с. 33].

Три крупнейшие военные кампании, которые Андрей Боголюбский вел в течение 60-х годов XII столетия, получили в летописании Владимира-Залесского весьма специфичную трактовку. В рамках идеи создания Нового Иерусалима и Нового Константинополя военные походы Владимиро-Суздальской земли были оформлены как походы нового избранного народа.

Так, военный поход на Булгарию в 1164-м году, вызванный торговым соперничеством, получил во владимирском летописании однозначную трактовку крестоносного и, кроме того, был использован для построения аксиологических параллелей между Андреем Боголюбским и византийским императором, а также между городом Владимиром и «царствующим градом» Константинополем.

Поход на Киев, вызванный давним соперничеством Андрея Боголюбского и Мстислава Изяславича, также получил оформление похода избранного народа, наказывающего грешников за их грехи. В то же время, в киевском летописании и вообще на юге падение Киева, видимо, ассоциировалась с разгромом Иерусалима Навуходоносором.

Точно так же и неудачная осада Новгорода находит свое отражение в библейской истории. На город, наказываемый исполнителем Божественного замысла князем Андреем Боголюбским, транслируется сюжет с раскаянием и помилованием библейской Ниневии.

Период 1169–1170 гг. вообще стал временем наибольших внешнеполитических успехов Андрея Боголюбского. Великий

¹ Хлеб стоил 2 ногаты, т.е. ровно столько же, сколько «кощей» (раб) годом ранее.

князь владимирский смог закрепить сюзеренитет Владимира над Киевом и Новгородом, не оставлял надежд на создание митрополии во Владимире. Все эти устремления и были соответственным образом оформлены во владимирском летописании.

Список литературы

1. Лимонов, Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси / Ю.А. Лимонов. – Л.: Наука, 1967. – 199 с.
2. ПСРЛ. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – Репринтное изд. с 1908 г. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 648 с.
3. Лимонов, Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь / Ю.А. Лимонов. – Л.: Наука, 1987. – 215 с.
4. ПСРЛ. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Репринтное изд. с 1908 г. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.
5. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 399 с.
6. Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с. [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934>. – Дата доступа: 29.08. 2010.
7. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати // Byzantinorossica. Vol. 3. – СПб.: Византинороссика, 2005. – С. 122–152.
8. Воронин, Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси: в 2 т. / Н.Н. Воронин. – М.: АН СССР, 1961. – Т. 1. – С. 128–375
9. Obolensky, D. The Byzantine commonwealth. Eastern Europe, 500–1453 / D. Obolensky. – New York–Washington: Praeger Publishers, 1971. – 445 p.
10. Заграевский, С.В. Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника / С.В. Заграевский [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://rusarch.ru/zagraevsky24.htm>. – Дата доступа: 29.08. 2010.
11. История культуры Киевской Руси в 2 т. / Под ред. Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. – Т.1.: Материальная культура. – М.-Л.: АН СССР, 1951.– 483 с.
12. Фехнер, М.В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси / М.В. Фехнер // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971. – С. 207–227.
13. Сказание о победе над Волжскими Болгарами // ОЛДП № 30. – СПб., 1878. – С. 21–28.
14. Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / В.А. Кучкин. – М.: Наука, 1984. – С. 3–55.
15. История и культура древнерусского города / Редкол.: Г.А. Федоров-Давыдов (отв. ред.) [и др.]. – М.: МГУ, 1989. – 275 с.
16. Лимонов, Ю.А. Актово-правовое оформление внешнеполитических отношений Владимиро-Суздальской Руси с Волжской Болгарией (опыт реконструкции) / Ю.А. Лимонов // ДГ 1991. – М., 1994. – С. 259–264.
17. Воронин, Н.Н. Сказание о победе над болгарами и празднике Спаса / Н.Н. Воронин // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. – М., 1963. – С. 88–92.
18. Рыбаков, Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1972. – 520 с.
19. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / Редкол.: Д.С. Лихачев (отв. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, 1987. – 493 с.
20. Pelenski, J. The Contest for the «Kievan Succession» (1155–1175): The Religious-Ecclesiastical Dimension / J. Pelenski // HUS. Vol. 12/13. – 1988/1989. – P. 761–780.
21. Плюханова, М.Б. Сюжеты и символы Московского царства / М.Б. Плюханова. – СПб.: Акрополь, 1995. – 336 с.
22. Забелин, И.Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. / И.Е. Забелин // Археологические известия и заметки. – 1895. – № 2–3. – С. 37–49.
23. Лосева, О.В. Древнерусские месяцесловы XI–XIV вв. / О.В. Лосева. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 420 с.
24. Шеков, А.В. Заметки о черниговском летописании XII в. / А.В. Шеков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 3. – С. 106–114.
25. ПСРЛ. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Репринтное изд. с 1950 г. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.
26. Янин, В.Л. Новгородские посадники / В.Л. Янин. – М.: Языки славянской культуры, 2003 г. – 512 с.
27. ПСРЛ. – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
28. Сказание о чудесах Владимирской иконы Пресвятой Богородицы // ОЛДП № 30. – СПб., 1878. – С. 29–43.
29. ПСРЛ. – Т. 4: Новгородская четвертая летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 728 с.
30. Соколов, П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. / П.П. Соколов. – Киев, 1913. – С. 96–158.
31. Приселков, М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XIII вв. / М.Д. Приселков. – СПб., 1913. – С. 395–404.
32. Воронин, Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг / Н.Н. Воронин // Византийский временник. – Т. 21. – М., 1962. – С. 29–50.
33. Воронин, Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. / Н.Н. Воронин // Византийский временник. – Т. 23. – М., 1963. – С. 24–46.
34. Воронин, Н.Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы в XII веке / Н.Н. Воронин // Византийский временник. – Т. 26. – М., 1965. – С. 191–219.
35. Vodoff, W. Un «partie theocratique» dans la Russie du XIIe siecle? Remarques sur la politique ecclesiastique d'Andre de Bogoljubovo / W. Vodoff // CCM. Vol. 17. – 1974. – №3. – P. 193–215.
36. Янин, В.Л. Моливдовул ростовского архиепископа Леонтия / В.Л. Янин // ВИД. Вып. 25. – СПб., 1994. – С. 5–18.
37. Зубов, Н.И. Лексико-тематические сгущения и их семантико-аксиологические пики: к текстовому пониманию древнерусского / Н.И. Зубов // Известия УрГУ: Гуманитарные науки. Вып. 4 – 2001. – № 20. [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020\(01_04-2001\)&xsl=showArticle.xsl&id=a35&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020(01_04-2001)&xsl=showArticle.xsl&id=a35&doc=../content.jsp). – Дата доступа: 29.08. 2010.
38. Буданов, М.А. Некоторые особенности взаимоотношений княжеской и архиерейской власти в Северо-Восточной Руси во второй половине XII века / М.А. Буданов // Интернет-журнал «Махаон» [Электронный ресурс]. – 2001, № 14. – Режим доступа: http://history.machaon.ru/all/number_14/analiti4/budanov/index.html. – Дата доступа: 29.08. 2010.
39. Топоров, В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 121–132.
40. Pelenski, J. The Sack of Kiev of 1169: It's Significance for the Succession to Kievan Rus / J. Pelenski // HUS. Vol. 11. – 1987. – №3/4. – P. 303–316.

Жарко С. Б.

К ВОПРОСУ О БИТВЕ НА РЕКЕ КАЛКЕ В 1223 г.

Период от первой битвы Руси с монголами на р. Калке в 1223 г. до свержения ордынского господства в 1480 г. освещен в исторической литературе неравномерно и далеко не однозначно. В значительной степени это объясняется особенностями источниковой базы: истинные события того времени в кратких рассказах современников позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями. Поэтому понятно, что в исторической литературе нередко высказываются мнения и оценки, не подкрепленные конкретными историческими фактами.

Целью этой работы является попытка обобщить, уточнить и объяснить некоторые события, связанные с битвой на р. Калке, которая проходила в конце мая – начале июня 1223 г. (предположительно с 31 мая по 3 июня 1223 г.). В частности, показать цель первого монгольского нападения на славянские земли, очертить географию места сражения, раскрыть основные причины поражения союзных войск славянских князей и половецких ханов, а также подвести итоги этой битвы.

В 1219–1220 гг. Чингиз-хан вел успешную войну против шаха Мухаммеда II, огромная империя которого включала всю Среднюю Азию, а также значительные территории современных государств Ирана и Афганистана. Причиной этой войны послужило убийство монгольских послов и купцов в пограничном городе Отраре с ведома и согласия его правителя Инальчик-хана, а также самого шаха. По законам Великой Ясы (свод законов Монгольской империи) за этот поступок жестоко карался виновник и все население страны, где совершилось преступление. В ходе войны армия шаха была разбита, а сам Мухаммед II бежал. По его следам Чингиз-хан направил своих лучших полководцев Субедей-багатура и Джебе-нойона, выделив каждому из них по тумену (военному корпусу в десять тысяч всадников). Мухаммед-шах закончил свои дни на одном из островов Каспийского моря, но по приказу Чингиз-хана монгольские тумены, пополненные корпусом Тохучар-нойона (общая численность войска достигла тридцати тысяч всадников), двинулись дальше в Кавказские горы, а затем Приазовские степи, где кочевали

половцы. Вероятной целью этого похода являлся разгром половцев за предоставление приюта заклятым врагам Чингиз-хана – остаткам монгольского племени меркитов.

Монгольские войска в 1220 г. с боями прошли Азербайджан, Армению и Грузию и в районе Кубани вышли в тыл половцам, действовавшим совместно с аланами (осетинами). Здесь монголы пошли на хитрость: чтобы разбить союз половцев и аланов они послали к половцам парламентаров, которые от имени своих полководцев заявили следующее: «Мы и вы – один народ из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, предоставьте их нам» [1, с. 32–33]. Половцы поверили обещанию и оставили аланов; после этого аланы, а затем и половцы были разгромлены. В начале 1222 г. монгольские соединения, преследующие отступающих половцев, ворвались в Крым, где находились генуэзские и венецианские торговые фактории. Монголы захватили и подвергли разграблению самый большой город-порт – генуэзскую Солдайю (современный город Судак). Половцы, вынужденные бежать к границам славянских земель, вышли к Днепру. Один из видных половецких ханов Котян, не жалея подарков, обратился за помощью к своему зятю, галицкому князю Мстиславу Мстиславовичу Удалому или *Удатному*. Хан Котян прямо заявил: «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут, защищайте нас; а если не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы завтра» [2, с. 265]. Английский историк-славист Джон Феннел замечает: «Создается впечатление, что русские либо ничего не знали о походах и завоеваниях полчищ Чингиз-хана, либо не делали об этом записей, по непонятным причинам игнорируя военные успехи татаро-монголов» [3, с. 102].

Учитывая грозную реальность, по инициативе галицкого князя Мстислава в Киеве был созван съезд князей, на котором было принято решение о совместном походе славянских и половецких войск против монголов. Возможно, если бы князья проигнорировали проблемы половцев, монголы оставили их в покое. Тогда же в Киеве, вероятно, были убиты десять монгольских послов, пытавшихся уговорить князей не оказывать помощь половцам. В союзное войско вошли дружины ряда славянских князей и половецкие войска, а общая численность вряд ли превышала двадцать тысяч воинов. К сожалению, в походе не приняли участие виднейшие владими́ро-суз-

дальские, новгородские, полоцкие князья, а основным недостатком союзного войска являлось его разобщенность и отсутствие единого командования. Князья даже в бою держались обособленно друг от друга, а пальму первенства в руководстве походом оспаривали Мстислав Киевский, по старшинству на Руси, и Мстислав Галицкий, как инициатор этого похода.

В начале мая 1223 г. союзное войско отправилось вниз по Днепру, двигаясь частью по правому берегу реки, а частью на кораблях по течению Днепра. Передовые части славяно-половецкой армии перешли Днепр у острова Хортица и сразу вступили в бой с монголами, которые притворно стали отступать. Так союзники двигались на восток, постоянно отбивая нападения отдельных монгольских отрядов и обращая монголов, как им казалось, в бегство. Этот поход продолжался около двадцати дней, в течение которых монголы все глубже и дальше заманивали союзное войско в степь. Дойдя до реки Калка (в настоящее время река Кальчик, приток реки Калмиус, впадающей в Азовское море к западу от реки Дон, в Донецкой области), 31 мая 1223 г. часть княжеских дружин и половцы хана Яруна перешли реку и вступили в бой, в ходе которого внезапно были атакованы основными силами Субедея и Джебе-нойна. Союзное войско было разгромлено и понесло страшные потери. Летописцы отмечают, что вернулась лишь десятая часть дружинников. Если же исходить из того, что в живых осталось 7 или 8 князей из 18, то можно утверждать о гибели не менее половины всего славянского войска. Оставшихся в живых монголы преследовали до самого Днепра по Залозному шляху, то есть по древнему торговому пути от Азовского моря к Днепру, уничтожая по пути города и людей. Самым крупным из разоренных городов был город Святополч, лежащий южнее Киева.

Предположительно зимой 1223 г. во Владимиро-Суздальском княжестве, в городе Ростове, состоялся съезд дружинников, которые служили у различных князей. На этом съезде было принято решение и заключено соглашение о службе всех дружинников только великому киевскому князю. Сразу после съезда дружинники двинулись в Киев на службу князю. Уже в пути, узнав, что все южные князья вместе с киевским князем пошли к Азовскому морю походом на татар, весь отряд дружинников свернул с главного пути и направился на соединение с ушедшими вперед войсками. Они прибыли по Залозному шляху в тот день, когда монголы разгромили лагерь

киевского князя. Эти дружинники-богатыри погибли в схватке с монголами, но дали возможность растянувшимся по шляху войскам восстановить порядки и, успешно отбивая натиск монголов, добраться до Днепра.

Вторжение монголов казалось неминуемым, однако в это самое время прибыл посол от Чингиз-хана с приказом вернуться. Субедей-багатур, Джебе-нойон и Тохучар-нойон повернули свои войска в монгольские степи. На обратном пути монголы попытались захватить Волжскую Булгарию, однако болгары-мусульмане нанесли им поражение, заманив в засаду и внезапно напав на них.

Непоправимый удар в ходе этой битвы получили половцы, роль и значение которых, прежде всего как военной силы, было окончательно подорвано. Уже к середине 30-х годов XIII века преобладанию половцев в причерноморских степях, по всей видимости, был положен конец [4, с. 115].

По мнению ряда историков, поход монгольского войска, который закончился битвой на Калке, являлся глубокой стратегической разведкой для подготовки намеченного Чингиз-ханом нападения на Европу. Так, английский историк С.С. Уолкер отмечает, что «поход Субедея и Джебе, продолжавшийся два с половиной года, позволил монголо-татарам непосредственно познакомиться с русскими войсками и укреплениями городов, а от многочисленных пленных они могли получить сведения о внутреннем положении русских княжеств, особенностях ведения военных действий в Северо-Восточной и Южной Руси в различное время года, о путях сообщения и возможных военных силах. Глубокая стратегическая разведка стран Восточной Европы была проведена» [5, с. 174].

Следует указать и на причины, которые (по крайней мере отчасти) объясняют, почему союзное войско потерпело поражение в 1223 году. Во-первых, в Ипатьевской летописи прямо говорится о «великой вражде» между тремя ведущими славянскими князьями, активными участниками этого похода и битвы: Мстиславом Ростиславовичем Киевским, Мстиславом Святославовичем Черниговским с одной стороны и Мстиславом Мстиславовичем Удатным (Удалым) с другой. Отсутствие единства между этими лидерами войска, которое было так необходимо в походе, и явилось, вероятно, существенной причиной поражения. Ни русские, ни половцы не имели полководца, достойного возглавлять союзное войско. Во-вторых, военные действия половцев и славян были не то чтобы

несогласованными – они были хаотическими. В-третьих, союзники совершенно недооценили боеспособность и мощь монгольской кавалерии и, наконец, неправильно выбрали место битвы, которое идеально подходило для атаки мобильной конницы монголов.

Поражение на Калке произвело ошеломляющее впечатление на современников: трудно найти летопись, которая бы не упомянула об этом событии, называемом «карой Божией». Историки часто подчеркивают то обстоятельство, что после поражения на реке Калке, к сожалению, не было сделано никаких выводов. В частности, Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский пишут: «Казалось бы, что русские князья должны были из этого первого столкновения с татарским войском извлечь для себя урок на будущее, но они этого не сделали и не смогли сделать, поскольку не могли при данных условиях преодолеть феодальную разобщенность, противоречивость интересов феодальных владетелей, делавших неизбежными бесконечные бессмысленные войны, не прекращавшиеся даже тогда, когда внешний враг находился в стране» [6, с. 150]. Так завершилось первое боевое столкновение восточных славян с монголами, выводы из которого так и не были сделаны.

Список литературы

1. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен. – Т. 1. – СПб., 1884.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950.
3. Феннел, Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Дж. Феннел. – М., 1989.
4. Плетнева, С.А. Половцы / С.А. Плетнева. – М., 1997.
5. Уолкер, С.С. Чингиз-хан / С.С. Уолкер. – Ростов-на-Дону, 1998.
6. Греков, Б.Д., Якубовский, А.Ю. Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – М. 1998.

Темушев С. Н.

ЛИТВА И РУСЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОТ ДАНИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ К ВНЕШНЕЙ ЭКСПАНСИИ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Восточные славяне столкнулись с летто-литовскими племенами в ходе расселения на территории Восточной Европы в период еще до создания собственной государственности. Славянский этнос оказался более активным, его доминирование наиболее очевидным образом определялось тем обстоятельством, что славяне занимали территории отнюдь не пустующие. При этом туземное население вынуждено было уступать свои территории, подчиняться пришедшим чужеземцам, активно шел процесс ассимиляции. Только на периферии славянского расселения в Восточной Европе балтские и финно-угорские племена сохраняли свою независимость, но и они вынуждены были строить свои отношения на принципе подчиненности.

Первое столкновение славян с восточными балтами – летто-литовскими племенами – произошло в условиях продолжающейся славянской колонизации. Колонизационный импульс был еще достаточно силен и в конце IX–X в., когда восточные славяне создали государственную организацию с единой верховной властью. Государство обладало более широкими возможностями для проведения экспансионистской политики.

В условиях активного взаимодействия с Древнерусским государством, затем с отдельными восточнославянскими княжествами-землями происходило зарождение основ будущего Литовского государства. Именно этим объясняется актуальность обозначенной проблемы, приобретшей особую остроту в связи с обретением реального суверенитета национальными республиками после распада СССР. Вместе с тем обращение к истокам своей государственности, переосмысление устоявшихся историографических штампов несет в себе опасность игнорирования исторических реалий в угоду «сиюминутной» идеологической конъюнктуре, интересам определенных политических кругов [34, с. 70]. Наблюдающийся в последние десятилетия всплеск интереса к прошлому своих народов требует объективного, научного рассмотрения сложных проблем межэтни-

ческих и межгосударственных взаимодействий. Для правильного понимания современной этноконфессиональной, геополитической обстановки в Восточной Европе необходимо более подробное освещение проблемы литовско-русских взаимоотношений в период до середины XIII в. в школьных учебных пособиях, не ограничивающееся только констатацией факта первого летописного упоминания Литвы под 1009 г.

Между тем целый ряд аспектов русско-литовских отношений в период до создания своей государственности литовцами нуждается в обстоятельном исследовании. Это касается характера даннической зависимости Литвы (неполнота источников в данном случае может быть компенсирована сравнительно-историческим методом), времени прекращения выплаты регулярной дани летто-литовскими племенами Руси (если таковая имела место быть), роли литовских земель во взаимоотношении Древней Руси с соседними государствами (прежде всего, Польшей), использования Литвой противоречий между отдельными древнерусскими княжествами землями для собственного укрепления, характера противостояния Руси и Литвы на пограничье и т.д.

Проблема русско-литовских отношений в домонгольский период (для региона «Западной Руси» предпочтительнее говорить о «*долитовском*» периоде) не стала предметом отдельного исследования ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной белорусской историографии. Между тем определенные достижения в данном направлении имелись. Указанная проблематика нашла отражение в одной из первых работ, посвященных генезису Великого княжества Литовского – «Очерке истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия» В.Б. Антоновича. Обращая внимание на особенность географического положения территории расселения «литовского племени» (отсутствие резких географических границ), малочисленность последнего, историк отмечал, что только ситуация в славянском мире обуславливала то обстоятельство, в какой роли проявят себя литовцы – «страдательной или активной» [13, с. 4–5]. Однако далее В.Б. Антонович указывает еще на один фактор, приведший к изменению характера взаимоотношений литовцев и русских – это появление в Прибалтике немецких рыцарей. Пока соседями литовцев были славяне – русские и поляки – их отношения «не принимали характера истребительной войны»: походы русских и польских князей ограничивались разорением пограничных воло-

стей и требованием дани, а вторжения литовцев сводились к пограничным набегам с грабительскими целями [13, с. 15]. Но ситуация меняется на рубеже XII–XIII вв. Немецкий натиск заставил литовские племена объединиться, чтобы сохранить свою независимость и самобытность, а произошедшие перемены в Древней Руси (ослабление центральной власти, усиление междоусобиц) позволили им изменить характер взаимоотношений с отдельными русскими княжествами, главным образом с Полоцким. Так с конца XII в. литовцы «уже не ограничиваются участием в полоцких междоусобицах, но предпринимает походы на Русь с целью территориального захвата» [13, с. 22]. Аналогичные идеи обнаруживаем в работе «Белоруссия и Литва» историка-краеведа П.Н. Батюшкова: первоначально литовские племена подчинялись «русской власти и гражданственности», но с конца XII и особенно с середины XIII в. происходит «перемена во взаимном положении славянских и литовских племен». Образовавшееся, быстро усиливающееся Литовское государство «распространяет свое владычество вглубь полоцких и волыньских земель» [14, с. 49]. Таким образом, даже в работе, специально посвященной отношениям восточных славян с литвой, период, предшествующий образованию Великого княжества Литовского, освещался крайне поверхностно. Своеобразным рубежом рассматривалось время с конца XII в. – начало проникновения в Прибалтику немецких рыцарей. При этом, хотя и отмечалась тесная связь внутривосточной ситуации в Древней Руси с изменением характера отношений последней с литвой, однако не указывалось на последствия политического раздробления Древнерусского государства.

На различный характер взаимоотношений Руси и литвы в период относительного единства Древней Руси, распространения власти киевских князей на весь восточнославянский ареал и в период политической децентрализации, ослабления военного потенциала отдельных княжеств-земель указывали и прежде авторы обобщающих трудов по восточнославянской (русской) истории.

В обширной работе Н.М. Карамзина литовцам еще отводится совершенно пассивная и негативная роль в русской истории: в междоусобицах в Полоцкой земле они «служили Кривским владетелям как их подданные», в набегам же начала XIII в. литовцы «никогда не думали о завоеваниях, желая только вредить Россиянам и грабить селения» (в другом месте: «Литовцы были не что иное, как смелые грабители») [24, с. 183, 461, 465]. В труде С.М. Соловьева литовцам

уже отводится значительная роль в истории Восточной Европы; обращается внимание на особенности их мест обитания (покрыты непроходимыми болотами и лесами), что позволяло этим беспокойным соседям Руси дольше сохранять «дикость первоначального быта» и безнаказанно совершать набеги на «окрестные страны» [33, с. 24]. С.М. Соловьев отмечал, что подобно тому, что половцы были для Юго-Восточной Руси, тем же «литва была для Западной, преимущественно для княжества Полоцкого». Поэтому после того, как киевский князь Мстислав Владимирович подчинил Полоцкую землю, ему пришлось «вступить в борьбу с его врагами» [33, с. 394]. Отмечал российский историк и активизацию литовских нападений на русские земли в конце XII – начале XIII в. [33, с. 665–666]. Российский историк-эмигрант Г.В. Вернадский отмечал, что следует отличать «русскую политику в период верховенства Киева и во времена федерации». При этом в первый период «русские кампании против литовцев ... имели общенациональные цели», а во второй «борьба была локализованной», поскольку «только западные русские земли, такие как Волынь, Полоцк, Псков и Новгород» участвовали в «литовских делах» [15, с. 253]. Подобная упрощенная схема русско-литовских отношений домонгольского периода являлась едва ли не общепринятой.

Проявившийся во второй половине XIX в. интерес к региональной истории нашел отражение в появлении ряда работ, посвященных истории отдельных древнерусских княжеств. В этой связи можно упомянуть первый обобщающий труд по истории Туровской земли, подготовленный А. Грушевским. Исследователь обнаруживал в первой половине XIII в. особые отношения между турово-пинскими князьями и Литвой. Однако, «поддерживая Литву, и поощряя ее грабительские намерения относительно Волыни, – турово-пинские князья не могли выступить открыто с такой политикой, – открыто порвать с Романовичами: это значило бы обречь себя на гибель» [17, с. 63]. Более обстоятельно проблема русско-литовских отношений изложена в работе В.Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия». В этой первой монографии, посвященной средневековой истории Полотчины, значительное внимание уделено и ее взаимоотношениям с соседними балтскими народами. Не определяя точного времени первых контактов Полоцкой земли с литовцами, автор отмечает, что начались они рано и имели враждебный характер: со стороны литовцев – это набеги и грабежи, со стороны полочан – стремление «расширить свои владения, увеличить

свою власть». По мнению В.Е. Данилевича к началу XII в. «долгая и отчаянная борьба» Руси и литвы достигла наибольшей интенсивности (литовцы «делали отчаянные попытки отстоять свою свободу»), а к середине XII в. полоцкие князья уже «настолько подчинили себе соседние литовские племена, что строили города на их коренной территории» [20, с. 128]. Подчинив же литовские племена, полоцкие князья стали пользоваться ими в своих интересах – в междоусобных войнах, в борьбе с другими князьями, скрывались на их территории. Благодаря этому литва «втягивается во внутренние дела Полоцкой земли, знакомится с ее бытом и нравами», более того, «перенимают более совершенные военные приемы» [20, с. 129, 130]. Обнаружив слабость Полоцкой земли литовцы в начале XIII в. сами переходят в наступление, сначала с целью грабежа, а затем и завоевания [20, с. 129–130]. В первой половине XIII в. литовцы, не встречая сопротивления в Полоцкой земле, совершают набеги на более отдаленные русские княжества. К этому времени в Литве и появляется мысль о полном подчинении Полоцкой земли [20, с. 132]. Таким образом, в работе В.Е. Данилевича намечается определенная эволюция русско-литовских взаимоотношений, представляющихся более сложными и многообразными. Однако опора на одни лишь письменные источники (главным образом летописные), отсутствие широкой географической перспективы сказались на глубине исследования рассматриваемой проблемы.

Во многом идеи В.Е. Данилевича повторяются в «Очерке истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского. Важно, что ученый значительное внимание уделял внутренним процессам в литовском обществе, связывая их с внешнеполитическими обстоятельствами. Так, М.К. Любавский отмечал, что походы русских и польских князей XI – первой половины XII в. повлияли на «внутренний быт» Литвы, вызвав в ней «тенденцию к политическому объединению». Поэтому начало литовской экспансии нужно объяснять не только «внутренними неустройствами Руси и Польши», но и произошедшими внутренними изменениями в литовском обществе, в котором выработалась «привычка к соединению, к общему действию» [27, с. 45]. В 1929 г. М.К. Любавским в «Трудах» АН БССР была опубликована интереснейшая работа, непосредственно рассматривавшая заявленную проблематику («Литва и славяне в их взаимоотношениях в XI–XIII вв.»). В данной работе автор предположил, что данническая зависимость Литвы от Руси была унич-

тожена после высылки по инициативе киевского князя Мстислава Владимировича полоцких князей в Византию в 1129 г.

На тесную связь Полоцкой земли, а также Городенского княжества с Литвой указывал в своих лекциях по истории Западной Руси и Великого княжества Литовского (прочитаны в 1908/1909 и 1909/1910 гг.) А.Е. Пресняков. Как резонно отмечал историк, без допущения, что полоцкие князья если и не были подчинены Литве, то «были втянуты уже в новую политическую систему», невозможно объяснить факты литовских военных мероприятий в конце XII – первой XIII в., не встречающих препятствия в Полоцкой земле. С другой стороны, эти мероприятия свидетельствовали о развитии собственно литовского общества – «возникновение союза мелких княжеских сил под руководством временной или постоянной великокняжеской власти» [32, с. 46].

В большинстве исследований историков советского и дореволюционного периодов русско-литовские отношения выглядят статичными, не претерпевающими существенных изменений на протяжении X – середины XIII в. Не стала исключением и фундаментальная работа В.Т. Пашуто, посвященная внешней политике Древней Руси. Историк не рассматривал литовские племена как самостоятельный объект внешней политики Древней Руси. В представлении В.Т. Пашуто взаимоотношения Руси с «подвластным ей кругом не-славянских народов имели существенное влияние на ее внешнюю политику». Это определялось тем обстоятельством, что «земли народов Прибалтики (ижоры, води, эстонцев, латышей, литовцев) отделяли Русь от прусско-польского Поморья и Германии; земли финнов, карел и лопарей – от Норвегии и Швеции; черемисов (мари), отчасти мордвинов, буртасов – от Волжской Булгарии...» и т.д. [30, с. 20]. В другом своем исследовании, хорошо известном белорусским историкам, – «Образование Литовского государства» – В.Т. Пашуто основное внимание уделил внутренним факторам становления данного государственного образования, в то время как воздействие Руси ограничилось перечислением фактов военного противостояния. Крайне поверхностной выглядит намеченная автором эволюция русско-литовских отношений. Так, отмечается, что «даннические отношения литовских земель к русским князьям уходили в прошлое» с наступлением периода раздробленности [31, с. 366].

Более дифференцированно подходил к проблеме взаимоотношений Руси и литвы специалист по истории Полоцкого и Смоленского

княжеств Л.В. Алексеев. Ученый писал о тесной связи походов южнорусских князей в литовско-яत्वяжские земли с отношениями этих князей с Полоцком на протяжении X – первой трети XII в. Киевские князья, по мнению историка, совершали эти походы только в условиях, когда «Полоцкое княжество им или непосредственно подчинено (983, 1129, 1132 гг.), или находится с ними в дружественных отношениях (1038, 1040, 1112 гг.)» [12, с. 263]. Отсюда следует вывод, что «полоцкие князья сами были заинтересованы в получении дани с литовских племен» [11, с. 21]. Признавая в целом ценность наблюдений исследователя, необходимо несколько скорректировать его выводы: с определенного времени (об этом ниже) именно Полоцк являлся адресатом дани литвы, а Киев пытался восстановить данническую зависимость последних от себя в моменты ослабления власти в Полоцке (события конца 1120-х гг.). Рубежными в отношениях Руси и литвы для Л.В. Алексеева выступают 1180-е гг.: с этого времени «источники все чаще сообщают о походах литовских войск в русские земли». Между тем «в середине второй половины XII в. (1162, 1180, 1198 гг.) литовские соединения еще принимают участие в борьбе князей Полоцко-Минских земель». Период же с начала XIII в. в русско-литовских отношениях характеризуется отсутствием подобных фактов [11, с. 21].

Затронутые Л.В. Алексеевым проблемы были развиты в работе Д.Н. Александрова и Д.М. Володихина «Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках». Литовско-русские отношения здесь рассматриваются с конца XII в., при этом значительное внимание уделяется времени и обстоятельствам формирования Великого княжества Литовского. Само название данной работы вызывает недоумение: собственно Полоцкая земля являлась частью Древней Руси в домонгольский период (хотя в силу ряда обстоятельств рано получила политическую самостоятельность), а позднее Полоцк в государственном смысле принадлежал Литве. Если же буквально принять и хронологические рамки работы, следует понимать, что уже в XII в. разгорелась борьба Литвы за Полоцк, что не соответствует данным источников. Между тем в первой главе монографии Д.Н. Александрова и Д.М. Володихина («Полоцк и литовско-русское государство в XII – начале XV в.») намечается следующая эволюция литовско-полоцких отношений: во второй половине XII в. усиливаются набеги литовцев на «русские земли и княжества, в особенности на Полотчину», в свою очередь полоцкие князья осу-

ществляли ответные походы вследствие чего литовские князья признали вассальную зависимость от Полоцка; с середины 80-х гг. XII в. в связи с усилением «великокняжеской власти» в Полоцке происходит стабилизация отношений [9, с. 16]; затем с конца 30-х гг. XIII в. полоцко-литовские отношения настолько обостряются, что полоцкий князь вынужден был обратиться за помощью к потенциальным соперникам Литвы – владими́ро-суздальским князьям; и, наконец, между 1246–1252 гг. в Полоцке происходит смена правящей династии – у власти оказывается представитель «жмудской ветви литовского княжеского дома» [9, с. 22]. Предложенная авторами периодизация полоцко-литовских отношений вряд ли может быть в полной мере принята. На это указывал в предисловии к рассматриваемой работе российский академик В.Л. Янин – крупнейший специалист по истории Новгородской земли. В частности, отмечается, что если под 1191 г. источники зафиксировали мир полоцких князей с Новгородом и планы совместного похода на Литву, то уже в 1198 г. полочане с литовцами нападают на новгородские владения, в первой же трети XIII в. нападения на новгородские и смоленские становятся постоянными. К этому следует добавить отмечаемые летописью вполне конкретные усилия новгородцев по укреплению оборонительных рубежей. Все это вполне недвусмысленно свидетельствует о том, что Полоцкая земля оказывается в подчиненном положении у Литвы и выступает в качестве плацдарма для литовских нападений [9, с. 5].

Важнейший недостаток большинства исследований, рассматривающих проблему русско-литовских отношений до создания «Литовско-Русского государства», видится в ограниченности изучаемого вектора взаимоотношений (Полоцк – Литва, Галицко-Волынское княжество – Литва, Польша – Литва, Орден меченосцев – Литва). Между тем, необходимо учитывать всю сложность ситуации, сложившейся на славяно-балтском пограничье и в Восточной Прибалтике, взаимосвязь и взаимообусловленность характера действий литвы в одном направлении от складывающихся отношений в ином векторе. Важно также учитывать внутренние процессы в литовском обществе.

Представляется, что одна из наиболее удачных попыток раскрыть содержание русско-литовских (точнее, полоцко-литовских) отношений в начале XIII в. принадлежит Д.Г. Хрусталеву. В своей новейшей монографии «Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.» ее автор на основе широкого комплекса источников (впрочем, и ранее имевшихся

в распоряжении исследователей) воссоздает объективную картину противоборства проникших в традиционную сферу влияния Древней Руси немецких рыцарей-крестоносцев, использовавших более эффективные и грубые формы насаждения своего господства, с древнерусскими землями, которые не смогли противостоять немецкому натиску, в том числе в связи с нестабильной ситуацией в них самих. Д.Г. Хрусталеv обнаруживает «поражительную внешнеполитическую пассивность» Полоцка в начале XIII в. При этом Полоцк теряет влияние не только в Восточной Прибалтике (в подвинских протогосударственных образованиях – Куkenойсе и Герцике), но и в собственной земле – независимость проявляет Друцкое княжество (со ссылкой на работу Д.Н. Александрова и Д.М. Володихина) [37, с. 63]. Среди причин потери влияния Полоцка и Новгорода в прибалтийских землях называются многочисленные политические ошибки русской княжеской власти, которая «зарекомендовала себя совершенно неграмотной в международных и межэтнических отношениях, действующей по застарелым поведенческим схемам». Немаловажная причина, позволившая крестоносцам с успехом проводить завоевания в Прибалтике и тем самым вытеснить отсюда русских сборщиков дани, обнаружена исследователем в особенностях организации власти и управления в древнерусских княжествах. Так, обращается внимание на то обстоятельство, что дань с прибалтийских племен собиралась лично князем и использовалась последним по своему усмотрению; между тем население земли-княжества не было заинтересовано в поддержке князя в его внешнеполитической деятельности. Кроме того, в рассматриваемый период еще не приобрели какое-либо влияние идеологические мотивы борьбы православия с «латинством», «папизмом». По мнению Д.Г. Хрусталева причину падения влияния Полоцка в Прибалтике следует искать не в пресловутой литовской угрозе, а «во внутренних отношениях полоцкой земли, вступившей в полосу раздробленности». Так, обнаруживается несовпадение интересов Минска и Полоцка: для первого важны были отношения с Литвой, а для второго большее значение имело обеспечение свободного водного пути по Западной Двине–Даугаве [37, с. 64–65]. В своем исследовании Д.Г. Хрусталеv не ставил задачу исследовать проблему русско-литовских или немецко-литовских отношений, тем не менее некоторые высказанные историком соображения (а также и сравнительно-исторический аспект) могут быть весьма перспективными.

На современном этапе сохраняется дефицит специальных работ, посвященных русско-литовским отношениям в домонгольский период. Между тем, периоду до создания Великого княжества Литовского уделяется некоторое внимание в исследованиях, связанных с генезисом данного государственного образования. В этом отношении следует, прежде всего, обратить внимание на работы А.К. Кравцевича и В.Л. Носевича.

А.К. Кравцевич называет балто-славянские контакты наиболее значительным историческим явлением в Понемонье за последние полтора тысячелетия, при этом они имели огромное влияние на процесс создания и формирования Великого княжества Литовского [26, с. 5–6]. Белорусский исследователь, полемизируя с польским историком Ежи Охмянским, считает, что свидетельства современных археологов и лингвистов более говорят в пользу не напряженного балто-славянского противостояния, а существования крупной зоны смешанного балто-славянского населения и мирного характера межэтнических контактов в Понемонье [26, с. 16–17]. Рассматривая сведения летописей, исследователь намечает нашедшую в них отражение эволюцию русско-литовских отношений: применительно к XI – первой половине XII в. наблюдаются походы русских князей против балтских племен, с XII в. появляется информация о существовании русских городов в Понемонье, начиная же с 80-х гг. XII в. фиксируется активизация военно-грабительской деятельности летописных литовских племен. В последний намеченный историком период отмечаются и факты полоцко-литовского сотрудничества, когда отряды литовцев выступали в качестве союзников некоторых полоцких князей. Неоднократно обращает внимание А.К. Кравцевич и на то обстоятельство, что литовцы никогда не нападали на восточнославянские города Понемонья и Полоцкую землю [26, с. 17–18, 125, 127, 129]. Это обстоятельство оказывается для исследователя чрезвычайно важным при рассмотрении проблем генезиса Великого княжества Литовского: он не находит подтверждения в письменных источниках враждебных акций литовцев в отношении их южных и юго-восточных соседей (будущих белорусских земель), напротив, в тех же источниках можно найти известия о сотрудничестве летописных литовцев с полоцкими князьями. Особенно красноречивым, по мнению А.К. Кравцевича, выглядят на фоне молчания письменных документов свидетельства археологии и лингвистики о мирном характере балто-славянских контактов [26, с. 61–62]. Об-

стоятельно проанализировав историографию проблемы образования Великого княжества Литовского, А.К. Кравцевич выделяет основную концептуальную идею, предложенную его предшественниками, – создание собственного раннефеодального «летувиского» государства – предшественника ВКЛ. Белорусский историк считает, что эта идея – «миф, призрак, возникший через преломление исторического процесса в призме политически ангажированной методологии» [26, с. 68].

Собственные исследования А.К. Кравцевича приводят его к мысли об исключительно мирном характере отношений литовцев со славянским населением Понемонья и Полоцкой земли. Историк отмечает, что на момент начала генезиса ВКЛ (около середины XIII в.) балто-славянские контакты в Понемонье имели уже свою многовековую историю [26, с. 103–104]. Применительно к времени конца X – начала XI в. он отмечает активизацию восточнославянского колониационного движения (в это время здесь были основаны основные города региона: Новгородок, Городня, Волковиск, Слоним, а также Вильня), прямо увязываемые с «принудительной христианизацией» Руси [26, с. 105]. В XII в. балтские племена, называемые литвой, вступают в стадию познеродового общества (период «военной демократии»), для которой была характерна внешняя экспансия в форме грабительских набегов. Однако к территории Аукштайтии и Жемойтии со всех сторон примыкали «мирные» территории, не подвергавшиеся набегам. Отсутствие прямых указаний в источниках на нападения литовцев на Новгородок, Городню, Волковиск, Минск, Полоцк и другие города будущей Беларуси наряду с примерами полоцко-литовского, пинско-литовского и т.п. сотрудничества ставят под сомнение «саму аксиому балто-славянской конфронтации». Поскольку не было конфронтации, не может быть принята версия о переходе грабительских нападений в территориальные захваты [26, с. 125–126]. Хотя сам А.К. Кравцевич в настоящее время не принадлежит к числу официально признанных белорусских историков, высказанные им идеи оказали существенное влияние на формирование концепции исторического развития Беларуси.

Ряд интересных наблюдений над характером русско-литовских отношений в период до образования Великого княжества Литовского сделано В.Л. Носевичем. Сразу отметим, что его оценка характера взаимоотношений Руси и литвы существенно отличается от взглядов А.К. Кравцевича. В.Л. Носевич присоединяется к мнению

тех исследователей, которые считают, что литовцы являлись для своих ближайших соседей – восточных славян – тем же, чем половцы – для Южной Руси (повторяет мысль С.М. Соловьева) [33, с. 394]. Используя приблизительные расчеты Г. Ловмянского, белорусский историк вычисляет возможную численность литовского войска, которое могло принимать участие в набегах на русские земли – это шесть тысяч воинов. Это число значительно превосходило численность личной дружины любого русского князя или было равным ополчению крупного княжества [29, с. 21]. Исследователь отмечает особенно активный характер набегов литовцев с начала XIII в. Как и в случае с половцами, этим набегам русские князья противопоставляли различную тактику: карательные ответные удары, завязывание родственных отношений через браки, использование литовских отрядов в междукняжеских усобицах [29, с. 21]. Таким образом, можно заметить, что различные формы русско-литовских отношений, которые традиционно связывались с разными их этапами, у В.Л. Носевича представлены как «тактика» противостояния экспансии литовцев. Упоминая факты далеких литовских рейдов на русские земли, белорусский историк отмечает, что они должны были проходить через русские княжества Понемонья и Полотчины – с разрешения местных князей или против их воли. Но в любом случае литовские князья являлись «очень влиятельным политическим фактором для мелких владений Западной Руси» [29, с. 22]. Какие-либо этапы в русско-литовских взаимоотношениях до середины XIII в. В.Л. Носевич не выделяет, о даннической зависимости литовцев не упоминает.

Иначе расставлены акценты в последнем на данный момент обобщающем труде по истории Беларуси (Гісторыя Беларусі. Т. 2. Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага; раздел «Непосредственные предпосылки формирования Великого княжества Литовского» написан В.Л. Носевичем), подготовленном ведущими специалистами по истории белорусских земель средневекового периода. Отношения восточных славян и литвы рассматриваются как имеющие «сравнительно мирный характер». При этом отмечается, что только в конце XII – начале XIII в. литвины смогли полностью освободиться от даннической зависимости и тогда же начали грабительские набеги на Русь. Но набеги эти осуществлялись на земли, не граничившие непосредственно с Литвой. В целом обе стороны приобрели значительный опыт тесных взаимосвязей, что послужило основой

для создания двухэтничного государства [16, с. 63–64]. Таким образом, в официальной концепции истории Беларуси по вопросу о характере отношений Литвы с восточнославянскими землями, первыми вошедшими в состав ВКЛ, получило утверждение мнение А.К. Кравцевича. Впрочем, мнение о мирном характере взаимоотношений балтов и славян в области смешанного проживания в пределах их этнической границы, которая может быть установлена с большой долей условности [22, с. 15], является наиболее характерной чертой белорусской историографии.

Значительное влияние на современные представления о средневековом периоде истории Беларуси оказали работы непрофессионального историка Н.И. Ермоловича. Отдавая должное огромному вкладу ученого в популяризацию отечественной истории, необходимо отметить его крайне некритичное и местами произвольное использование источников, довлеющее воздействие авторской априорной схемы. Н.И. Ермолович являлся сторонником признания особого характера отношений между Литвой и Полоцким княжеством. При этом дружественные, даже союзнические отношения между ними в XIII в. историк проецировал и на более ранний период. По его мнению, территория Литвы была в значительной степени колонизирована кривичским и дреговичским населением, считавшим Полоцк своей метрополией. Этим историк объясняет обнаруживаемую им поддержку литвой борьбы Полоцка с киевскими владетелями. Не находя данному тезису прямого подтверждения в источниках, Н.И. Ермолович (вслед за Л.В. Алексеевым) [12, с. 263] связывает единой логикой события изгнания полоцких князей киевским князем Мстиславом Великим и поход последнего на Литву в 1132 г. (в реконструкции историка – два похода в 1130 и 1131 гг.). Это мероприятие, в представлении историка, имело целью нанесение вреда экономике и населению Литвы, чтобы тем самым лишить Полоцк важного резерва в борьбе с Киевом [21, с. 185–186]. «Извечным соперничеством» Полоцка и Киева Н.И. Ермолович объясняет и более ранние события, ключевое место в которых занимает борьба за «сферу влияния» (пользуясь терминологией историка) в Литве. Попытку подчинения Литвы Киеву ученый отмечает после смерти Брячислава Изяславича (1044 г.), именно этим временем он датирует и строительство Новгородка (совр. Новогрудка), который считает укрепленным пунктом Киева для его господства над Литвой [21, с. 102–103, 170]. Традиционно принято считать, что в

статье НПЛ 1044 г. («а на весну же Володимиръ заологи Новъгород и сдела его» [5, с. 181]) речь идет о строительстве нового детинца Новгорода Великого [38, с. 39]. В целом выводы Н.И. Ермоловича скорее усложняют, чем проясняют проблему русско-литовских отношений в домонгольский период.

Совершенно иной взгляд на русско-литовские отношения характерен для современной литовской историографии. Так в новейшей работе Э. Гудавичюса утверждается, что только вследствие негативного воздействия Руси литовцы на 200 лет позже пришли к созданию собственной государственности. Более того, серьезная опасность угрожала самому существованию Литвы: «зависимость могла смениться полным присоединением к Руси, следствием этого должно было стать принятие православия со славянской литургией, что означало бы русификацию еще не ставшего народностью литовского этноса». Но к счастью для Литвы в начале XII в. Древнерусское государство распалось «и в 1131 г. литовцы обрели свободу» [19, с. 32] (неясно, почему указана именно эта дата, логичнее было бы назвать 1127 или 1129 г., когда киевский князь Мстислав покорил Полоцкое княжество, а не год неудачного похода последнего на литву). В другой новейшей популярной работе, подготовленной ведущими литовскими специалистами, взаимоотношения литовцев с восточными славянами с середины XII в. представлены как процесс отвоевания некогда принадлежавших балтам земель. И только «угроза со стороны немецких орденов помешала литовцам объединить в единое государство все некогда имевшиеся у балтов земли» [23, с. 106].

Проблема взаимоотношений Руси и Литвы широко представлена в трудах польских историков. Среди последних следует особо выделить исследования Г. Ловмянского и Е. Охмянского. Г. Ловмянский утверждал, что колонизация со стороны славян (кривичей и дреговичей) завершилась около VII в., поэтому политическая граница между Русью и Литвой выглядит в его исследованиях статично: она определялась линией порубежных городов (Гродно, Волковыск, Слоним, Новогрудок, Минск, Заславль, Логойск). Эта древняя политическая граница Киевской Руси, по мнению исследователя, являвшаяся ранее и племенной границей дреговичей и кривичей, сохранялась вплоть до XIII в. [41, с. 81–82]. Ведущий польский славист в своем исследовании «Prusy–litwa–krzyżacy» обстоятельно анализирует монографию В.Т. Пашуто об образовании Литовского

государства. Польский историк присоединяется к мнению русского коллеги в том, что от грабительских набегов к территориальным захватам литовцы перешли в тяжелые для русских княжеств годы отражения немецкой агрессии и монгольского нашествия (около 1240 г.) [42, с. 255]. В целом для Г. Ловмянского гораздо более важным для генезиса литовского государства является внешнее воздействие со стороны немецких рыцарей-крестоносцев.

В монографии Ежи Охмянского сделаны интересные наблюдения о последовательно проводимой Древнерусским государством, затем Полоцким княжеством политике продвижения на литовские земли посредством создания порубежных крепостей. Что особенно важно, автор намечает эволюцию русско-литовских отношений, отдельные этапы которых иллюстрирует письменными источниками и археологическими материалами [43, с. 16–25]. Для польского исследователя взаимоотношения балтов и восточных славян характеризовались жесткой конфронтацией, более того, имела характер «борьбы за территорию». В VII–IX вв. происходило столкновение литовцев с кривичами, в X–XII вв. доминировало Полоцкое княжество, на третьем же этапе со второй половины XII в. происходит постепенный перелом в пользу литовцев и около середины XIII в. «война Литвы с Русью за политическую границу» закончилась «триумфом Литвы». В результате же образования ВКЛ и включения в его состав ряда восточнославянских земель «Литва возвращалась в свои старые этнические границы до русской экспансии» [43, с. 24].

Интерес представляет обнаруживаемая Е. Охмянским принципиально различная политика, проводимая Полоцким и Минским княжествами по отношению к Литве. Во второй половине XII в. летописи зафиксировали союзнические отношения минского князя и Литвы: «Литва выступила на стороне до этого более слабой, за Минск, и тем способом ослабила главного противника – Полоцк» [43, с. 23]. Уже в 1160-е гг., по мнению исследователя, Минск попадает в «сферу политического влияния» Литвы. В начале же XIII в. Минск оказывается в подчиненном положении от Литвы, косвенным доказательством чему служат нападения литовцев на Черниговскую землю, кратчайшая дорога к которой шла вдоль рек Виляя – Свислочь – Березина, далее за Днепр. Чтобы свободно пользоваться этой дорогой необходимо было проходить через территорию «по крайней мере дружественную» [43, с. 24].

Необходимо также отметить, что политика правителей Киевской Руси в Прибалтике увязывается современными польскими историками с инициативами князей Польши по проведению в данном регионе своих интересов [44, s. 57–58]. В целом исследования проблемы литовско-польских отношений имеют давнюю историографическую традицию. В ее начале можно отметить обширную работу исследователя литовских древностей Теодора Нарбута, в труде которого на польском языке в 9 томах («Dzieje starożytne narodu litewskiego») впервые была сделана попытка обобщить сведения письменных и фольклорных источников по истории Литвы. Оценивая состояние историографии проблемы польско-литовских отношений, современный польский историк Г. Блашчик отмечает отсутствие фундаментальных работ по данной проблеме и в то же время наличие богатой литературы, затрагивающей, однако, только некоторые аспекты взаимоотношений и имеющей в большинстве исключительно «историографический интерес» [39, s. 9]. Первые специальные работы появляются в конце XIX в. – это труд Габриэла Ландсберга (псевдоним Жемкалниса) 1899 г. «Поляки и литовцы с 1228 по 1430 г.: критический беглый обзор мнений польских историков». Но научная ценность данной работы была невелика, она явилась одной из первых в пропагандистской литовско-польской войне [39, s. 10].

Впоследствии внимание историков в большей степени было обращено к проблемам польско-литовских уний и совместного государственного строительства Польши и Литвы. Эти проблемы заставили изучение истории польско-литовских отношений в период XII–XIII вв.: в нем не видели самостоятельного предмета для изучения и рассматривали лишь как предысторию межгосударственных отношений между ВКЛ и Польским королевством. Поэтому можно отметить лишь единичные исследования, в которых более или менее обстоятельно была представлена внешняя политика Литвы в ее догосударственный период. Так, в небольшом исследовании Станислава Зайончковского о польско-литовском перемирии 1325 г. [45] затрагиваются и проблемы взаимоотношений Польши и Литвы в более ранний период, который автор начинает с 1209 г. Это мнение стало общепринятым, его разделяли и позднейшие польские (Г. Пашкевич, О. Халецкий, Г. Блашчик) и литовские (Зенонас Ивинскис) исследователи. Что касается характера ранних польско-литовских взаимоотношений, то литовские историки заняли особую позицию. Так, утверждалось, что первоначально взаимные контак-

ты ограничивались военными нападениями, при этом агрессивной стороной были польские феодалы, которые нападали на литовские (ятвяжские) и прусские земли (Юозас Жюгжда). В представлении Брониуса Дундулиса (в работе 1968 г.) именно поляки были инициаторами нападений, в то время как пруссы, ятвяги и литовцы только отвечали на них. Тем не менее, в работах последних десятилетий литовские авторы несколько сменили акценты. Так, отмечается, что польские князья, в отличие от немцев (крестоносцев и ливонцев), не были агрессорами и не угрожали литовцам [40, p. 59–60; более ранние издания 1995 и 1998 гг.].

Наиболее полное на сегодняшний день исследование проблемы литовско-польских отношений принадлежит Гжегожу Блашчику. В первом томе своего труда (с показательным подзаголовком «Трудное начало») ученый обстоятельно рассматривает примеры первых контактов между Польшей и Литвой, критически анализирует первые упоминания о Литве в польских источниках, прежде всего, в хронике Яна Длугоша. Для нашей темы важно, что польский историк литовско-польские контакты вписывает в контекст общих международных отношений в Восточной и Центральной Европе, обращая внимание на союз Литвы и Мазовии с Галицко-Волынским княжеством. Г. Блашчик рассматривает литовские нападения на соседей как важное явление в истории Литвы, впрочем, характерное для истории многих народов на стадии, предшествующей возникновению государства. Начавшиеся в середине XII в. набеги литвы продолжались более двух столетий (последний набег на Польшу – в 1376 г.), при этом обнаруживается эволюция характера этих акций: от первоначально исключительно грабительских к превентивным и завоевательным. Ученый не видит отличия в нападениях литовцев на Польшу и русские земли, отмечая, что населению последних они несли беды и разорение [39, s. 33].

Современными украинскими историками сделаны важные наблюдения над взаимоотношениями Галицко-Волынского княжества с Литвой. Отмечается специфический характер этих отношений, вызванный тем обстоятельством, что Литва не придерживалась даже приблизительных норм и правил средневековой дипломатии и договоры с Русью могли соблюдаться только при условии военного превосходства ее князей. Но в любом случае эти соглашения были недолговечными [25, с. 92]. Между тем в фундаментальной работе крупнейшего представителя украинской историографии М.С. Гру-

шевского «История Украины-Руси» важное значение придавалось заключенному в конце 1219 г. договору между литовскими и галицко-волинскими князьями. Благодаря этому договору, по мнению украинского историка, литовские набеги стали более редкими, а кроме того он дал Романовичам ценных союзников, которых те использовали против Польши [18, с. 79].

Таким образом, различные стороны русско-литовских отношений в домонгольский период в той или иной степени затронуты в историографии: предложены различные характеристики и формы взаимоотношений Древней Руси и отдельных ее княжеств с Литвой, выявлены периоды этих взаимоотношений, максимально полно проанализированы данные письменных источников и археологических материалов. Тем не менее, нельзя утверждать, что интересующая нас проблема изучена всесторонне; совершенно очевидна необходимость подготовки монгорафического исследования, опирающегося на весь комплекс разнообразных источников. Проблема литовско-русских отношений в домонгольский период, т.е. в период до создания собственной литовской государственности, не стала самостоятельным предметом исследования, будучи заслоненной более важными проблемами образования Великого княжества Литовского и польско-литовских государственных уний.

Во многом неразработанность проблемы отношений Руси и Литвы до середины XIII в. обусловлена состоянием источниковой базы. Источники позволяют наметить эволюцию политических взаимоотношений Руси и литвы. Самая общая тенденция заключается в постепенном усилении литвы и принципиальном изменении характера ее взаимоотношений с Русью: от безусловного подчинения и выплаты дани к участию в междоусобных войнах и переходу к собственным грабительским набегам, а затем и территориальным захватам.

Предварительное изучение проблемы позволило прийти к следующим выводам:

1) Расселившиеся на территории северной, лесной части Восточной Европы славяне оказались более активным элементом. Археологические исследования дают возможность оценить характер славянской миграции на новые земли: она носила характер последовательной колонизации. Славяне занимали земли надолго, для своего проживания, ведения собственного хозяйства, хорошо приспособляемого к местным условиям. Славяне селились компактными группами, возможно, в соответствии с децимальной (деся-

тичной) системой [9, с. 30]. Местное балтское население некоторое время проживало отдельными вкраплениями, «островами» в уже освоенных славянами областях, подвергалось ассимиляции (этот процесс продолжался до XII–XIII вв.), физически уничтожалось или вытеснялось на северо-запад [22, с. 14–15]. Нельзя утверждать, что колонизационные процессы со стороны кривичей и дреговичей завершились в VII в. Этот вывод Г. Ловмянского опровергается его же наблюдениями о появлении славянских поселений к XII–XIII вв. вдоль всего правого берега Немана от Гродно до устья Березины [41, с. 82–83]. Несмотря на то, что острова литовского населения остаются на территории, уже вошедшей в ареал славянского расселения, славяне отодвигают свою границу на запад и северо-запад [22, с. 15]. Есть все основания утверждать, что колонизация новых земель являлась целенаправленной, последовательной политикой государственной власти Киевской Руси, а затем Полоцкого (несомненно, и Киевского) княжества. Именно в русле данной политики происходило строительство порубежных крепостей, расположение которых позволяет наметить направления продолжающейся славянской экспансии (Ежи Охмянский намечает четыре таких направления) [43, с. 15–18]. Невозможно также принять тезис о мирном характере отношений Руси и литвы (затем Полоцкого княжества). До определенного времени балтское население в области славянского расселения вынуждено было уступать безусловному военно-политическому превосходству славян. Отношения Руси и литвы изначально не были взаимодействием двух равноправных партнеров: восточные славяне, находившиеся на более высоком уровне общественно-политического развития, подавляли в своих интересах развитие балтских племен, оказавшихся на пути их экспансии.

2) Источники позволяют наметить эволюцию политических взаимоотношений Руси и литвы. Самая общая тенденция заключается в постепенном усилении Литвы и принципиальном изменении характера ее взаимоотношений с Русью: от безусловного подчинения и выплаты дани к участию в междоусобных войнах и переходу к собственным грабительским набегам, а затем и территориальным захватам. Данная трансформация взаимоотношений была обусловлена не только переменами в политической ситуации на восточнославянских землях (начало периода политической раздробленности), но и изменениями в самом литовском обществе: разложении родоплеменного строя, выделении племенной верхушки,

определенном прогрессе в экономическом развитии, позволившем мобилизовать часть населения для проведения военных акций и т.д. Значительным фактором, вызвавшим консолидацию балтских племен, являлось проникновение в Восточную Прибалтику немецких рыцарей крестоносцев.

3) Лишь приблизительно можно назвать время существования даннической зависимости литвы от Руси. Вполне определенно литва платила дань в начале XII в. Именно в это время была создана Повесть временных лет, в недатированном введении к которой литва (как племя) присутствует среди народов, «иже дань дают Руси» [6, с. 10]. Начало же подчинения литвы можно связать с походом Ярослава Мудрого 1040 г. [6, с. 67] (1044 г.) [5, с. 181]. Но чрезвычайно лаконичное летописное сообщение не исключает возможности того, что поход киевского князя был вызван отказом подчиненного племени соблюдать ранее утвердившиеся обязательства. Вполне определенно литва не платила дань во второй половине XII в. Освобождение от даннических обязательств, несомненно, нужно связывать с раздроблением Древней Руси. Весьма продуктивным представляется предположение о прекращении выплаты дани литвой после событий 1129 г. – высылки полоцких князей в Византию. В таком случае поход киевского князя на литву в 1132 г. нужно рассматривать как попытку восстановления прежних отношений. Поход, видимо, не достиг цели. Как отмечает летописец, «киян тогда много побилша Литва» [4, стб. 294].

4) Можно выделить три периода во взаимоотношениях Руси и литвы до середины XIII в.:

1. Первая половина XI – первая треть XII в.: отношения даннической зависимости. Полное доминирование Древней Руси в Прибалтике.

2. 1130-е гг. – конец XII в.: паритет сил, использование литовцев в междоусобицах. Литва в этот период «поднялась до уровня желаемого для русских князей союзника» [43, с. 22]. Тем не менее, на этом этапе литовцы выступают как пассивная сила, используются в интересах других. Уже на следующем этапе на первый план выходят их собственные интересы.

3. Первая половина XIII в. – переход Литвы к активной экспансии на русские земли, первоначально в форме грабительских набегов, а затем и территориальных захватов.

5) Необходимо несколько уточнить содержание выделенного выше первого этапа русско-литовских отношений. Безусловно при-

зная факт выплаты литвой дани (зафиксированный в польских [7, s. 169; 8, s. 446; 3, с. 14] и древнерусских источниках) [6, с. 10], нужно определить адресат этой дани и, главное, время, с которого дань, адресованная Киеву, переходит к Полоцку. Источники не позволяют однозначно и сколько-нибудь точно разрешить обозначенные проблемы. Поход киевского князя Ярослава Владимировича в 1040 (1044) г. на литву дает возможность определенно утверждать, что дань после этого события (а возможно, и в более раннее время) поступала в Киев. Время же перехода дани к Полоцку можно установить лишь предположительно. Возможно, это произошло в первый период правления в Полоцке Всеслава Брючича (1044–1067). Именно в это время явно проявляется противодействие расширению влияния Полоцка в северо-восточном направлении со стороны других древнерусских княжеств. Е.Л. Назарова высказала предположение, что в таких условиях Полоцк стремится закрепить свое влияние по Западной Двине, среди племен ливов, земгалов, куршей и латгалов [28, с. 181]. Возможно, тогда же была переадресована Полоцку и литовская дань. Следует также обратить внимание на непродолжительный период нахождения на киевском престоле Всеслава Брючича. Значительную сложность представляет определение времени прекращения даннической зависимости литвы от Полоцка. В этом отношении, возможно, важное значение имеет поход киевского князя Мстислава Владимировича на литву в 1131 (1132) г. В походе Мстислава можно обнаружить начало реализации нового вектора внешней политики: после подчинения Киеву Полоцка необходимо было подтвердить права и на сферу влияния последнего, в том числе осуществить и практическую переадресацию дани. Но из-за скорой смерти киевского князя этот вектор остался незавершенным, а слабость Полоцка не позволила последнему восстановить данническую зависимость литвы.

6) Взаимодействие Литвы с Русью принимало различные формы: это и торговые [36, с. 397], и матримониальные [2, с. 113] связи, и совместная борьба с немецкой экспансией. Тем не менее, даже в период возросшей опасности со стороны крестоносцев, полоцкий князь готов идти на соглашение с последними, чтобы «тем легче противостоять литовцам» [2, с. 140].

7) Анализ имеющихся в распоряжении историка письменных источников, характеризующих отношения Древней Руси с прибалтийским регионом в целом, позволяет обнаружить некоторые особенно-

сти политики в отношении литвы. Так, отмечаются многочисленные походы на финно-угорское племя чудь (1113, 1116, 1130, 1131, 1133, 1178, 1191, 1212, 1217, 1222 гг.), в то время как русские походы на Литву единичны: в XII в. это только походы 1131 г. киевского князя Мстислава Владимировича (в летописи 1132 г.) [4, с. 295; Ежи Охмянский убедительно обосновывает первую дату: 43, s. 21–22] и смоленского князя Романа Ростиславича в 1173 г., указанный в труде В.Н. Татищева [35, с. 98]. Литва с конца XII в. и особенно в первой половине XIII в. выступает как активная сила. Древнерусские княжества-земли вынуждены отражать нападения литовцев и наносить ответные удары (1200, 1203, 1221, 1225, 1228, 1229, 1237) [5, с. 239; 1, с. 57; 4, стб. 334; 5, с. 269; 4, стб. 336; 5, с. 275, 285], но инициатива в данном случае принадлежит противнику. Показательно в этом отношении событие 1236 г., показавшее возрастание могущества Литвы. Внушительная коалиция немецких рыцарей («в силе велице»), чуди и псковичей потерпела сокрушительное поражение от «безбожной Литвы», так что «придоша коиждо десятый в дома своя» [5, с. 285]. Добавив к этому другие победы литовцев над немецкими рыцарями, приходится констатировать складывание очень мощной политической организации на базе литовского этноса, консолидированной сильной верховной властью, уже в первой половине XIII в.

8) Анализ предшествующих складыванию Великого княжества Литовского русско-литовских отношений важен для реконструкции основных этапов и сущности генезиса этого государственного образования. Было ли это государство первоначально создано только на собственной – литовской – этнической основе или уже после инкорпорации в его состав восточнославянских земель можно говорить о создании ВКЛ? Эволюция характера взаимоотношений Руси и литвы является прямым свидетельством происходящих перемен в литовском обществе: разложении родоплеменного строя, выделении племенной верхушки, определенном прогрессе в экономическом развитии, позволившем мобилизовать часть населения для проведения военных акций. С полным основанием можно говорить о создании литовцами еще в первой половине XIII в. (в период наибольшей активизации их самостоятельных внешнеполитических мероприятий) предгосударственного образования, непосредственно стоящего на пороге государственности. Влияние Древней Руси на политическое развитие Литвы сказалось еще до присоединения к ней собственно восточнославянских земель.

Список литературы

1. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 26. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 413 с.
2. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. – 2-е издание. – М.; Л.: АН СССР, 1938. – 352 с.
3. Длугош Ян. Грюнвальдская битва. – СПб.: Наука, 2007. – 214 с.
4. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 938 стб.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 568 с.
6. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.
7. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przewdzieckiego. – Т. II. – Ks. V, VI, VII, VIII. – Kraków: W drukarni “Czasu” W. Kircumayera, 1868. – 530 s.
8. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. – Т. III. – Ks. IX, X. – Kraków: W drukarni “Czasu” W. Kircumayera, 1868. – 558 s.
9. Александров, Д.Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVII веках / Д.Н. Александров, Д.М. Володихин. – М.: «Аванта+», 1994. – 133 с.
10. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л.В. Алексеев. – Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – 289 с.
11. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л.В. Алексеев. – Кн. 2. – М.: Наука, 2006. – 167 с.
12. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. (очерки истории северной Белоруссии) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
13. Антонович, В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В.Б. Антонович. – Вып. 1. – Киев: В университетской типографии, 1878. – 156 с.
14. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края / П.Н. Батюшков. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1890. – 183 с.
15. Вернадский, Г.В. Киевская Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1996. – 448 с.
16. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: Экоперспектива, 2008. – 688 с.
17. Грушевский, А.С. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. / А.С. Грушевский. – Ч. 1. – Киев: Б.м., 1901. – 191 с.
18. Грушевський, М.С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / М.С. Грушевський. – Київ, Наук. думка, 1993. – Т. 3. – 592 с.
19. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. / Э. Гудавичюс. – М.: Фонд имени И.Д. Сытина BALTRUS, 2005. – 679 с.
20. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев: Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1896. – 260 с.
21. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – 2-е выд. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. – 366 с.
22. Зверуго, Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я.Г. Зверуго. Под ред. П.Ф. Лысенко. – Минск: Навука і тэхніка, 1989. – 208 с.
23. Зинкявичюс, З. Откуда родом литовцы / З. Зинкявичюс, А. Лухтанас, Г. Чеснис. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2006. – 143 с.
24. Карамзин, Н.М. История государства Российского в 12-ти томах / Н.М. Карамзин. – Т. II–III. – М.: Наука, 1991. – 832 с.

25. Котляр, М. Південно-Західна Русь в європейській політиці XII–XIII ст. / М. Котляр // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. – №3. – с. 79–100.
26. Краўцэвіч, А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага / А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 208 с.
27. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – СПб.: Наука, 2001. – 311 с.
28. Назарова, Е.Л. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XIII вв.) / Е.Л. Назарова // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. – М.: Наука, 1986. – С. 177–184.
29. Насевіч, В.Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы / В.Л. Насевіч. – Мінск: Польша, 1993. – 160 с.
30. Пашуто, В.Т. Внешняя политика Древней Руси / В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1968. – 472 с.
31. Пашуто, В.Т. Образование Литовского государства / В.Т. Пашуто. – М.: АН СССР, 1959. – 530 с.
32. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории / А.Е. Пресняков. – Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. – 247 с.
33. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн / С.М. Соловьев. – Кн. I. Т. 1–2. «История России с древнейших времен». – М.: Голос, 1993. – 752 с.
34. Старостина, И.П. Древняя Русь и Литва / И.П. Старостина // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г. Тезисы докладов. – М., 1994. – С. 69–70.
35. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 2, 3. История Российская / В.Н. Татищев. – Часть 2. – М.: Ладомир, 1994. – 688 с.
36. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
37. Хрусталева, Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. / Д.Г. Хрусталева. – Т. I. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2009. – 416 с.
38. Янин, В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В.Л. Янин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.
39. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów naidawniejszych do współczesności / Grzegorz Błaszczyk. – Tom I. Trudne początki. – Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 1998. – 304 s.
40. Kiaupa, Z. Lietuvos istorija iki 1795 metų / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. – Vilnius: Vilsa, 2000. – 381 p.
41. Łowmianski, H. Początki Polski / H. Łowmianski. – Т. III. – Warszawa: PWN, 1967. – 501 s.
42. Łowmianski, H. Prusy–litwa–krzyżacy / H. Łowmianski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – 481 s.
43. Ochmański, J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku / J. Ochmański. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1981. – 84 s.
44. Tyszkiewicz, J. Jaćwież wczesnośredniowieczna. Pomędzy Niemnem, Biebrzą i Gołdapią, czyli przeciw legendom / J. Tyszkiewicz // Świat pogranicza. – Warszawa: Drukarnia Naukowo-Techniczna S.A., 2003. – S. 57–66.
45. Zajączkowski, S. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. / S. Zajączkowski // Kwartalnik Historyczny. – R. 40. – 1926. – S. 567–617.

Голубев О. Е.

ФЕНОМЕН «СВОЕЙ АНТИЧНОСТИ» В ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Тема традиции, наследия и древности как формообразующих факторов современности является одной из ключевых для истории и культуры Европы. Для европейской культуры опорным фундаментом выступил комплекс феноменов античности, который стал основой для формирования многих культурных и политических явлений в жизни общества Нового времени. В эпоху Возрождения были вновь открыты образцы античной классики, переработанные и переосмысленные, они легли в основу европейской культуры. Похожие тенденции исторической и культурной преемственности можно наблюдать и на восточнославянских землях. Основное отличие состояло в том, что для восточной Европы в роли «своей античности» (обоснование термина см. ниже) выступило переработанное византийское наследие. Византийское православие, принятое на Руси и в других восточно- и южнославянских странах, не давало возможности в полной мере развиваться античному наследию. Древнегреческая языческая философия и искусство рассматривались как явления, содержащие в себе определенные греховные элементы, поэтому отношение к ним было скорее неприязненное, чем лояльное. Ниже мы постараемся кратко обрисовать основные характеристики генезиса и содержания комплекса феноменов «своей античности» на землях Руси и Великого княжества Литовского, предварительно остановившись на вопросах места античности в истории Латинской Европы и отношения к ней в Византии.

Восприятие античности в Средние века и в эпоху Ренессанса

Традиционно под античностью понимается цивилизация Древней Греции и Рима во всем многообразии ее историко-культурных форм. Изначально античность характеризовалась развитием философии (с ее гносеологической революцией), литературы, архитектуры, искусства и т.д. С 326 г. до н.э., когда войска Александра Македонского продвинулись на восток до долины Инда, начался отсчет нового периода развития этого феномена, получивший название эллинизма. Это время, в которое произошла встреча греческой куль-

туры с культурами покоренных народов востока. Здесь античность впервые проходила апробацию в этнокультурных ареалах варварских земель, впитывая в себя новые элементы, трансформируя и трансформируясь под влиянием новых феноменов. На рубеже эпох, в первом веке до н.э. культурное первенство постепенно перешло к Риму, покорившему все пространство Средиземноморья и ставшему проводником в культурной цепи передачи античного наследия от греческой цивилизации через эпоху европейского Средневековья к Ренессансу.

Античность играла чрезвычайно важную роль в формировании общей европейской и национальных культур народов Европы в Средневековье, она, наряду с христианским наследием, стала основой для их будущего развития в Новое и Новейшее время. Опыт античности вошел в обиход общественной жизни средневековой Европы: в науку и образование, право и искусство, философию и, отчасти, в христианское богословие. В период Средневековья шел процесс рецепции и передачи античного наследия, но при этом необходимо учитывать, что его развитие происходило под давлением теологической системы католической церкви. Латынь сохраняла за собой статус универсального языка науки, открывавшего путь к знакомству с творениями древних мыслителей. При этом латинский язык, выполняя инструментальную функцию, предоставлял богатый научно-понятийный аппарат, применявшийся во многих сферах.

С началом эпохи Ренессанса, наряду с секуляризацией теоретического познания и приобретением антропоцентрических черт, в Европе выработалась новая культурная парадигма с ее основными составляющими: наукой, философией и искусством. Переосмысленные и переработанные античные ценности легли в основу жизни нового европейского общества. В XIX в. появилась теория «греческого чуда», признававшая уникальность философии и искусства Древней Греции. В научный обиход стали входить наработки древних мыслителей: античная философия, заложившая базис для развития философской мысли Нового времени, Евклидова геометрия, математические теоремы Пифагора, закон Архимеда, астрономические наблюдения, давшие толчок развитию естественных наук. Римское право заложило основу для создания правовых систем многих европейских государств.

Византия: христианские древности и античность

Несколько отличным от западного был подход к античности, сложившийся в восточной части империи, где преобладало православное христианство. Благодаря этому в Византии на протяжении веков выработалась своя специфика отношения к древности. Почитание древних авторитетов, основанное на новозаветном откровении, корнями уходило в ветхозаветное богословие. Библейские писания и религиозность Нового и Ветхого Завета для христианства стали богатым источником опыта и вдохновляющих идей, своего рода «христианской античностью», под влиянием которой развивались христианские богословие и религиозность. Частые отсылки к библейским истинам для учителей и писателей церкви стали нормой. В то же время философский категориальный аппарат и некоторые идеи древнегреческих мыслителей легли в основу восточного богословия, оказывая влияние на его развитие в последующие столетия.

Со временем в среде православного христианства появились два подхода к античному наследию. Первый из них отвергал мирскую мудрость как безумие в глазах Бога. Павел, названный «учителем язычников», обращаясь к христианам Коринфа, писал: «не обратил ли Бог мудрость мира в безумие?» (1 Кор 1:20). А христиан г. Колоссы он предостерегал от увлечения греческой философией, способной отвлечь человека от Христа: «смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией ... по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол 2:8). Но постепенно строгость ригоризма угасала, и уже в середине II в. в Александрии появилась богословская школа, среди деятелей которой были Климент (150–215) и Ориген (185–254), использовавшие другой подход к античному наследию. В рамках этого второго подхода при разработке богословских доктрин сочетались лучшие достижения античной философской мысли и наследия библейского откровения. В последующие века развития православного богословия сохранялся определенный баланс между христианской мыслью и философским наследием, при котором многие истины Откровения объяснялись в понятных для образованных людей того времени философских категориях (так, например, известный богословский термин «омоуσιос» (единосущный), включенный в символ веры, был заимствован из философии).

Таким образом, в Византии выработалось свое отношение к античности. С одной стороны, православное богословие было враж-

дебно настроено к философской мысли и не принимало культурных образцов эллинистической древности. С другой стороны, в переработанном виде они неизбежно проникали в обиход его жизни. Идеи Платона оказали мощное влияние на христианскую догматику и аскетическую жизнь, лучшие наработки античного искусства вошли в православную иконографическую и хоровую традиции, то есть восточное христианство смогло, сохраняя определенную дистанцию, по-своему воспринять и переработать наследие древности.

«Своя античность» на Руси

На землях Руси, перенявшей византийскую культурную традицию, комплекс феноменов античности оказал не столь ощутимое влияние на внутреннюю жизнь, однако развитие получил другой процесс, который можно назвать феноменом «своей античности».

Термин «своя античность», впервые использованный Д.С. Лихачевым в отношении древнеславянской литературы IX–XIII вв. [13, с. 8], был неоправданно забыт. Современный исследователь А.А. Турилов предложил вернуть его в научный оборот, дав ему следующую интерпретацию: «"Своя"... оказывается синонимом "церковнославянской" (без национально-племенных различий), а "античность" охватывает почти четырехвековой период 860–1230» [19, с. 115]. Таким образом, А.А. Турилов рассматривает «свою античность» на Руси как особый период в истории культуры восточнославянского региона.

Представляется возможным несколько расширить значение упомянутого термина, используя его для обозначения целого комплекса заимствованных из Византии культурных образцов, касающихся жизни и развития восточнославянских земель. Нам хотелось бы сосредоточиться на церковно-политической составляющей этого феномена, не углубляясь в рассмотрение сложных философских и культурологических аспектов.

На землях Руси с X по XIII вв. «своя античность» проявилась в формировании устройства институтов власти, структуры церкви, книжности, культуры по византийским образцам. Войдя в обиход общественной жизни, эти образцы постепенно стали типовыми, т.е. неоднократно воспроизводимыми в различных концах Руси. Как пишет церковный историк И. Мейендорф, после Крещения «Киев очень быстро принял Византию за образец своего собственного культурного развития. Кафедральный собор был посвящен Святой

Софии – Премудрости Божией, и его украсили мозаиками лучшие византийские мастера (1037–1046 гг.). Печерский монастырь в Киеве принял устав константинопольского Студийского монастыря. Те произведения византийской юридической, исторической и богословской литературы, которые не были переведены в Болгарии, переводились на Руси» [14, с. 341]. Таким образом, в странах «Византийского содружества наций» (термин введен Д. Оболенским [15]) выделились три базовых элемента феномена «своей античности»: римская традиция власти, греческая переводная литература и православная христианская вера, без которых, как отмечал Г. Острогорский, «невозможно понять Византию» [5, с. 27].

Земли восточнославянских княжеств, принявших православие, были включены на правах удаленной церковной провинции в ареал громадной империи. Император, не имевший реальной власти над Русью, стал для нее символом христианского единства, а церковь выступила основным проводником культуры и политической воли императора «ойкумены»: митрополит киевский был ключевой объединяющей фигурой для политически раздробленных и враждующих русских княжеств. Стремление к утверждению византийской имперской традиции наиболее отчетливо проявилось во времена великого князя киевского Владимира (ум. в 1015 г.) и его сына Ярослава (1019–1054 гг.). Но позже попытки поддержать византийскую традицию власти были затруднены, когда Ярослав разделил Русь на уделы между пятью своими сыновьями, после чего она стала предметом раздора для враждующих княжеских кланов.

Церковная структура получила свою организацию по византийскому типу: митрополит киевский, подчинявшийся константинопольскому патриарху, занимался решением внутренних духовных дел; епископы, находящиеся на местных кафедрах, окормляли приходы и монастыри. Как отмечал И. Мейендорф, постепенно на основе византийских образцов сформировался «местный лик» русских святых покровителей и заступников пред престолом Божиим: славянские просветители Кирилл и Мефодий (образы которых были схожи с образами первоверховных апостолов Петра и Павла, «просветивших всю вселенную»), великий князь Владимир Креститель и княгиня Ольга (в подражание византийским царям Константину и Елене, утверждавшим православие в Византии), киево-печерские монахи-подвижники (напоминавшие анахоретов египетской и сирийской пустыни). По свидетельству Повести временных лет впер-

вые мученическая кровь была пролита на Руси еще до ее крещения. В 983 г. киевскими язычниками были убиты двое варягов-христиан (Феодор и Иоанн), на месте гибели которых впоследствии была построена Десятинная церковь. Как отмечал И. Мейендорф: «почитание мучеников занимало центральное место в Октоихе, Минеях и Синаксариях. И святость русских монахов представляет духовность, в общем тождественную духовности греческих или сирийских подвижников. Кроме того, уже Иларион Киевский изображал князя Владимира вторым Константином, а святые князя (некоторые из них были замучены татарами) имели прообразами хорошо известных греческих святых воинов» [14, с. 352–353]. Храмы и монастыри – Киевская София и Киево-Печерская лавра, созданные в XI веке при Ярославе Мудром, – стали символами и идейным центрами русского православия. Примечательно, что имя основателя лавры Антония, полученное им при постриге, совпадало с именем великого Антония, египетского подвижника IV века, считающегося основателем христианского монашества. Даже если этот и был совпадением, то для русского сознания того времени он был глубоко символичным.

Комплекс переводных литературных сочинений начал формироваться еще в эпоху просветителей славян братьев Кирилла и Мефодия, когда были сделаны переводы Священного Писания и некоторых произведений патристики вероучительного характера [12, с. 78–105]. На протяжении последующих веков число книжных памятников постепенно увеличивалось, одновременно шло развитие самостоятельной церковнославянской литературной традиции (летописание, патерики и жития святых), нередко буквально копировавшей образцы византийской книжности.

С течением времени образцы «своей античности» стали культурно-идеологическим базисом для формирования модели «Малой Византии», т.е. государственного образования, организованного по византийскому типу и стремящегося к самостоятельности. На русских землях этот процесс, зародившийся в эпоху великого князя Владимира, значительно замедлился после монгольского нашествия. Но при ослаблении Византии и падении Константинополя под натиском турок (1453 г.) имперские тенденции заметно усилились, что проявилось в утверждении автокефалии Русской церкви, принятии царской титулатуры великими князьями московскими и выработки идеи «Москва – Третий Рим» в последующие века.

Таким образом, на восточнославянских землях с принятием православия происходило заимствование византийских культурных образцов, закладывавших основу будущего развития региона. Этот процесс, хотя имел определенную специфику (акцентирование не на культивации культурных феноменов, а на развитии системы духовной и светской власти), но в целом протекал по классической схеме: Крещение, затем христианизация и формирование собственных общественных институтов.

«Своя античность» в Великом княжестве Литовском

Интересный процесс активизации церковно-политической жизни, имеющий определенную специфику, проходил в XIV веке, когда у власти находилась династия Гедиминовичей. Английский историк Роуэлл обозначил феномен утверждения литовской языческой власти над православным восточнославянским населением как «*Pagan Empire*» (языческая империя) [6]. В это время на территории ВКЛ сложилась *принципиально новая ситуация*, с которой церковь не сталкивалась с тех времен, когда христианство стало государственной религией в Римской империи. Господствующее положение церкви было нормой для Византии, язычество было постепенно вытеснено из общественной жизни. Но в XIV в. в восточнославянском регионе наблюдалось возникновение ситуации, не укладывавшейся в классические представления византийцев: языческие правители ВКЛ осуществляли верховную власть над большинством православного восточнославянского населения. При этом в других княжествах восточнославянского региона, как правило, такого религиозного противоречия не возникало: православный правитель, князь, управлял православным населением, находившимся в подчинении митрополита киевского и всея Руси. Хотя между язычеством и православием в ВКЛ не было открытой конфронтации, но определенное противостояние, накладывавшее отпечаток на политическую жизнь региона и существование церкви, присутствовало. Это вызвало особую реакцию в Константинополе и вынуждало патриарха и императора вырабатывать специфичные подходы к решению «литовских» проблем.

Таким образом, по отношению к конфессиональной ситуации в ВКЛ термин «своя античность» приобретает некоторые особенные черты. С его помощью можно обозначить специфичную ситуацию

сосуществования язычества и христианства на территории великого княжества. Сложившая неординарная обстановка способствовала развитию ряда культурно-религиозных феноменов, затронувших церковную, политическую и общественную жизнь как в самом ВКЛ, так и в Византийской империи.

К началу XIV века православное христианство в ВКЛ имело полноценно оформленную структуру: оно было представлено сетью приходов и монастырей, находившихся в юрисдикции местных епископов. В 1316 г. была учреждена Литовская митрополия, претерпевшая три этапа восстановления. Первым литовским митрополитом был Феофил, о котором практически ничего не известно. Он принимал участие в заседании столичного синода 1317 г. По утверждению немецкого историка А. Аммана, в апреле 1329 г. он отправился в Константинополь с жалобами на митрополита Феогноста, забравшего у него Туров, но обвинения не были приняты. Вскоре, в сентябре 1330 г., он преставился [3, с. 79]. Вторым литовским митрополитом стал Феодорит (рукоположен в г. Тырново до 1352 г.), ставленник Ольгерда. Третий митрополит – Роман, родственник второй жены Ольгерда Иулиании, был родом из тверских князей (посвящен в 1354 г.). Четвертый митрополит – болгарин Киприан, был хиротонисан в Константинополе в 1375 г. в митрополита литовского, а после смерти митрополита Алексия должен был стать митрополитом «всех Руси», восстановив расколотую Киевскую митрополию. Так, на землях ВКЛ можно проследить тенденцию к сохранению иерархической преемственности литовской церкви, что, будучи одним из основных условий ее существования, становилось залогом для развития ее структуры. Несмотря на то, что в свое время на место первого митрополита Феофила не был назначен преемник, а следующий митрополит литовский Феодорит был поставлен неканонически по прошествии более десяти лет, православная церковь на землях ВКЛ имела необходимый базис для дальнейшего роста.

Перейдем к рассмотрению основных составных элементов «своей античности» в ВКЛ. Первым элементом является образ язычника-правителя, использовавшийся в Константинополе для обозначения великих князей литовских. Употребление этого образа имеет глубокие корни в библейской экзегетике и истории церкви. В поздневизантийскую эпоху иноверная власть рассматривалась как «засилие» и «притеснение», так греки относились к турецким завоевателям, так же понималось татарское владычество на Руси. Эти представле-

ния имели библейские корни. В Ветхом Завете тема пленения звучала несколько раз: иудеи пережили египетский и вавилонский плен, воспринимавшиеся как наказание за грехи народа, поэтическим напоминанием об этом служили псалмы Псалтири, широко использовавшейся в православном богослужении. Христос предсказывал своим ученикам гонения и претеснения со стороны мира: «возложат на вас руки и будут гнать [вас], предавая в синагоги и темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое» (Лк 21:12).

В ветхозаветных книгах присутствовал образ «нечестивых царей», угнетавших иудейский народ и его веру. Так, библейский образ язычника-нечестивца, «служащего иным богам», напрямую связывался с агрессией («притеснением») против праведных людей: «появились в нем нечестивые люди из среды тебя и соблазнили жителей города их, говоря: "пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали"» (Втор 13:13); «Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде» (2 Цар 7–10). Таким образом, по логике библейского текста «нечестие», как отрицание веры, напрямую связано с язычеством, которое характеризуется притеснением в отношении «праведных людей». В противовес «нечестивцам» в Ветхом Завете присутствовал образ «праведного царя», как справедливого и богобоязненного властителя, управлявшего израильским народом. Одним из первых таких царей был Мелхиседек (в переводе с еврейского «царь правды»), царь Салимский, который встретил Авраама после битвы с правителем Северного Ханаана Кедорлаомером и его союзниками (Быт 14:18–24). Благочестивым царем израильским был Давид, помазанный на царство после царя Саула (2 Цар 5). После смерти Давида власть в Израильском и Иудейском царствах переходила от «праведных» к «нечестивым» царям, и наоборот. Таким образом, противопоставление языческой и верной Богу царской власти стало одной из классических тем Ветхого Завета.

Восточная христианская традиция считала себя преемницей иудейской, и поэтому, наряду с другими, в жизнь «Нового Израиля» перешли многие явления «Ветхого». Для христианской церкви первых веков противостояние со стороны языческой власти и гонения, в результате которых пострадало множество христиан, стали глубоко символическими. Библейский образ Ветхого Завета был наложен

на исторические реалии жизни церкви, в результате чего гонения, во время которых появились тысячи мучеников, приобрели особый смысл. Все это оказало влияние на представления христиан последующих веков, которые, сталкиваясь со схожими ситуациями, приписывали им традиционные характеристики из библейской герменевтики и истории церкви. В частности, патриарх Филофей, соприкасаясь с проблемами ВКЛ, опирался именно на эту богословско-идеологическую базу.

В Византии сложилось устойчивое представление о литовском язычестве, как о почитании солнца и огня. В своих посланиях патриарх неоднократно называл великого князя Ольгерда «нечестивым и огнепоклонником» («ἀσεβεις τε καὶ πῖρσολάτρεις») [см., например: 1, с. 336–340]. Такие же свидетельства о религиозных верованиях литовских язычников содержались в других византийских источниках того времени: в «Похвальном слове в память трех виленских мучеников» пресвитера Михаила Вальсамона, в «Римской истории» византийского историка и общественного деятеля Никифора Григоры. Он говорил об Ольгерде как о «чуждом, воздававшим служебное почитание солнцу» («ἀλλ' ἔστιν ἀλλοτριόφρων τε καὶ τῷ ἡλίῳ τὸ τῆς λατρείας σέβας νέμων μὲν») [4, р. 517–518]. Эти идеологические «клише», употреблявшиеся в отношении литовского язычества, не только позволяли формировать определенное отношение к нему в среде византийского общества, но и служили также способом воздействия на политическую обстановку, сложившуюся в восточнославянском регионе.

В рамках библейской экзегетики поклонение огню было напрямую связано с человеческими жертвоприношениями. Так, во второй книге Паралипоменон есть свидетельство о нечестивом иудейском царе Манассии: «Он же проводил сыновей своих чрез огонь в долине сына Енномова, и гадал, и ворожил, и чародействовал, и учредил вызывателей мертвецов и волшебников; много делал он неугодного в очах Господа, к прогневлению Его» (2 Пар 33:6). Похожее описание мы встречаем, когда речь идет о царе Ахазе (2 Пар 28:3). А праведный царь Иосия, борясь с язычеством в Иудее, «осквернил Тофет [жертвенник – О.Г.] ..., чтобы никто не проводил сына своего и дочери своей чрез огонь Молоху» (4 Цар 23:10). В ходе своей управленческой деятельности патриарх Филофей активно использовал упомянутые образы библейского богословия, ставшие типовыми для церковной исторической традиции. На эту типовую

взаимосвязь поклонения огню и принесением человеческих жертв хотелось бы обратить особое внимание в контексте развития культуры виленских мучеников. Употребление определения «огнепоклонник» автоматически помещало Ольгерда в один ряд с библейскими царями, притеснявшими Израиль. Канонизация виленских мучеников закрепляла идеологический образ Ольгерда как «нечестивого гонителя», что разрушало его планы «языческого патроната» над православной церковью.

Для взаимодействия с правителями стран Византийского содружества наций в силу специфичности сложившейся обстановки константинопольским властям приходилось постоянно совершенствовать механизмы церковно-политического управления, адаптируя классические наработанные историко-библейские схемы действий к реалиям их жизни. Так, в VI веке возникла идея о симфонии светской и духовной властей, содержащаяся в шестой новелле императора Юстиниана, который предлагал идеальную модель взаимодействия двух ветвей власти – светской и духовной (патриарха и императора), совместно служащих Богу. В подчинении и послушании этим властям находились нижестоящие правители имперских провинций и территорий, находящихся под влиянием Византии. Гармоническое единство и успешное функционирование этой системы власти было основано на христианском фундаменте. Характерным примером использования на практике этой модели была деятельность патриарха Филофея по решению «литовских» вопросов середины XIV века. Позиция, которой придерживался патриарх, отражена в источниках – комплексе посланий Филофея к духовным лицам и светским правителям различных государств Восточной Европы [источники: 1, 2; подробнее о комплексе: 8, 9]. В грамотах, отправленных митрополиту Алексию, новгородскому епископу Моисею, великому князю московскому Дмитрию, смоленскому князю Святославу, тверскому Михаилу и другим адресатам, Филофей прибегал к использованию классической «симфонической» схемы построения пирамиды власти: ведущей фигурой в церковных делах являлся патриарх (для светских дел – это император), поставленный от Бога и являвший его образ в себе. Патриарх благословлял митрополита киевского и всея Руси, которому были подчинены все епископы русских земель и, соответственно, подвластные им лица священного сана и князья. Таким образом, иерархия духовной власти восходила через киевского митрополита к патриарху и самому

Богу. В основе этой системы лежало соподчинение нижестоящих вышестоящим. Положение осложнялось тем, что большинство стран восточнославянского региона не входили в состав империи, а, значит, хотя и находились в зоне ее культурно-политического влияния, но не были в сфере непосредственного подчинения императору. В таких условиях церковь стала одним из проводников имперских интересов в регионе.

Кроме того, организованная византийская система власти встретила особые препятствия для функционирования на землях Великого княжества Литовского в связи со сложившейся там специфичной обстановкой. С одной стороны, на его обширных территориях находилось православное население, непосредственно подчинявшееся иерархии православной церкви. С другой стороны, верховная власть принадлежала династии Гедиминовичей, которые в своих религиозных верованиях оставались язычниками. Патриарху, в поиске новых способов воздействия на ситуацию, приходилось вступать во взаимодействие с князьями-язычниками, используя определенные дипломатические механизмы воздействия на них. А самим правителям – использовать новые возможности для укрепления своей власти.

Ключевая роль в сфере византийско-литовского взаимодействия в эту эпоху принадлежала личности великого князя Ольгерда (1345–1377), который, с одной стороны, понимал важность и значимость православной церкви для своих подданных и стремился использовать ее в своей политике, но, с другой стороны, предпринимал действия, говорящие о его пренебрежении и враждебном отношении к христианству. По свидетельству источников он открыл гонения на христиан г. Алексина [1, р. 434–436; 17, с. 86–91] и инициировал казнь трех виленских мучеников, ставших символом святости для Великого княжества Литовского [16, с. 226–246].

Великий князь Ольгерд хорошо понимал, что для подвластного ему населения авторитет церкви огромен. Используя, наряду с другими, этот фактор, Ольгерд стремился укрепить свою власть в борьбе с Великим княжеством Московским за первенство в регионе. Одним из ключевых пунктов политики великого князя стало стремление создать отдельную Литовскую митрополию. В борьбе за восстановление престола Литовской митрополии он, по меньшей мере, трижды обращался в Константинополь с целью получить митрополита для своих земель. По аналогии с тремя военными походами

Ольгерда на Москву (1368, 1370, 1372 гг.), можно говорить о *«трех духовных походах»* Ольгерда на Константинополь. Так, великому князю удалось добиться поставления трех митрополитов Феодорита (в Тырново до 1340 г.), Романа (в Константинополе в 1354 г.), а затем Киприана (в Константинополе, 1375 г.). Более детально этот вопрос рассматривался нами в предыдущих публикациях [см. 10, 11].

Стратегия действий Ольгерда была хорошо продумана и представляла собой серию спланированных акций, находящихся во взаимосвязи с действиями других восточнославянских правителей (польского короля Казимира и тверского князя Михаила). До нас дошел уникальный документ, содержащий в себе концентрированное изложение церковной политики Ольгерда. Это *пистмакий* (послание) великого князя, направленный в Константинополь в 1371 г., в котором он назвал себя царем – «βασιλεὺς» [1, с. 580]. Данный документ является ключевым для анализа церковно-политических планов Ольгерда. Следует отметить, что эта грамота, наряду с посланием Казимира, стала одним из немногих сохранившихся документов входящей корреспонденции Константинопольского патриархата. К сожалению, не сохранились или сознательно не были включены в регистр патриархата другие послания правителей и духовных лиц восточнославянского региона. Упомянуты в источниках, но утрачены, грамоты митрополита Алексия, великого князя московского Дмитрия, тверского князя Михаила. Употребление царского титула великим князем Ольгердом было одним из пунктов его политического плана. Он ориентировался на византийскую имперскую традицию власти: титул «царь» был характерен для православных правителей и понятен для русского населения ВКЛ, что могло придать власти Ольгерда некий исключительный статус. На пути поиска терминологии, адекватной поставленным целям, он опередил великих князей московских более чем на столетие [7].

Таким образом, Ольгерд, реализуя этапы своего плана по «покорению Руси», в качестве одного из ведущих идеологических элементов выбрал духовный авторитет православной церкви и восточную традицию построения власти. Для этого он добивался получения отдельного митрополита и высказывал претензии на титул «василевса». Но патриарх Филофей со своеобразной тонкой иронией, осознав тайный замысел великого князя литовского, указывал на его истинное великокняжеское достоинство. Ответом патриарха явилось употребление по отношению к Ольгерду термина «нечести-

вый огнепоклонник», который выводил его из числа легитимных правителей восточнославянского региона.

Данная ситуация вызвала определенный общественный резонанс в столице империи. Византийский историк XIV века Никифор Григора в своем труде «Римская история» упомянул Ольгерда, назвав его «чуждым, воздающим служебное почитание солнцу», но готовым принять крещение («*ἀλλ' ἐστὶν ἀλλοτρίοφρων τε καὶ τῷ ἡλίῳ τοῦ τῆς λατρείας σέβας νέμων μὲν*», [4, 517–518]. «Литовцами» и «огнепоклонниками» («*Λίτβοι καὶ πυρσολάτρες*») по происхождению названы виленские мученики византийским патриаршим сановником XIV века пресвитером Михаилом Вальсамоном в похвальном слове, посвященном их памяти [18, с. 153]. В греческих источниках сложилось устойчивое представление о религиозных верованиях литовцев, как о почитателях огня и солнца. Об этом, кроме вышеуказанных двух мест, говорится также в послании патриарха Филофея митрополиту Алексию (Киевская митрополия соседствует со «многими нечестивыми и огнепоклонниками» («*πολλοὺς τοὺς ἀσεβεῖς τε καὶ πυρσολάτρας*» [1, р. 336; русское издание: 17, с. 41]). Два раза огнепоклонником, служащим солнцу, назван сам великий князь Ольгерд, и один раз такие верования приписаны виленским братьям Антонию и Евстафию, которые были замучены правителем. Как мы уже отмечали, в контексте библейской экзегетики определение «огнепоклонник» означало человека, приносящего человеческие жертвы языческим божествам. В данном случае мученики, как люди оставившие прежнее языческие верования, стали, своего рода, жертвами, павшими от рук гонителя. Следует учитывать особую идеологическую роль, которую исполняли отрицательные клише, использовавшиеся патриархом. За скудностью данных источников сложно говорить о настоящих характеристиках религиозной системы верований и культа литовского язычества. Но с уверенностью можно утверждать, что применение такой отрицательной характеристики к Ольгерду стало удачным средством политико-административного воздействия на него.

В качестве своеобразной реакции на действия Ольгерда, направленные на духовное покорение Руси, константинопольский патриарх причислил к лику святых трех виленских мучеников. Их культ занимает особое место среди феноменов «своей античности» ВКЛ. Значение мученичества как феномена святости велико для христианства.

Сонмы святых в Византии становились явными свидетелями истинности и силы православия. При этом почитание исповедников (людей принявших мучения за веру, но оставшихся в живых) и мучеников (тех, кто погиб от рук гонителей) занимало особое место в литургической жизни церкви. Изначально в христианской традиции подчеркивалось, что церковь основана на крови мучеников, страдания которых стали явным свидетельством силы новой веры. На заре христианской истории мученики стали первыми исповедниками веры: мученик (греч. «*μάρτυς*») был свидетелем веры. На протяжении первых трех веков нашей эры гонения на христианство имели постоянный характер, постепенно образы императоров гонителей приобретали типовые черты в христианской исторической традиции: Нерон (54–68 гг.), Домициан (81–96 гг.), Траян (98–117), Деций (249–251 гг.), Диоклетиан (284–305). В христианской традиции образы правителей, преследовавших христиан, имели резко отрицательные черты. Церковная историографическая традиция изображала их «развращенными и нечестивыми» язычниками, хотя в действительности предпринимаемые гонения носили скорее политический характер. От христиан даже не всегда требовали отречения от веры, нередко их принуждали формально показать свое почтение к языческим божествам: бросить на ритуальный жертвенник небольшое количество зерен или ладана. С принятием Миланского эдикта (313 г.), объявившего веротерпимость в Империи, положение христианства кардинальным образом изменилось: открытые гонения прекратились и феномен мученичества претерпел существенные изменения. Мучениками становились люди, исповедовавшие христианство на территории других государств. И мотивация гонений в этом случае была несколько иной. В Персидской державе и на территориях, заселенных мусульманами, мученики погибали, свидетельствуя о вере. Т.е. намечался определенный (схожий с библейским) акцент в феномене мученичества на усилении межрелигиозного противостояния язычества и христианства.

Патриарх Филофей желал подчеркнуть именно этот аспект «вражды» – отвечая на действия и притязания Ольгерда путем утверждения культа виленских мучеников, что логично вытекало из православной экзегетической традиции. Это решение, сформировавшее отрицательный образ великого князя–язычника в представлении православного населения стран Византийского содружества наций, сыграло роль негативного идеологического кли-

ше, ставшего ответом патриарха на требования Ольгерда о поставлении отдельного митрополита для православных земель ВКЛ.

Итак, образ «огнепоклонника-гонителя», имеющий прямые аналогии в Библии, явился идеологическим оружием патриархии в борьбе за единство митрополии Киевской и всея Руси. Подобную роль сыграла канонизация виленских мучеников, ставшая отправным моментом для распространения их почитания в восточнославянском регионе. Константинопольским патриархатом были выполнены все необходимые условия для утверждения почитания святых. Патриарший сановник пресвитер Михаил Вальсамон, основываясь на данных, собранных иеромонахом Киприаном, посетившим Русь с дипломатической миссией, составил похвальное слово в их честь, на основе которого впоследствии было составлено житие и служба. Частицы мощей святых, подтверждавшие истинность святости их подвига, были перенесены в храм Святой Софии.

Одной из особенностей появления культа виленских мучеников была инициатива его распространения «сверху», т.е. от самого патриарха, что было не совсем типично для канонической практики: обычно высшая иерархия церкви, основываясь на святости жизни, причисляла определенного человека к лику святых, фиксируя факты его народного почитания и совершения чудес по его молитвам. Это является дополнительным доказательством той особой идеологической роли, которую должен был сыграть культ виленских мучеников в политике Константинопольского патриархата по отношению к ВКЛ. Обращает на себя внимание тот факт, что почитание виленских мучеников приобретало схожие черты с почитанием братьев Бориса и Глеба на Руси, ставших покровителями православной княжеской власти и церкви в восточнославянском регионе. Братья Борис и Глеб были одними из первых мучеников русской церкви, освящавшими православную княжескую традицию; виленские мученики – первые святые литовской церкви – пролили свою кровь за утверждение истинной веры и единства в борьбе с языческой властью. Таким образом, совершая эту канонизацию, патриарх поставил четкий идеологический акцент в вопросе восстановления Литовской митрополии, показав, что именно он является хозяином положения, и он не склонен идти на уступки амбициям Ольгерда.

Заключение

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Античность, ставшая базовым феноменом европейской культуры, была воспринята в странах, входящих в ареал влияния Византии, сквозь призму «виз-античности», т.е. византийской культурной традиции. В Византийской империи языковая идентичность и цепь культурной преемственности позволили переработать и переосмыслить античное наследие в рамках христианского богословия. В основу византийской культуры легли три важных элемента: римская политическая традиция власти, греческая литература и христианская вера. Эти элементы влияли на историческое развитие государственной системы и жизнь народов, населявших империю и земли, находившиеся под ее влиянием, на протяжении всего периода ее существования. В восточнославянском регионе процесс усвоения и принятия системы византийских культурных ценностей и образцов имел определенную специфику, что позволяет говорить о появлении особого феномена «своей античности». Особую важность на землях Руси приобрели православное христианство и политическая традиция власти, ставшие знаковыми для процесса *translatio imperii* «из греков в славяне».

Проанализированный нами феномен «своей античности» в ВКЛ имел свои специфические черты в связи с тем, что на его территории сложилась особая ситуация в области взаимодействия язычества и православного христианства, вынуждавшая константинопольские власти выработать неординарные подходы к решению местных церковно-политических проблем. Взаимодействие христианства и язычества в ВКЛ вызвало широкий спектр явлений, проявившихся в идеологической (образы «нечестивого царя», «огнепоклонника»), агиографической (культ почитания виленских мучеников), каноническо-административной (учреждение Литовской митрополии), пастьерско-попечительской (комплекс посланий и грамот патриарха) сферах.

Рассматриваемый нами феномен «своей античности» в ВКЛ можно разделить на две составляющие: церковно-политическую и религиозно-идеологическую. В первой сформировался специфичный тип взаимоотношений между языческими князьями и православным населением, при котором языческие правители занимались решением вопросов церковного устройства. В результате этого появился целый корпус документов переписки великого князя Оль-

герда с патриархом Филофеем и произошло учреждение и трехкратное восстановление Литовской митрополии. Язычник Ольгерд, не будучи «духовным сыном» патриарха Филофея, мог позволять себе не подчиняться его власти и выдвигать свои серьезные требования. Во второй, религиозно-идеологической составляющей, распространение получил культ виленских мучеников, сознательно инициированный патриархом, что позволило использовать в отношении Ольгерда идеологические маркеры «нечестивого царя-гонителя» и «огнепоклонника», почерпнутые из Священного писания и истории древней церкви. Действия патриарха вызывали отклик в византийском обществе: историк Никифор Григора приводил свидетельства об Ольгерде в своей «Истории ромеев», творения Михаила Вальсамона зафиксировали церковное почитание литовских мучеников. Таким образом, патриарх Филофей прибегнул к использованию особой модели взаимодействия, включая ВКЛ в свою церковно-политическую систему власти.

Ситуация специфического сосуществования православия и язычества продолжалась вплоть до заключения Кревской унии (1385 г.) и католического крещения Литвы (1387 г.). После этих событий ВКЛ ориентировалось в своей внутренней и внешней политике и культурной жизни на запад, а Великое княжество Московское, централизующее свою власть, видело себя в роли политического и культурного преемника Византийской империи.

В данной статье мы попытались описать лишь основные составляющие феномена «своей античности» на землях ВКЛ, но он требует дальнейшего, более детального изучения и разработки.

Список литературы

1. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. – Wien, 1975. – Vol. 1 / F. Miklosich, I. Müller. – 1975. – 607 p.
2. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. – Wien, 1975. – Vol. 2 / F. Miklosich, I. Müller. – 1975. – 615 p.
3. Amman, A.M. Die Anfänge der Hierarchie im Kiewer Rus'-Reich / A.M. Amman // Ostkirchliche Studien. – № 2. – Berlin, 1953. – P. 59–64.
4. Nicephori Gregorae. Historiae Byzantinae: 3 vol. / Nicephori Gregorae. – Bonn: Weber, 1829. – Vol. 3. / Nicephori Gregorae. – 1829. – 735 p.
5. Ostrogorsky, G. History of the Byzantine State / G. Ostrogorsky. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1969. – 340 p.

6. Rowell, S.C. Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345 / S.C. Rowell. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 375 p.
7. Голубев, О.Е. Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? / О.Е. Голубев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 1. – Минск: РИВШ, 2008. – С. 27–34.
8. Голубев, О.Е. Комплекс документов дипломатической переписки константинопольского патриарха Филофея Коккина с правителями и епископатам русских земель как источник по истории Восточной Европы XIV века / О.Е. Голубев // Археографический ежегодник. – Минск, 2009. – С. 123–131.
9. Голубев, О.Е. Переписка великого князя литовского Ольгерда с константинопольским патриархом Филофеем как источник по этноконфессиональной истории Беларуси / О.Е. Голубев // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. II научно-практическая конференция. – Минск, БГПУ, 2008. – С. 230–232.
10. Голубев, О.Е. Православная церковь в Великом княжестве Литовском в первой половине XIV века / О.Е. Голубев // Вышэйшая школа. – 2010. – № 4 (78). – С. 60–64.
11. Голубев, О.Е. Церковь и княжеская власть на землях Великого княжества Литовского в 50–70-х годах XIV века, специфика взаимоотношений / О.Е. Голубев // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Вып. 10 (15). – Минск, 2010. – С. 35–40.
12. Левшун, Л.В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков / Л.В. Левшун. – Минск: Экономпресс, 2001. – 352 с.
13. Лихачев, Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили / Д.С. Лихачев. – Л., 1973. – 254 с.
14. Мейендорф, И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика / И. Мейендорф. – М.: Институт ДИ–ДИК, 2003. – 576 с.
15. Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Д. Оболенский. – М., 1998. – 655 с.
16. Огицкий, Д.П. К истории виленских мучеников / Д.П. Огицкий // Богословские труды. – № 5. – Москва, 1984. – С. 226–246.
17. Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права. – Т. 6: Памятники XI–XV вв. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 670 с.
18. Сперанский, М.Н. Сербское житие литовских мучеников / М.Н. Сперанский. – Кн. 1. – М., 1909. – 350 с.
19. Турилов, А.А. «Своя античность» в русской книжности конца XIV – первой половины XVI века (к характеристике явления и термина) / А.А. Турилов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 3 (37). – С. 115–116.

Любый А. В.

СИМВОЛИКА ПЕРСТНЯ В ЛЕГАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ МОНАРХА НАД ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ (CASUS 1430 года)¹

Символам легализации власти и самой инаугурации в конце XIV – первой половине XV вв. в регионе Восточной Европы в литературе не было уделено достаточного внимания. Работы польских и русских исследователей коронационного церемониала затрагивают период расцвета династии Ягеллонов и российской государственности, но оставляют вне темы более ранний период. В исторической литературе второй половины XIX – XX в. вопросу коронации в Великом княжестве Литовском посвящали страницы своих исследований М. Косман (M. Kosman), А. Гейштар (A. Gieysztor), М.Е. Бычкова [1; 2; 3]. Отдельными вопросами символики власти великого князя и коронационным церемониалом в Великом княжестве Литовском занимались М. Мореловский (M. Morelowski), Ф. Конечный (F. Konieczny), Г. Блащик (G. Blaszczyk), Я. Никодем (J. Nikodem), З. Пех (Z. Piech) [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Отдельно стоит упомянуть работу чешского исследователя Ф. Дворника, в которой преобразования в Великом княжестве Литовском вписаны в историю всего славянского региона [11, с. 275 etc.].

В 1990-е гг. вопрос о символах власти и коронации монархов в первой половине XV в. затрагивал в своих работах сотрудник Института истории Литвы С. Роуэлл (S.C. Rowell) [12; 13; 14; 15]. Отдельные инаугурационные регалии в Великом княжестве Литовском рассматривали литовские коллеги Г. Мицкунайте (G. Mickunaitė), Е. Светикас (E. Svetikas), Г. Зуене (G. Zujienė) [16; 17; 18].

В белорусской национальной историографии вопросам символов власти в Великом княжестве Литовском были посвящены несколько статей в энциклопедических изданиях [19; 20; 21]. В последнем номере «Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы» была опубликована статья О.И. Дзярновича, посвященная эволюции названия этого государственного образования [22].

¹ Проведение исследования стало возможным при поддержке Института интердисциплинарных исследований “Artes Liberales” Варшавского университета (IBI AL UW) и стипендиальной программы MENiSW Республики Польша.

В данной работе мы предлагаем рассмотреть проблему вручения сюзереном вассалу особого *перстня*, как символа ограниченной власти монарха над государством. Подобный акт на территории Великого княжества Литовского не являлся объектом отдельного исследования. В свете оживления интереса исследователей региона к вопросам политической культуры Великого княжества Литовского и привлечения в качестве источников визуального материала встает вопрос о пересмотре отдельных сюжетов истории государства и оценок, данных им в историографии XIX–XX вв.

Это исследование не имеет целью «закрыть тему». Скорее – привлечь внимание исследователей истории Великого княжества Литовского к вопросам нереализованных возможностей на поприще конструирования политической культуры государства и всего региона Восточной Европы. Свой взгляд и предварительные выводы были представлены автором на международной конференции «Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века» (третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве»), посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля, которая прошла с 19 по 21 октября 2006 г. в Москве [23]. Достаточно долгое время тема лежала в папке и ждала своего времени. Возможно, будет символично, что именно к **580-летию** восшествия князя Болеслава-Свидригайло на престол Великого княжества Литовского этот сюжет будет представлен читателям.

В Средние века на территории Священной Римской империи бытовал церемониал вручения монарху так называемого *консульского перстня* – одного из символов делегирования власти над государством. Но он также указывал на подчиненность избранного монарха интересам Империи (избирателей). Сам перстень неразрывно связан с античной (римской) традицией консульства, но свою завершенную форму приобретает в эпоху Гогенштауфенов [24]. Избранный император брал на себя ответственность заботиться о делах государства, и в тоже время оставался обязанным тем, кто его выбрал, делегировал определенный комплекс прав. Основной заботой избранника становилась защита интересов избирателей (в узком смысле) и всего общества.

Характерная для политической культуры Империи традиция вручения перстня на землях Центральной и Восточной Европы не нашла своего отражения в письменных и изобразительных источ-

никах. Сам элемент коронационного церемониала – *перстень* – не символизировал здесь того, что он символизировал для Империи. При том, что практика заимствования государственных регалий из церемониала Империи была широко распространена в регионе (как пример – *Corona Regni*, которая попадает в эту часть Европы благодаря деятельности чешского короля и императора Карла IV Люксембургского) [11, с. 104 etc.; 25–26; 27, с. 515 etc.], консульский перстень в польском коронационном обряде, как и на восток от Польши, не появляется.

Это можно объяснить следующим образом. Во-первых, до конца XIV в. в Восточной Европе не существовало непосредственной связи с quasi-античной традицией и не было непосредственного влияния Империи на изменения политической культуры (даже создание королевства на территории Великого княжества Литовского в 1250-х было инициативой папского престола). Во-вторых, на территории Великого княжества Литовского до 80-х гг. XIV в. не существовало системы прямого делегирования властных полномочий. Следовательно, не было необходимости в самом факте существования подобной церемонии.

Однако в двенадцатой книге „Annales” Яна Длугоша мы находим информацию о вручении особого перстня польским королем и *Lithuaniae princeps supremus* Владиславом-Ягайло великому князю литовскому Болеславу-Свидригайло [28, s. 303–304; 29, s. 318–319].

В источнике подобная информация встречается только один раз (о подобном акте в отношении князя Ивана-Скиргайло или князя Витовта Длугош не говорит). Указанный акт мог характеризовать качественные изменения отношений между монархами Польского королевства и Великого княжества Литовского именно осенью 1430 г.

Напомним, что уже с конца 20-х гг. XV в. в Великом княжестве Литовском обсуждалась возможность подобных изменений. В первую очередь это касалось статуса Великого княжества Литовского и титула монарха: *великое герцогство* преобразуется в *королевство* (равное польскому королевству) и изменение титула монарха с *magnus dux Lithuaniae* на *rex Lithuaniae(-ae)*. Луцкий съезд 1429 г. создал прецедент для изменений в статусе Великого княжества Литовского и титуле самого великого князя Витовта. Конкретное предложение императора Сигизмунда Люксембургского о коронации было юридически обосновано легистами Пражского университета [30, с. 912–913; 31, с. 244]. В литературе этот факт вызвал мно-

жество споров и интерпретаций. Главный вопрос: кто инициировал изменения? Вариантов несколько: император, великий князь или король польский [5; 6; 9; 33–35]. В Смоленске готовится идеологическое обоснование возвышения статуса государства и самого монарха в виде произведения «Похвала Витовту», в Империи – инаугурационный атрибут – корона. Идею не поддерживает папа римский, но его благословение для учреждения нового королевства и не так необходимо. Очевидно, кто был против коронации – это польская политическая элита. Как себя проявила политическая элита Великого княжества Литовского – ответа нет в нарративных источниках. Вероятность принятия решения на таком уровне минимальна. Но ни в 1430 г., ни при преемниках Витовта Свидригайле Ольгердовиче и Жигимонте Кейстутовиче коронации, а вместе и изменения статуса государства, так и не произошло. В результате идея *Corona Regni Lithuaniae/ae* возбуждала политическую активность в Великом княжестве Литовском вплоть до конца XV в. Номинально осуществление проекта коронации великого князя литовского стало невозможным по причине отсутствия самой регалии.

Сущность спорной ситуации заключалась в том, что Великое княжество Литовское уходило из-под контроля Польши, уния теряла свою актуальность, а престолонаследие приобретало выборный характер (учитывая к тому же фактор Империи и отсутствие целостной династии). Следовательно, именно коронация Витовта, при пассивном сопротивлении польского короля, передавала в руки Ягеллонов независимую от Кракова власть над восточными территориями. Но смерть Витовта не позволила осуществить проект.

В 1430 г. польский король передает власть над Великим княжеством Литовским своему родному брату Болеславу-Свидригайло. Но процедура отличалась от практики Великого княжества Литовского и польско-литвинских отношений конца XIV – начала XV вв.

Краковский каноник Ян Длугош так описывает ситуацию октября-ноября 1430 г. в Великом княжестве Литовском после смерти великого князя Витовта:

«После смерти князя Витольда, все литвины и русины с надеждой ожидали, кто в условиях отсутствия у Витольда наследника мужского пола может занять место великого князя [...]. Однако все зависело только от решения польского короля Владислава, все литовские и русские князья и пань обратились к нему и торопили его, не зная,

или он сам захочет взять власть, или предложит кого-нибудь вместо князя Витольда.

А король Владислав под влиянием заботы, которой он одаривал князя Свидригайло, как родного брата, когда узнал, что пришло время, и можно возвеличить и прославить того, который много лет жил в состоянии ненадлежащем ему, истерзаный различными бурями, не спрашивая о совете прелатов и панов одного и другого княжеств: Польши и Литвы [...] высылает к князю Свидригайло своего секретаря, Яна Менджыка з Данбровы («*secretarium suum Ioannem Manzyk de Dembrowa*», по-польски – *Jana Mężyka z Dąbrowy*), из рода Вадвич, у которого на гербе две обычные рыбы. Объявляет Великое княжество Литовское за князем, а отославши ему **специальный перстень** (лат. – *speciali sibi* [28, с. 304], пол. – *specjalny pierścień* [29, с. 319]), отдает ему власть над ним. Когда это заметили литовские и русские паны, отпустивши тотчас короля, обратились к князю Свидригайло [...] начали его, как владеющего наивысшей властью над Литвой, торопить и требовать его согласия на арест короля Владислава и уничтожение поляков. Каждый от своего имени обещает ему помощь и послушание, чтобы в будущем не попасть в подозрение и не навести на себя гнев будущего великого князя [...]. Поспешная передача королем Владиславом Великого княжества Литовского князю Свидригайло без участия рады стала причиной и началом многих несчастий [...].»

Что мы видим. Во-первых, нехарактерную для предыдущей эпохи ситуацию – ожидание обществом объявления новой кандидатуры монарха. Во-вторых, назначение новым монархом князя Свидригайло происходит исключительно по воле короля Владислава-Ягайло (что само по себе противоречило условиям уний между Польской короной и Великим княжеством Литовским). В-третьих, после формальностей передачи власти новому монарху литовские и русские паны изменяют его монарший статус с подчиненного на независимый.

Таким образом, установить новую форму передачи власти от *princeps supremus* к *magnus dux* в 1430 г. не удалось.

Обратим внимание на сам **специальный перстень**. Его появление является чем-то исключительным для церемониала Великого княжества Литовского. Предмет под титулом *speciali sibi* имеет достаточно широкое функциональное назначение в латинском языке средневековой Западной Европы. Преобладающая зона его употребления – церковная инвентура в Католической церкви. В светских

отношениях в Южной и Юго-Западной Европе (в регионе Испании и Италии) с XI в. используется для подтверждения дружественных отношений равных в статусном плане сторон, будь то частный или официальный уровень.

Из текста Яна Длугоша нам интересно описание самого акта перемещения перстня. Король и *princeps supremus* Владислав-Ягайло с помощью своего секретаря Яна Менджика из Данбровы передает регалию Свидригайло, и отдает ему [своему брату] власть над всем Великим княжеством Литовским [28, с. 304; 29, с. 319].

Церемония перемещения перстня является процедурой, усложненной использованием нескольких официальных лиц, и оговаривала смысловое содержание акта «*объявляет и отдает ему власть*» [28, с. 304; 29, с. 319].

Какую цель преследует Ягайло этим коренным изменением уже устоявшейся традиции легализации власти великого князя через принесение им личной присяги королю польскому и Короне (именно такие акты выдавали на имя короля князья из рода Гедиминовичей в 1380-е гг., а так же сам Витовт в 1392 г.) [31, с.11–14; 36, с. 497]?

Введение подобного элемента легализации власти – специальной регалии – отвечает интересам контролирующей стороны. Такая схема укрепляла позицию избирателя (Владислава-Ягайло) и зависимость от него составных частей государственного формирования, условно обозначаемых как *Unia Jagiellońska*. Новая система призвана была четко обозначить среди участников отношений сюзерена и вассала. Этот процесс диктовал создание модели символов, которые выражают соподчиненность. Ягайло не делил право утверждения кандидатуры нового великого князя литовского с польскими князьями и прелатами. А князь Свидригайло становился обязанным властью только своему брату-королю.

Но при этом не существовало системы контроля власти великого князя, что проявилось в скором изменении отношений «избиратель-избранный»:

«Когда это заметили литовские и русские паны, отпустивши тотчас короля, обратились к князю Свидригайло [...] начали его, как имеющего наивысшую власть над Литвой, торопить и требовать его согласия на арест короля Владислава и уничтожение поляков...» [28, с. 304; 29, с. 319].

Вне системы утверждения монарха были поставлены нобили и Польского королевства, и Великого княжества Литовского. Это вы-

звало сопротивление с их стороны, которое выразилось в развязывании межгосударственного конфликта, так называемой «Луцкой войны», и государственном перевороте в сентябре 1432 г., когда к власти в Вильне и Троках пришла пропольская партия князя Жигимонта Кейстутовича.

Факт передачи регалии – *специального перстня* – должен был символизировать, с одной стороны, легитимность власти Свидригайло в Великом княжестве Литовском, с другой – свидетельствовать об ограниченном характере этой власти волей сюзерена (союзного монарха, избирателя).

Подобный ритуал передачи власти не встречается в источниках ни до, ни после 1430 г. Хотя акты передачи полномочий управления Великим княжеством Литовским со стороны Владислава-Ягайлы происходили в отношении Ивана-Скиргайлы Ольгердовича в 1387 г., Витовта Кейстутовича в 1392 г. и Жигимонта Кейстутовича в 1432 г.

Как особый элемент во взаимоотношениях монархов Польского королевства и Великого княжества Литовского перстень встречается в очень интересном сюжете из вокняжения в Великом княжестве Литовском в 1392 г. князя Витовта Кейстутовича. К 1390-м гг. относится историографический сюжет о изготовлении по заказу короля Владислава-Ягайлы монаршего украшения, возможно на французский манер, для двоюродного брата Витовта [подробнее см.: 17]. Функциональное и ритуальное значение перстня неизвестно. По свидетельству литовских коллег, перстень Витовта был найден в предполагаемой могиле великого князя (*sic!*), а значит и не мог быть тем же специальным перстнем великого князя Свидригайлы, по государственному предназначению. Более того, у сюзерена – короля Владислава-Ягайлы – не было достаточно времени для заказа нового перстня, как и нет очевидных доказательств о специальном назначении перстня, подаренного польским королем Витовту в 1390-х гг. Данный сюжет потребует новых изысканий, и в них вероятно огромное подспорье представит нам изобразительный материал.

Суммируя вышесказанное, отметим, что появление в нарративном источнике новой регалии может свидетельствовать лишь о том, что она – *специальный перстень* – в легализации власти монарха над Великим княжеством Литовским не использовалась в совокупности ни с заключением вассальной присяги на имя польского короля, ни с подписанием акта унии с Польским королевством. После же из-

брания великого князя литовского Казимира в 1447 г. польским королем, в условиях персональной унии между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, свидетельство передачи власти над союзным государством становится не востребовавшимся. Также возможно, что символика перстня не была столь выраженной и, соответственно, не нашла своего отражения в нарративных источниках.

Таким образом, в условиях тенденции создания в Центральной и Восточной Европе в конце XIV – первой половине XV в. государств и государственных союзов (уний), построенных на принципах объединения и поглощения, заимствование имперских (*quasi-античных*, западноевропейских) традиций являлось поиском нового варианта передачи власти от одного субъекта другому и ее легализации. Символика специального (как вариант – консульского) перстня в легализации власти монарха затрагивает именно проблему соподчиненности государств. Однако в дальнейшем развитии политической культуры региона подобный элемент и его символика не нашли своего места в местной (локальной) церемониальной традиции.

Список литературы

1. Kosman, M. „Podniesienie” książąt litewskich / M. Kosman // Acta Baltico-Slavica. – Т. 10. – Wrocław, 1978.
2. Gieysztor, A. Spektakl i liturgia. Polska koronacja królewska / A. Gieysztor // Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. – Warszawa, 1978. – S. 9–23.
3. Бычкова, М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV века до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя / М.Е. Бычкова. – М., 1996.
4. Morelowski, M. Korona i hełm znalezione w Sandomerzu a sprawa korony Witolda i grobowców dynastycznych w Wilnie / M. Morelowski // Ateneum Wileńskie. – 1930. – R. VII. – S. 602–683.
5. Koneczny, F. Vitoldiana. Pytania co do stosunki Witolda do Rusi i kwestja koronacji / F. Koneczny // Ateneum Wileńskie. – 1930. – R. VII. – S. 494–503.
6. Błaszczuk, G. Burza koronacyjna: Polska – Litwa 1429–1430. Dramatyczny fragment stosunków polsko-litewskich w XV wieku / G. Błaszczuk. – Poznań, 1998.
7. Nikodem, J. Wyniesienie Świdrygiełły na Wielkie Księstwo Litewskie / J. Nikodem // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2003. – № 19. – S. 5–32.
8. Nikodem, J. Stosunki Świdrygiełły z Zakonem Krzyżackim w latach 1430–1432 / J. Nikodem // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2000. – № 14. – S. 5–32.
9. Nikodem, J. Spory o koronację wielkiego księcia Litwy Witolda w latach 1429–1430. Część II: Próba rekonstrukcji wydarzeń / J. Nikodem // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. – Т. VII. – Poznań: UAM, 1997. – S. 155–171.
10. Piech, Z. Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów / Z. Piech. – Warszawa: DiG, 2003. – 366 s.

11. Дворник, Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Ф. Дворник. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 800 с.
12. Rowell, S.C. The Royal Entry Ceremonial of Casimir Jagiellonczyk / S.C. Rowell // Celebrations and Everyday Life in the Grand Duchy of Lithuania and its Contexts. – Vilnius: Vilnius Academy of Fine Arts, 2006. – P. 7–8.
13. Rowell, S.C. The Jagiellonians and the stars: dynasty-sponsored astrology in the fifteenth century / S.C. Rowell // Lithuanian Historical Studies. – 2002. – Vol. 7. – P. 23–42.
14. Rowell, S.C. Bears and Traitors, or: Political Tensions in the Grand Duchy, ca. 1440–1448 / S.C. Rowell // Lithuanian Historical Studies. – 1999. – Vol. 4. – P. 28–55.
15. Rowell, S.C. Dinastic Bluff? The Road to Mielnik, 1385–1505 / S.C. Rowell // Lithuanian Historical Studies. – 1997. – Vol. 2. – P. 1–22.
16. Mickunaitė, G. Making a great ruler: Grand Duke Vitautas of Lithuania / G. Mickunaitė. – Budapest: CEU Press, 2006. – 337 p.
17. Svetikas, E. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto investitūros žiedas / E. Svetikas // Lituanistica. – 2008. – T. 54. – № 2 (74). – P. 14–29.
18. Zujienė, G. Insignijos ir ceremonialas Lietuvos viešajame gyvenime (XIII–XVIII a.) / G. Zujienė. – Vilnius: Eugrimas, 2008. – 332 p.
19. Дзярновіч, А. Карона // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 3 т. – Мінск, 2006. – Т. 2. – С. 54.
20. Дзярновіч, А. Карона // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: Энцыклапедыя: у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 500.
21. Барвенава, Г. Гістарычны касцюм Беларусі X – пачатку XVI стагоддзя: Автарэф. дыс. на атрым. навук. ступ. канд. мастацтвазнаўства: 17.00.04: 23.11.2001: 27.02.2002 / Барвенава Ганна Аляксандраўна; Бел. дзярж. акад. мастацтваў. – Мінск, 2001. – 14 с.
22. Дзярновіч, А.І. // Аб ово: што з’явілася спачатку – вялікі князь літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? / А.І. Дзярновіч // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 2. – Мінск, РИВШ, 2009. – С. 30–43.
23. Любый, А.В. Символика консульского перстня и легализация власти в Центральной и Восточной Европе (casus 1430 г. в Великом княжестве Литовском) / А.В. Любый // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля; Москва, 19–21 октября 2006 г. – М., 2006. – С. 83–84.
24. Fillitz, H. Die Insignien und Kleinodien des Heiligen Römischen Reiches / H. Fillitz. – Wien–München, 1954.
25. Kantorowicz, E. Dwa ciała króla. Studium ze średniowiecznej teologii politycznej / E. Kantorowicz. – Warszawa: PWN, 2007. – 483 s.
26. Dąbrowski, J. Korona królestwa Polskiego w XIV wieku. Studium z dziejów rozwoju polskiej monarchii stanowej. – Kraków, 2009. – 200 s.
27. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich: w 2 t. / G. Błaszczyk. – Tom II: Od Krewa do Lublina. Część I. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 2007. – 935 s.
28. Długossius Joannes Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber Undecimus. 1413–1430 / J. Długossius. – Varsaviae: PWN, 2000. – 464 s.
29. Długosz, J. Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. Księga XI (1413–1430) / J. Długosz [kom. red. Stanisław Gawęda et al. ; oprac. tekstu łac. Danuta Turkowska i Maria Kowalczyk; przekł. z łac. na jęz. pol. Julia Mrukówna; red. tomu Stanisław Gawęda; koment. Stanisław Gawęda]. – Warszawa: PWN, 1985. – 367 s.

30. Monumenta mediae aevi historica: Res gestas Poloniae illustrantia: W 19 t. – Cracoviae: Sumptibus Acad. Literarum, 1874–1927. – T. VI: Codex epistolaris Vitoldi, Magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Collectus opera: Antonii Prochaska. – XC, CXVI, 1114 p.
31. Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia: W 19 t. – Cracoviae: Sumptibus Acad. Literarum, 1874–1927. – T.II: Codex epistolaris saeculi decimi quinti ex antiquis libris formularum. – LXX, 1, 158, 1, 368, 2 s.
33. Lewicki, A. Przymierze Zygmunta W. Ks. Litewskiego z królem rzymskim Albrechtem II / A. Lewicki // Rozprawy Akad. Umiejętności. Wydział hist.-filozof. Akademii Umiejętności w Krakowie. Serya II. – 1899 – T. XIII. – S. 292–319.
34. Nikodem, J. Zbigniew Oleśnicki wobec unii Polsko-Litewskiej do śmierci Jagiełły / J. Nikodem // Nasza Przyszłość. – 1999. – T. 91. – S. 101–151; 1999. – T. 92. – S. 85–135;
35. Nikodem, J. Uwagi o genezie niedoszłego przymierza Zygmunta Kiejstutowicza z Albrechtem II / J. Nikodem // Docendo discimus: studia historyczne ofiarowane profesorowi Zbigniewowi Wielgoszowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin / Pod. red. K. Kaczmarka i J. Nikodem. – Poznań: Instytut Historii UAM, 2000. – S. 335–355
36. Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia: W 19 t. – Cracoviae: Sumptibus Acad. Literarum, 1874–1927. – T. XV: Codex epistolaris saeculi decimi quinti ex antiquis libris formularum. – 666 s.

Жарин Д. В.

ГАНЗА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ТОРГОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В XIII–XV веках

Ганза – средневековый союз немецких купцов, а позднее и северо-немецких городов XII–XVII веков – более пяти столетий вела оживленную торговлю почти по всей средневековой Европе. Однако основным направлением этой торговли была балтийская торговля, а также торговля в городах Восточной Европы, в том числе в городах Полоцкого и Смоленского княжеств, а позднее в городах Великого княжества Литовского.

Регион Восточной Европы для Ганзы в средние века являлся одним из наиболее желанных для установления торговых связей. Начиная со второй половины XII века, немецкие купцы проникли на земли современной Латвии и оттуда осуществляли свои поездки во внутренние районы вверх по реке Западной Двине, тем самым, используя в своих торговых целях так называемый древний путь «из варяг в греки».

Как известно, немцы «огнем и мечом» крестили ливов (предков современных латышей). Но, параллельно с военным проникновением происходило мирное проникновение немецких купцов на земли современной Беларуси. В Хронике Ливонии Генриха Латвийского (*Heinrich Lettenpriester*), сообщается, что священник Мейнард прибыл для проповеди «в землю ливов, в сопровождении немецких купцов, которые, находясь в дружбе с ливами, не раз бывали в их земле и на кораблях приставали к устьям Двины» [1, с. 74]. Как считают историки – с 1159 г. Таким образом, начиная со второй половины XII века, немцы стали регулярно появляться в Восточной Прибалтике, в устье Западной Двины. Необходимо упомянуть, что в XII в. земли Полоцкого княжества по реке Западной Двине почти доходили до Рижского залива, а племена ливов платили дань полоцким князьям. Именно сюда начали прибывать немецкие купцы, священники и рыцари. С одной стороны происходило военное противостояние между крестоносцами и полоцкими князьями, а с другой стороны – начали завязываться торговые отношения.

В 1201 г. была основана Рига – город-форпост немецкого присутствия в Восточной Прибалтике в средние века. С этого времени торговые контакты немцев с городами Полоцкого и Смоленского княжеств приобрели систематический характер. Существовавшие на практике торговые отношения были закреплены в многочисленных грамотах и договорах, таких как: договор Полоцка с Ригой 1210 года, договор полоцкого князя Владимира с Ригой 1212 г., договор Смоленска и Полоцка с Ригой 1223 г. и других. Когда в 1216 г. полоцкий князь Владимир готовился к военному походу на Ригу, полоцкие купцы уже имели хорошую торговлю в Бремене и Любеке, а значит, ходили по Балтийскому морю на судах [2, с. 123].

Особенно важное значение для развития торговых отношений имел договор Смоленска, Полоцка и Витебска с Ригой и Готландом, или так называемая «Смоленская торговая правда» 1229 г. С немецкой стороны в этом договоре участвовали такие города как Висби, Любек, Зест, Мюнстер, Гренинген, Дортмунд и Бремен, то есть, по большей части, влиятельные ганзейские города, ориентированные в то время на торговлю с восточными землями Европы. Во всех этих договорах устанавливалось право свободной торговли немцев на восточнославянских землях. Например, в названном выше договоре с Ригой и Готским берегом утверждалось главенство торговых интересов по отношению к внутривосточным интересам: «*Аже розгнѣваіється князь на своего члвка, а боудѣте винѣватъ Немчицю Роусинѣ, а отимѣть князь все, женоу и дѣти оу холѣпство, пѣрвоіе платити іемоу Латинину, а потомъ князю какъ любо съ своимъ члвкмъ. Такоу правдоу възяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкѣмъ березѣ*» [3, с. 246–247].

Таким образом, в XIII в. возмещение средств, в первую очередь, должно было осуществляться непосредственно между торгующими сторонами, то есть купцами, а князь добровольно отходил на второй план. Каждый новый князь по обычаю подтверждал торговые договоры и привилегии немцев, даже несмотря на выше названную норму, потому что торговля была выгодна обеим сторонам, и, в конечном итоге, способствовала как росту благосостояния князя, так и процветанию всего княжества.

Следует отметить, что немецкие купцы уже со второй половины XII в. имели торговые отношения с Великим Новгородом и тогда же заключили с ним торговый договор – договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг. [4, с. 124]. Этот до-

говор закреплял свободу торговых отношений новгородских купцов с немецкими купцами.

Вероятно, положения этого договора позднее были использованы немецкими купцами при заключении торговых договоров XIII века с Полоцким и Смоленским княжеством, в том числе и договора 1229 г.

Однако присутствие немецкой военной силы в Прибалтике в лице Ливонского ордена накладывало свой отпечаток на осуществление на практике этих торговых договоров. Чтобы договора действовали, необходимо было разграничить, в том числе и географически, сферы влияния в регионе. Так во второй половине XIII в. произошел окончательный раздел территорий в Восточной Прибалтике между немцами и полоцкими князьями. В конце 1263 г. этот раздел документально подтверждался грамотой великого князя литовского Герденя с ливонским магистром Конрадом фон Мандерном и городами Ригой, Полоцком и Витебском:

«Князь Гердень кланяется всемъ темъ, кто видит сую грамоту, тие люди, што ныне живи суть, а темъ, кто напоследе приидуть, темъ ведомо буди, как миръ есмы створили промежи местеря и с ратьманы Рижьскыми, и с Полочаны и Видьбляны тако, како грамота написано, тако имъ надо всею землею отступити, што есть Лотыгольская земля, какъ не въступатися на тую землю, што князь Констянтинъ даль местерю съ своею братьею, съ своею грамотою и съ печатьею, како боле того на ту землю не поискывати. [...] Верху того, Немечькому гостю в Полочьскую волно ехати торговати, купити и продати. Такожъ Полочаномъ и Видиблянину волно гостити в Ригу и на Готьскы берегъ [...]» [5, с. 13].

Таким образом, в сфере влияния немцев оставались город Рига и Латгальская земля, земли же полоцких князей уменьшились на западных рубежах Полоцкого княжества и уже не включали Латгалию. Весьма примечательно и то, что витеблянам и полочанам по этой грамоте разрешалось торговать не только в Риге, но и совершать морские поездки на остров Готланд. Значит, в XIII веке, торговля полоцких купцов на Балтийском море еще не была ограничена законодательно, однако Рига всячески старалась замкнуть их торговлю на себе и не пускать их напрямую торговать в города Висби и Любек. Впрочем, то же самое позднее делал Полоцк, не пропускавшая ганзейских купцов в город Смоленск, без обязательного предьявления ими товаров в городе над Западной Двиной.

В 1282 г. Рига, которая развивалась быстрыми темпами и богата от торговли с Полоцким и Смоленским княжеством, вошла в состав Ганзейского союза городов. С этого времени она превратилась в мощный ганзейский центр не только в Ливонии, но и на всем восточном побережье Балтийского моря. Как известно из письма рижского магистрата к магистрату города Любека, датируемого июнем 1297 г., Рига приняла решение о строительстве искусственного укрепления на правом берегу реки Западной Двины, для защиты города ото льда, а также размывания берега под водой [6, S. 64].

Этот факт свидетельствует о том, что руководство Риги благодаря техническим решениям старалось улучшить навигацию в нижнем течении Западной Двины и придавало большое значение ганзейскому судоходству и морскому сообщению со своей метрополией и прибрежными городами Западной Европы. Ганзейские корабли – когги – регулярно приходили в рижскую гавань, осуществляя транспортировку товаров по одному из самых оживленных путей между Западной и Восточной Европой. Торговые пути ганзейских купцов на Востоке Европы в XIII в. шли по двум главным направлениям. Первое направление шло по Балтийскому морю, через остров Готланд и реку Волхов на Великий Новгород, где впоследствии сформировалась одна из самых крупных ганзейских контор. Второе направление также проходило по Балтийскому морю, но южнее – на город Ригу, а потом вверх по течению реки Западной Двины на Полоцк и Витебск, и дальше по ее левым притокам и реке Днепр на Смоленск. Непроходимые леса и пуши, болота, пересеченная местность способствовали тому, что в первую очередь развивались речные пути. Сухопутные дороги, как правило, тянулись вдоль рек. Так одна из самых известных сухопутных дорог – из Полоцка в Ливонию тянулась вдоль Западной Двины. «Кроме водного пути, в Ливонию вела дорога и сушею, шедшая, вероятнее всего, параллельно Западной Двине; в настоящее время дорога от Полоцка к Риге идет по правому берегу реки, но раньше должен был существовать путь и по левому берегу, так как таким путем прошел Андрей Полоцкий в 1375 году к Динабургу» [9, с. 5].

С 1307 г. Полоцкое княжество вошло в состав Великого княжества Литовского, это повлияло на то, что торговлей с немцами заинтересовались великие князья литовские. Ганзейские торговые отношения с белорусскими городами Великого княжества Литовского в этот период развивались весьма динамично. В Полоцке в

средние века находилось ганзейское торговое поселение (контора). Немецкие купцы имели здесь торговые привилегии, а также право созывать свое собрание. «Все состоявшие на лицо купцы, как самостоятельные, так и управлявшие чужой торговлей, составляли общее собрание (*gemeine Steven*), которому представлено было право постановлять решения по делам канторы» [11, с. 49].

Такие постановления должны были утверждаться магистратом города Риги. Общее собрание немцев, собиравшееся в Полоцке, юридически не обладало полнотой судебной власти; судебная власть находилась в руках рижского магистрата, но на практике собранию приходилось разбирать жалобы немцев друг на друга и выносить решения в случае нарушения устава канторы. Рижский магистрат, таким образом, являлся апелляционной инстанцией. На общем собрании избирался глава всего немецкого поселения в Полоцке. В документах он называется «эльтерман» (*olderman*), что означает старший, старейший. Таким образом, это был самый опытный купец, который хорошо знал тонкости торговли с полочанами и обладал незаурядными организаторскими способностями. Он должен был поддерживать отношения с Ригой и передавать рижскому магистрату все сообщения и пожелания немецкого купеческого общества в Полоцке. В особых случаях эльтерман должен был отсылать в Ригу провинившихся немецких купцов для суда над ними. Эльтерман являлся законным представителем и выразителем ганзейских интересов по отношению к полоцкому градоначальству и жителям города. Сначала у него не было постоянных помощников, однако немецкие купцы под угрозой штрафа в одну серебряную монету должны были помогать ему во всех делах. По мере роста и укрепления немецкого поселения в Полоцке происходили и изменения во внутреннем его устройстве. Так, в начале XV в. в Полоцке вместо одного стали выбирать двух эльтерманов, в помощь коим назначались два лица, тоже называвшиеся «мудрейшими» и служившими помощниками эльтерманам [11, с. 50].

Деятельность ганзейского поселения в Полоцке регламентировалась законами и постановлениями рижского магистрата, составленными по образцу постановлений о немецком дворе в Великом Новгороде. В первой половине XIV века, вероятнее всего в 1330 г., был определен порядок веса Риги и Ордена для Полоцка (*Gewichtsordnung*). В нем определялось, как необходимо правильно взвешивать товары, которые немцы приобретали в Полоцке, а также

товары, которые полочане приобретали в Риге. Взвешивание товаров в Полоцке и Риге производили особо установленные для этого чиновники (весчие), при этом они обязаны были целовать крест в том, что будут правильно взвешивать товар, и не имели права во время взвешивания дотрагиваться до весов рукой [8, с. 225].

Подробно давались инструкции по самой процедуре взвешивания: «*Тотъ товаръ, который въесити на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ; а коли товаръ на стану станеть, отступи прочь, а рукою не примай*» [5, с. 54].

Так как не редки были случаи продажи некачественных товаров, то устанавливались также критерии оценки качества приобретаемых товаров. Например, воск должен был быть без примесей: «*въсти чистый воскъ безъ подьсады, безъ смолы, безъ сала, какъ върхъ, тако исподъ*» [5, с. 54].

Воск продавался в так называемых «кругах», то есть перетопленным в круглых формах, поэтому его необходимо было проверять как сверху, так и снизу круга. Виновных купцов, которые продавали плохой товар, должны были наказывать – немцев в Риге, а полоцких купцов – в Полоцке.

В 1393 г. рижским магистратом для немецкого торгового поселения в Полоцке (*de dudesschen Cophude de in des copmannes recht behoren to ploscowe wesende*) были изданы специальные законы, которые регламентировали жизнь ганзейских купцов в Полоцке и, что немаловажно для торговли, определяли стандарт и качество покупаемых немецкими купцами товаров. Так, наряду с одним из важнейших товаров, вывозимых ганзейцами из Полоцка – воском, здесь давались точные инструкции, которыми ганзейские купцы должны были руководствоваться при покупке пушнины. Указывалось на то, что нельзя покупать мех, с выпадающими волосками, либо выщипанными волосками, либо подкрашенный: «*Ok schal nemant kopen harwerk dat beschoren is, edder gheplucket is, edder mit blye ghewreuen is*» [5, с. 89].

В XIV–XV вв. велась весьма оживленная торговля ганзейских купцов с купцами Великого княжества Литовского. Немцы привозили на белорусские и литовские земли Великого княжества литовского в основном ремесленные товары из Западной Европы, а также продукты питания. С белорусских земель вывозилось сырье, продукты лесного и сельского хозяйства.

Культурное влияние ганзейских купцов на население белорусских и литовских земель Великого княжества Литовского осуществлялось, как опосредовано, через привозимые ими товары, так и напрямую, через нормы, заложенные в торговых договорах (например, торговля в кредит). Те или иные продукты питания, ремесленные изделия и технологии, привозимые ганзейскими купцами в Великое княжество Литовское, требовали правильного их использования. Значит, необходимо было наличие определенных знаний и умений у покупателей, чтобы уметь пользоваться изделием, а у ремесленников, чтобы правильно использовать новую технологию. Можно спорить о степени немецкого культурного влияния на жителей Восточной Европы в средние века, но полностью его отрицать, очевидно, было бы ошибкой.

Культурное влияние, как и любой процесс, безусловно, являлось двусторонним. Поэтому и ганзейские купцы, находясь в Великом княжестве Литовском, должны были если не перенимать, то, по крайней мере, знать местные культурные традиции и нормы, придерживаться их как в торговых делах, так и в повседневной жизни. Таким образом, речь можно вести об определенном торговом и культурном взаимодействии.

Ганзейские купцы привозили на земли Великого княжества Литовского также различные металлы (железо, медь, олово, серебро), ткани и сукна, соль и пряности, сельдь и другую морскую рыбу, вино и пиво, а также зерно. Например, под 1309 г. известна грамота епископа полоцкого Якова, который просит рижский магистрат прислать в Полоцк хлеб: «А нынѣ а бысте пустили жито оу Полотеско» [7, с. 37].

Безусловно, для земель Великого княжества Литовского, в частности Полоцкой земли, где часто случались неурожаи, а земли были не настолько плодородными как в Северной Германии или Восточной Пруссии, закупка зерна у немецких купцов являлась жизненно необходимой. Когда случались неурожаи, то Ганза завозила зерно и в Великий Новгород. Земли вокруг вендских городов – Померания, Мекленбург, Бранденбург, Альтмарк, Хольстен – являлись житницей Ганзы, где в избытке произрастали рожь, пшеница и ячмень. Ганзейские корабли везли оттуда зерно, муку или пивоваренный солод в страны Северной Европы, во Фландрию, Голландию и Брабант, даже в Англию, а если бывали неурожаи, то и в восточном направлении в Новгород [10, с. 227].

Учитывая большие экономические выгоды от ганзейской торговли, а также ее социальную функцию – во времена неурожаев она спасала население от голода, а государство от бунтов – великие князья литовские уделяли ей самое пристальное внимание, выступали ее гарантами. Своего расцвета ганзейская торговля достигла при великом князе Витовте. Со времени его правления сохранились грамоты и привилегии, связанные с ганзейской торговлей. Так, в 1399 г. великий князь Витовт дал жалованную грамоту (привилей) рижскому бургомистру Ниенбрюгге на свободную торговлю немцев в Полоцке: «*Мы великий князь Витовтъ дали есмо сию грамоту буркзмистру ризскому Никгиборгку и всъмъ нъмцемъ купцемъ ризскимъ и инымъ всъмъ, што ж оу Полоцку полочаномъ добрымъ людемъ цѣловати крестъ, на томъ, што имъ чинити нъмцемъ все оу правду и оу всьхъ и оу торговли и во всъмъ торговомъ дѣль. А також оу Ризъ к полочаномъ цѣловати крестъ нъмцемъ добрымъ людемъ на томъ, што полочаномъ чинити все оу правду и оу всьхъ и оу торговли и во всъмъ торговомъ дѣль. А рубежа не чити промежи себе на обѣ сторонѣ ни нъмцемъ, а ни полочаномъ [...]*» [7, с. 80].

Однако уже в 1400 г. глава ганзейских купцов в Полоцке сообщил в магистрат города Риги о притеснениях, которые против них устроили в Полоцке за то, что великому князю Витовту было отказано в кредите на приобретение тканей. Совершенно понятно, что Витовт, как великий князь, хотел красиво одеваться, а немецкие купцы не продали ему ткани в кредит. В ответ на данное обстоятельство великий князь Витовт не на шутку обиделся, и направил грамоту Рижскому магистрату о запрете поездок немецких купцов далее Полоцка. Вероятнее всего, что отказ продажи тканей в кредит был использован Витовтом в качестве предложения для ограничения продвижения немецких купцов дальше Полоцка и Витебска на Смоленск, хотя и личная обида у великого князя тоже присутствовала. Однако, какие бы личные амбиции не испытывал Витовт, в конце концов, они не должны были мешать торговле, приносящей прибыль и процветание, как Ганзейскому союзу, так и городам Великого княжества Литовского, а значит и княжеской казне. Поэтому конфликт был исчерпан тем, что в 1405 г. был подготовлен проект договора между Полоцком и Ригой, где специально подчеркивалось, что нелюбовь между магистром Ливонского Ордена и великим князем, между боярами полоцкими и служителями Ордена не должна отражаться на ганзейско-белорусской торговле. Главное, чтобы купцы

не вмешивались в такие споры: «Потом ажь бы какое стало нелюбие межи местеря и князя великого Витовта, любо межю бояровъ, любо куньдоревь, любо риделевь, любо дворяниновъ, на обь стороне, въ тое купьцемя не уступатися: купьцеви приехати, от-ехати чисто всегды [...]» [5, с. 119].

Данный договор был заключен в 1406 г., а в 1407 г. он уже успешно был «ратифицирован» обеими сторонами. В том же 1406 г. в подтверждение своих добрых намерений великий князь Витовт дал ганзейским купцам разрешение на строительство немецкой церкви в Полоцке: «Се азъ великий князь Витовтъ дали есмо сю нашу грамоту рижаном, што жь дано было имъ мѣсто оу Полоцку церковь ставить и отмерено, кдѣ церков поставить, што ж бы никто не вступался в то мѣсто, кдѣ имъ церковь ставить [...]» [7, с. 98].

Некоторые историки считают, что такая церковь действительно существовала в Полоцке, но, как большинство средневековых построек, была деревянной и могла использоваться ганзейскими купцами не только как церковь, но также в качестве склада для товаров или места для собраний. Таким образом, торговые отношения немцев с полоцкими купцами опять нормализовались.

Ганзейскими купцами в Восточную Европу привозились различные предметы домашнего быта, например – посуда. В Институте истории Национальной Академии наук Республики Беларусь хранится оригинальная немецкая керамическая кружка XV в., найденная при раскопках в Полоцке. Обычно из таких кружек в средние века пили вино или пиво. Вероятно, именно немецкие купцы впервые и познакомили жителей Великого княжества Литовского с таким напитком как пиво.

Немцы уже в Средние века имели большой опыт в пивоварении, а также необходимое для этого сырье. Многие вендские города, обладая излишками пивоваренного ячменя, довольно рано начали производить пиво на экспорт. А самое качественное пиво производили в Гамбурге, где в пивоваренной отрасли были заняты сотни человек, и это пиво главным образом экспортировалось в Нидерланды. Родиной нижнегерманского пива с добавлением хмеля был город Айнбек. Добавление хмеля в пиво улучшило вкусовые качества этого напитка и способствовало его более длительному хранению. Поэтому уже в середине XIII в. пивовары из Айнбека имели свою пивную в Гамбурге и с успехом продавали там свое пиво. Благодаря экспорту пива также быстро росло благосостояние города Висмара, располо-

женного на побережье Балтийского моря. Хотя пиво из Висмара и уступало по качеству гамбургскому, но зато оно варилось в больших количествах, и отправлялось на скандинавские и восточноевропейские рынки [10, с. 227].

Очевидно, что позднее ганзейские купцы завезли технологии пивоварения в Ригу. Во-первых, проще было на месте варить пиво, что гарантировало его свежесть (особенно важно данное обстоятельство было для самих ганзейских купцов, потребляющих пиво). Во-вторых, исключалась возможность потери уже готового напитка при транспортировке его по Балтике. Так как нападения морских пиратов на ганзейские корабли не были редкостью, то логично предположить, что пивоваренный солод в меньшей степени мог заинтересовать морских разбойников, чем уже готовый напиток. В-третьих, сваренное в Риге пиво могло разливаться в бочки, сделанные местными ремесленниками, что способствовало бы развитию бондарного ремесла в городе, желавшем независимого развития от своей метрополии – Любека.

Следует отметить, что в Великом Новгороде ганзейские купцы с самого начала существования двора имели право варить пиво у себя на дворе для собственного употребления. Однако вскоре они стали продавать его и русским, что привело к нескольким конфликтам. В результате уже четвертая редакция скры (законов для ганзейского подворья в Новгороде) запретила в 1353 г. продавать пиво на готском дворе, поскольку от этого происходили различные неприятности. Право торговли пивом, да и то ограниченное, сохранил только так называемый дворовый слуга. Он мог торговать пивом лишь днем и только целыми бочками [13, с. 332].

Можно предположить, что немцы занимались пивоварением и в своем торговом поселении в Полоцке. Во всяком случае, под 1405 г. известен документ, в котором упоминались немецкие питейные заведения в Полоцке, и указывалось на недопустимость их содержания «а корчмы вамъ у насъ у Полотсце не держати» [5, с. 120].

Из этого можно сделать вывод, что уже во времена правления Витовта немецкая торговля напитками, содержащими алкоголь, была распространенным явлением. Вполне вероятно, что население Великого княжества Литовского благодаря ганзейским купцам было хорошо знакомо с вином и пивом задолго до начала XV века.

Из-за торговли хмельными напитками, в том числе и пивом, в середине XV в. между немцами и полоцким руководством неред-

ко возникали конфликты, как это имело место ранее в Великом Новгороде. Известна грамота Василия Дмитриевича Корсака и наместника воеводы полоцкого Андрея пана Олехна рижскому магистрату об аресте немцев, в нарушение договора державших корчму в Полоцке. Это грамота была написана летом или осенью 1445 г. (во всяком случае, не позднее 1448 г.) и в ней сообщалось следующее: «*О том пишем вам, помните вы сами, как вам было докончание, што вам было оу нас оу Полоцку корчмы не держати, ни вина на розницу не продавати, а ни пива ни меду*» [7, с.152].

Причина в крайне негативном отношении полоцкого руководства к немецким торговцам пивом и вином, скорее всего, заключалась в том, что эти напитки продавались в розницу, то есть на разлив, а, следовательно, немалые доходы шли напрямую немцам, минуя полоцкую казну. Естественно, полоцкие власти не могли допустить такого. Действительно, в другой грамоте, написанной уже от лица «местичевъ полоцких и от всех муж полочанъ» к рижскому магистрату, сообщается что «*вамъ было оу нас оу Полоцку корчмы не держати, ни вина на розницу не продавати, а ни пива ни меду, зан же нам от вас стало напасть оу тых корчмах с полтора ста рублевъ*» [7, с. 153].

Как видно из текста грамоты, полоцкие власти открыто признавали материальный ущерб и готовы были бороться с ганзейской розничной торговлей алкогольной продукцией самыми серьезными методами: «*[...] занже заказали были есте своим торговцем к нам пива не возити. А повеzoут пиво, и мы хотим сами бочки их рассечи и въ Двину оумътати*» [7, с. 152].

Несмотря на такие намерения и жесткие высказывания городского руководства Полоцка, выше названный напиток – пиво – прочно вошел в рацион жителей Великого княжества Литовского, а его потребление стало культурной традицией.

Другим продуктом, который вместе с пивом и вином полюбился населению Великого княжества Литовского, была балтийская сельдь. Добывалась она у побережья Сконии (область на юге Швеции). Ежегодно с июля по ноябрь, во время лова сельдки, туда устремлялись тысячи ганзейских купцов, а также ремесленников, занимавшихся изготовлением бочек. Засоленную в бочках сельдь ганзейские купцы продавали как в Западной, так и в Восточной Европе. Учитывая различные церковные посты и запреты на употребление мяса, не удивительно, что эта рыба легко находила

свой сбыт. Как при торговле любым товаром, так и в торговле сельдкой, не обходилось без жалоб и нареканий на качество товара. Не исключением была и ганзейская торговля в Полоцке. В начале 80-х годов XV в. полоцким наместником Богданом Андреевичем была написана грамота рижскому магистрату, в которой он просил уладить торговый конфликт полочанина Ивана Терешковича с рижанином Юрием. В грамоте упоминался и продукт спора – сельдка: «*Я ся Микуле у попель знаю, аль брал есми у Микула товар сельдци. А он ми довал за добрыи. А сельдци вельми лихы. Оу том ми щькоды стало много. Хочь ми за то отвѣт дати и за щькоду стояти, а я тобъ попель подлуг записи дам*» [12, с. 91].

Большое значение для Великого княжества Литовского имела также ганзейская торговля солью. Этот продукт являлся жизненно необходимым как на столе великого князя, так и на столе простого крестьянина. Соль использовалась не только для соления сельди, но также для заготовки других продуктов, особенно мяса дичи. Находила свое применение соль и в кожевенном производстве. Ганзейские купцы привозили в Ригу соль в больших количествах, тем более, что в самих немецких землях были богатые месторождения соли, например, в окрестностях Люнебурга в Нижней Саксонии. Основным поставщиком соли на Балтику в первой половине XIV в. и был Люнебург, расположенный к юго-западу от Любека [13, с. 238]. Конечно, были месторождения соли в окрестностях города Грайфсвальда и других городов на севере Германии, но люнебургская соль славилась своим хорошим качеством, так как была мелкого помола и белого цвета. Поставка соли в Полоцкое княжество в основном велась через Ригу. Довольно часто соль упоминалась в грамотах XV века, касающихся торговых споров полочан и немецких купцов. Так, в 1480 г. полоцкий наместник Богдан Андреевич просил рижский магистрат уладить конфликты, возникшие между полоцкими и рижскими купцами: «*Такеж жаловал нам нам полочанин Василь Кислая каша как он тыми разы был у Рызе с товаром, ваш Немчин Тимофеи Гриб узьял у него квалтомъ безправнь ластъ соли [...]*» [12, с. 89].

Другими продуктами, которые немецкие купцы привозили в Великое княжество Литовское, были заморские специи и фрукты. Завозились и ремесленные изделия. Достаточно полное представление о товарах, привозимых немецкими купцами, можно почерпнуть из грамоты великого князя Александра 1498 г. городу Полоцку на магдебургское право: «*Теж тые купцы чужыи оприч ярмарку под*

тую меру продавати мають сукно поставом, соль лаштом, перец, имберь, микдалы и иншиие зелья простые – каменеем, шафран, мушкаты, гвоздики, квѣт мушкатовый, кгалкган, цытвар и иншиие зелья дорожшиие – фунтом, секиры ножы и иншиие речы таковские – тахром, або в тузину, железо, олово, медь, цыну, мосяж и иншиие речы таковские – цейтнарном, фикги, розинки – кошем, вино какое кольве и пиво немецкое и иншое питье чужое – бочкою целою» [12, с. 155]. Из документа видно, что устанавливались конкретные меры веса для каждой категории товаров. Также заметно стремление прекратить розничную торговлю алкогольными напитками и перевести ее в оптовую торговлю.

Ганзейские купцы на белорусских землях Великого княжества Литовского также торговали строительными материалами. Известна грамота епископа полоцкого Семиона к рижскому магистрату с просьбой о покупке извести в Риге для ремонта собора Святой Софии. Грамота датируется первой половиной XV века, а точнее до 1447 г., и в ней сообщается следующее: «*Ведаите, милые приятели, от огню много намъ и вамъ щкоты стало в нашои церкви умурованои в святемъ Софеи. Ино просим васъ, своих приятелей, што бы есте намъ поволили извести купити, занеже хотимъ окна позамуровати. А што будетъ вашои милости надобъ до насъ, и мы вамъ ради протии заприяти*» [7, с. 163]. В другой грамоте тот же епископ Семион просил рижский магистрат выделить в Риге стройматериалы на кровлю церкви Святого Николая: «*А также просимъ васъ и благословляем своихъ милыхъ дѣтеи, будутъ ли оу васъ пнязи церковные святого Николы, и вы бы тымъ церковь святого Николу накрыли*» [7, с. 162].

С начала XIV в. стала развиваться ганзейская торговля по водному пути по реке Неман. Здесь на западных рубежах Великого княжества Литовского начало происходить торговое взаимодействие белорусско-литовских купцов и купцов из ганзейских городов. Ганзейская торговля здесь была завязана на такие города как Ковно (современный литовский город Каунас), Вильно, Гродно и Лиду. Существовал ряд причин, по которым активное использование торгового пути по Неману началось позже, чем использование торгового пути по Западной Двине. Наиболее вероятными причинами, вызвавшими развитие торговли на этом направлении, стали рост городов в Восточной Пруссии, а вместе с тем и потребность в сырье, развитие рынков внутри самого Великого княжества Литовского, а также основание города Вильно.

Хорошо известно предание о возникновении Вильно, в котором повествуется о том, как великий князь Гедимин заснул на охоте и ему во сне явился железный волк и указал на место, где следовало бы основать новую столицу Великого княжества Литовского. Легенда остается легендой, но следует учесть что, город Вильно возник в очень удобном месте – на торговом пути из Восточной Пруссии и Польши в Великое княжество Литовское.

Великий князь Гедимин прекрасно понимал исключительное торгово-экономическое значение вновь создаваемого города, а так как он был мудрым и дальновидным политиком, то пригласил для основания города немецких поселенцев. Гедимин написал в Западную Европу так называемые послания или письма. В их числе было послание гражданам городов Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга и Кельна, то есть сильным и богатым городам Ганзейского союза, написанное в январе 1323 г. Вот отрывок из этого послания:

«Сверх того всем благомыслящим мы предоставляем землю, собственность и [наше] королевство.

Рыцарей, оруженосцев, купцов, лекарей, кузнецов, тележников, сапожников, кожевников, мельников и пекарей, лавочников, [представителей] любого вида ремесла, – всех их, перечисленных выше, мы наделим землей, каждого сообразно его положению.

Те земледельцы, которые захотят прийти, пусть без налога в течение десяти лет возделывают нашу землю. Купцы пусть въезжают [в нашу землю] и выезжают [из нее] без дорожных повинностей и торговых пошлин, свободно [и] совершенно беспрепятственно.

Если пожелают остаться рыцари и оруженосцы, то мы, как пожелает, обеспечим их доходом и наделим владением. Пусть же весь [этот] народ пользуется гражданским правом города Риги, если только затем советом благородных не будет найдено лучшее [решение]» [14, с. 32–34].

Таким образом, великий князь Гедимин в начале XIV в. пригласил на западные земли Великого княжества Литовского поселенцев из ганзейских городов с целью развития здесь ремесла и торговли. В Полоцке, Витебске и Смоленске к этому времени уже давно велась активная торговля с ганзейскими купцами. Гедимин, безусловно, видел, как богатеют города белорусских земель Великого княжества Литовского от такой торговли с немцами, и желал то же самое устроить на литовских землях княжества. Поэтому в мае 1323 г. Гедимин еще раз отправил предложение приехать в подвластные ему

земли гражданам Любека, Росток, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда, тем самым значительно расширив географию адресатов. Примечательно то, что для благоприятного исхода дела Гедимин готов был более чем благосклонно относиться к христианской религии, в частности – к католицизму. Даже были построены несколько церквей, как на это указывалось в самих посланиях: «*А чтобы сделать вас более преданными и надежными, мы построили две церкви миноритов: одну в нашем королевском городе, именуемом Вильно, и другую в Новогородке, и третью – Ордена братьев проповедников, чтобы каждый славил господина согласно своему обычаю*» [14, с. 44–45].

Таким образом, Гедимин гарантировал свое покровительство немецким поселенцам, давал им свободу торговли, ремесла и других занятий. Интересно и то, что в послании упоминался Новогрудок, как город, в котором тоже создавались условия для комфортного пребывания немецких поселенцев, в частности наличие церкви миноритов. Очевидно, что Новогрудок, расположенный на белорусских землях недалеко от реки Неман, в средние века также имел торговые отношения с немцами. В него вели ответвления магистральных торговых путей из Западной Европы. В тексте послания Гедимины также указывался торговый путь на литовские земли Великого княжества Литовского через земли современной Польши: «*Через княжество господина Бонислава, князя Мазовии, к нам каждый при нашем покровительстве может иметь свободный доступ*» [14, с. 44–45].

Ганзейская торговля на собственно литовских землях Великого княжества Литовского главным образом сосредоточилась в таких городах как Вильно и Ковно. Расположенный на реке Неман, при впадении в него реки Вили, город Ковно привлекал внимание ганзейских купцов из Данцига и Кенигсберга. В Ковно в средние века вел важный торговый путь из Восточной Пруссии, а по Вилии спускались торговые суда от города Вильно. Географически Ковно был расположен ближе, чем Вильно к землям Ордена. Поэтому в этом городе торговля имела определенный риск. Однако здесь и проходил торговый путь. Торговый путь через Рагнит был центральным путем, который вел в Литву, на Ковно и Вильно. Уже в 1413 г. Орден предлагал, чтобы литовские купцы могли ехать только до Рагнита и Растенбурга, а прусские – только до Гродно и Ковно [15, с. 26].

Безусловно, из-за набегов рыцарей Тевтонского ордена торговля сильно страдала. В Ливонии начало урегулирования пограничных вопросов документально было оформлено во второй половине XIII в., при великом князе Гердене, когда Латгалия перешла Ливонскому ордену. Тем не менее, набеги крестоносцев на Полоцкую землю продолжались. А после прихода к власти Тройдена (1270–1282) поменялись условия ведения торговли. Тройден не признал права немцев на Латгалию, поэтому в окрестностях Динабурга (современный город Даугавпилс) происходили столкновения между немецкими рыцарями и полоцкими отрядами. Безусловно, все это отражалось на торговле. Но в начале 80-х гг. XIII в. торговые отношения немецких и полоцких купцов вновь наладились. В Восточной Пруссии и Литве территориальные вопросы были решены только после Грюнвальдской битвы 1410 г., когда Орден потерпел сокрушительное поражение. В 1422 г. Тевтонский орден документально отказался от посягательства на все литовские земли, а Жемайтия перешла во владение Витовта.

Так как набеги крестоносцев мешали развитию торговли на западных рубежах Великого княжества Литовского, то Ковно относительно поздно стал значимым торговым центром собственно литовских земель княжества. В 1408 г. город получил магдебургское право. Однако только после победы объединенных войск Польши и Великого княжества Литовского в Грюнвальдской битве стало возможным ведение торговли без прежних опасений за разбойничьи набеги тевтонских рыцарей. Вероятно, при Витовте были даны широкие привилегии немецким купцам в Ковно.

С середины XV в. в Ковно уже действовала ганзейская торговая кантора. В правовом отношении ее деятельность базировалась на привилегиях, которые в 1441 г. великий князь Казимир дал прусским купцам на торговлю в этом городе. Причем в грамоте Казимира содержалось упоминание о торговле по старому обычаю, как это было в Ковно во времена князя Витовта: «*Vnd bey der alde gewonheit in dem her bey herczog wytowds geczeiten*» [16, с. 280].

Торговля осуществлялась по реке Неман и по сухопутным дорогам и была завязана на так называемую «Прусскую квартиру Ганзы» – то есть на города Данциг (Гданьск) и Кенигсберг. Свои торговые представительства в Ковно, кроме Ганзы, имели Венеция, Англия и Швеция. Только в Пруссию отправлялось до пятидесяти кораблей в год [17, с. 39]. Особенно здесь была развита торговля лесом, кото-

рый сплавливали по Неману. Позднее, в XIX веке, когда Беларусь была в составе Российской империи, эта торговля снова возобновилась. По Неману лес сплавливали до Крулевца (Кенигсберга), а самым верхним речным портом был город Столбцы, где были склады для разных товаров, в том числе лесоматериалов, и амбары для зерна, а также пристань для *витин* – неманских кораблей. Таким образом, немецкая торговля напомнила о себе спустя столетия.

Ганзейские купцы со своей стороны вывозили в Средние века с земель Великого княжества Литовского продукты лесного хозяйства, сырье, необходимое для жизнедеятельности городов Западной Европы. Самым популярным продуктом, который имел большое значение для ганзейской торговли, являлся воск. Как уже упоминалось, воск приобретался в перетопленном виде в кругах. В 1463 г. великий князь Казимир своей грамотой вводил восковую печать в Полоцке. Этой печатью должен был обязательно штамповаться идущий на экспорт воск: *«Што первъи сего писали есмо к вам о купци наши о полочанъ, абы есте брали оу нихъ воскъ за тою печатью, што мы имъ дали, вы пакъ ди еще воскъ ихъ колупаете и печать свою ризскую къ ихъ воску прикладаете. Нам ся видить то, как бы ещо имъ в томъ не довьряете, а вед жох то оу Полотску воскъ фалшеваль, тых полочане ихъ правомъ сказнили. А ваши рижане то видъли»* [7, с. 206]. Таким образом, великий князь выступал гарантом качества воска, ведь налог с его продажи шел в казну княжества. Поэтому Казимир старался унифицировать торговлю воском по всему Великому княжеству, что очень не нравилось немецким купцам. В XV в. ганзейцы уже вывозили воск не только из Полоцка, но и из Вильно, через Ковно в Пруссию: *«Ино што бы есте воску полотского оужо не колупали, а печати свое не прикладали, какъ и оу вилновцевъ нашихъ, за одною печатью берите»* [7, с. 206].

Другим продуктом, который шел на экспорт был мед. В то время сахар только начал входить в употребление в Западной Европе, поэтому мед являлся натуральным его заменителем. Особенного развития торговля медом достигла в конце XIV–XV вв. Однако и в XVI в. она не потеряла своего значения во внешней торговле Великого княжества Литовского. Недаром в Статуте Великого княжества 1529 г. большое внимание уделялось бортному делу, и устанавливались правила сбора меда.

Ганзейские купцы с земель Великого княжества Литовского также получали древесину. Причем торговля ей осуществлялась как по

Западной Двине, так и по Неману. Например, из полоцких грамот известно, что во второй половине XV века полочане сами приезжали торговать в Ригу древесиной: *«Такеж жаловал нам боярин полоцкии пан Ондръи Селява, посылал купца своего на имя Капусту з деревом до Рыги. И тот Капуста торговал з немчином з Гарманом Жондеръмъ, продал Гарману тридцать деревъ да два, кажъное дерево по пяти гривен [...]»*. Древесину использовали в городском строительстве, для строительства мостов, настила дорог. Из хвойных пород строили корабли, а лиственные породы шли на изготовление оружия, например – арбалетов.

Не только лес являлся важной статьёй вывоза Ганзы из Восточной Европы, но также и продукты переработки леса, такие как зола, смола и деготь. Из полоцких грамот известен спор второй половины XV в. между немецким купцом Адамом Бизевортом и полоцким мещанином Олифером Кортенем, где упоминается «сто лаштов попелу», то есть сто ластов золы [12, с. 152].

Безусловно, одним из распространенных продуктов, который ганзейские купцы приобретали на востоке Европы, являлась пушнина. Холодный климат севера Германии в средние века способствовал хорошему сбыту меха и шкур животных в самих ганзейских городах. Кроме того, только состоятельные патриции и знать были в состоянии приобретать за большие деньги этот далеко недешевый товар. Лидирующие позиции в торговле мехом занимал Великий Новгород. Новгородские земли, которые простирались по всему северу и доходили до Сибири предлагали самые разнообразные меха животных. В Новгороде ганзейские купцы покупали шкуры ценных пушных зверей: соболей, горностаев, песцов, ласок, белок, медведей и других. Можно с уверенностью утверждать, что и с земель Великого княжества Литовского в XIV–XV вв. ганзейские купцы вывозили меха и кожи животных. Так в 1456 г. в Полоцк для продажи прибыла партия меха, среди которого были шкурки бобров, медведей, рысей, белок, ондатр и соболей. Так как песцы водились на Севере, то естественно что их шкурки, главным образом, вывозились через Великий Новгород. В Великом княжестве Литовском было много рек и озер, поэтому отсюда в больших количествах вывозились шкурки речных зверей – ондатр и бобров. Также ганзейские купцы приобретали шкуры крупных лесных зверей – медведей, волков, рысей, и мелких пушных зверей – лис, белок, куниц, горностаев, ласок. В тех же законах для немецких купцов в Полоцке, выданных рижским ма-

гистратом в 1393 г. упоминаются правила покупки меха ласок или горностаев (*lasten edder hermelen*).

Вывозились в Западную Европу с земель Великого княжества Литовского также такие продукты сельского хозяйства как лен и пенька – волокна конопля, использовавшиеся для производства веревок и корабельных канатов. В конце XV в. в Полоцке устанавливалось правило, по которому немецкие купцы должны были закупать продукты лесного и сельского хозяйства только в самом городе, а не в окрестных селах или лесах, чтобы тем самым не сбивать цены: *«Про то ж тыи купцы чужыи отрич ярмарку под тую меру будут куповати воски в одной штуце по полуберковеску, соболи, куницы и тхори по сороку, белку, горностаю, ласицу и норицу по полтретяста, попел а смолу лаштом; а того не мають куповати ни в лесе, а ни в борах, а ни в селех, только на месте»* [12, с. 155].

Как видим, в средние века торговое и культурное взаимодействие ганзейских купцов и купцов Великого княжества Литовского шло довольно интенсивно. Что касается культурного немецкого влияния, то в современном Вильнюсе, до сих пор сохранилась *«Вокечю гатве»* – что в переводе с литовского языка означает «Немецкая улица». Это название идет со Средневековья, и означает, что на этой улице когда-то жили немецкие поселенцы. Со времени правления великого князя Гедимина в этой части города селились купцы и ремесленники из ганзейских городов. Крупные магазины обычно занимали нижние этажи выходящих на улицу домов, а мелкие лавки устраивались во дворах и подворотнях. В XV–XVI вв. Немецкая улица была одной из самых красивых и главных улиц города с каменными двух- и трехэтажными домами. Позднее, в XVI веке, в домах Немецкой улицы появились первые деревянные водопроводные трубы. Также на этой улице располагался монетный двор. А в 1555 г. по инициативе канцлера Великого княжества Литовского Николая Радзивилла появилась лютеранско-евангелическая кирха. Начиная со времени своего возникновения и вплоть до времен Второй мировой войны Немецкая улица в Вильнюсе являлась торговым центром города, определяла его экономическое развитие.

Если рассматривать культурное немецкое влияние на земли Восточной Европы, и в частности Великого княжества Литовского, то невозможно не упомянуть о магдебургском праве. Феодалное гражданское право немецкого города Магдебурга возникло в XIII в. и распространилось на города Восточной Германии, Цен-

тральной и Восточной Европы. Жители городов, получивших магдебургское право, освобождались от феодальных повинностей, от власти и суда воевод, старост и других государственных чиновников. На его основе в городе создавался избираемый орган самоуправления – магистрат.

В Великом княжестве Литовском грамоты на магдебургское право (самоуправление) получили следующие города: в 1387 году – Вильно, в 1390 – Брест, в 1391 – Гродно, в 1408 – Ковно, в 1441 – Слуцк, в 1498 – Полоцк, в 1499 – Минск, в 1561 – Могилев, в 1577 – Мозырь, в 1597 – Витебск. В XVIII веке этим правом уже пользовалось большинство крупных и средних городов Беларуси. Как видим, право на самоуправление в конце XV века получил и главный торговый город Западной Двины – Полоцк. Великий князь Александр в 1498 г. давал *«Привилеи месту Полоцку на право маидеборское и иншие вольности»*. В грамоте были четко указаны торговые преференции города. Ганзейская торговля с этого момента замыкалась на Полоцке: *«Также тые купцы ризские до Витебска и до Смоленска ездити не мають под страченьем всего; а если бы тые купцы чужыи мели которого должника у Витебску або в Смоленску, тогда могут там ехати и долги свои справити отрич купли»* [12, с. 155].

Совершенно очевидно, что Великое княжество Литовское, к этому времени превратилось в сильное европейское государство. Оно стремилось закрыть немецким купцам прямой доступ к рынкам Тверского и Московского княжеств и усилить свою роль как посредника.

Таким образом, Ганза и Восточная Европа в Средние века имели как торговое, так и культурное взаимодействие. Во-первых, через товары, привозимые из Западной Европы, ганзейские купцы знакомили жителей Великого княжества Литовского с западноевропейской культурой. Во-вторых, через технологию производства многих продуктов, например того же пива, осуществлялось культурное влияние. В-третьих, в Восточной Европе, в том числе и Великом княжестве Литовском, распространились нормы европейского городского права – магдебургское право. А позднее хозяйственные статьи статутов Великого княжества Литовского не в последнюю очередь составлялись с учетом развития торговых и экономических связей с Ганзой. В-четвертых, немецкие купцы, поселяясь в городах Великого княжества, приносили с собой определенный образ жизни (одежда немецкого покроя, водопровод в Вильнюсе и т.п.). В-пятых,

происходило языковое культурное взаимовлияние. Из немецкого языка было заимствовано много слов и понятий, связанных с военным делом, торговлей, экономикой, производством и правом. Например, такие слова белорусского языка как «гандаль», «кирмаш», «ратуша», «бровар», «дах», «друкарня», «рытар» и многие другие имеют немецкие корни. А названия некоторых товаров перекочевали в средневековый немецкий язык, как например «lasten» – ласица, ластка, обозначение меха мелкого пушного зверька ласки.

В советской историографии много внимания уделялось истории военного проникновения немцев в Восточную Европу, а также войнам Великого княжества Литовского с Орденом. Тема мирных отношений немцев с народами Восточной Европы являлась недостаточно изученной. Тем не менее, в средние века происходило торговое и культурное взаимодействие немцев с народами Восточной Европы, которое носило мирный характер.

Весьма примечательно, что, несмотря на войны с Тевтонским и Ливонским орденом, в Средние века происходило мирное взаимодействие ганзейских купцов с купцами Великого княжества Литовского. Это взаимодействие заложило основу для развития на будущие столетия. Известно, что в 1494 г. немецкий двор в Великом Новгороде потерял свои привилегии и был закрыт. В Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. ганзейская торговля, наоборот, получила новый импульс для развития из-за возросшей потребности Западной Европы в сырье и повышения цен на продукцию сельского и лесного хозяйства. Торговля с белорусскими и литовскими городами через приморские города Ригу, Кенигсберг и Данциг в это время не испытывала жестких притеснений, как это было в Великом Новгороде. Таким образом, земли Великого княжества Литовского даже в XVI в. продолжали оставаться надежным внешним рынком для ганзейских купцов, а торговое и культурное взаимодействие происходило еще интенсивней.

Не только события Первой и Второй мировых войн, но и, возможно, наличие этой далекой, вполне положительной совместной истории, подсознательно притягивает немцев на восток Европы, в том числе и в Республику Беларусь. Не случайно немцы в первую очередь в Беларуси любят посещать Полоцк, Витебск, Гродно и Лиду – те города, история которых в средние века, так или иначе, была связана с немецкой торговлей и культурой.

Список литературы

1. Ливонская хроника Генриха Латышского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Т. 1, – Рига, 1876.
2. Арлоў, У.А. Таямніцы полацкай гісторыі / У.А. Арлоў. – Минск: Беларусь, 1994. – 463 с.
3. Goetz, L.K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters / L.K. Goetz. – Hamburg: L. Friedrichsen & Co., 1916.
4. Памятники русского права. – Вып. 2. – Москва, 1953.
5. Напьерский, К.Е. Русско-ливонские акты. Изданы Археологической комиссией / К.Е. Напьерский. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1868. – 462 с.
6. Riga und seine Bauten. – Riga, 1903. – 458 S.
7. Хорошкевич, А.Л. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / А.Л. Хорошкевич. – Вып. 1. – Москва, 1977. – 124 с.
8. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев: Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1896. – 264 с.
9. Данилевич, В.Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV века / В.Е. Данилевич. – Юрьев, 1898.
10. Pagel, K. Die Hanse / K. Pagel. – Oldenburg, 1942.
11. Гильдебранд, Г. Немецкая контора в Полоцке / Г. Гильдебранд // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Том 2. – Рига, 1879.
12. Хорошкевич, А.Л. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / А.Л. Хорошкевич. – Вып. 2 – Москва, 1978. – 219 с.
13. Хорошкевич, А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках / А.Л. Хорошкевич. – М.: АН СССР, 1963. – 363 с.
14. Послания Гедимина. – Вильнюс: Минтис, 1966. – 198 с.
15. Forstreuter, K. Die Memel als Handelsstraße Preußens nach Osten / K. Forstreuter. – Königsberg: Gräfe und Unzer, 1931.
16. Hirsch, T. Danzigs Handels- und Gewerbegeschichte / T. Hirsch. – Leipzig, 1858.
17. Butenschön, M. Litauen / M. Butenschön. – München: Verlag C.H. Beck, 2002.

Варонін В. А.

АРГАНІЗАЦЫЯ ГАРАДСКОЙ УЛАДЫ Ў ПОЛАЦКУ АД КАНЦА XIV ДА СЯРЭДЗІНЫ XVI ст.

Сістэма гарадскога кіравання ў Вялікім Княстве Літоўскім мае дастаткова працяглую і трывалую традыцыю вывучэння ў шматмоўнай гістарыяграфіі гістарыі гэтай дзяржавы. Літаратура прадмета ўключае як даследаванні па асобных гарадах і інстытутах гарадской улады, так і абагульняючыя працы. Нягледзячы на гэта, канкрэтна-гістарычныя штудыі ўсё яшчэ захоўваюць сваю актуальнасць, тым больш што ступень вывучанасці розных гарадскіх цэнтраў розная. Як гэта ні дзіўна, не так шмат напісана па Полацку – доўгі час найбуйнейшаму гораду Беларусі і аднаму з самых значных ва ўсім Вялікім Княстве Літоўскім. У гэтым артыкуле зроблена спроба разгледзець толькі адзін аспект функцыянавання сістэмы гарадскіх уладаў Полацка, а менавіта трансфармацыю форм кіравання горадам ад позняй удзельнай эпохі да надання яму магдэбургскага права і ранняга этапа развіцця гэтага права. Іншымі словамі, гаворка пойдзе пра паступовы пераход Полацка ад “права літоўскага і рускага” да “права нямецкага майдэборскага”.

Вырашэнне пастаўленай задачы звязана з пэўнымі цяжкасцямі. Сярод іх, бадай, на першае месца трэба паставіць традыцыйны для гарадоў Вялікага Княства Літоўскага, у ранні перыяд іх існавання, востры недахоп крыніц. Аднак сфармуляваная задача, прынамсі ў выпадку з Полацкам, не выглядае такой безнадзейнай. Магчымасці для яе вырашэння існуюць.

Тэрытарыяльная арганізацыя Полацка выклікае ў гістарычнай навуцы пэўныя разыходжанні. Выказвалася дапушчэнне, што ў эпоху Полацкага княства горад падзяляўся на “канцы” накшталт Вялікага Ноўгарада¹. Аднак дакладных пацвярджэнняў у крыніцах яно пакуль не знаходзіць. Разам з тым, ёсць выразныя ўказанні на тое, што ў Полацку існавалі нейкія формы кіравання альбо

¹ Штыхаў Г.В. Пытанні гістарычнай тапаграфіі Полацка // Весці Акадэміі Навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1963. – № 2. – С. 72.

самакіравання гарадскімі пасадамі¹. Напрыклад, запіс 1540 г. у адной полацкай рукапіснай кнізе называе старасту Востраўскага пасада Радыёна Клочнева². Як бы там ні было, але ў Полацку здаўна існавала моцная гарадская абшчына, актыўнасць якой фіксуецца крыніцы пачынаючы з XII ст.³

Ад позняй удзельнай эпохі да нас дайшлі матэрыялы, якія дазваляюць гаварыць пра існаванне княскага кіравання горадам як асобнай адміністрацыйнай адзінкай. Дагаварная грамата полацкага князя Андрэя Альгердавіча з інфлянцкім ландмістрам ад 10 кастрычніка 1385 г. згадвае сярод дарадцаў Андрэя нейкага “*Worzilen, nostri advocati*”⁴. Складальнік акта, безумоўна, належаў да канцылярыстаў Нямецкага ордэна ў Лівоніі. У Ордэне лацінскім словам “*advocatus*” называлі камендантаў замкаў – фогтаў. На землях жа Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага ў той перыяд (як, дарэчы, і ў пазнейшы), тэрмінам “*advocatus*” абазначалі войтаў гарадоў. Менавіта ў такім значэнні выкарыстаны гэты тэрмін, напрыклад, у адным з самых першых прывілеяў на магдэбургскае права горадам Вялікага Княства Літоўскага – прывілеі караля Уладзіслава Брэсту, выдадзеным у Кракаве 15 жніўня 1390 г.⁵ Такім чынам, зразумела, што пад тэрмінам “*advocatus*” цытаванай граматы хаваецца службовая асоба княскага двара, пад кіраўніцтвам якой знаходзіўся замак ці места.

Актавы матэрыял XVI ст., які датычыцца Полацкага ваяводства, называе сярод пасада мясцовай адміністрацыі гарадскога цівуна⁶. Яго дакладныя функцыі нам вядомы слаба, але ў XVI ст. гарадскі цівун ужо толькі збіраў па валасцях прыбыткі, якія здаўна ішлі на гэту пасаду⁷. Думаецца, менавіта ў гарадскіх цівунах і трэба ба-

¹ У сярэдзіне XVI ст. у Полацку было пяць пасадаў: Вялікі, Запалоцкі, Востраўскі, Экіманскі і Слабадскі. Іх падрабязнае апісанне гл.: Полоцкая ревизия 1552 года / Подг. И.И. Лаппо. Москва, 1905 (далее – ПР 1552 года). – С. 15–27.

² Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Ленинград, – 1953. – С. 43.

³ Гл., напр.: Ипатьевская летопись [в:] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е / Подг. А.А. Шахматов. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 293, 445, 493–496, 519.

⁴ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Сост. А.Л. Хорошкевич (далее – ПГ). Вып. 1. Москва, 1977. – № 8. – С. 45.

⁵ Акты Литовско-Русского государства / Изд. М.В. Довнар-Запольский (далее – АЛРГ). Вып. 1. Москва, 1899. № 1. С. 1.

⁶ Гл., напр.: Беларускі архіў (далее – БА). Т. 2 / Падрыхт. Д. Даўгяла. Менск, 1928. С. 189–217.

⁷ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. Москва, 1892. С. 844.

чыць нашчадкаў тых цівуноў яшчэ княскай эпохі, якія кіравалі горадам. Высокае становішча гарадскіх цівуноў у рускіх княствах зафіксавана, напрыклад, у дагаворы невядомага смаленскага князя з Рыгай і Гоцкім берагам 1223–1225 гг. У ім гаворыцца: “аже оубьють тивоуна княжа городьского, 20 гривен серебра”. Гэта быў максімальны памер штрафа, прадугледжаны дагаворам. Такі самы штраф плацілі толькі за забойства пасла і святара¹. І ў радзе Андрэя Альгердавіча становішча гарадскога цівуна было вельмі высокім. Сярод сведкаў дамовы з Ордэнам ён пастаўлены на першае месца, а яго брат Фёдар (першы вядомы нам прадстаўнік славутага ў далейшым полацкага шляхецкага рода Корсакаў) быў старшым з полацкіх баяр². Магчыма, гарадскі цівун удзельных часоў судзіў на княскім двары, што таксама магло паўплываць на той лацінскі тэрмін, які быў абраны для перадачы рускага слова “тиун”.

З ператварэннем удзельнага Полацкага княства ў намесніцтва Вялікага Княства Літоўскага сістэма кіравання зямлёй істотна змянілася. Тым не менш, улада полацкіх намеснікаў, а пазней ваяводаў яшчэ доўгі час была вельмі моцнай, а іх паўнамоцтвы ахоплівалі самыя розныя сферы жыцця. Некалькі Вітаўтавых намеснікаў у Полацку былі князямі і паходзілі з самых знатных родаў, дастаткова згадаць Лынгвеня-Сямёна Альгердавіча. Што датычыцца ўласна горада, дык пры Вітаўце яго самастойнасць была, відаць, істотна зменшана. Галоўнае слова ў кіраванні Полацкам належала намесніку. Аднак, нягледзячы на гэта, традыцыі самакіравання ў горадзе яшчэ доўгі час захоўваліся. Напэўна, працягвала склікацца веча, якое прыблізна ў гэты перыяд стала называцца *соймам*, аб чым ніжэй.

Чарговае ўзмацненне полацкага мяшчанства было звязана з грамадзянскай вайной 30-х гг. XV ст. у Вялікім Княстве Літоўскім³. У час гэтай вайны палачане рашуча, у тым ліку і вайсковымі сіламі, падтрымалі Свідрыгайлу, а сам горад стаў адной з яго рэзідэнцый.

Праўленне Казіміра было пазначана спробамі рэфармаваць кіраванне горадам. Была ўведзена пасада дзясятнікаў. Аднак новая сістэма не прыжылася, у 1486 г. пасада дзясятнікаў была скасавана і

¹ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подг. Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин. Москва, 1963. С. 10, 13.

² ПГ. Вып. 1. № 8. С. 45.

³ Хорошкевич А.Л. Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV – начала XVI вв. [в:] История и генеалогия: Сборник статей / Сост. Н.И. Павленко. Москва, 1977. С. 143, 160.

была адноўлена дзейнасць двух падвойскіх¹. Вызначыць больш дакладана, калі ў Полацку з’явіліся падвойскія і калі адбылася замена іх дзясятнікамі, на жаль, праблематычна.

У 80-я гады XV ст. у Полацку абвастрыліся адносіны паміж мяшчанамі і баярамі. У 1486 г. справа дайшла да гаспадарскага суда. Мяшчане абвінавацілі баяр у тым, што калі кароль запатрабуе “помочи з места Полоцкого для потребизны земское, и бояре ... нам в том вельми мало помагають”². У цэлым выдадзены каралеўскі дэкрэт больш спрыяў мяшчанам, чым баярам. Аднак разам з тым Казімір усё ж імкнуўся забяспечыць становішча і правы баяр ды гарантаваў іх удзел у вырашэнні гарадскіх спраў. У дэкрэце было адзначана: “А без бояр мещаном и дворяном городским и черни соимов ненадобе чинить...”³. На заканчэнне гаспадар загадаў, каб “бояре, и мещане, и дворяне городский и все посполство в згоде межи собою были”⁴.

У літаратуры адзначалася, што ў наданні вялікім князем літоўскім Аляксандрам гарадам магдэбургскага права адну з вядучых роляў адыгрывалі інтарэсы скарбу⁵. Гэта ў поўнай меры датычылася і Полацка. Сума, якую “места Полацкае” павінна было плаціць за карыстанне магдэбургскім правам, была вельмі значнай – 400 коп грошаў. Праўда, пазней яна была скарачана ўдвая. Невідаць, каб полацкія мяшчане дабіваліся магдэбургскага права і падавалі адпаведныя просьбы вялікаму князю. У магдэбургскім прывілеі пра такія просьбы не сказана ні слова, што дзіўна, калі б яны ў рэчаіснасці былі. Вялікакняскі прывілей напэўна адзначыў бы факт падачы просьбаў ад мяшчан, бо адзначэнне факта падачы просьбы было звычайнай практыкай і ўваходзіла ў фармуляр гаспадарскіх дароўных грамат. Да таго ж далейшыя падзеі паказалі, што мяшчане былі не вельмі задаволены тымі ўмовамі, на якіх “места Полацкае” атрымала магдэбургскае права. Ужо самому Аляксандру на працягу 1499–1502 гг. давялося выдаць некалькі дэкрэтаў, у якіх некаторыя артыкулы магдэбургскага прывілея былі скарачаны ці ўвогуле перагледжаны. Нарэшце, 27 жніўня 1510 г. Жыгімонт I Стары палічыў патрэбным пацвердзіць магдэбургскае права Полацку. У пацвярдзальнай грамаце, сярод іншага, адзначалася, што некаторыя “того права майтборьского у

¹ ПГ. Вып. 2. Москва, 1978. № 195. С. 111.

² Там жа. С. 110.

³ Там жа. С. 111.

⁴ Там жа.

⁵ Bardach J. Miasta na prawie magdeburgskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII stulecia // Kwartalnik Historyczny. R. 87. 1980. S. 30–31.

вунтпени были, для которого ж мешчане места Полоцкого промежь-ку себе росторжку и роздел вчинили: некоторые з них, с права немецкого выломившись, а под присуд городские далися, а многии и проч розышлися...¹. Аднак паступова сітуацыя стабілізавалася, хоць канфлікты здараліся і ў далейшым.

Супярэчнасці паміж баярамі і мяшчанами ў Полацку не зніклі і пасля 1498 г. Аляксандр спрабаваў урэгуляваць іх сваім судовым рашэннем 1499 г.², а Жыгімонт Стары разглядаў у 1529 г.³. Прыблізна па тых жа самых прычынах, што і ў 1486 г., канфлікт паміж баярамі і мяшчанами выбухнуў зноў у 1533 г., калі яго разбіраў ужо полацкі ваявода Станіслаў Глябовіч⁴.

З XVI ст. дакументы фіксуюць сур'ёзныя спрэчкі паміж мяшчанами і полацкімі ваяводамі. Некалькі разоў канфлікты прымалі настолькі востры характар, што іх даводзілася разглядаць манархам. Гэта адбылося, напрыклад, у 1502⁵, 1527⁶ і 1558⁷ гг. Падставы для гэтых канфліктаў давала перш за ўсё пытанне прыбыткаў ваяводы, а таксама праблема падсуднасці яму пэўных катэгорый гарадскіх жыхароў – саміх мяшчан, сельскіх путнікаў і іншых. У цэлым вялікія князі імкнуліся вырашаць канфлікты кампрамісным шляхам. Можна нават сказаць, што ў першых двух выпадках яны больш спрыялі мяшчанам. Пад час жа трэцяга канфлікта Жыгімонт II Аўгуст стаў хутчэй на бок ваяводы.

Сярод разнастайных наступстваў надання Полацку магдэбургскага права хацелася б звярнуць увагу на тыя сацыяльныя працэсы, якія працякалі ў горадзе, і ў прыватнасці на фарміраванне юрыдычна адзінага мяшчанскага саслоўя. Згаданы ўжо дэкрэт Казіміра Ягелончыка 1486 г. называе чатыры сацыяльныя катэгорыі насельніцтва Полацка, якія на той момант з'яўляліся, відаць, асноўнымі. Гэта *мяшчане* (пад імі трэба разумець, напэўна, тых гарадскіх жыхароў, якія валодалі дварамі ў “месце”), *гарадскія дваране* (да іх належалі,

¹ ПГ. Вып. 3. Москва, 1980. № 306. С. 56.

² Гл.: ПГ. Вып. 2. № 230. С. 161–164.

³ АЛРГ. Вып. 1. № 191. С. 215–217.

⁴ БА. Т. 2. № 268. С. 192–195.

⁵ ПГ. Вып. 2. № 255. С. 197–199.

⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 2 / Подг. И.И. Григорович. Санкт-Петербург, 1848. № 147. С. 179–180.

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 125об. – 137об.; больш падрабязна пра гэты канфлікт гл.: Варонін В.А. Войт-ваявода і мяшчане ў канфлікце 1558 года ў Полацку // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі. Вып. 7. Київ, 2007. С. 59–65.

напэўна, тыя, хто валодаў дварамі ў “горадзе” – замку), *чорныя людзі* і *паспольства*¹. У дакуменце 1492 г. у якасці прадстаўнікоў “места Полацкага” зноў выступаюць гарадскія дваране, мяшчане і паспольства. Менавіта яны ўзялі ліст прысягі новаму вялікаму князю літоўскаму Аляксандру “от всего места”². Дакументы сведчаць, што сярод пералічаных груп гарадскога насельніцтва “чорныя людзі” стаялі на самай ніжэйшай прыступцы. Калі ў 1486 г. было вырашана завесці асобную скрыню для гарадскіх грошаў, чатыры ключы атрымалі: баяры, мяшчане, дваране і паспольства³ – але не “чорныя людзі”. У 1492 г. сярод прадстаўнікоў Полацка, якія ўзялі прысяжны ліст, “чорных людзей” таксама не было. З набыццём Полацкам магдэбургскага права адбываецца паступовае зліццё даволі адрозных паміж сабой да гэтага часу сацыяльных груп у адзінае саслоўе, якое стала абагульнена называцца мяшчанствам. Аднак працэс гэты расцягнуўся ў часе. Напрыклад, яшчэ ў 20–30-я гг. XVI ст. “чорныя людзі” павінны былі выплочваць на ратушу нейкі асобны ад астатніх мяшчан “плат”⁴.

Каб больш поўна зразумець спецыфіку сітуацыі вакол полацкай магдэбургіі, трэба выразней акрэсліць той статус, які мела полацкае мяшчанства ў сваім рэгіёне і ў агульнадзяржаўным маштабе. Ролю полацкіх купцоў у гаспадарчым жыцці Вялікага Княства Літоўскага добра характарызуе той факт, што палачане, як і жыхары Вільні ды Трокаў, былі вызвалены ад выплаты мыта на тэрыторыі ўсёй дзяржавы⁵. Спецыфіку становішча полацкага мяшчанства абумовіла таксама тая акалічнасць, што ў Падзвінні было вельмі добра развіта мяшчанскае землеўладанне. Найбольшых сваіх памераў яно дасягнула ў XV ст., калі на роўных канкурыравала з баярскай зямельнай уласнасцю. Мяшчанам належалі шматлікія сёлы, з якіх яны неслі ваенную службу.

Захаваліся статыстычныя дадзеныя аб памерах і дынаміцы змянення мяшчанскай зямельнай уласнасці за першую палову XVI ст. Зыходзячы з лічбы коней, якую выстаўлялі ў войска зямельныя ўласнікі, у 1528 г. на Полаччыне мяшчанам належала 19,2% прыватных зямельных маёнткаў (138 коней), у той час як шляхце – 80,8%

¹ ПГ. Вып. 2. № 195. С. 110, 111.

² Там жа. № 205. С. 127.

³ Там жа. № 195. С. 111.

⁴ БА. Т. 2. № 164. С. 122.

⁵ ПГ. Вып. 2. № 226. С. 156; там жа. Вып. 3. № 306. С. 61, № 323. С. 90.

(582 кані). З цягам часу мяшчанскае землеўладанне, аднак, скарачалася. У 1552 г. сярод полацкіх коннікаў мяшчанскіх было ўжо толькі 13,4%, тады як шляхецкіх – 86,6%¹. Хоць за 24 гады скарачэнне і складала 5,8%, усё ж такі нават у сярэдзіне XVI ст. мяшчанскае землеўладанне было прадстаўлена на Полаччыне яшчэ вельмі прыкметна.

Юрыдычныя гарантыі высокага статуса мяшчанства былі зафіксаваны ў цэлым шэрагу вялікакняжскіх судовых выракаў і прывілеяў, у тым ліку ў абласным прывілеі Полацкай зямлі (пацвярджэнне Жыгімонта Старога 1511 г.). У ім адносна паўнамоцтваў полацкага ваяводы сказана: “А мещан одному не судити, судити ему с бояры и мещаны”².

Юрыдычная практыка сведчыць, што справы, у якіх у якасці аднаго з бакоў выступаў мяшчанін, сапраўды разглядаліся з удзелам мяшчанскіх прадстаўнікоў.

Гарантыі асабістай свабоды мяшчан былі замацаваны ў артыкуле таго ж абласнога прывілея: “А полочаны нам не дарытися никому”³.

Полацкія мяшчане ўяўлялі сабой сур’ёзную сілу не толькі ў межах свайго рэгіёна. З імі лічыліся і на агульнадзяржаўным узроўні. Мяркуючы па тым, што ў 1492 г. прадстаўнікі ад полацкіх гарадскіх дваран, мяшчан і паспольштва ўзялі ліст на прысягу зноў абранаму вялікаму князю літоўскаму, яны прымалі ўдзел у цырымоніях, прысвечаных узвядзенню Аляксандра на вялікакняжскіх пасад. Трэба падкрэсліць, што гэта не адзіны падобны прыклад. Калі 15 ліпеня 1544 г. полацкі ваявода Станіслаў Давойна ездзіў “да караля ў Брэст”, з ім паехалі не толькі полацкія баяры-шляхта, але і “мяшчане лепшыя”⁴. Варта нагадаць, што ў гэты час у Брэсце адбываўся сойм, на якім Жыгімонт I Стары перадаў уладу ў Вялікім Княстве Літоўскім свайму сыну Жыгімонту II Аўгусту. Зразумела, што полацкія мяшчане, як і шляхецкія прадстаўнікі, ездзілі на сойм у Брэст для ўдзелу ў гэтым важным мерапрыемстве. Гэта відавочна яшчэ і ў сувязі з тым, што на Полаччыне мяшчане ў многіх адносінах

¹ Падлікі праведзены на падставе: Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга Публічных спраў 1 / Падрыхт. А.І. Груша, М.Ф. Спірыдонаў, М.А. Вайтовіч. Мінск, 2003. С. 154–156; ПР 1552 года. С. 31–163.

² ПГ. Вып. 3. № 323. С. 87.

³ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 59 / Под ред. Г.Ф. Карпова. Санкт-Петербург, 1887. С. 255.

⁴ ПГ. Вып. 2. № 226. С. 154.

былі роўнымі шляхце і карысталіся такімі самымі правамі. Падабенству сацыяльнага статуса спрыяла таксама тое, што працэс саслоўнага размежавання ў Полацкай зямлі ў першай палове XVI ст. прасунуўся яшчэ не настолькі далёка, каб бар’ер паміж шляхтай і мяшчанствам стаў непераадальным. Пераходы з аднаго стана ў другі былі магчымымі, дастаткова частымі былі і сацыяльна-змяшаныя шлюбы.

Сістэма гарадскога кіравання на магдэбургскім праве ў Полацку зазнала істотныя змяненні нават на працягу тых 65 гадоў, якія яна праіснавала да захопу горада Іванам Грозным у 1563 г.

Пасада галавы гарадскога кіравання – *войта* – была ўведзена адначасова з наданнем Полацку магдэбургскага права. Згодна з прывілеем Аляксандра 1498 г., на войтаўства былі прызначаны тыя самыя даходы, якія ішлі на карысць войта ў Вільні і ў іншых гарадах Вялікага Княства Літоўскага: гэта быў “трэці пенязь” ад усіх судовых пошлін. Да гэтага “трэцяга пенязя” была дададзена палова мясных ятак і прыбыткаў ад іх. Пад непасрэдную ўладу войта перайшлі таксама “вси горелого вина делатели, теж продавцы”¹. Войта прызначаў вялікі князь. Войт абіраў дваццаць радцаў, палова з якіх павінна была быць католікамі, а другая палова праваслаўнымі. Радцы разам з войтам абіралі са свайго складу двух гадавых бурмістраў – аднаго католіка, а другога праваслаўнага².

Пацвярджаючы ў 1510 г. магдэбургскае права Полацку, вялікі князь Жыгімонт крыху змяніў сістэму прызначэння і выбараў бурмістраў і радцаў. Так, ён прадпісаў абіраць цяпер радцаў войту і бурмістрам, а колькасць радцаў была павялічана да дваццаці чатырох, па дванаццаць ад кожнай канфесіі. Кожны год радцы разам з войтам павінны былі абіраць па два бурмістра – па-ранейшаму аднаго католіка, а другога праваслаўнага. Пацвярджальная грамата Жыгімонта зафіксавала факт нейкіх спрэчак паміж войтам, бурмістрам і радцамі і ўрэгулявала парадак апеляцый (“отозванья”) па ім³.

У Дзяржаўным гістарычным архіве Латвіі захоўваецца вельмі цікавы дакумент, аформлены пад прывілеі Жыгімонта I Старога Полацкай зямлі 1511 г. У рэчаіснасці ён адносіцца да сярэдзіны – другой паловы XVI ст. і ўяўляе сабой звод цэлага шэрагу прывілеяў

¹ ПГ. Вып. 2. № 226. С. 156.

² Там жа. Вып. 3. № 306. С. 60.

³ Там жа.

вялікіх князёў літоўскіх Аляксандра і Жыгімонта Старога, якія датычацца Полацкай зямлі. Значная частка артыкулаў прысвечана сістэме кіравання горадам Полацкам. Як высвятляецца, гэта сістэма была зноў крыху зменена і дэталізавана. Так, вайт і 24 радцы (у роўнай колькасці праваслаўныя і католікі) павінны былі абіраць цяпер ужо 8 бурмістраў на год, прычым канфесійны парытэт таксама вытрымліваўся. Бурмістры кожнай канфесіі павінны былі мяняцца кожныя тры месяцы¹. Гэты парадак быў уведзены недзе пасля 1552 г., бо рэвізія Полацкага ваяводства 1552 г. ведае ўсяго чатырох полацкіх бурмістраў і пералічвае іх пайменна: Іван Петрашковіч, Марцін Шчыт, Давыд Панкоў і Цішка Антушковіч². З крыніцы відаць, што гэта былі ўсе тагачасныя полацкія бурмістры.

Самым першым полацкім вайтам быў гаспадарскі дваранін Радзён, які згаданы ў дакуменце ад 5 чэрвеня 1499 г.³ Пры вялікім князі Аляксандры вайтам быў таксама нейкі Твароўскі⁴. Пасля 1505 г., калі вайт яшчэ стаяў на чале полацкіх бурмістраў і радцаў⁵, гэта пасада надоўга знікае з дакументаў. У канфлікце 1527 г. паміж мяшчанами і ваяводам Пятром Кішкам полацкіх мяшчан узначальваў ужо *лентвойт*⁶.

Пасаду лентвойта згадвае ўжо магдэбургскі прывілей Полацку 1498 г. Лентвойт быў намеснікам вайта, вайт жа яго звычайна і прызначаў. Аднак у грамаце Жыгімонта Старога ад 26 сакавіка 1526 г. чытаем: “Што есмо дали лентвоитомъ дворанина нашего Станислава Лодю мещаномъ места нашего Полоцкого...”⁷. Такім чынам, з тэкста вынікае, што лентвойта Ст. Ладзю прызначыў не вайт, а гаспадар. Аднак чаму? Як адзначалася вышэй, паміж полацкімі мяшчанами і ваяводамі раз-пораз узнікалі канфлікты. Відаць, цэнтральная ўлада спрабавала вырашаць іх у тым ліку і з дапамогай пераразмеркавання паўнамоцтваў. Вядома, што на 1552 г. полацкім вайтам быў тамтэйшы ваявода⁸. Аднак у рэчаіснасці гэта пасада была перададзена ваяводам намнога раней – напэўна, паміж 1505 і

1526 г. Цытаваны вырак Жыгімонта Старога 1526 г. як раз і быў прысвечаны ўрэгуляванню спрэчкі з-за прыбыткаў, якая ўзнікла паміж нядаўна прызначаным лентвойтам Ст. Ладзёй і, як сказана ў дакуменце, “головным вайтом”. Ім на той момант быў ужо, хутчэй за ўсё, ваявода Пётр Кішка. Магчыма, перадача пасады вайта ваяводзе адбылася незадоўга перад 1526 г., што і прывяло практычна адразу да спрэчкі паміж вайтам і лентвойтам з-за прыбыткаў. Відаць, сэнс перадачи пасады вайта да ваяводы палягаў у тым, каб засяродзіць у руках адной асобы дзве пасады – галавы ваяводства і галавы горада – і тым самым выключыць у далейшым магчымасць канфліктаў паміж ваяводам і мяшчанами ў асобе вайта¹. Калі разлік быў на гэта, дык ён не апраўдаўся, аб чым яскрава засведчылі канфлікты 1527 і 1558 гг.

Інтэрэсы мяшчан ад перадачи пасады не змяніліся, толькі цяпер іх давялося адстойваць не вайту, а лентвойту. У дакументах судовай кнігі полацкага ваяводы Яна Глябовіча 30-х гг. XVI ст. на чале мяшчан стаяць менавіта лентвойты². У 20–30-я гг. XVI ст. полацкімі лентвойтамі былі прадстаўнікі тутэйшай мяшчанскай эліты браты Якаў і Сямён Савічы, Давыд Панкоў, Мітка Пятровіч³. Лентвойт разам з бурмістрамі і радцамі падпісаў і адзін ліст полацкіх мяшчан у Рыгу⁴. На жаль, гэты ліст не мае даты, але па почырку яго можна аднесці да 20–30-х гг. XVI ст. Як доўга лентвойт *de facto* ўзначальваў сістэму гарадскога кіравання ў Полацку, сказаць цяжка, але на 1558 год лентвойта прызначаў ужо вайт-ваявода Станіслаў Давойна.

На жаль, мы не так шмат ведаем пра персаналіі членаў гарадской рады, але дадзеныя крыніц, і асабліва рэвізіі Полацкага ваяводства 1552 г. сведчаць аб тым, што пасады бурмістраў займалі, як правіла, заможныя мяшчане-землеўладальнікі. Часам сярод бурмістраў і радцаў сустракаліся купцы, але практычна ніколі – рамеснікі, нават майстры. Праўда, у гэтым выпадку трэба рабіць папраўку на непаўнату дадзеных персанальнага складу магістрата, а таксама на малалікасць звестак адносна рамеснікаў. Але калі яны і былі прадстаўлены сярод членаў магістрата, дык у любым выпадку займалі там зусім не першыя месцы. Зрэшты, такая сітуацыя

¹ Latvijas Valsts Vestures Arhivs (далей – LVVA). Ф. 673. Воп. 4. Скр. 19. Адз. зах. 76. Арк. 4.

² ПР 1552 года. С. 15, 31–33.

³ ПГ. Вып. 2. № 229. С. 161.

⁴ Там жа. № 242. С. 182.

⁵ Там жа. № 264. С. 210.

⁶ АЗР. Т. 2. № 147. С. 179.

⁷ АЛРГ. Вып. 1. № 179. С. 202

⁸ ПР 1552 года. С. 30.

¹ Не трэба, канешне, забывацца і пра грашовы бок справы, бо з перадачай пасады вайта да ваяводы на карысць ваяводы пайшлі і вайтаўскія прыбыткі.

² Гл.: БА. Т. 2. С. 121–122, 192–195.

³ Там жа. С. 163, 164, 169, 171, 176, 177, 194, 227, 246.

⁴ LVVA. Ф. 673. Воп. 4. Скр. 19. Адз. зах. 97.

назіралася і ў іншых гарадах Усходняй Еўропы – напрыклад, у Рызе найважнейшыя пасады ў магістраце займалі купцы, а рамеснікі таксама былі прадстаўлены там вельмі слаба.

У 40–50-я гады XVI ст. уладу ў магістраце цвёрда трымалі ў сваіх руках бурмістры і радцы. Гэта вельмі яскрава адбілася ў перапісцы гарадскіх улад Полацка і Рыгі. Усе шматлікія пасланні палачан у Рыгу, датаваныя гэтым часам, заканчваліся аднолькавым подпісам: «Бурмістры и рядци места Полоцкого»¹.

Темушев В. Н.

КРИЧЕВСКИЙ УЧАСТОК ЛИТОВСКО-МОСКОВСКОЙ ГРАНИЦЫ В XVI в.

Данная статья посвящена реконструкции одного из участков литовско-московской границы XVI в., утверждение о протяженности которого является проблемой до конца не решенной. Безусловно, в обозначении рассматриваемого участка границы уже существует выработанное, обоснованное представление, и заявление о его «спорности» исходит исключительно от автора данной работы. Тем не менее, сомнение в правильности выводов коллег основывается на показаниях источников и, хочется надеяться, что оно не лишено оснований.

Речь пойдет о фрагменте границы между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским (с 1547 г. – Российским царством), разделявшем собой со стороны первого Кричевский повет (волость, староство), а со стороны второго – частично Рославльский и Брянский уезды. В связи с приоритетом в исследовании современной белорусской территории и, в данном случае, определенной законченности рубежей конкретной административной единицы ВКЛ, реконструируемый участок границы условно назван кричевским.

Кричевский участок литовско-московской границы начал складываться в начале XVI в., когда в результате войн 1500–1503 и 1512–1522 гг. владения великого князя московского вплотную приблизились к той территории, которая сейчас является частью Республики Беларусь. В результате к России перешли сначала Брянск (занят в мае 1500 г. воеводой Яковом Захарычем Кошкиным)¹ и часть мстиславских волостей (Попова Гора, Дроков и Мглин, захвачены в сентябре 1500 г. удельными князьями ВКЛ, перешедшими на сторону московского государя)², а затем Рославль

¹ Полное собрание русских летописей (Далее: ПСРЛ). Т. 8 (Продолжение летописи по Воскресенскому списку). М., 2001. С. 239.

² «Лета 7009-го году сентября в 7 день послал государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси из Стародуба в Литовскую землю ко Мстисловлю воевать служивых князей князя Семена Стародубского да князя Василья Шемятича. А с ними послал воевод своих...» (Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н.Г. Савич. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 63–64).

¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Л. 126, 128.

(присоединен после взятия Смоленска в конце июля 1514 г.)¹. Брянск и бывшие мстиславские волости, приданные к Стародубу² были оставлены в московской стороне по договору о 6-летнем перемирии 1503 г.³, а Рославль был признан московским в договоре о 5-летнем перемирии 1522 г.⁴ Характер данных договорных грамот подразумевал временность уступок территорий ВКЛ, но во всех последующих перемириях XVI в. Брянск, Дроков, Попова Гора, Мглин и Рославль снова и снова признавались российскими.

Непосредственно граничили с кричевской территорией земли брянской волости Прикладни, стародубских Дроковской и Поповогорской волостей⁵, наконец, смоленской Рославльской волости. Таким образом, в свою очередь кричевский участок границы можно разделить на четыре отрезка (кричевско-брянский, кричевско-дро-

¹ Мнение о захвате Рославля в 1515 г., видимо, ошибочно (Кром М.М. *Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 195; Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VIII. М., 1974. С. 169*). Во-первых, согласно Устюжской летописи (из которой берется информация о взятии Рославля) город был захвачен обманом и ограблен, но жители его не были приведены к присяге, а войско псковского наместника А.В. Сабурова вернулось с полоном и добычей восвояси («Рославль извоевал, и во Псков приде поздорову, а добра и полону приведе с собою много») (ПСРЛ. Т. 37 (Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв.). Л., 1982. С. 102). Таким образом, ограбленный город в 1515 г. не стал московским владением. Во-вторых, есть определенная степень уверенности в том, что устюжский летописец заблуждаясь назвал Рославль вместо Браславля. Более осведомленный псковский летописец свидетельствует о походе на Браславль («Брянлов») (Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 260). Правда, само событие описано иначе. Интересно, что в Устюжской летописи говорится о захвате немецких купцов («гостей»), которых великий князь московский велел отпустить в «Немецкую землю» (ПСРЛ. Т. 37. С. 102). Сомнительно такое торговое значение города Рославля, которое привлекало бы к себе немецких купцов. Другое дело – Браславль, близкий к орденским землям и имеющий с ними тесную связь. Представляется в этой связи, что Рославль оказался в московской власти сразу после взятия Смоленска в конце июля 1514 г. Во всяком случае, в 1516 (7024) г. Рославль уже являлся местом сосредоточения значительного контингента московских войск (Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966. С. 59–60; Разрядная книга 1475–1605 г. Т. 1. Ч. 1. С. 154).

² «И князь великий пожаловалъ, придалъ... князю Семену [Ивановичу Можайскому – стародубскому удельному князю – В.Т.] Почапъ да Мглинъ да Дроковъ да Попову Гору» (Полное собрание русских летописей. Т. 23 (Ермолинская летопись). М., 2004. С. 196).

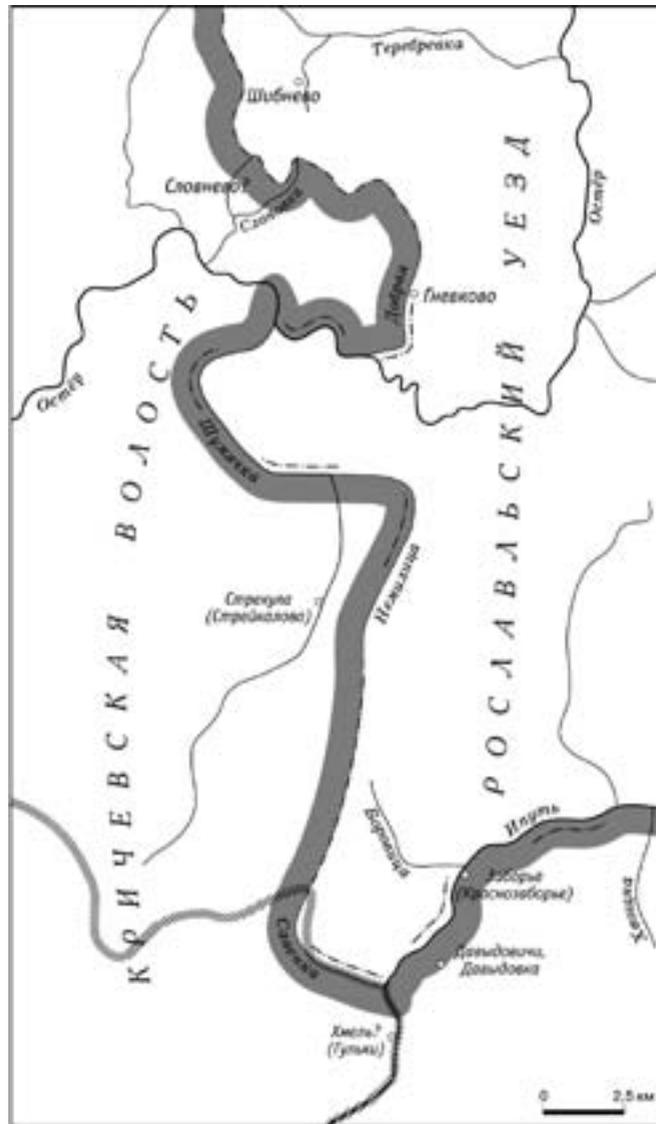
³ Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. (Далее: LM). Кн. 5: (1427–1506). В., 1994. № 118.13. Р. 210.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. (Далее: АЗР). Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. № 120. С. 150.

⁵ С договора 1508 г. Попова гора выступает в качестве города со своими волостями, то есть приобретает статус уездного центра (LM. Кн. 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis ir kt. V., 1994. № 80. Р. 126).

Карта 1. Кричевский участок литовско-московской границы

Карта 2. Фрагмент кричевского участка литовско-московской границы

ковский, кричевско-поповогорский и кричевско-рославльский), условия и время становления которых были различны. Несмотря на то, что три названных первыми отрезка литовско-московской границы получили возможность определиться уже в самом начале XVI в., их формирование растянулось на столетия. А кричевско-рославльский отрезок границы был точно обозначен уже в самом литовско-московском договоре 1522 г. Необходимо еще отметить, что за территорию Кричевской волости (повета) принимается та, которая фиксируется со второй трети XVI в. – то есть вместе с обширной волостью Олучичи (Лучицкой), с начала XVI в. постепенно все более и более тяготевшей к Кричеву¹. Кроме того, вероятно, из состава Кричевской волости-повета уже с начала XVI в. происходило выделение особых волостей, позднее обычно называемых войтовствами². Не случайно во всех литовско-московских договорных грамотах XVI в. Кричев определяется как город «с волостями»³.

Как уже было сказано, кричевский участок литовско-московской границы XVI в. уже привлекал внимание исследователей, и о его протяженности сложилось определенное убеждение. Кроме некоторых существенных исключений, кричевская граница 500-летней давности была проведена вдоль линии современной белорусско-русской границы, при этом наблюдается строгое соответствие в ее конфигурации между XVI, XVII и XVIII веками, хотя, очевидно,

¹ Мязельскі А.А. Старадаўні Крычаў: Гіст.-археал. нарыс горада ад старажыт. часоў да канца XVIII ст. Мн., 2003. С. 123. Как показал А.А. Метельский, окончательно Олучичи были подчинены Кричеву 17 марта 1529 г., когда король Сигизмунд передал волость под управление кричевского державцы князя Василия Семеновича Жилинского (Мязельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 123). Впрочем, и в дальнейшем Олучичи выделялись в составе Кричевской волости или староста в качестве войтовства или даже волости (Национальный исторический архив Беларуси (Далее: НИАБ). КМФ-5. Оп. 1. Ед. хр. 1924. Л. 31; Ед. хр. 1926. Л. 22; Ед. хр. 1927. Л. 33; Ед. хр. 1928. Л. 94; Ед. хр. 1929. Л. 16 и др.).

² Мязельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 128–129.

³ LM. Кн. 5. № 118.13. Р. 209; LM. Кн. 8. № 80. Р. 125; АЗР. Т. II. № 120. С. 148; LM. Кн. 15: (1528–1538). V., 2002. № 156. Р. 199; LM. Кн. 15. № 164. Р. 212; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. (Далее: СИРИО). Т. 35. СПб., 1882. № 10. С. 190; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II // СИРИО. Т. 59. СПб., 1887. № 18. С. 303; Там же. № 27. С. 409, 411; АЗР. Т. III. 1544–1587. СПб., 1848. № 17. С. 69; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III // СИРИО. Т. 71. СПб., 1892. № 24. С. 725; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Стефана Батория (с 1573 по 1583 год). М., 1843. № 17. С. 30; Там же. № 82. С. 235; № 97. С. 259.

например, что в ходе межевания 1637 г. она претерпела серьезные уточнения и изменения.

К настоящему времени два исследователя (один с российской стороны, а второй – с белорусской) провели фундаментальное исследование кричевской границы¹. Н.Б. Шеламанова при этом опиралась в основном на источники российского происхождения, а А.А. Метельский привлекал материалы, созданные на территории ВКЛ. Свообразными исследованиями, нашедшими отражение в подробных картах, явились работы М.Ф. Спиридонова². В целом, проблема реконструкции кричевского участка литовско-московской границы, казалось, была решена. Однако повторный анализ сохранившихся источников выявляет явные противоречия в сформированном представлении. Это заставляет еще раз обратиться к изучению московско-литовских территориальных связей XVI в.

Весь кричевский участок литовско-московской границы описывает уникальный комплекс документов – реестры границ черниговских, любечских, мглинских, рославльских, мстиславских и др.³ Появление этого источника исследователи относят к разному времени между 1522–1527 гг.⁴, но, видимо, прямое указание источника на то, что «Мглын город Мстиславского повету, за московским, а вжо тому

¹ Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд в XVI в. С. 165–193; *Мяцельскі А.А.* Волаць Крычава ў XII – сярэдзіне XVI ст.: тэрыторыя, адміністрацыйна-гаспадарчы падзел, паселішчы // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* № 15. Мн., 2000. С. 81–92; *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў.

² *Спірыдонаў М.Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. // *Нацыянальны Атлас Беларусі.* Мн., 2002. С. 266–267.

³ Границы Литовского государства с вел. кн. Московским, с показанием числа домов в пограничных селениях // *Документы Московского архива Министерства юстиции (Далее: ДМАМЮ).* Т. 1. М., 1897. С. 63–67; «Пам'ять» 1527 р. // *Русина О.В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 207–215.

⁴ А.А. Метельский относит время его составления к 1522 г. (*Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 124). М.В. Довнар-Запольский, составитель первой публикации «Реестров» – к 1523 г. (ДМАМЮ. Т. 1. С. 63), М.К. Любавский – к 1526 г. (*Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 288). Е.В. Русина обосновывает иную датировку – 1527 г. Весь комплекс документов назван исследовательницей «Памятью» 1527 г. (*Русина О.В.* Сіверська земля. С. 14). Сама Е.В. Русина признает, что более распространена датировка 1526-м годом. При этом она отвергает 1523 г. на том основании, что, по ее мнению, текст одного из реестров (а именно, рославльско-мстиславской границы) вошел в состав литовско-московского договора 1526 г. (*Русина О.В.* Сіверська земля. С. 18). Однако и в договоре 1522 г. присутствует идентичный фрагмент текста (СИРИО. Т. 35. № 102. С. 744–745). В данной работе по отношению к реестрам будет условно применяться датировка 1522 г.

есть 20 и 3 лета, зо всимь»¹, свидетельствует в пользу составления реестров в 1523 г., а точнее к 1522 г.², когда 2 части рославльского реестра («Граница роцлавская со Мьстиславлем» и «От Крычова городу Рославлю рубеж») ³ были приняты в состав литовско-московского договора о перемирии.

Реестры границ детально выявляют пограничную зону в изучаемом регионе, причем охватывают не только межгосударственные границы (между ВКЛ и Великим княжеством Московским), но и внутренние границы московских уездов. Комплекс реестровых данных, по мнению Е.В. Русиной, принадлежит к последним десятилетиям XV в., и, в связи с этим, составление большинства их них не преследовало целью фиксирование московско-литовской границы (тогда она была еще далеко), а скорее представляло собой опись утраченных в начале XVI в. ВКЛ владений⁴.

К сожалению, далеко не все села, упомянутые в реестрах 1522 г. можно отыскать на карте, однако те, чье местоположение твердо определяется, выявляют на значительном расстоянии точное соответствие современной границе Республики Беларусь. Так, село Мокрое считается «лучицким» и остается в литовской стороне⁵, а село Кузнецевичи (очевидно, находилось в районе озера Кузнецкого) принадлежит уже к территории Поповой Горы⁶. Как раз между ними проходит современная белорусско-российская государственная граница. Учитывая тот факт, что сведения реестров были справедливы и для XV в., можно сделать вывод об устойчивости некоторых отрезков белорусской границы на протяжении более чем полтысячеления.

Реестры 1522 г., действительно, отражали уже утратившую актуальность ситуацию с административно-политическим делением в пограничном регионе. Уточнить пределы земель, относящихся к Кричеву в XVI в., частично помогает «Ограничение Кричевского

¹ «Пам'ять» 1527 р. // *Русина О.В.* Сіверська земля. С. 212.

² 1523 год появился в связи с неверным определением даты заключения литовско-московского перемирия.

³ «Пам'ять» 1527 р. // *Русина О.В.* Сіверська земля. С. 212, 213; ДМАМЮ. Т. 1. С. 67.

⁴ *Русина О.В.* Сіверська земля. С. 21.

⁵ Деревня Костоковичского района Могилевской области Беларуси. В настоящее время не существует (Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. Мн., 2007. С. 169).

⁶ С 1922 г. – Красная Гора, поселок городского типа, центр района Брянской области Российской Федерации.

староства», составленное при Андрее Богдановиче Шалухе, кричевском старосте в 1544–1563 гг.¹, но сохранившееся лишь в копии, снятой в 1604 г.² А.А. Метельский, видимо, справедливо точно датирует появление «Ограничения» 1560-м годом, то есть временем проведения аграрной реформы в Кричевском повете³.

Специфической особенностью документа является то, что он описывал реально освоенные земли, относившиеся к Кричеву, и в связи с этим ни разу даже не упоминал границу с Россией (то есть между литовскими и московскими владениями существовала какая-то буферная зона, состоявшая из хозяйственно неиспользуемых земель). Другая, незамеченная исследователями, особенность «Ограничения» – описание исключительно Кричевской волости. Например, Олуцицкая волость в него не попала. Характерно, что к «Ограничению» придан обширный перечень («Po tom boku kotorye boiarie maiut swoje dobra miezdy zamkowoho ohraniczenia y nad kotorymi rekami»), в котором названы боярские владения и в Олуцицкой волости (хоть сама эта волость даже не упомянута) – по рекам Жаденьке, Крупне, села Мокрое и Костюки⁴. Также здесь названа украинская граница («po siom boku od Hranicy Ukrainskoie»). Смысл составления данного перечня, названного ревизией, выявляется в конце фрагмента – сколько должны ставить людей и коней кричевские бояре и князья в случае войны («a czasu woyny niepryiatieła»)⁵. Судя по тексту, «Ограничение» и «Ревизия» непосредственно связаны друг с другом, что, однако, не исключает возможности включения первого в состав второго. Датирована «Ревизия» 7 сентября 1604 г.

Непосредственно к «Ограничению» и «Ревизии» примыкает еще один документ – «Pomier seł Derżawy Kruczowskoie»⁶. Пред-

ставляется, что его нельзя относить к компиляции 1604 г., а тем более, к «Ограничению» 1560 г.¹ Отчасти дату составления «Помера» выдает наличие в таблице (документ сделан в виде таблицы) села Гульки (Hulki). Последнее приобретает такое название в конце XVII в.² Также перечислено село Ушаки, при котором названа слобода Палуж. Инвентарю 1671 г. такое село и слобода неизвестны³, а инвентари 1676, 1679 г. показывают Ушаковичи с Палужем⁴. В инвентаре 1682 г. село Палуж записано уже отдельно от Ушаковичей – центра войтовства⁵. Правда, при селе Староселье упоминаются две земли (Юрковская и Воронковская) – пожалование до воли господарской князя Шалухи («za listom kniazia Szałuchy»)⁶. Значит, «Помер» мог быть составлен недалеко от времени наместничества Андрея Богдановича Шалухи или его сына Константина Шалухи (1566–1576 гг.).

Следует заметить, что весь текст, состоящий из трех документов, был переписан одним почерком и, в общем, представляет собой единое произведение с общим заголовком «Kopia Ograniczenia Starostwa Krzycewskiego...».

К работе активно привлекались материалы посольских книг, отражающие отношения ВКЛ (с 1569 г. – Речи Посполитой) и Великого княжества Московского (с 1547 г. – Российского царства)⁷. Благодаря указаниям посольских книг, на какие села и волости производились нападения и что за территории были заняты той или иной стороной, фиксируются районы пограничных конфликтов на кричевском участке литовско-московской границы. Посольские книги показывают неустойчивый характер границ в районе Кричева и, в общем, выявляют процесс постепенного распростра-

¹ *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 118, 151. По мнению А. Бонецкого, А.Б. Шолуха (Szolucha) был кричевским наместником в 1544–1552 гг. (*Bonicki A.* Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 346, XXXII).

² *Kopia Ograniczenia Starostwa Krzycewskiego...* // НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 68–69 об. Само «Ограничение» составлено «Za Panowania Korola Zygmunta tretioho», и это может ввести в заблуждение, так как Сигизмунд III правил в Польше и ВКЛ в 1587–1632 гг. Однако нумерация королей и великих князей, соответственно, в «Короне» и «Княжестве» не совпадала. Третьим Сигизмундом в ВКЛ считался Сигизмунд Август, чьи годы правления (1548–1572 гг.) вполне увязываются с наместничеством Андрея Богдановича Шалухи.

³ *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 118.

⁴ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 68 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 69–69 об.

¹ *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 128.

² В инвентаре Кричевского староства 1682 г. назван Хмель (Chmiel), в инвентаре 1693 г. – Гульки (Hulki), а в инвентаре 1694 г. дано разъяснение: «Siolo Halki nazuwajacu Chmiel» (Инвентарь Кричевского староства 1682 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1926. Л. 38; Инвентарь Кричевского староства 1693 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1927. Л. 23; Инвентарь Кричевского староства 1694 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1928. Л. 81).

³ Инвентарь Кричевского староства 1671 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1922.

⁴ Инвентарь Кричевского староства 1676 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1924. Л. 26; Инвентарь Кричевского староства 1679 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1925. Л. 41.

⁵ Инвентарь Кричевского староства 1682 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1926. Л. 15–16.

⁶ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 69.

⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I // СИРИО. Т. 35. СПб., 1882; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II // СИРИО. Т. 59. СПб., 1887.

нения московской власти на земли ВКЛ. Однако более-менее конкретными сведениями о месте прохождения кричевского участка границы данный источник не обладает. Здесь, в отличие от других участков литовско-московской границы, легко обозначаемых по материалам посольских книг, у обеих сторон, видимо, еще не было возможности определить зону своих притязаний и выразить свои претензии в конкретном виде списочного состава населенных пунктов или других географических объектов. Местность между городами Кричевом, Рославлем, Дроковым и Брянском была слабо освоена и даже местные власти имели о ней скудные представления.

Отрывочные сведения о кричевском порубежье разбросаны по книгам метрики ВКЛ, содержатся в жалованных грамотах короля Сигизмунда III рославльским и брянским землевладельцам¹, встречаются в материалах, связанных с деятельностью рославльских помещиков Масловых². Все вместе они создают (хоть и неполное) представление о пределах территорий, относящихся к Кричеву, Брянску и Рославлю, что в итоге позволяет подтвердить уточнить линию прохождения государственной границы.

Значительную информацию о литовско-московском пограничье в районе Кричева дают многочисленные инвентари Кричевского староства последней трети XVII – первой половины XVIII в. И хоть большинство инвентарей могут предоставить лишь список относящихся к Кричеву населенных пунктов с очень редкой и отрывочной информацией об их местоположении и землях, но сопоставление с данными других источников и очень подробным инвентарем 1747 г. показывает устойчивость линии границы Речи Посполитой и России на протяжении почти столетия. Но можно ли переносить линию границы XVII–XVIII вв. на более ранний период? Думается, что это не всегда оправдано. Ту пограничную ситуацию, которую мы наблюдаем по сохранившимся инвентарям Кричевского староства последней трети XVII – первой половины XVIII в., картам конца XVIII в. и другим источникам, во многом сформировали разграничительные мероприятия, организованные после заключения Поляновского мира Речи Посполитой и России 1634 г. (межевание 1634–1638 гг.)³. Переход Смоленщины и Брянщины под власть Речи

Посполитой в период российской смуты и частичный возврат территорий после Смоленской войны 1632–1634 гг. сильно изменили территориальный состав пограничных административных единиц. Только кричевско-рославльский отрезок границы, видимо, сохранился в неизменном виде. (Рославль по условиям Поляновского мира еще оставался в составе Речи Посполитой и вернулся к России только в 1667 г. Западная граница его уезда, просуществовавшая века практически в неизменном виде, снова стала государственной).

Для ретроспективного анализа изменений или же, наоборот, доказательств устойчивости отрезков кричевской границы может служить целый ряд карт, составленных в последней трети XVIII – начале XXI в. Выполненная без математической основы, неточная карта Климовицкого округа (из Атласа Могилевской губернии 1777 г.), тем не менее, полезна для определения пограничных пунктов в районе Кричева, фиксирования форпостов на старой границе¹. Планы Генерального межевания Рославльского (1770 г.) и Климовицкого (1783 г.) уездов дают исчерпывающие данные о составе населенных пунктов, водных объектов и линии прохождения границ в пограничном регионе². Военно-топографическая карта России середины XIX в. («трехверстка») дополняет и уточняет сведения карт XVIII в.³ Наконец, топографические карты, составленные в XX – начале XXI в. позволяют провести реконструкцию древней границы на строгой научной основе и сопроводить ее точной локализацией населенных пунктов.

Итак, первые сведения о литовско-московской границе в районе Кричева (а напротив него – Рославля) можно почерпнуть из «Реестров» 1522 г., текст одного из которых (рославльского) оказался в составе литовско-московского договора о перемирии 1522 г. В договоре 1522 г. подробно описывалось два участка границы – смоленский и рославльский. Однако, если определение первого было необходимо в связи с тем, что Смоленщина не вся, не полностью перешла под московскую власть, и граница прошла по совершенно новой линии, то относительно второго участка границы можно утверждать, что таковым он был и до 1522 г. Его описание было

¹Климовицкий округ // Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты, представляющей Могилевскую губернию. Могилев, 1777.

²Генеральный план Рославльского уезда. Масштаб – в 1 дюйме 1 верста (1 : 42 000). 1780.

³Военно-топографическая карта России. Могилевская губерния. Масштаб – 3 версты в дюйме. СПб., 1850. Ряд 15. Лист 10–11.

¹АЗР. Т. IV. СПб., 1851. № 183. С. 320–427.

²Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1916. С. 3–131.

³Шеламанова Н.Б. Документы государственных межеваний 30–40-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 161–173.

по какой-то причине взято в договор из реестров границ, чьи данные относились еще к концу XV в.

Интересно, что в грамоте 1522 г. описание смоленского рубежа идет после фрагмента с реестром рославльской границы. Первое состоит из двух неравномерных по объему частей, в которых определяется граница сначала с левой, а потом с правой стороны Днепра. Первая часть описания смоленской границы заканчивается как раз в том районе, с которого началось рассмотрение рославльской границы. Правда, составители грамоты 1526 г. почему-то не соблюли последовательность в демаркации литовско-московской границы.

Итак, согласно фрагменту грамоты 1522 г. рославльско-кричевская граница (часть мстиславской границы) шла между Словневым и Шибневым к Гневкову («промежи Словнева до Шибнева к Гневкову»)¹. Два последних населенных пункта можно отыскать и на современной карте. Шибнево – деревня Шумячского района Смоленской области России. Гневково – деревня, центр сельсовета Шумячского района Смоленской области России. Словнево, вероятно, следует искать в районе маленькой речки Слоновки, указанной на карте Генерального межевания и находящейся чуть юго-западнее с. Шибнева и р. Шибневки². Характерно, что и в конце XVIII в. граница проходила в этом районе, а от него направлялась на юг к с. Гневкову, стоявшему на левом берегу р. Доброй³. Как в 1522 г., так и в конце XVIII в. граница определялась р. Доброй, впадающей справа в Остер (левый приток Сожа).

Согласно грамоте 1522 г. по р. Доброй, выходя на водонос (?), граница шла к р. Остер («Вострь»)⁴. Далее некоторое расстояние граница, видимо, придерживалась р. Остер (как в конце XVIII в.). Хотя в грамоте и сказано, что граница шла через великий бор («Доброю жь речкою въ Вострь чересь великий боръ в реку въ Шумачу...»), но, видимо, имеется в виду то, что в этом районе р. Остер течет через большой лес. Шумач-Шумяча грамоты – это Шумячка, левый приток Остера (на ней стоит центр района Смоленской области – рабочий поселок Шумячи). Таким образом, граница шла по реке Остеру и переходила в ее приток Шумячку. Такая ее протяжен-

ность сохранилась до конца XVIII в. В районе р. Шумячки заканчивались мстиславские и начинались кричевские земли, определявшиеся населенным пунктом Стрекула, соответствующей, очевидно, современной деревне Стрекайлово того же Шумячского района¹. Стрекула оставалась в стороне, а граница от р. Шумячи переходила в ее левый приток Немялицу. Таким образом, система рек на значительном расстоянии составляла пограничную линию, разделявшую ВКЛ и Россию. Далее от р. Немилицы (таково ее название на современной карте) граница пересекала «старым рубезомъ» пространство до Заборья и реки Ипутъ («а изъ Немелицы старымъ рубезомъ къ Заборью, въ Ипутъ реку»)².

По смыслу фрагмента грамоты 1522 г. Заборье должно было находиться на р. Ипутъ. Сейчас такого населенного пункта не существует, однако с противоположной стороны устья р. Боровицы, с левой стороны впадающей в Ипутъ, еще в середине XIX в. существовало село Краснозаборье³. Очевидно, именно оно известно в XVI в. как Заборье и к нему приходил «старый рубезъ» от р. Немялицы между рославльскими и кричевскими землями. Населенный пункт Заборье, как и река Боровица, очевидно, приобрели свое название от значительного леса («Великого бора»), занимавшего пространство между реками Остер и Ипутъ.

Судя по материалам Генерального межевания конца XVIII в., линией границы на всем своем протяжении служила речка Боровица⁴. Это хорошо согласуется с формулировкой грамоты 1522 г. – таким образом, от Немелицы граница шла сразу к Заборью и в р. Ипутъ. Однако, по материалам XVI–XVII вв. («Ограничению» Кричевской волости 1560 г. и актам межевания 1634–1637 гг.), граница направлялась южнее, в сторону еще одного левого притока р. Ипутъ – Савенки (Осовенка, Осовна)⁵. По Савенке она достигала р. Ипутъ и,

¹ Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд в XVI в. С. 177–178; *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 124. На карте Климовичского округа 1777 г. – Стрекайлы (Климовичской округ // Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты, представляющей Могилевскую губернию. Могилев, 1777), на карте-трехверстке – Стрекайлы. (Военно-топографическая карта России. Могилевская губерния. Масштаб – 3 версты в дюйме. СПб., 1850. Ряд 15. Лист 10).

² АЗР. Т. II. № 120. С. 149.

³ Военно-топографическая карта России. Ряд 15. Лист 10. Село Краснозаборье отмечено также и на Генеральном плане Рославльского уезда 1780 г.

⁴ Генеральный план Рославльского уезда.

⁵ *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 124; Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 178.

¹ АЗР. Т. II. № 120. С. 149.

² Генеральный план Рославльского уезда. Масштаб – в 1 дюйме 1 верста (1 : 42 000). 1780.

³ Там же.

⁴ АЗР. Т. II. № 120. С. 149.

следовательно, чтобы придти к Заборью ей необходимо было следовать некоторое расстояние вниз по этой реке.

Определенный участок дальнейшей линии границы составляло течение р. Ипуть. И если до этого в описании границы никаких противоречий не возникало – все исследователи (М.Ф. Спиридонов, Н.Б. Шеламанова и А.А. Метельский) одинаково точно проводят ее линию, то дальнейшая протяженность границы представляется спорной.

По грамоте 1522 г. граница следовала вниз по течению реки: «...а из Немелицы старым рубежом к Заборью, в Ипуть реку, да на низ Ипутью к Хмелю»¹. (Есть вероятность, что и до Заборья граница проходила некоторое расстояние вниз по Ипути). На этом, кстати, описание кричевско-рославльской границы заканчивалось.

Хмель, вполне вероятно, соответствует населенному пункту, который А.А. Метельский, опираясь на прямое указание инвентаря Кричевского староства 1694 г. отождествил с деревней Гульки². Исследователь утверждал, что примерно там же локализовала Хмель Н.Б. Шеламанова³. Подобная локализация весьма убедительна еще и потому, что именно в направлении Хмеля шла государственная граница в XVII–XVIII в. Она совершенно четко видна, например, на карте Генерального межевания⁴. Также можно заметить некоторое соответствие в этом регионе древних рубежей с современной границей Республики Беларусь⁵. Казалось бы, никаких сомнений возникнуть не может.

Но удивительно, что никто из исследователей не заметил противоречия: ведь местоположение Хмеля, вопреки указанию грамоты 1522 г., определено не вниз по течению р. Ипути от Заборья, а вверх!⁶

Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что определенное Н.Б. Шеламановой приблизительное местонахождение

¹ АЗР. Т. II. № 120. С. 149.

² В инвентаре сказано: «Hulki alias Chmel». Цит. по: *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 124.

³ *Шеламанова Н.Б.* Рославльский уезд. С. 178, 182; *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 124.

⁴ Генеральный план Рославльского уезда.

⁵ Общегеографический региональный атлас «Смоленская область». Масштаб – 1 : 200 000. М., 2001. С. 44; Могилевская область. Атлас. Масштаб – 1 : 200 000. Мн., 2007. С. 17.

⁶ Данная формулировка грамоты непременно повторялась в последующих литовско-московских договорах (См., например: ЛМ. Кн. 15. № 156. Р. 199; № 164. Р. 211; АЗР. Т. III. № 17. С. 69).

ние пункта с названием Хмель может и не соответствовать той его локализации, которую обосновал А.А. Метельский. Деревня Гульки, принятая им за Хмель первой четверти XVI в., находилась на левом берегу р. Ипуть у самой границы Беларуси с Россией, проходящей как раз по реке. Гульки-Хмель всегда принадлежали к Кричевской волости (староству) ВКЛ. К настоящему времени этот населенный пункт прекратил свое существование, но ранее относился к Милославичскому сельскому совету Климовичского района Могилевской области Беларуси¹.

Располагая сведениями брянской писцовой книги 1625–1629 гг., Н.Б. Шеламанова обратила внимание на упоминание в Прикладненской волости селищ Заборье, Давыдовичи и запустевшего бортового ухоя Хмель с селищем Хмелем². Заборье – это, очевидно, упоминавшийся уже населенный пункт, когда-то располагавшийся напротив устья р. Боровицы, левого притока Ипути. Давыдовичи на современной карте также не фиксируются, но отмечены на Генеральном плане Рославльского уезда 1780 г. и военно-топографической карте середины XIX в., соответственно, как с. Давыдовка и господский двор Давыдовка³. Давыдовка находилась между Краснозаборьем (Заборьем) и Гульками (Хмелем?) тоже у р. Ипуть, на правой ее стороне. Похоже, что место Хмеля, обоснованное А.А. Метельским, соответствует выводу Н.Б. Шеламановой. Однако, по сведениям последней, Хмель находился между речками Московкой и Хвощней с правой, а не левой, стороны Ипути⁴. Хвощня – правый приток р. Ипути ниже по течению от Заборья⁵; Московка – вероятно, не еще один правый приток Ипути в районе рч. Савенки (как считала Н.Б. Шеламанова), а речка Ректа, правый приток Беседи, как сказано в Генеральном плане Рославльского уезда 1780 г. («Речка Ректа Московка тожь»)⁶.

Составитель списка рек днепровского бассейна П.Л. Маштаков зафиксировал в районе верховий Ипути и Беседи две речки с названием

¹ Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. Мн., 2007. С. 195.

² *Шеламанова Н.Б.* Рославльский уезд. С. 178.

³ Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.; Военно-топографическая карта России. Ряд 15. Лист 10.

⁴ *Шеламанова Н.Б.* Рославльский уезд. С. 178.

⁵ Военно-топографическая карта России. Ряд 15. Лист 11.

⁶ Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.

Московка – правый приток Ипути (выше по течению от Хвоцни) и левый приток Ректы (Рехты), правого притока Беседи¹.

О месте незначительной по протяженности речки Московки – притоке Ипути, необозначенной на самых подробных современных картах, узнаем из «Инвентаря староства Кричевского» 1747 г. В нем, при описании относящихся к с. Макеевичи земель, есть указание на речку Московку (Moskowka) «do Ipusi upadaiacey»². Речка Московка являлась тогда пограничной с Россией. Деревня Макеевичи (в инвентаре – *wies Makieiewiczze*) существует и в настоящее время – относится к Милославичскому сельсовету Климовичского района Могилевской области Беларуси³. Макеевичи стоят на левой стороне Ипути, а все его земли в свое время лежали на правой стороне этой реки и ограничивались мелкими притоками Ипути Московкой и Переволоченкой. Последняя названа перед Московкой (выше по течению Ипути) в списке П.Л. Маштакова⁴, а на ее местоположение указывает существующий поныне населенный пункт Переволошня, стоящий у реки, очевидно, носящей созвучное название⁵. Таким образом, следующий по течению Ипути ее правый приток и является речкой Московкой. Находящаяся чуть восточнее Макеевичей д. Илюхино (в 1–2 км)⁶ в середине XVIII в. стояла уже на московской границе («osada nad Rzeczką Ipicio, na granicy Moskiewskiey»)⁷, то есть от Илюхино и вниз р. Ипуть уже являлась пограничной. Следовательно, между Макеевичами и Илюхино следует искать устье р. Московки, на которую поворачивала граница России с Речью Посполитой. Правда, предпринятые поиски оказываются бессмысленным: ведь на военно-топографической карте России середины XIX в. именно в определенных выше местах обозначены

оба правых притока Ипути – как Переволоченка, так и Московка¹. Последняя служила границей двух губерний – Могилевской и Смоленской. Взглянув на современную карту можно убедиться, что в месте течения этой речки и до настоящего времени проходит государственная граница². Однако, данный участок границы не следует переносить на период XVI в., ведь приходя ниже по течению Ипути к Заборью литовско-московская граница тогда следовала не вверх, а снова вниз по этой реке к Хмелю, что, конечно же, оставляло в стороне обоснованную источником середины XVIII в. пограничную зону.

Ниже по течению Ипути от устья р. Московки, но выше Заборья стоял населенный пункт, известный до конца XVII в. под названием Хмель. Инвентари Кричевского староства 1671, 1673 и 1676 г. перечисляют село Хмель (*Chmiel*)³, а инвентарь 1694 г. уже называет «siolo Halki nazywaiacy Chmiel po toy stronie rzeki Ipuscia z Moskwoy granicysey»⁴. В описаниях XVIII в. встречаются только одно название – Гальки (чаще в форме «Гульки»)⁵. При этом в инвентаре 1747 г. снова указывается на пограничный характер реки Ипути у деревни («wioska») Гульки, но, кроме того, в ее «ограничении» говорится о том, что данный населенный пункт был заново заложен совместными усилиями местных уроженцев с жителями села Осовно («nowo założone z wsią Osowno, za spólną zgodą mužów obodwy wsi»)⁶. Сделано это было на старом месте или населенный пункт был перенесен – неизвестно. С одной стороны земли деревни граничили по р. Осовянке (Совянке) с селом Осовно (в настоящее время уже нежилое, хоть и обозначено на картах), а с другой – с упоминавшейся уже деревней Илюхино. В ограничении с. Осовно не упомянута граница с Москвой. Видимо, к этому времени она уже

¹ Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна с картой и алфавитным указателем. СПб., 1913. С. 128, 125.

² Инвентарь Кричевского староства 1747 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1936. Л. 189.

³ Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. Мн., 2007. С. 191.

⁴ Маштаков П.Л. Указ. соч. С. 128.

⁵ Переволошня (Переволочня) – деревня Милославичского сельсовета Климовичского района Могилевской области Беларуси (Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. Мн., 2007. С. 192).

⁶ Илюхино – деревня Милославичского сельсовета Климовичского района Могилевской области Беларуси (Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. Мн., 2007. С. 191).

⁷ Инвентарь Кричевского староства 1747 г. Л. 193.

¹ Военно-топографическая карта России. Могилевская губерния. Масштаб – 3 версты в дюйме. СПб., 1850. Ряд 15. Лист 10. На карте Генерального межевания речка, служащая границей Рославльского уезда с правой стороны Ипути, названа «ручьём безымянным» (Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.).

² Могилевская область. Атлас. С. 17.

³ Инвентарь Кричевского староства 1671 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1922. Л. 13; Инвентарь Кричевского староства 1673 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1923. Л. 24; Инвентарь Кричевского староства 1676 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1924. Л. 29.

⁴ Инвентарь Кричевского староства 1694 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1928. Л. 81.

⁵ Инвентарь Кричевского староства 1709 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1929. Л. 33; Инвентарь Кричевского староства 1723 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1932. Л. 178; Инвентарь Кричевского староства 1747 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1936. Л. 194.

⁶ Инвентарь Кричевского староства 1747 г. // НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1936. Л. 194.

устоялась чуть севернее – не по р. Савенке (речь, конечно же, идет о ней), а по р. Боровице, левому притоку Ипути, что можно заметить на Генеральном плане Рославльского уезда 1780 г. Но в XVI в. именно у земель, относящихся к известному в последней трети XVII в. селу Хмель (у р. Савенки), литовско-московская граница достигала р. Ипуть и далее следовала по ее течению до Заборья, а далее снова вниз – к еще одному Хмелю.

Второй топоним с названием Хмель следует искать либо на большом пространстве с правой стороны р. Ипуть от р. Ректы (Московки) до Хвоцни, либо на сравнительно коротком отрезке правого берега р. Ипуть между ее притоками Московкой и Хвоцней. Последний вариант предпочтительнее. При этом остается значительная вероятность того, что пункт Хмель находился ниже по течению р. Ипуть после Заборья, что соответствует утверждению грамоты 1522 г. – «старымь рубежомь къ Заборью, въ Ипуть реку, да на низъ Ипутьею къ Хмелю»¹.

Возможно за Хмелем граница пересекала р. Ипуть и шла в том направлении, которое установилось (как это твердо известно по источникам) уже в XVII в. Однако, еще одно замечание реестров границ 1527 г. как будто прямо свидетельствует в пользу того, что кричевская граница шла и дальше вниз по течению р. Ипуть. «Реистръ рославский» обозначил рубеж между собственно рославльской и брянской территориями по р. Воронице, которая «втекла у Ипут, а Ипуть – рубеж кричевский»². Левый приток Ипути речка Вороница находится значительно ниже по течению от Заборья, от которого, по грамоте 1522 г. на низ шла кричевская (мстиславская) граница. Причем кричевская территория продолжалась, вероятно, и дальше по течению р. Ипуть после места впадения в нее Вороницы. Впрочем, данные этой части реестра рославльских границ не вошли в официальный текст литовско-московских договоров, что произошло, вполне вероятно, еще и по той причине, они уже не отражали реальную ситуацию пограничья 20-х гг. XVI в.

То, что реестры, условно обозначенные 1522 годом, по своим сведениям относились к значительно более раннему времени, иллюстрирует тот факт, что рославльско-брянская граница по реке Воронице прекратила свое существование уже в самом начале XVI в. Тогда, в ходе московско-литовской войны 1500–1503 гг. от Смоленской

¹ АЗР. Т. II. № 120. С. 149.

² «Пам'ять» 1527 р. // Русина О. Сіверська земля. С. 212.

земли были отторгнуты и отнесены к Брянску некоторые рославльские волости. Среди них были Вороница (Воронеч, Вороницы) и Жерынь¹, размещавшиеся с правой стороны р. Вороницы². Следовательно рославльский реестр отражал пограничную ситуацию, предшествовавшую событиям начала XVI в. Для того времени, очевидно, была актуальной и кричевская граница, в качестве которой на значительном расстоянии служила р. Ипуть.

Район междуречья верховьев Беседи и Ипути был слабо освоен вплоть до XVIII и даже XIX в.³ Сдерживала колонизационный процесс с обеих сторон постоянная военная опасность – пограничные конфликты, не прекращавшиеся, по замечанию А.А. Метельского, до заключения в 1686 г. между Речью Посполитой и Россией «вечного мира»⁴. Только с 1709 г. начинает упоминаться в источниках слобода Хотимск (современный районный центр Моглевской области Беларуси), ставшая позже городом и центром определенной округи в верховье р. Беседь⁵. Ситуация со слабой заселенностью междуречья Беседи и Ипути, очевидно, была характерна и до того момента, как к нему приблизилась литовско-московская государственная граница. Таким образом, вполне вероятно, что в условиях малой освоенности региона, да и слабого представления о нем местных властей, граница была назначена по естественному природному рубежу, каковым являлась р. Ипуть. Очередное наступление со стороны Великого княжества Московского в ходе войны 1512–1522 гг. не только приблизило его владения к реке Ипуть, считавшейся формально пограничной, но и распространило московскую власть дальше на запад. Безусловно, в литовско-московских перемириях

¹ LM. Кп. 5. № 118.13. Р. 210. См. также договоры 1508 (LM. Кп. 8. № 80. Р. 127) и 1522 гг. (АЗР. Т. II. № 120. С. 150; СИРИО. Т. 35. № 93. С. 639), духовную грамоту Ивана III 1504 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. (Далее: ДДГ). М.; Л., 1950. № 89. С. 359).

² Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 281; Политическая карта Литовско-Русского государства конца XV и начала XVI в. // Любавский М.К. Указ. соч. Вкладыш.

³ Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 173.

⁴ Мяцельскі А.А. Хоцімск: да пытання аб часе ўзнікнення // Весці НАН Беларусі. № 4. 1999. Серія гуманітарных навук. С. 21–22.

⁵ Инвентарь Кричевского староста 1709 г. // Национальный исторический архив Беларуси. КМФ 5. Оп. 1. Ед. хр. 1929. Л. 22. Данный населенный пункт часто ошибочно отождествляется с деревней Хотимск Костюковичского района Могилевской области Беларуси (в настоящее время нежилой), упоминающейся в источниках с первой четверти XVI в. (Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. С. 169).

грамотах должна была быть зафиксирована линия новой границы, проигнорировавшая «старые рубежи». Это было сделано, например, по отношению к Смоленской земле, часть которой осталась у ВКЛ. В договор даже попала часть реестра рославльской границы, хоть та и проходила в основном по «старым рубежам». Но по отношению к новой границе, формирующейся в районе между реками Беседь и Ипуть, этого сделано почему-то не было. Может быть причина тому – полная неопределенность владельческой принадлежности местности, почти полностью покрытой лесами и болотами. Не случайно здесь затем постоянно возникали пограничные конфликты. Границу, действительно, определить было трудно.

В то же время, власти ВКЛ, видимо, по-прежнему желали считать р. Ипуть пограничной. Отсутствие в литовско-московских договорах определения границы дальше на юг от пограничного пункта Хмель как будто свидетельствует об упорстве литовской стороны в отстаивании своих владений. Представляется, что граница к западу от Ипути не была обозначена сознательно, так как о ее прохождении на переговорах обе договаривающиеся стороны не смогли достичь согласия¹. Временный характер перемирия допускал игнорирование спорных территорий, так как приоритетным было прекратить военные действия и получить передышку. В качестве примера можно привести случай с волостями Маслов десятков, Крюков десятков и Лучичи, которые в ходе переговоров 1537 г. было прямо решено «не писати ни в одну сторону», так как до этого они управлялись совместно «и на великого князя и на короля, кто сильнее держит»².

Таким образом, в связи с необходимостью достижения перемирия, но осознавая его недолговечность, спорный пограничный район в междуречье верховий рек Беседь и Ипуть в тексте ряда договоров о перемирии, начиная с 1522 г., был попросту проигнорирован. В то же время власти ВКЛ предприняли составление реестров границ, что, очевидно не преследовало целью фиксирование реально установленной литовско-московской границы, а скорее представляло собой опись утраченных с начала XVI в. ВКЛ владений³, естественно, с намерением отстаивать эти владения. В одном из этих реестров (рославльском) сохранилось уникальное упоминание о реке Ипути, служившей границей Кричевской волости.

¹ В посольских книгах, к сожалению, рассматриваемый регион даже не упоминается.

² СИРИО. Т. 59. № 6. С. 105.

³ Русина О.В. Сіверська земля. С. 21.

С начала XVI в. восточная граница Кричевской волости претерпела существенные изменения. Река Ипуть осталась пограничной лишь на небольшом отрезке. Причем, следует заметить, что распространение московской власти в сторону правобережья Ипути могло начаться не с завоевания Смоленска и основного массива его территории (1514 г.), а еще с того времени, когда к России были присоединены некоторые рославльские волости, располагавшиеся к востоку от Ипути (некоторые у ее левого притока Вороницы), а также Брянск и его волости, в частности, находившиеся около Ипути Соловьевичи и Прикладни (1500–1503 гг.)¹.

Известно, что московское наступление на рославльские земли в непосредственной близости к рассматриваемому участку границы продолжилось сразу после заключения перемирия 1503 г. В посольских книгах приводится список «кривд и шкод», которые причинили смоленским князьям и боярам «помесщики и украинники великого князя Московского»². Из Рославльского повета ВКЛ московской стороной были отобраны волость Слободка, села Нагинское, Жилино, Князева, Бояркино, дворы Кошкин, Бехово, Климовскою, Пашково Жолтоногови и другие без названий³. Некоторые из указанных дворов стояли в селах (Кошкини, возможно, Бехово). С большей или меньшей уверенностью значительная часть перечисленных топонимов локализуется в правобережье верховья р. Вороницы, разворачивающей свое течение широкой петлей с востока на юго-запад. Здесь же находилась Жерынь (совр. Жарынь) – центр бывшей рославльской волости. Не случайно как Жерынь, так и некоторые занятые населенные пункты позже вошли в состав Вороницкой волости⁴. Волость Слободка из-за распространенности названия не поддается локализации. Как варианты центра этой волости можно предложить: Слободка к востоку от Гневкова за рекой Остром, Слободка (Горлова Слободка, совр. Горлово) в самом верховье р. Вороницы⁵, Слободка (село Лахирышковская Слободка тож, совр. Лахи) в

¹ LM. Кн. 5. № 118.13. P. 210.

² СИРИО. Т. 35. № 77. С. 446.

³ Там же.

⁴ Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 179. В 1610 г. по жалованным грамотам короля Сигизмунда III в составе Вороницкой волости обнаруживаются: д. Бехова, сд. Кошкино, д. Жиленка, сд. Жерины, сд. Сеславль и др., в которых угадываются селения и центры бывших рославльских волостей, соединенных в одной брянской волости (АЗР. Т. IV. 1588–1632. СПб., 1851. № 183. С. 332, 333, 334, 335).

⁵ Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 186.

верховье р. Поповки, левого притока Вороницы¹. Три выделенных населенных пункта оказываются к северо-западу, северу и северо-востоку от массива земель, занятых московскими властями после перемирия в 1503 г.

Таким образом, в направлении рославльских земель московские нападения и захваты не были остановлены даже перемирием 1503 г. Очевидно, и за р. Ипуть, на ее правую сторону распространялась московская власть. Косвенно об этом свидетельствует жалоба брянского наместника князя Василия Семеновича Ряполовского на кричевского наместника Остафея Дашковича, который якобы «вступался» в брянскую волость Прикладни и прикладневские деревни². Представляется, что в данном случае дело обстояло как раз наоборот – брянский наместник занимал кричевские деревни. Вообще же, по словам князя В.С. Ряполовского: «многие обиды чинятся нашим людям от Кричевцов»³. После 1503 г. жалобы на проникновение из Кричева в брянскую волость Прикладни поступали неоднократно, например, в 1537, 1538, 1544, 1550, 1552 гг.⁴ В ответ литовская сторона, например, в 1524, 1525, 1526, 1529 гг. выдвигала претензии на действия московских наместников пограничной зоны (стародубского и др.), которые «забирают и поседают» волости Кричева, Пропойска, Чичерска, Олучич и т.д.⁵ Как видим, не только рославльский рубеж, но и кричевско-брянское пограничье стало зоной конфликтов. Попытки созвать представителей обеих сторон (от Мстиславля, Кричева и т.д.) к спорным участкам границы, чтобы «их поправить», как в 1526, так и в 1529 и другие годы не были осуществлены⁶.

При описании пограничных конфликтов на кричевской границе брянская волость Прикладни почти постоянно упоминается московской стороной. Именно ее территория определяла спорный участок литовско-московского пограничья. Подступающая к левому берегу р. Ипуть бывшая рославльская волость Вороница, в основном, увеличивала свои пределы за счет южных земель Рославльского повета и, возможно, лишь в одном месте переходила на правой берег Ипути. (На правом берегу р. Ипуть напротив устья р. Колпиты расположен населенный пункт Доброносичи, который, вполне воз-

¹ Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.

² СИРИО. Т. 35. № 77. С. 447.

³ Там же.

⁴ СИРИО. Т. 59. № 8. С. 132, 141; № 15. С. 230; № 20. С. 336; № 23. С. 357.

⁵ СИРИО. Т. 35. № 96. С. 684; № 98. С. 697–698; № 101. С. 716–717; № 105. С. 789.

⁶ СИРИО. Т. 35. № 107. С. 815; № 109. С. 837.

можно, соответствует селищу с тем же названием, упомянутому в 1610 г. в составе Вороницкой волости¹. Правда, все остальные, названные в той же грамоте, пункты группируются вокруг сельца Жерины, то есть совсем в другой стороне волости). А вот Прикладневская волость активно осваивала пространство правобережья Ипути. Бортный ухажай и селище с названием Хмель, а также селища Заборье и Давыдовичи, перечисленные в брянской писцовой книге 1625–1629 гг., относились как раз к данной волости². Однако, следует заметить, что как Заборье, так и Давыдовичи для пограничной ситуации XVI в. должны были оставаться на литовской стороне. Только ниже по течению р. Ипуть от Заборья, в районе находившегося там Хмеля, могли начинаться московские владения. Видимо, в годы российской смуты положение на кричевско-брянской границе изменилось. Так, если даже перемиренная грамота 1608 г. требует прохождения границы от Заборья вниз по Ипути к Хмелю, то уже акты межевания 1634–1637 гг. фиксируют ее линию по р. Осовенке (совр. савенка) в Ипуть, а от последней в Московку³. Левый приток Ипути – Савенка и в середине XVI в., согласно ограничению Кричевского староства, являлась пограничной, но по р. Московке – правому притоку Ипути – граница, видимо, сформировалась в начале XVII в. В итоге территория волости Прикладни распространилась еще далее на запад.

В то же время участок границы от Шибнево и Гневково до Заборья оставался, видимо, незыблемым. Селища Гневково, Шибнево в грамотах 1610 г. называются в составе Рославльского уезда⁴. К последнему принадлежала и д. Шумячи⁵, выросшая в современный поселок городского типа – центр района Смоленской области. Деревня, видимо, находилась на правой стороне р. Шумячки, а не на левой, где сейчас расположена основная территория поселка. Только к середине XVIII в. граница сдвинулась от р. Савенки к другому левому притоку Ипути – Боровенке.

Участок границы от Хмеля по-прежнему остается неопределенным. Исследователи намечают кричевский рубеж ВКЛ с Брянским уездом России западнее р. Ипуть, в основном вдоль реки Бе-

¹ АЗР. Т. IV. 1588–1632. Спб., 1851. № 183. С. 333.

² Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 178, 182–183.

³ Шеламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 178.

⁴ АЗР. Т. IV. № 183. С. 332, 333.

⁵ АЗР. Т. IV. № 183. С. 332.

сечь и современной белорусско-российской границы¹. При этом А.А. Метельский справедливо критикует М.Ф. Спиридонова, почти полностью заимствующего современное направление границы, но сам неосторожно использует данные даже XVIII в. для определения пределов Кричевской волости XVI в.² Н.Б. Шаламанова останавливается на определении стыка рославльско-кричевского и брянского рубежей 1503–1522 гг. между речками Савенкой и Хвощней и фиксации дальнейшего направления брянско-кричевской границы от р. Московки³. Основная протяженность указанного последним участка литовско-московской границы остается в исследовании Н.Б. Шаламановой без объяснения.

Приблизительную линию неустойчивой на протяжении всего XVI в. брянско-кричевской границы в какой-то мере помогает реконструировать только «Ограничение Кричевского староства» 1560 г. Отношение к многочисленным кричевским инвентарям XVII–XVIII вв. должно быть осторожным ввиду существенного изменения линии границы к моменту их составления.

«Ограничение Кричевского староства» было составлено при Андрее Богдановиче Шалухе, кричевском старосте в 1544–1563 гг.⁴, но сохранилось лишь в копии, снятой в 1604 г.⁵ А.А. Метельский, видимо, справедливо точно датирует появление «Ограничения» 1560-м годом, то есть временем проведения аграрной реформы в Кричевском повете⁶.

Главный недостаток Ограничения 1560 г. – невозможность определить место первого отрезка кричевской границы от р. Ипать. Граница достигала этой реки с левой стороны по ее притоку Савенке

¹ Спиридонаў М.Ф. Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларусі. С. 267; Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 125.

² Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 125.

³ Шаламанова Н.Б. Рославльский уезд. С. 178.

⁴ Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 118, 151. По мнению А. Бонецкого, А.Б. Шолуха (Szołucha) был кричевским наместником в 1544–1552 гг. (Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. S. 346, XXXII).

⁵ Kopia Ograniczenia Starostwa Krzyczewskiego... // НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 68–69 об. Само «Ограничение» составлено «Za Panowania Korola Zygmuntta tretioho», и это может ввести в заблуждение, так как Сигизмунд III правил в Польше и ВКЛ в 1587–1632 гг. Однако нумерация королей и великих князей, соответственно, в «Короне» и «Княжестве» не совпадала. Третьим Сигизмундом в ВКЛ считался Сигизмунд Август, чьи годы правления (1548–1572 гг.) вполне увязываются с наместничеством Андрея Богдановича Шалухи.

⁶ Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 118.

(Sawienka, Sowienka), а затем ручьем Большевицей (Balszewica), речками Орловкой (Orłowka), Крупной (Kрупна) и, наконец, ручьем Студеным (Sciudziouy) следовала к р. Беседь¹. И вот, к сожалению, ни один из перечисленных водных объектов между Ипатью и Беседью не локализуется. В связи с этим проблематично не только провести приблизительную линию границы от одной реки к другой, но даже и определить то место, откуда эта линия начиналась.

А.А. Метельский в одной части своей работы утверждал, что «ад вусця Савенкі да вусця Баравіцы, крычаўскі “рубеж” ішоў па Іпаці, а потым зварочваў у накірунку Бесядзі»². Это неожиданно согласуется с намерением завернуть литовско-московскую границу с реки Ипать дальше за Заборьем и соответствует утверждению реестров границ 1527 г. и литовско-московских договорных грамот XVI – начала XVII в. Однако в дальнейшем исследователь ведет границу от Ипацы по р. Московке к правому притоку Беседи – Смородинке, а вдоль последней и к самой Беседи³. Данная реконструкция границы XVI в. основывается на ограничении села Макеевичи, приведенного в инвентаре Кричевского староства 1747 г. Там, среди объектов, служащих границами земель села, названы не только речки Переволоченка и пограничная с Россией Московка – об этом уже было сказано выше. От Московки в «гору» (вверх по течению), а потом через болото граница Макеевичей достигала верха Беседи («wierch Biesiedzi»), а оттуда еще через два болота – Переволоченки⁴. Таким образом, ограничение села Макеевичи как будто четко и недвусмысленно определяют участок государственной границы от устья р. Московки до верха р. Беседь. Однако исток р. Беседь находится совершенно в стороне от остальных упоминаемых в его ограничении объектов. Очень сложно представить направление к нему границы от р. Московки и возврат к Пересоченке. В связи с этим А.А. Метельский выдвинул предположение о прохождении границы по р. Смородинке в Беседь (хоть об этом молчат источники) и подкрепил на первый взгляд непрочную схему фактом существования в данном районе деревень Литвиново и Литвинова Буда⁵. Но, как выясняется, никаких противоречий в документе 1747 г. не было,

¹ Копия ограничения староства Кричевского 1604 г. // НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 68.

² Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 124.

³ Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 125.

⁴ Инвентарь Кричевского староства 1747 г. Л. 189.

⁵ Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. С. 125.

а предположение А.А. Метельского отчасти совпадает с действительностью. Дело в том, что та речка, которая в настоящее время на всем своем протяжении называется Смородинкой, в XVIII в. именовалась не иначе как Беседью. Современный же исток р. Беседи носил название Беседка (у обоих его берегов и сейчас стоит деревня Беседка). Смородинкой же являлся незначительный приток старой Беседи¹.

Беседь XVIII в. начиналась в том месте, где совсем близко текут реки Московка и Переволоченка. Тем самым земли с. Макеевичи представляются вполне компактными. Один отрезок их границы от устья р. Московки до истока Беседи (Смородинки) имел статус государственной. Дальнейший ход этой границы был, очевидно, таким же, как и в конце XVIII в. – к речке Ректе, а по ней – в Беседь. Но формирование именно такой конфигурации литовско-московской границы, безусловно, следует относить ко времени, далеко отстоящему от начала XVI в. Вероятнее всего обозначенная линия границы (Московка – исток Беседи-Смородинки – Ректа – Беседь) сложилась в ходе размежевания, связанного с реализацией условий Поляновского мира 1634 г.

Россия после Смутного времени испытала значительные территориальные потери. Смоленская война 1632–1634 гг. привела лишь к сравнительно небольшому возврату земель вокруг Серпейска, Трубецка, около Путивля и других местах. Существенным для установления новой границы в районе верховий рек Ипуть и Беседь была уступка российской стороне ряда бывших брянских волостей – Соловьевичи, Прикладни, Пацынь, Воронич, Жарынь и др. По-прежнему в составе Речи Посполитой оставался Смоленск и, в частности, Рославльский повет, у которого с Россией формировалась, фактически, новая граница. Земли Вороницкой и Пацынской волостей, села Жарынь как раз и определяли рославльско-брянскую границу. Другая же возвращенная волость – Прикладни – должна была зафиксировать рубежи России и Речи Посполитой на кричевско-брянском отрезке. Как свидетельствуют материалы разграничения, от речки Осовенки (совр. Савенка) начиналась граница Кричевского повета с Брянским уездом². Таким образом, в то время

¹ Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.

² *Godziszewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyczona w latach 1634–1648) // Prace komisji Atlasu historycznego Polski. Z. III. Krakow, 1935. S. 65.*

Савенка еще служила внутренней границей между Рославльским и Кричевским поветами ВКЛ в составе Речи Посполитой.

Характерно, что кричевско-брянский отрезок границы России с Речью Посполитой оказался одним из наиболее сложных для определения. Межевые комиссии от обоих государств долго не могли прийти к согласию, срывали сроки, определенные условиями мирного договора, выдвигали свои проекты прохождения границы и, наконец, поделили спорные земли пополам¹. Так и сложилась та линия границы, которая затем определяла кричевско-брянское пограничье Речи Посполитой с Россией полтора столетия.

Российская сторона в ходе спора за земли с правой стороны Ипути рассчитывала утвердить границу по рекам Савенке, Ипути, Московке, от последней – через Голое болото и две неизвестные речки в р. Мужичок (правый приток Беседи) у ее притока Тростинны, а затем по Беседи до устья Ольшанки и лесом и оврагом от него до р. Витавы (правый приток Ипути). Польско-литовская сторона отстаивала плохо определяемую на современной карте границу в верх р. Ипуть до р. Пустынки (?), от нее – до Голого болота и истока р. Беседь (очевидно, совр. Смородинки), по Беседи до р. Песочны (?), вдоль которой вверх, затем через Княжее болото в Ольшовку, некоторое расстояние по последней, а потом оврагом до истоков речек Величей и Липовки², отрываясь от которых через лес к притоку р. Витавы Ясенове и до устья той мелкой речки³. Хочется думать, что второй вариант границы, исходящий от польско-литовской стороны, отражал стремление отдать поменьше своей территории России и, по возможности, восстановить старые рубежи. Однако со стороны Речи Посполитой оставался без внимания большой участок территории правобережья Ипути, который, вероятно, в XVI в. принадлежал Кричевской волости. Упоминание в обоих вариантах размежевания Голого болота (в первом – за р. Московкой, во втором – перед устьем р. Беседь) говорит о том, что и российская, и польско-литовская стороны начинали вести границу очень близко друг от друга, а также рядом с тем местом, где она и была в итоге установлена (по реке Московке – на исток Беседи). Возможно поэтому, раз не было существенных претензий на территорию к вос-

¹ Там же. S. 18, 65.

² Речка или ручей Величей и в конце XVIII в. оставался пограничным (Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.).

³ Там же. S. 65.

току от р. Московки, уже до 1634 г. пределы Кричевской волости далеко за нее не заходили. И в целом граница на коротком отрезке от Ипути к Беседи уже сформировалась близкой к той, что потом существовала без изменений долгое время.

А вот на территорию к востоку (с левой стороны) р. Беседь польско-литовская сторона, видимо, предъявила чрезмерные претензии. Ведь и по данным середины XVI в. пространство между Беседью и ее левым притоком Ольшовкой принадлежало России. В итоге старые рубежи были восстановлены. Они сохранялись и после войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг., были зафиксированы в ведомости форпостов 1736 г.¹ и отразились на картах последней четверти XVIII в.²

Новая линия государственной границы по размежеванию 1634–1638 гг. шла от Ипути по р. Московке, проходила мимо истока р. Беседь (совр. Смородинка) к еще одной Московке – левому притоку Ректы³, по Ректе переходила в Беседь, от последней – в Ольшовку и к ее левому притоку Величей⁴. От верховья Величей граница направлялась к истоку речки Липовки (правый приток Жадуньки), а от нее – к устью р. Зимницы при впадении последней в Жадуньку. Затем, изменив ход с юга на запад, граница достигала р. Витавы, где заканчивались кричевские земли⁵. Точно такая граница прослеживается и по карте генерального межевания Рославльского уезда 1780 г. На некоторых участках она совпадает с современной бело-русско-российской границей (от устья Московки до устья Ректы; от верховья Липовки до Витавы)⁶.

¹ Французова Е.Б. К истории формирования западной границы России. Смоленский участок. 1678–1772 годы // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. Формирование государственной территории России. М., 1982. С. 191.

² Климовицкой округ // Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты, представляющей Могилевскую губернию. Могилев, 1777; Генеральный план Рославльского уезда 1780 г.

³ По мысли Владислава Годзишевского, река Ректа сменила свое название на Московку после установления по ней границы (*Godzishewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego*. S. 65).

⁴ На плане Климовичского округа 1777 г. граница показана только по р. Ольшовке, но это неверно. Генеральный план Рославльского уезда фиксирует ее по притоку Ольшовки Величей.

⁵ *Godzishewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego*. S. 65.

⁶ Смоленская область. Региональный атлас. С. 44; Могилевская область. Атлас. С. 27.

Но можно ли перенести совершенно определенно реконструируемую линию границы (от р. Ипуть на юг снова почти до той же реки) XVII–XVIII вв. на период XVI в.? По отношению к некоторым отрезкам этой границы на данный вопрос можно ответить утвердительно. Но, что характерно, про остальные отрезки ничего конкретного сказать нельзя. Только требование провести границу от Заборья вниз по Ипути заставляет помещать Хмель где-то дальше по течению этой реки до ее правого притока Хвощни. Ориентируясь на примерное расположение Хмеля, приходится вести границу к р. Беседь (теперь точно известно, что истоком Беседи тогда назывался ее теперешний правый приток Смородинка). Судя по большому количеству топонимов, перечисляемых в Ограничении Кричевского староства 1560 г., от Ипути до Беседи граница проходила приличное расстояние. Причем с Ипути граница сначала шла не по одному из ее правых притоков, а – как сказано в документе – рубежами («*gubieżami*»)¹. Дальше линия границы пересекала или шла вдоль ручья, потом двух речек и снова по ручью попадала в Беседь (перечисление названий см. выше). Тем самым косвенно доказывается несоответствие границы XVI в. таковой в XVII и XVIII вв., когда расстояние от Ипути до Беседи составляло не более 5 км, и на пути встречалось лишь Голое ботото.

Дальнейший ход границы, судя по Ограничению 1560 г., соответствовал той ситуации, которая фиксируется и в последующее время.

Обращает на себя внимание концентрация речек с идентичными названиями в районе Костюковичей (районный центр Могилевской области Беларуси, известный с 1508 г. как село Костюково, в 1604 – село Костюки) и Хотимска (тоже районный центр Могилевской области Беларуси, основан в качестве слободы на рубеже XVII–XVIII вв.). Названия Жадунька, Липовка и Ольшанка-Ольшовка как будто аккуратно сняты с одного места и помещены восточнее тоже у реки Беседи, но на правой ее стороне. Характерно, что один из крупных притоков Жадуньки, у которой стоят Костюковичи, носит название Крупня², а в Ограничении Кричевского староства 1560 г. одной из пограничных рек между Ипутью и Беседью тоже упомянута речка Крупна («*od reki Orłowki do reki Krupny*»)³. Около речки Ректы есть населенный пункт Орловка. Может быть возле

¹ Копия ограничения староства Кричевского 1604 г. Л. 68.

² Могилевская область. Атлас. С. 26.

³ Копия ограничения староства Кричевского 1604 г. Л. 68.

него протекала небольшая речка с таким же названием? А Орловка тоже перечислена в Ограничении 1560 г. Остается предполагать: то ли в районе верховья р. Беседь в процессе колонизации появились речки со сходными названиями, то ли пределы Кричевской волости середины XVI в. лежали совсем не там, где их пытаются искать. В связи с этим следует заметить, что описание границ Кричевской волости (повета, староства) не было документом межгосударственного значения, а реально отражало ситуацию с распространением освоенных земельных владений ВКЛ. (Между прочим, в источнике даже не упоминаются какие-либо объекты, связанные с соседним государством). Может быть поэтому кричевской границей названа р. Савенка, хотя, исходя даже из логики рославльского реества 1527 г., границей должна была служить впадающая ниже в Ипуть р. Боровенка? Отсюда и другие несоответствия с определившейся в будущем литовско-московской границей. Весьма вероятно, что район междуречья верховьев Ипути и Беседи попросту не был освоен, а границы в нем – вовсе не определены. Таким образом, описание Ограничения 1560 г. могло охватывать лишь те земли, что были освоены властями ВКЛ, а земли те едва заходили на левый берег р. Беседь у ее притока Ольшовки. Вероятно, стремление искусственно привязать к внутренней кричевской границе ориентир, фиксирующий начало государственной литовско-московской границы, изначально было ошибочным. Однако полностью отрицать возможность использования Ограничения 1560 г. для определения границы от Ипути к Беседи и далее до Витавы, видимо, нельзя. Можно убедиться, что участок границы по Беседи на Ольшовку продолжал существовать еще два столетия.

Впрочем, еще одно предположение может почти полностью вывести рассматриваемый документ из попыток его использования для реконструкции значительной протяженности литовско-московской границы. По умолчанию за масштаб территории, описываемой Ограничением 1560 г. принимается весь Кричевский повет. А ведь существует большая вероятность того, что фиксировалась только территория одной Кричевской волости, а, например, Лучицкая волость, как будто бы уже и слившаяся с Кричевом, оставалась вне рассмотрения. И действительно, если согласно перечисляемой в ограничении географической номенклатуре проводить линию по рекам Крупне, Ольшовке, дальше упоминаемым Палуже и Сеннице, то мы как раз приходим к замку Пропойскому и р. Сож, у которых

заканчивается кричевская граница. По такой схеме вся Лучицкая волость остается в стороне (кстати, более определенно выявляется и ее северная граница). Но, к сожалению, порядок перечисления рек (Орловка – Крупна – Беседь – Ольшовка – снова Беседь – Палуж (?) – Сенница) не дают полной уверенности в такой реконструкции.

Подводя итоги очередной попытки реконструкции кричевского участка литовско-московской границы, необходимо отметить, что исследователи традиционно проводят его западнее р. Ипуть, в основном вдоль реки Беседь и современной белорусско-русской границы¹. При этом А.А. Метельский справедливо критикует М.Ф. Спиридонова, почти полностью заимствующего современное направление границы, но сам неосторожно использует данные даже XVIII в. для определения территории Кричевской волости XVI в.²

Таким образом, вопреки общепринятому мнению и административному делению XVII–XIX вв., существует вероятность того, что литовско-московская граница XVI в. на кричевско-рославльском участке имела иную протяженность. На значительном расстоянии границей служила р. Ипуть, встречавшаяся ниже р. Вороницы с брянскими землями.

Следует заметить, что какие-либо более-менее подробные сведения о прохождении литовско-московской границы в XVI в. в источниках встречаются крайне редко. Казалось бы, тем участкам границы, на которые было обращено внимание в данной статье, повезло. Их очень точно фиксируют документы первой четверти XVI в. Однако, выясняется, что и по отношению к ним есть возможность для некоторой корректировки. Прямые указания источников заставляют пересмотреть устоявшиеся представления.

¹ *Спірыдонаў М.Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. С. 267; *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 125.

² *Мяцельскі А.А.* Старадаўні Крычаў. С. 125.

Шмак Е. К.

«ПРОБЛЕМА МОСКОВИИ» И АНТИОСМАНСКАЯ КОАЛИЦИЯ В ПОЛИТИКЕ РИМСКОЙ КУРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Уже на самом раннем этапе развития взаимоотношений Великого княжества Московского и Римской курии прослеживается закономерность, заключающаяся в том, что взаимозаинтересованность этих сторон возрастала именно в период обострения отношений Москвы и Вильно. Эта особенность наблюдалась в конце XV в., когда Иван III, активизируя западный вектор внешней политики, стал демонстрировать внимание по отношению к Курии. Пограничная война 1487–1494 гг. и последующая война 1500–1503 гг. с Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом заставили и московского великого князя, и римских понтификов искать точки соприкосновения. Относительное затишье на московско-литовской границе после перемирия 1503 г. сопровождалось также некоторой паузой в отношениях с Римом.

В феврале 1507 г. сейм Великого княжества Литовского принял решение начать войну против Великого княжества Московского. В марте в Москву прибыли послы короля Сигизмунда I Старого с требованием возвратить все города и земли, завоеванные Иваном III. В противном случае Великое княжество Литовское грозило войной [1, № 15]. Подготавливаясь к предстоящей военной кампании, в Крым и Казань были направлены посольства Великого княжества Литовского, чтобы заручиться поддержкой крымского хана Менгли-Гирея и казанского хана Мухаммед-Эмина [1, № 11, 12]. В ситуации, когда Великому княжеству Московскому угрожала опасность с юга, востока и запада, Василий III должен был в кратчайшие сроки решить восточный вопрос, исключить возможность вступления в войну Ливонии и сконцентрировать все силы против Великого княжества Литовского и Крыма [2, с. 155]. В предстоящей борьбе новый московский государь сделал ставку на Империю, как наиболее подходящего союзника. Этот выбор оказался удачным, так как политика императора Максимилиана I способствовала тому, что Тевтонский орден занял враждебную позицию по отношению к Короне Польской и Великому княжеству Литовскому. В сентябре

1508 г. Сигизмунд I Старый направил своих послов к Василию III для подписания мира. Вслед за этим магистр Ливонии В. фон Плеттенберг также направил своих представителей в Москву, прося о заключении перемирия. Василий III ответил положительно на это предложение, и наместники Новгорода и князь Псковский подписали грамоты на четырнадцать лет.

Какую позицию занимала Римская курия по отношению к этим событиям? Вызывает интерес такой факт, что гроссмейстер Тевтонского ордена рассматривал договор Ливонского ордена с Москвой как «нежелательную неизбежность» и рекомендовал Плеттенбергу именно в таком свете представлять дело папе [3, с. 460].

После временного затишья, наступившего благодаря ряду перемирий, османская опасность для стран Южной, Западной и Юго-Восточной Европы снова стала вполне реальной угрозой. Рим вновь активно вел переговоры о совместном европейском походе. В течение первой половины XVI ст. взаимоотношения Римской курии с другими государствами стали более интенсивными, что отразилось и на дипломатическом корпусе Святого Престола [4]. С этого времени центральной фигурой папской дипломатии стал нунций¹.

¹ Этот термин впервые появляется во второй половине XI в., но организация нунциатур – постоянных дипломатических представительств, возглавляемых нунциями, – относится к концу XV – первой половине XVI в. Первые нунциатуры были основаны в Испании (1492), Венеции (1500), Франции (1514) и Португалии (1514). В конце XVI в. произошло окончательное разделение функций легата, направляемого со специальной миссией, и нунция – постоянного представителя в определенной стране. В первом десятилетии XVI в., в понтификат Юлия II (1503–1513) и Льва X (1513–1521), представители Папской курии стали посылаться ко дворам европейских государей. Первыми дипломатическими представителями Апостольского Престола можно считать посланников папы Климента I (88–97), направленных в Коринфскую церковь. Их полномочия носили временный характер: представление позиции папы на соборах или разрешение конфликтных ситуаций в отдельных церквях. Следующий шаг в развитии представительства Святого Престола был сделан с организацией викариатов (конец IV в.). Викарием являлся местный архиепископ, наделенный особыми полномочиями. В середине V в. Церковь начала направлять апохризариев (постоянных представителей Святого Престола при дворе византийского императора в Константинополе) или иначе – ответственных, к императорскому двору Византии, дабы лучше знать ситуацию в Восточных церквях и иметь официальное (дипломатическое) представительство при императоре. С этого времени начинается история дипломатического представительства Святого Престола в современном значении этого слова. В конце IX в. появляется еще одна категория папских представителей, а именно *legatus missus* (легат-посланник), которые, будучи резиденциальными епископами на основных кафедрах Церкви, выполняли также иные особые миссии в церковных кругах. На протяжении всего Средневековья интересы Римской курии в других государствах осуществляли легаты с временными полномочиями. Дальнейшее существование этого

Если сравнить, как проходило становление внешнеполитических ведомств России и Римской курии, можно прийти к выводу, что дипломатическое ведомство Рима имело вековые традиции и к моменту начала взаимоотношений с Москвой приобрело внушительный опыт, что, безусловно, сказывалось на умении вести межгосударственные переговоры. Так, многочисленные противоречия между европейскими государствами были реальной преградой на пути организации антиосманской лиги. Однако международная политика Римской курии была очень осторожной, понтифики стремились не допустить разжигания новых конфликтов в Европе. Опорой для осуществления своих внешнеполитических задач Курия избрала Ягеллонов, под властью которых находилась немалая часть европейского континента. В августе 1511 г. в Краков с целью решения вопроса организации антитурецкой лиги прибыл папский легат Ахиллес де Грассис [6, с. 57; 7, с. 301]. Тем не менее, уверенности у Курии в этом союзнике также не было: ни для кого не было секретом, что в ноябре 1508 г. Корона Польская готовилась к переговорам о подписании вечного мира с Портой [8, f. 61–64v].

В 1512 г. началась очередная война Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского. Сигизмунд I Старый обратился в Рим к кардиналу-протектору (им был уже известный Ахиллес де Грассис), чтобы каким-то образом решить проблему с Тевтонским орденом, конфронтация с которым после Торунского мирного договора 1466 г. не прекращалась. На повестке дня был поставлен вопрос об атаках московских войск на Великое княжество Литовское, что имело для Короны и Великого княжества Литовского огромное значение в условиях большой вероятности ведения военных действий на два фронта [9, № 160–161, 164].

В мае 1512 г. папой Юлием II был созван V Латеранский собор, посвященный проблемам ереси, схизмы, реформе Церкви, а также антитурецкой лиги [10, с. 21–33]. В марте 1513 г. папский престол занял Лев X. Еще до начала понтификата у него сложилось мнение, что московский великий князь готов пойти на соединение с Рим-

института оказалось под вопросом из-за усиливавшихся конфликтов между Папской курией и светскими правителями. Легаты часто злоупотребляли своей властью, вмешиваясь в дела, не касавшиеся их миссии, и занимались непредусмотренными финансовыми поборами. Церковные соборы не раз обсуждали эти проблемы, пытаясь ограничить их полномочия. Подчиняясь требованиям времени, Святой Престол пытался приспособиться к новейшей ситуации и строить отношения с главами суверенных государств на равноправной основе [5]

ской церковью. Эту убежденность поддерживал и датский король Христиан II, который в 1513 г. направил в Москву для переговоров своего посла [11, с. 99; 12, с. 186]. Папа Лев X обратился к христианским государям с призывом сплотиться против Османской империи. Однако, что касается Восточной Европы, то препятствием этому была война Вильно и Москвы. Несмотря на «вечный мир», подписанный в 1508 г., военные действия возобновились в 1512 г.

Участвовать на заседаниях Латеранского собора от католической церкви Короны Польской и Великого княжества Литовского был направлен примас польский, архиепископ гнезненский Ян Лаский. Главной его целью на соборе помимо получения подтверждения Курией решений Петрковского сейма, был поиск материальной помощи в рамках общехристианской антиосманской борьбы от европейских стран на войну с Москвой [13, с. 392]. Посольство во главе с Яном Ласким прибыло в Рим 5 июня 1513 г. Через несколько дней состоялась аудиенция у папы Льва X. Примас произнес речь об опасности, которая нависла над христианством, а в первую очередь над Коронами Польской и Венгрии, со стороны турок, татар и Москвы. И для устранения этой угрозы требуется помощь всех западных стран [14, с. 7; 15, с. 25]. В ноябре 1513 г. из Рима выехал кардинал Бакуч, в том числе и для осуществления идеи лиги в Восточной Европе [16, с. 12–13, № 2]. Папский легат вез с собой два бреве, предназначенные для Сигизмунда I Старого и Василия III. Однако король польский и великий князь литовский воспрепятствовал этому, ссылаясь на то, что действия Курии станут известными султану. К 9-й сессии собора, которая началась 5 мая 1514 г., Я. Лаский подготовил мемориал о «московитах», которых разделил на три группы: «русины белые», которые находятся под управлением великого князя московского; «русины волашские», живущие в Молдавии; «русины красные» Короны Польской и Великого княжества Литовского. Гнезненский архиепископ описал религию и обычаи «москвитов» с точнейшим подсчетом «заблуждений» (тридцать пять пунктов). Все отличия между православными и католиками были отмечены как «отхождение от истины» [17, с. 123–128]. Этот мемориал был весьма тенденциозным по своему характеру и официально на соборе провозглашен не был. Современный польский исследователь П. Тофиловский считает, что сочинение Лаского могло стать одной из причин появления буллы папы Льва X «*Apostolica Providentialis*», которая признавала ненастоящими таинства Восточной церкви и

обязывала проводить повторное крещение в случае перехода из восточной в латинскую церковь [18, s. 95].

После падения Смоленска (29 июля 1514 г.) в переписке Сигизмунда I Старого и Я. Лаского чаще стал подниматься вопрос о переговорах с Василием III [16, № 173]. Папа Лев X направил ряд посланий Сигизмунду I Старому, советуя заключить мирные договоры с Василием III и великим магистром Тевтонского ордена. Как отметил исследователь взаимоотношений Апостольской Столицы и Польши И. Бжезински, отношения между этими государствами, поддерживаемые с давних времен, благодаря двусторонним посольствам, через легатов и нунциев, путем корреспонденции, становились всякий раз более тесными именно в то время, когда дела Польши принимали общеевропейский характер, соединяясь с задачей защиты Короны от Османской империи, татар, а также Москвы [19, s. 263]. Свою позицию папа объяснял тем, что, несмотря на то, что великий князь московский и не находится в единстве с Католической церковью, но все же исповедует христианство и осознает пользу совместного отпора неверным [9, № 379].

Несмотря на действия Я. Лаского в Курии, возможно, его заявления не были настолько убедительными, чтобы папа Лев X причислил Василия III к врагам христианства, наравне с турецким султаном. Польский же историк В. Закжевский придерживался той точки зрения, что для Короны Польской вопрос отношений с Великим княжеством Московским не был настолько важен, чтобы поднимать его в Апостольской Столице. Это была проблема исключительно Великого княжества Литовского. Поэтому, представляя интересы Короны, а не Княжества, гнезненский архиепископ мог и не настаивать на антиосманском характере войны с Москвой [20, s. 216].

В бреве к Василию III папа призывал к примирению с Сигизмундом I Старым, к защите христианства и завоеванию Константинополя [9, s. 280–283, № 380]. Российский историк Е.Ф. Шмурло заметил, что в данном папском бреве отсутствует какое-либо упоминание о «наследственных» правах московского князя [11, с. 100]. Миссия доставить послание римского понтифика в Москву была возложена на венгра Пизона (или Пизо), который уже 18 июля 1514 г. был в Вильно [21, s. 144, № 201; 22, s. 46]. Посредничество Римской курии было выгодным как Сигизмунду I Старому, так и Василию III. Великий князь литовский вел переписку с Москвой, чтобы получить разрешение на пропуск Пизона [23, с. 62; 24, с. 499]. Однако военные

успехи 1514 г. изменили планы Сигизмунда I Старого. В ходе битвы под Оршей 8 сентября 1514 г. войска Василия III были разбиты, и великий князь литовский надеялся на подписание мирного договора на его условиях без вмешательства посредников. Пизо пропущен в Москву не был. Да и сам посол отмечал, что почувствовать на себе гнев «москвитов» он не имеет желания [16, s. 205]. В это время в Великом княжестве Литовском и Короне распространялись листовки, содержавшие информацию о победе под Оршей, были опубликованы письма Якова Пизо с сообщением о событиях 8 сентября и письмо короля и великого князя Сигизмунда I Старого папе Льву X с радостным известием о поражении московских войск [25]. Папа Лев X в своем письме к королю поздравил его с победой над схизматиками и даровал свое благословение и отпущение грехов [21, s. 245–246, № 323].

Выдвижение государств, руководимых Ягеллонами, на первое место среди христианских держав в борьбе с Османской империей стало причиной того, что папа Лев X обратил внимание на Корону Польскую и ее короля [16, s. 34; 26, s. 23; 27, s. 190]. Лев X использовал всевозможные средства, чтобы привлечь Сигизмунда I Старого к борьбе с Портой. Ради выполнения этой задачи папа призывал к миру с Орденом и прекращению военных действий с Москвой. Несомненным успехом дипломатии Сигизмунда I Старого стало то, что Апостольская Столица всегда консультировалась с ним в вопросах присоединения Великого княжества Московского к лиге. Польский историк Л. Коланковский привел такой факт, что во время понтификата папы Льва X Курия имела долг в размере семисот тысяч дукатов. Но, несмотря на эту внушительную цифру, Сигизмунд I Старый получил от Апостольской Столицы разрешение в некоторых областях государства на протяжении десяти лет пользоваться средствами, которые ежегодно собирались на праздник Свв. Петра и Павла и по традиции передавались в Рим [21, № 134].

Сигизмунд I Старый старался использовать Апостольскую Столицу в своих интересах, дружественный тон переписки между Краковом и Римом не мешал королю и великому князю литовскому заниматься вопросом подписания мира с Портой [28, s. 140]. Немалая роль в создании и поддержании в глазах Курии образа Короны Польской как главы антиосманской лиги принадлежит Я. Ласкому [22, s. 72]. Несмотря на то, что в Рим был отправлен специальный мемориал, который нарисовал достаточно правдивую картину воз-

возможностей Сигизмунда I вести войну с турками, Лаский не представил данный документ Льву X [28, s. 148–155].

Осенью 1516 г. папа Лев X обратился к европейским государям с призывом общей борьбы против Османской империи. На последней сессии V Латеранского собора в марте 1517 г. было принято постановление об организации лиги. Духовенство было обязано в течение трех лет десятую часть доходов жертвовать на нужды антиосманской борьбы. Папа призывал европейские государства придерживаться перемирий на протяжении пяти лет. К концу 1517 г. начала свою работу специальная конгрегация, состоящая из духовных и светских лиц, которая приняла решение о начале войны с Османской империей под руководством Максимилиана I и Франциска I. Лев X 6 марта 1518 г. официально объявил пятилетнее перемирие среди христианских государств и направил пять легатов для урегулирования спорных вопросов. В Москву был назначен доминиканец, доктор канонического права Николай Шонберг [29, s. 82–83, 149–151, 159–160; 30, s. 58; 31, с. 216–218]. В.Н. Балязин считает, что булла папы Льва X о пятилетнем перемирии имела исключительно московскую направленность. Главным мотивом Льва X, по его мнению, было прекращение войны между Василием III и Сигизмундом I Старым [32, с. 296].

Учитывая весь расклад международных отношений, Василий III придерживался выбранного ранее курса внешней политики, склоняясь к союзу с императором и великим магистром Тевтонского ордена [33, с. 119–128; 34, с. 51]. И такая политика давала результат. Прокуратор Ордена в Риме получил распоряжение от магистра Альбрехта Гогенцоллерна убедить Курию, что союз Ордена с Москвой полезен всему христианскому миру [8, с. 158]. В феврале 1514 г. был подписан договор великого князя московского Василия III и императора Максимилиана I о союзе против Сигизмунда I Старого. Король же польский и великий князь литовский, хорошо осознавая, что победа под Оршей не поставит точку в затянувшемся конфликте с Василием III, также пошел на сближение с императором [2, с. 161]. На конгрессе в Вене, который начался 17 июля 1515 г., был заключен брачный контракт между Габсбургами и Ягеллонами [27, s. 12]. Император Максимилиан, получив права на чешскую и венгерскую короны, обещал Сигизмунду I Старому примирить его с Москвой и содействовать выполнению Тевтонским орденом постановлений Торуньского мирного договора, таким об-

разом отказавшись от союза с Великим княжеством Московским и Тевтонским орденом [32, с. 283–284].

О решениях венского конгресса в Кенигсберге стало известно от Дитриха Шонберга. Им вместе с гроссмейстером Альбрехтом был разработан план посольства в Москву, который предполагал предложение Василию III церковной унии с Римом, его коронацию папой, учреждение патриаршества [32, с. 286; 35, s. 101]. В феврале 1517 г. Дитрих Шонберг прибыл в Москву и подписал союзный договор с Василием III. Согласно договору великий князь московский обязался предоставить в распоряжение Ордена денежную сумму, достаточную для найма 10 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы [2, с. 165]. Такой план соответствовал всем требованиям Римской курии.

Римская курия со времен Флорентийской унии проявляла живейший интерес к Восточной Европе, обусловленный и религиозными, и политическими задачами. И это ни для кого не было секретом. Поэтому всегда легко было предугадать реакцию Курии на сообщения о якобы желании Московии присоединиться к католичеству [36]. Таким средством и воспользовался Тевтонский орден, чтобы добиться союза с Василием III. Дитрихом Шонбергом было направлено в Рим два сообщения, где говорилось о переговорах с приближенными великого князя. Д. Шонберг работал на два фронта: светские дела решал от имени гроссмейстера Альбрехта, церковные – от папы. Видимо, отправленные им в Рим записки и спровоцировали подготовку посольства Николая Шонберга от папы Льва X к Василию III [37, s. 260–292]. В грамоте папы Льва X говорилось: «Папа хочет во славу Божию воссоединить Русских с римской церковью, не нарушая их добрых обычаев, а московского митрополита возвести в патриархи, великого князя короновать как христианского государя ... от победы над турками великому князю должны быть многие выгоды как наследнику константинопольской отчины» [38, с. 82–103]. Курия постаралась использовать «старый» метод привлечения Москвы к антиосманской лиге – ссылаться на «права» Московского великого князя на византийское наследие. Тактика была испробована еще в конце XV в., когда велись переговоры по поводу брака с Софьей Палеолог. Брак был заключен, но желаемых дивидендов Рим так и не получил!

Однако Николай Шонберг в Москву пропущен не был. Сигизмунду I это уже не было выгодным. После того, как наладились отношения с императором, он в большей мере рассчитывал на

его посредников де Коло и де Конти, которые как раз находились в Москве [39]. Франческо де Коло прожил здесь около шести месяцев, до января 1519 г. В подготовленном по результатам посольства «Донесении» Ф. де Коло перечислял города и области во владении великого князя, рассказывал о богатстве Московии. Огромный интерес представляет описание отношений между Ливонией, Московским государством и Польшей. Что касается контактов Москвы и Римской курии, автор отметил: «Отказываются подчиняться Папе римскому не потому, что не почитают его за Наместника Христова и преемника Петра, но потому – говорят – что отклонился от порядка Христова и обычаев Петра» [39, с. 5].

Грамоту папы передал Дитрих Шонберг. В наказе послу Замыцкому, отправленному Василием III тогда же к магистру Ордена Альбрехту, через посредничество которого действовала Курия, было сказано следующее: «Государь наш с Папою хочет в дружбе и в согласии быти о делах о которых: а как наперед таго Государь наш, с Божею волею, от прародителей своих закон Греческий держал крепко, так и ныне, с Божею волею закон свой держати крепко хочет» [40, с. 98.]. Иными словами, Василий III отказался от унии, и предложения папы остались без ответа. Николай Шонберг, несмотря на безуспешность своего посольства, по возвращении в Рим получил от Льва X сан архиепископа.

Укрепляло веру Курии в правильности ориентации на Москву, как на возможного союзника в антиосманской борьбе, и тяжелое положение восточного духовенства занятых турками областей, которое неоднократно обращалось за помощью к Москве [41, с. 12, 14, 17, 19, 21, 54, 59]. Это придавало надежды и на церковный союз, за который папа обещал свободу торговли по всей Европе, превращение русской православной митрополии в патриаршество, венчание великого князя, уже названного «наияснейшим и непобедимейшим царем всея Руси», как «христианского царя». Делались все те же намеки, что антиосманская борьба и «константинопольское наследство» очень связаны. Нет сомнений, что папе были предоставлены «несколько приукрашенные» сведения относительно намерений Василия III. Последующие события оправдывают эту версию.

Отказ великого князя литовского от посредничества папы в его отношениях с Москвой продлился не долго. Перемирие, заключенное Сигизмундом I Старым с императором, после смерти Максимилиана I 12 января 1519 г. утрачивало свою силу [42, с. 241]. Подгото-

вить почву в Курии для отправки нового посольства к Василию III поручено было многолетнему представителю Великого княжества Литовского, а позднее Польши, при папском дворе Эразму Целку [43, р. 48–48]. В ноябре 1518 г. Целек был уже на аудиенции у папы [44, s. 58; 45, s. 85]. В сентябре 1519 г. папским легатом в Вильно и Москву был назначен доктор теологии и юриспруденции, поэт, бенедиктинец, епископ Гардиенский Захарий Феррери [46, р. 197]. Сопровождать его должен был Джованни Тедалди (через шестьдесят два года он дал свое видение отношений с Москвой) [43, р. VII, 29–30]. В ноябре 1519 г. легату была вручена инструкция. Среди прочих дел, касающихся церковных вопросов и отношений короля польского и гроссмейстера Тевтонского ордена, Захарий Феррери имел поручение собрать информацию о фортификационных сооружениях Москвы, о расположении войск Василия III, угрожавших Великому княжеству Литовскому, и о склонности московского князя к церковной унии [43, р. 14–17]. Папский легат в своем поле зрения обязан был держать не только те государства, куда был направлен с миссией, но и, фактически, все страны Европы. В грамоте папы говорилось: «После того, как достоверно мы узнали, что Ваше Величество, по вдохновению Божию, вознамерились обратиться к соединению и повиновению Святой Римской Церкви [...] сердце наше исполнилось живейшею радостью о сем событии. [...] Повелели ему сообщить Тебе, от имени нашего, некоторые предметы кои особенно относятся к благосостоянию и выгодам твоим, также к возвышению сана твоего и благоденствию всего царства [...]» [40, с. 3–4].

Епископу Захарии была дана инструкция с рекомендациями помирить московского князя и короля польского. В этом же документе было сказано, что Василий III по своей доброй воле очень склонен к унии, об этом известно из письма датского короля [47, с. 388]. При всем том, посольство Захария Феррери потерпело неудачу [48, с. 172, № 1444]. Мирный договор между Вильно и Москвой был подписан без участия папских посредников [49, s. 637–638]. Российский историк Е.Ф. Шмурло вероятной причиной неудачи называет несогласованность действий между Сигизмундом I Старым и Целком, который мог пообещать папе, что великий князь литовский будет приветствовать коронацию Василия III [11, с. 112–113]. Во всяком случае, посольства папы Льва X, несмотря на «периодическую» заинтересованность в этом Сигизмунда I Старого, в Москву не по-

пали. Великий князь литовский не дал обстоятельного объяснения произошедшему [43, р. 16].

Второе десятилетие XVI в. во взаимоотношениях между Москвой и Римом можно назвать «временем взаимной заинтересованности». Однако многократные посольства, направляемые из Рима в Москву, не продвигались далее Великого княжества Литовского. Позиция великого князя литовского и короля польского была неизменна. Когда войска Великого княжества Литовского терпели неудачу, Сигизмунд I Старый апеллировал к папе, но каждая небольшая победа становилась препятствием на пути взаимоотношений Курии и Москвы. В 20-е гг. XVI в. Сигизмунд I Старый находился в сложных обстоятельствах: на востоке – борьба с великим князем московским Василием III, на юге – татарское войско, за которым стояла турецкая армия, в любой момент готовая к маршу [21, с. 52]. Подписание перемирия с Василием III, для того чтобы все силы направить на юг – стержень внешней политики Сигизмунда I Старого в 1521–1523 гг. [21, с. 76].

В декабре 1521 г. умер папа Лев X. Новым понтификом стал Адриан Флоренс Дедель, приняв имя Адриан VI. Понтификат этого папы характеризуется охлаждением по отношению к Короне Польской [28, с. 186]. Ни о чем больше новый папа так не думал, как о борьбе с турками. В скором времени кардинал Эгидиус из Витербо подготовил мемориал, который можно считать программой понтификата папы Адриана VI. Решая проблемы реформирования Церкви, кардинал затронул и вопросы внешней политики Курии. Основной упор, естественно, делался на борьбу с Османской империей. План Эгидиуса был следующим: взять под опеку Римской курии Венгрию и направить туда легата; примирить польского короля и великого магистра Тевтонского ордена; привлечь к борьбе с турками Москву. Сам факт, что о необходимости сотрудничества с Москвой в Курии заявляли на уровне кардинала, говорит о том, что в условиях продвижения Османской империи вглубь Европы Апостольский Престол был готов на диалог с Москвой, несмотря даже на прежние безуспешные попытки папы Льва X вести переговоры с Василием III о церковной унии. Не случайным совпадением выглядит назначение в январе 1522 г. нунцием в Польшу Томаса Црнича (Czrnić) [46, р. 199]. Новый нунций был не только выдающимся дипломатом, но и горячим сторонником идеи общеевропейской антиосманской борьбы. Его поддержка программы папы Адриана

VI объяснялась не только искренней приверженностью Святому Престолу, но и славянским происхождением. Томас Црнич, которого неоднократно называли итальянцем, на самом деле был хорватом и происходил из сплицкого рода Črne, или Czrnić. Делом его жизни стала организация обороны Балкан от Турции [50, с. 140–141].

В Риме 30 апреля 1523 г. была торжественно провозглашена булла «*Monet nos veritas*», которая призывала европейских монархов к заключению трехлетнего перемирия между враждующими сторонами [21, с. 271–274, № 236]. Папа Адриан VI и сменивший его Климент VII (1523–1534) стремились организовать еще один общехристианский крестовый поход. Не последнюю роль в нем должна была играть Корона Польская. Но попытки Римской курии завязать на этой основе переговоры с Москвой не только отталкивали Сигизмунда I Старого от идеи антиосманской лиги, но и сводили на нет переговоры с великим князем московским. Корона Польская и Великое княжество Литовское неоднократно становилась препятствием на пути следования папских посольств. Можно вспомнить, что и путь Софьи Палеолог проходил мимо этих государств. В 1523 г. в своем письме к папе Клименту VII Альберто Кампенезе рекомендовал избегать в переговорах с Москвой посредничества польской стороны как противницы их сближения: «Василий конечно бы согласился присоединиться к римской церкви, если бы тайные козни польского короля не разрушили всего дела» [51, с. 38, 48].

В истории взаимоотношений Великого княжества Московского и Римской курии 20-е гг. XVI в., как уже было отмечено выше, можно назвать «временем взаимной заинтересованности». Кроме того, в это десятилетие наибольшее количество дипломатов, путешественников, торговцев курсировали между Москвой и Римом. И, несмотря на то, что в их планах могла и не стоять задача поддерживать контакты московского великого князя с папством, тем не менее, благодаря им интерес в Западной Европе к «Московии» не угасал. Появлявшиеся в это же время различные «записки о Московии», где красочно иллюстрировались состояние веры, церковная иерархия, указывались способы католического миссионерства, не могли оставаться без внимания Апостольского престола, а некоторые из них были составлены непосредственно по распоряжению из Рима. Как отмечал один из исследователей этого вида источников, В.Н. Бочкарев, «зброшенному судьбой в отдаленную Московию иностранцу все в ней казалось странным и необычным. Его пора-

жала своими особенностями и природа страны, и обилие ее естественных богатств, и деспотический характер власти, и бесправное положение населения, но, конечно, больше всего он должен был останавливаться в недоумении перед явлениями бытового характера, перед нравами, обычаями и религиозными верованиями. И в этом не было ничего удивительного, ведь именно с этой стороны Россия XV–XVI вв. всего больше отличалась от Западной Европы» [52, с. 3]. Несмотря на некоторую тенденциозность, а очень часто и неосведомленность, иностранцы собрали в своих сочинениях огромный и интересный материал не только культурно-бытового, географического и этнографического характера, но и сведения по внутренней и внешней политике Москвы. Достоверными эти сообщения в полной мере назвать нельзя, так как они писались по чужим рассказам. Отличительная черта этих записок состоит в том, что их авторы очень положительно отзывались о религиозном чувстве и набожности «москвитов». Единственной проблемой было то, что такая «теплая вера», истинно христианское благочестие пропадают без пользы, вне римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия.

Сохранившееся письмо римского дипломата Альберто Кампенезе к папе Клименту VII позволяет лучше понять бытовавшие в Риме настроения. Это обращение к папе было написано зимой 1523–1524 гг. [53, с. 183]. Автор, Альберто Кампенезе, родился около 1490 г. в небольшом городе Кампен в Голландии, изучал философию в Лувене, в 1509 г. получил звание магистра. Занимался изучением теологии. Среди его учителей был Адриан Утрехский – будущий папа Адриан VI (1522–1523). Свое образование он продолжил в Кельне, где получил степень доктора теологии. В 1522 г. по предложению папы Адриана VI прибыл в Рим. Кампенезе пользовался расположением и последующих понтификов – Климента VII (1523–1534) и Павла III (1534–1549).

Альберто Кампенезе не был сам в Московском государстве, но составил свой рассказ из сведений, сообщенных ему отцом и братом, которые долгое время проживали в Москве. Отмечал, что предшественники папы Климента VII непростительно оставили без внимания Московию (ее он сравнивает с заблудшей овцой) и не прилагали никаких усилий, чтобы вернуть ее в лоно католической веры, «тем более что исполнение сего требовало самых незначительных усилий» [51, с. 10]. Это письмо насчитывает девять глав, в которых описывается местоположение, природа Московского государства,

обряды, традиции, религиозные верования населения. Главная же цель автора письма заключалась в том, чтобы обратить внимание понтифика на важность церковно-политического союза с Москвой. Во-первых, этот союз мог укрепить антиосманскую коалицию, а во-вторых, содействовал бы укреплению авторитета Апостольского Престола в условиях распространения реформации, так как стало бы очевидным, что папская власть распространяется и на не-католические государства. А. Кампенезе утверждал, что различия с Московией даже в области религии сводятся лишь к немногим догмам: «Если бы о сем предмете надлежало состязаться с целым народом, то мы без сомнения встретили бы множество препятствий и затруднений (ибо не легко склонить кого либо к оставлению или изменению веры предков)... Но здесь встречается совсем противное. Вся власть сосредоточена в лице одного Великого Князя, неоднократно желавшего единства в делах веры...» [51, с. 35].

Это письмо дает возможность лучше понять роль, отводимую Москве в антиосманской борьбе: «Не должно отнюдь верить тем, которые утверждают, будто нам нужны одни деньги москвитян, славящихся своим богатством, а будто помощь их, по причине отдаления Москвы от турок, вовсе бесполезна. Из Смоленского княжества дорога идет через землю руссов, – народа сопредельного и дружественного и живущего в тех же обычаях, что и Москвиты, прямо в Валахию и Болгарию, а оттуда через Фракию в Константинополь. Этот путь весьма удобен для следования войск, а также для атаки, ибо из всех границ Турции самая слабая есть та, которая находится со стороны Москвы. К этому же Валахия и Болгария населены исключительно племенами христианскими, которые, находясь под властью турок, охотно отклонятся от них и соединятся с нашими воинами, если только явятся к ним защитники их свободы» [51, с. 11]. То есть, можно предположить, что Москва рассматривалась Римом не только как удобный стратегический партнер, но и как возможный освободитель славянских народов (разумеется, для последующего распространения среди них влияния Святого Престола).

Автором был поставлен важный вопрос: кто же подходит для выполнения посольской миссии в Москву? Во-первых, человек должен быть молодой, способный к физическим нагрузкам, учитывая длительный путь и суровый климат. Во-вторых, он должен быть «сведующим в законе Божиим»: «дабы они могли каждому объяснить веру, надежду и любовь Христианскую и показать, что

противно нашему закону и что с оным согласно... им именно надлежит, по словам Апостольским, снисходить людям, которые, забывая собственные выгоды имели в виду одну славу Иисуса Христа, и не только не призирали обычаев народа, с которым придется им жить, но по возможности старались приравниваться к оным» [51, с. 50]. Он не должен уделять основное внимание лишь строгому соблюдению посольского церемониала. Нежелательно, чтобы послом был гот, ливонец или поляк, так как в Москве могут посчитать, что посольство преследует какие-либо личные интересы. Посольская группа не должна превышать 4–5 человек. Лучше всего было бы это посольство отправить с какими-либо купцами, чтобы уменьшить издержки поездки и сохранить конфиденциальность. В одной из глав автор объясняет причины, по которым не следует прибегать к посредничеству польского короля во взаимоотношениях с Москвой: «Сражаясь против народа еретического, они неоднократно получали помощь от Римской курии в виде различных индульгенций и денежных ссуд. Если же Москва станет католической, Польша лишится всех этих пособий». Возможно, именно рекомендации А. Кампенезе через некоторое время были учтены при подготовке посольства А. Поссевино.

Великое княжество Московское стало предметом интересов не только военно-политических, но и экономических, торговых. Поиск наиболее благоприятного пути из Европы в Индию приковал взгляд предприимчивого итальянца Паоло Чентурионе к Москве (исходя из географических предположений XVI в., река Аму-Дарья впадала в Каспийское море и, если следовать по ее течению вверх, преодолев горный массив, можно попасть в долину реки Инда). Получив рекомендательное письмо от папы Льва X, в 1521 г. он впервые появился в Москве [54, с. 268, 102, с. 227]. В Рим Чентурионе вернулся с грамотой Василия III, которая, к сожалению не сохранилась. Возможно, она осталась без ответа [40, с. 99]. В 1524 г. Чентурионе в Москву прибыл уже в ином статусе. От папы Климента VII он получил полномочия посла.

После завоевания Белграда турками в Апостольской Столице вопрос о антиосманской коалиции стал как никогда актуален. Папа Климент VII благосклонно относился к идее союза с Великим княжеством Московским. Созданием единого централизованного Московского государства, установление им международных связей превратило его в одного из самых притягательных союзников. Ре-

лигиозные движения в Западной Европе в XVI в., стремительное распространение протестантизма, опасность со стороны Османской империи заставили Римскую курию обратить свое внимание на Восточную Европу.

Свой ответ великий князь московский направил в Рим с Дмитрием Герасимовым [40, с. 4–19]. В 1526 г. в Москву был отправлен «капитан Павел». Он вернулся в Италию в том же году без каких-либо результатов. Вместе с ним в Рим прибыл Дмитрий Герасимов. Непосредственные впечатления от бесед с ним послужили Иовию Новокомскому материалом для его сочинения [55]. Как и ряд подобных сочинений того времени, «Книга о посольстве» содержит в себе описания, в первую очередь, географического положения Московского государства, различные этнографические данные, сведения о внешней торговле, религии, языке и просвещении, нравах и обычаях населения. Кроме того, Иовий Новокомский собрал воедино сообщения древних авторов о Московском государстве. Нельзя оставить без внимания и главу, где описывается личность московского царя. Кроме того, «Книга о посольстве» содержит описание приема московских послов в Риме. Автор уделяет внимание причинам посольства и к своему сочинению прилагает грамоту Василия III к папе Клименту VII. В произведении Московское государство показано как страна, стремившаяся к политическому и религиозному союзу с Римом.

Но, ведя переговоры, Московское государство не думало поступаться ни своим политическим, ни религиозным суверенитетом. После смерти турецкого султана Селима I осенью 1520 г. крымский хан пытался испортить отношения Москвы и Стамбула. Мухамед-Гирей обвинял Василия III в антимусульманской политике в Казани и во взаимоотношениях с врагами Османской империи [56, с. 696, 706]. Несмотря на безрезультатность акций, проводимых Крымом, Василий III должен был учитывать возможность крымско-турецкого союза, направленного против Москвы. В то же время он надеялся использовать Турцию для нейтрализации Крыма. Ради достижения этой цели он был готов оказать поддержку султану в борьбе с Сигизмундом I Старым [57, с. 45]. Василий III заботился не об осуществлении Флорентийской унии, а, прежде всего, о выгодах политических. В своем послании он говорил папе о желании быть в союзе, как с ним, так и с другими христианскими государствами против Османской империи, и просил предоставить сведения о принятых папой для этого мерах.

Весной-летом 1525 г. разразился кризис в российско-турецких отношениях. Посол султана Скиндер, следуя из Москвы, сообщил крымскому хану заведомо ложную информацию, которая привела к тому, что Сеadet-Гирей заявил султану о враждебности Василия III и предложил совместный поход на Великое княжество Московское [58, с. 82; 57, с. 59]. Эта ситуация усугублялась непримиримой позицией Василия III, отрицавшего правомерность притязаний Турции на Казань.

Вместе с Герасимовым из Рима в Москву прибыл еще один папский посол Франциск, епископ Скаренский. Никоновская летопись говорит: «пришел Великого Князя посланник от Рима, Митя Малой, толмач Латынской, а с ним вместе пришел к Великому Князю от Папы Римского Климента именем Иван Фрянчужев, бискуп» [59, с. 311]. Выступая одним из посредников в урегулировании отношений Москвы и Вильно, он выполнял и другую миссию. Неблагоприятная политическая ситуация, в которой в то время находилась Курия (сложные отношения с Империей и возрастающая на востоке турецкая угроза), заставляли папу вновь поднимать вопрос о присоединении Москвы к антитурецкой борьбе и церковной унии. После заключения перемирия с Сигизмундом, Василий III отпустил всех послов. С римским легатом, который так ничего и не достиг по главным для папы вопросам, были отправлены в декабре 1526 г. Иероним Трусов и дьяк Тимофей Лодыгин [60, с. 128–129]. Хотя везли они с собой лишь верительные грамоты, но их формуляр соответствовал строго установленному образцу: от великого государя, царя, князя (полный титул) к «Папе, Пастырю и Учителю Римской Церкви». Причем, такое обращение к римскому понтифику сохранялось во всех документах, хотя иногда писали «Святейшему Папе» [40, с. 25–26]. Указывалось, кто посылается, имя, положение, просьба «верить»: «Мы отправили к Тебе Послов наших, ближних людей, Иеронима Матвеева сына Трусова, и дьяка нашего, Тимофея Семенова сына Лодыгина, и что станут они, от Нашего имени говорить, да верите речам их, ибо Наши дела им поручены» [40, с. 25–26]. На это посольство возлагалась задача содействовать оживлению торговых и культурных связей с Римом. После заключения перемирия с Сигизмундом I Старый московский великий князь обратился к решению более актуального на тот момент «крымского» и «казанского» вопросов. Ответное посольство Иеронима Трусова и дьяка Тимофея Лодыгина в Рим в декабре 1526 г. стало последним

в годы правления Василия III. Последовавший перерыв в отношениях между Москвой и Римом стал следствием как бедственного положения папства, вызванного Итальянскими войнами (о чем не могли не упомянуть Трусов и Лодыгин по возвращении), так и внутривосточным кризисом в Великом княжестве Московском.

Таким образом, можно отметить, что в условиях всевозрастающей угрозы нападения турок, когда перманентно разрабатывалась идея антитурецкой коалиции, Римская курия выступала с призывами прекратить военные действия между христианскими государствами Европы [61, s. 119–132]. С целью привлечения дополнительных сил к антитурецкой борьбе, планировалось установление мирных отношений Великого княжества Московского с Коронай Польской и Великим княжеством Литовским. В свою очередь, и Москва была заинтересована в сохранении мира на западных рубежах государства и удачно использовала для этого посредничество Курии. Тесная связь переговоров московских князей и римских пап с развитием отношений России с Коронай и Великим княжеством находит свое подтверждение и в том, что, судя по описи царского архива XVI в., все эти материалы находились в одном ящике. Поддерживая разговоры об антиосманской коалиции, Москва никогда не забывала о своих личных целях и, как писал П. Пирлинг «бряцала оружием лишь в угоду Западу».

С конца XV в. в Восточной Европе стал формироваться особый узел противоречий, который затрагивал интересы нескольких государств: Великого княжества Московского, Великого княжества Литовского, Короны Польской, Ливонского ордена. Римская курия, заинтересованная, в первую очередь, в организации нового крестового похода, направленного против Османской империи, стала активным участником восточноевропейского конфликта. Стремление заручиться поддержкой Апостольского Престола с целью создания наиболее благоприятных условий для реализации внешнеполитической программы, стало одной из платформ политической игры, которая разгорелась между Москвой, Вильно, Краковом и Ригой. В период формирования внешнеполитической концепции Великого княжества Московского великими князьями Иваном III и Василием III взаимоотношения с Римской курией были выделены в особый вектор политики. В это время стало очевидным, что решения важнейших задач государства, связанных с территориальным оформлением Княжества «всёя Руси», поиском наиболее благоприятных

ятных условий торговли в Прибалтике, зависели и от контактов с Апостольским Престолом.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб., 1848. – Т. II: 1506–1544 гг. – 437 с.
2. Балязин, В.Н. Русско-имперские отношения в первой трети XVI в. / В.Н. Балязин // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / Редкол.: В.Д. Корюков (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1973. – С. 147–175.
3. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / Begründet von F.G. v. Bunge, im Auftrage der baltischen Ritterschaften und Städte fortgesetzt von Hermann Hildebrand, Philipp Schwartz und Leonid Arbusow; herausgegeben von Arbusow. – Riga-Moskau: Kommissions-Verlag von J. Deubner, 1914. – Zweite Abteilung, Band 3: 1505–1510. – 827 s.
4. Шимака, Е.К. Донесения папских нунциев в Польшу XVI в. как источник по внешнеполитической истории России / Е.К. Шимака // Працы гістарычнага факультэта БДУ / Рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [и др.]. – Мінск, 2008. – С. 228–233.
5. Грыса, Т. Дипломатия Святого Престола / Т. Грыса, В. Задворный // Католическая энциклопедия. – М., 2002. – Т. 1. – С. 1650–1652.
6. Базилевич, К.В. Внешняя политика Русского государства (вторая половина XV в.) / К.В. Базилевич. – 2-е изд. – М. Территория, 2001. – 544 с.
7. Boratyński, L. Studya nad nuncyaturą polską Bollognetego (1581–1585) / L. Boratyński // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. – Kraków, 1907. – Т. 49. – С. 53–106.
8. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Księgi Poselstw (Libri Legationum) Metryki Koronnej, 1501–1761. – Libri Legationum 2.
9. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi...Primi... per Stanislaum Gorski...collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII t. – Posnaniae, 1852. – Т. II: 1512–1513. – 283 s.
10. Dokumenty Soborów Powszechnych / Układ i oprac. A. Baron, H. Pietras. – Kraków, 2004. – Т. IV. – 347 s.
11. Шмурло, Е.Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом. (1462–1528) / Е.Ф. Шмурло // Записки Русского исторического Общества в Праге. – Прага Чешская-Нарва, 1937. – Кн. 3. – С. 91–136.
12. Winter, E. Rußland und das Papstum / E. Winter. – Berlin: Akad. Verlag, 1960. – 375 s.
13. Biskup, M. Polska a Zakon krzyżacki w Prusach w początkach XVI wieku / M. Biskup. – Olsztyn: Wyd. Pojezierze, 1983. – 647 s.
14. Finkel, L. Sprawy Wschodu przed soborem laterańskim r. 1512 / L. Finkel // Księga Pamiątkowa Uniwersytetu Lwowskiego ku uczczeniu pięćsetnej rocznicy Fundacji Jagiellońskiej Uniwersytetu Krakowskiego. – Lwów, 1900. – S. 1–25.
15. Garbaciak, J. Prymas Jan Łaski o fałszerstwach historycznych papieża Piusa II / J. Garbaciak // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. – Z. 12. – 1963. – S. 25–44.
16. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi...Primi... per Stanislaum Gorski...collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII t. – Posnaniae, 1853. – Т. III: 1514–1515. – 450 s.
17. Акты исторические, относящиеся к истории России: в 2 т. / Изд. А.И. Тургенев. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. – Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 г. – 401 с.

18. Tafilowski, P. Jan Łaski (1456–1531) kanclerz koronny i prymas Polski / P. Tafilowski. – Warszawa: Wyd. Sejmowe; wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – 474 s.
19. Brzeziński, J. O konkordatach Stolicy Apostolskiej z Polską w XVI wieku / J. Brzeziński // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. – Kraków, 1894. – Т. XXX. – С. 263–283.
20. Zakrzewski, W. Rodzina Łaskich w XVI wieku / W. Zakrzewski // Ateneum. Pisma Naukowe i literackie. – Warszawa, 1882. – Т. II. – С. 195–216, 490–524.
21. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi...Primi... per Stanislaum Gorski...collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII t. – Posnaniae, 1853. – Т. VI: 1522–1523. – 361 s.
22. Decjusz, J.L. Księga o czasach króla Zygmunta / J.L. Decjusz. – Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1960. – 146 s.
23. Бантыш-Каменский, Н.Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 год: в 3 ч. / Н.Н. Бантыш-Каменский. – М.: Университетск. тип., 1862. – Ч. 1: 1487–1584. – 189 с.
24. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством // Сб. Императорского русского исторического общества. – 1882. – Т. 35. – 870 с.
25. Zawadzki, K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia / K. Zawadzki. – Wrocław: Wyd. Polsk. Akad. Nauk, 1977. – Т. 1: 1514–1661. – 78 s.
26. Ciampi, S. Bibliografia critica / S. Ciampi. – Firenze: Per Leopoldo Aletini e Ciev. Mazzanti. – Т. I. – 364 p.
27. Marco, J. Europa Środkowowschodnia a Zagrożenie Osmańskie od XV do XVII wieku / J. Marco // Europa Środkowowschodnia od X do XVIII wieku – jedność czy różnorodność / pod. red. K. Baczkowskiego, J. Smółuchy. – Kraków: Societas Vistulana, 2005. – С. 189–193.
28. Smółucha, J. Papiestwo a Polska w latach 1484–1526. Kontakty dyplomatyczne na tle zagrożenia tureckiego / J. Smółucha. – Kraków: Societas Vistulana, 1999. – 247 s.
29. Pastor, L. Geschichte der Päpste / L. Pastor. – Т. 4, cz. 1. – Freiburg im Breisgau, 1906. – 231 s.
30. Lukas, S. Erazm Ciołek biskup Płocki (1530–1522), dyplomata Polski XVI wieku / S. Lukas. – Warszawa: Druk. J. Bergera, 1878. – 114 s.
31. Синицина, Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н.В. Синицина. – М.: Индрик, 1998. – 416 с.
32. Балязин, В.Н. Россия и Тевтонский Орден в 1466–1525 гг.: дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Балязин. – Москва, 1963. – 340 с.
33. Кузнецов, А.Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI в. / А.Б. Кузнецов. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. – 256 с.
34. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подг. текста и комм. А.А. Зимина, под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Ин-т истории СССР, 1978. – 630 с.
35. Joachim, E. Die Politik des letzten Hochmeister in Preußen Albrecht von Brandenburg: in 2 t. / E. Joachim. – Leipzig: B. von G. Birgel, 1892. – Т. 1. – 316 s.
36. Шимака, Е.К. Послы Апостольской Столицы в России: особенности дипломатического церемониала (конец XV – XVI в.) / Е.К. Шимака // Актуальные проблемы из истории прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы Междун. науч.-теорет. конф., Витебск, 19–20 апреля 2007 г. / Вит. гос. ун-т.; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.] – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 413–414.
37. Sach, Maik. Hochmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit / Maik Sach. – Stuttgart: Steiner, 2002. – 408 s.

38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии (1516–1520) // Сб. Императорского русского исторического общества. – 1887. – Т. 53. – 252 с.
39. Коло, Ф.д. Доношения о Московии / подгот. текста, пер., вст. ст. и комм. О. Симчич. – М.: Наследие, 1996. – 84 с.
40. Переписка пап с российскими государями в XVI в. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1834. – 116 с.
41. Сношения России с Востоком по делам церковным. – СПб.: Тип. III Отдел. собст. Е.И.В. канцелярии, 1858. – 365 с.
42. Протоколы заседаний Археографической Комиссии. – 1835–1840. – Вып. 1. – 635 с.
43. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1992. – Т. II: Zacharias Ferreri (1519–1521) et nuntii minores (1522–1553) / Ed. H.D. Wojtyska. – 498 p.
44. Lukas, S. Erazm Ciołek biskup Płocki (1530–1522), dyplomata Polski XVI wieku / S. Lukas. – Warszawa: Druk. J.Bergera, 1878. – 114 s.
45. Folwarski, H. Erazm Ciołek, Biskup i Dyplomata / H. Folwarski. – Varsoviae: Dom Książki Polskiej, 1935. – 220 s.
46. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1990. – Т. I. / Auctore H.D. Wojtyska. – 477 p.
47. Успенский, Ф.И. Сношения Рима с Москвой / Ф.И. Успенский // Журнал министерства народного просвещения. – 1884. – № 8–9. – С. 374–395, 532–545.
48. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб., 1848. – Т. II: 1506–1544 гг. – 437 с.
49. Monumenta Poloniae Vaticana / Ed. E. Kuntze, C. Nanke. – Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracovensis, 1923–1933. – Т. V: Alberti Bolognetti nuntii Apostolici in Polonia. Epistolae et Acta. 1581–1585. – 748 s.
50. Wojtyska, H.D. Toma Crnić jedyny Słowianin-nuncjusz w Polsce 1522–1523 / H.D. Wojtyska // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. – 1989. – Z. 89. – S. 139–148.
51. Письмо Альберто Кампенезе к Папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. I. – СПб.: Тип. III Отдел. собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – 32 с.
52. Бочкарев, В.Н. Московское государство в XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / В.Н. Бочкарев. – СПб.: Кн-во типо-лит «Энергия», 1914. – 144 с.
53. Кампенский, Альберт. О делах Московии / Альберт Кампенский; публ. О.Ф. Кудрявцева, С.Г. Яковенко; комм. О.Ф. Кудрявцев, вступ. ст. С.Г. Яковенко // Россия и Италия: сб. ст. / Ин-т всеобщей истории РАН; редкол.: Н.П. Комолова (отв. ред.) [и др.] – М., 1995. – С. 180–225.
54. Бантыш-Каменский, Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): в 4 ч. / Н.Н. Бантыш-Каменский. – М.: Комисс. печат. гос. грамот и договоров при Моск. глав. архиве М-ва ин. дел, 1896. – Ч. 2. – 272 с.
55. Иовий, Павел. Книга о посольстве, отправленном Василием Ивановичем, Великим Князем Московским, к Папе Клименту VII... / Павел Иовий // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. I. – СПб.: Тип. III Отдел. собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – С. 1–88.
56. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией // Сб. Императорского русского исторического общества. – 1895. – Т. 95. – 706 с.
57. Смирнов, Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н.А. Смирнов // Ученые записки МГУ им. М.В. Ломоносова. – 1946. – Вып. 94. – С. 40–143.

58. Дунаев, Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в нач. XVI столетия, по документам Московского архива Министерства иностранных дел. – М.: Синодальная типограф., 1916. – 92 с.
59. Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей; отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1965. – Т. 12. – 266 с.
60. Глушакова, Ю.П. Неопубликованные источники из Ватиканского архива / Ю.П. Глушакова // Вопросы истории. – 1974. – № 6. – С. 128–132.
61. La Lega Santa del 1538 // Marco, J. Europa i Osmanie w okresie Lig Świętych. Polska między Wschodem a Zachodem / J. Marco. – Kraków: Polska Akad. Umiejętności, 2003. – S. 119–132.

Падалінскі У. А.

ШЛЯХТА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ДЫПЛАМАТЫЧНЫХ МІСІЯХ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (АПОШНЯЯ ТРЭЦЬ XVI ст.)

Паводле ўмоў Люблінскай уніі 1569 г. адпраўка пасольстваў і заключэнне дамоў з замежнымі краінамі ў Рэчы Паспалітай павінны былі адбывацца „з ведама і рады супольнай абодвух народаў”¹. Пра асобную, самастойную знешнюю палітыку Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) або Каралеўства Польскага гаворкі ўжо не магло быць. Разам з тым, адбылася пэўная спецыялізацыя дыпламатыі супольнай краіны: Вялікае Княства “адказвала” за адносіны з Маскоўскай дзяржавай, Карона – за адносіны з астатнімі краінамі². Хаця, у апошняй трэці XVI ст. літвінаў сустракаем у якасці паслоў і ганцоў як у краіны Заходняй Еўропы, так і ў Крымскае ханства і Турцыю. Асаблівае становішча ВКЛ на ўсходнім накірунку знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай замацавала канстытуцыя вальнага сойма 1593 г. “*Ab чужаземных паслах*”, якая вызначала, што ўсе замежныя пасольствы кароль польскі і вялікі князь літоўскі ў прысутнасці паноў-рад павінен быць прымаць у Варшаве, а паслоў з Маскоўскай дзяржавы – у Вільні³.

У дадзеным артыкуле нас будучь цікавіць не самі дыпламатычныя адносіны Рэчы Паспалітай з замежнымі краінамі, а менавіта прадстаўнікі шляхты Вялікага Княства, якія ўдзельнічалі ў дыпламатычных місіях рознага ўзроўню. Паспрабуем акрэсліць свайго роду іх калектыўны партрэт. Вызначым маёмасны і сацыяльны статус дыпламатаў у грамадска-палітычным жыцці краіны. Паглядзім, ці ўплываў канфесійны фактар на ўключэнне таго ці іншага шляхціца ў склад пасольстваў. Звернем увагу, наколькі ўдзел у дыпламатычнай місіі быў для шляхты выгодны з пункту гледжання далейшай палітычнай кар’еры.

“Дыпламатаў” Рэчы Паспалітай таго часу можна падзяліць на тры катэгорыі: “вялікія” паслы, “малыя” паслы і ганцы⁴. Заўважым,

¹ Volumina Constitutionum. Т. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585). Warszawa, 2005. S. 236.

² Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. The History of Lithuania (before 1795). Vilnius, 2000. P. 277.

³ Volumina Constitutionum. Т. II (1550–1609), vol. 2 (1587–1609). Warszawa, 2008. S. 197.

⁴ Канановіч У. Дыпламатыя // Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1. Мн., 2005. С. 610–611. Адзначым, што ў крыніцах другой паловы XVI ст. тэрміны “паслаец” і “ганец” выступаюць як сінонімы.

што разглядаем толькі афіцыйныя дыпламатычныя місіі, якія высылаліся ад імя ўсёй Рэчы Паспалітай або ад станаў Вялікага Княства Літоўскага.

Склад першага “вялікага” пасольства Рэчы Паспалітай у Маскоўскую дзяржаву быў вызначаны яшчэ на Люблінскім сойме 1569 г. Прадстаўнікамі Польшчы ў ім сталі ваявода інаўрацлаўскі Ян Кратоскі і староста радзьеўскі Рафал Ляшчынскі. Вялікае Княства павінны былі прадстаўляць берасцейскі ваявода Юры Тышкевіч і пісар Міхал Гарабурда. Аднак пазней склад паслоў ад ВКЛ змяніўся. “Вялікім” паслом стаў менскі кашталян Мікалай Тальваш, а сакратаром пасольства – каралеўскі сакратар, новагародскі падкаморы Андрэй Абрінскі (Харытановіч)¹. Як інфармаваў земскі падскарбі Мікалай Нарушэвіч з сойма ў Любліне віленскага ваяводу і канцлера Мікалая Радзівіла Рудога, М. Гарабурда “*ніякім чынам не хоча, бо ўжо тройчы быў*”². Пасольства знаходзілася ў Маскве з сакавіка па ліпень 1570 г., уласна прамовы вяліся з 2 мая па 26 чэрвеня. Нягледзячы на надзвычай неспрыяльныя абставіны, у якіх адбывалася гэтая місія, у чэрвені 1570 г. паслы здолелі заключыць з Вялікім Княствам Маскоўскім перамір’е на 3 гады на ўмовах *uti possidetis*, г.зн. дзяржавы захоўвалі за сабой тэрыторыі, якімі валодалі на дадзены момант³.

¹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России, издаваемый при управлении Виленского учебного округа (АСД): В 14 т. Т. 7 (1433–1791). Вильна, 1870. С. 48; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского: В 2 т. Т. 1: 1545–1572 гг. / Ред. М.А. Оболенский, И. Н. Данилович. М., 1843. С. 290–293. А. Абрінскі напрыканцы 1559 г. ужо ездзіў у Маскву ў якасці ганца Вялікага Княства: Янушкевіч А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мн., 2007. С. 38–39.

² АСД. Т. 7. С. 48. Чаму Ю. Тышкевіч не ўвайшоў у дадзенае пасольства невядома, хаця, даволі багаты вопыт дыпламатычнай дзейнасці ў яго быў: у 1552/53 г. ён быў “вялікім” паслом Вялікага Княства ў Крымскае ханства, у 1554/55 г. накіроўваўся ганцом у Маскву, а ў 1566 г. уваходзіў у склад “вялікага” пасольства ў Маскоўскую дзяржаву. Што датычыць М. Гарабурды, то сапраўды, ён у 1560 г. ездзіў у Маскву як ганец, а ў 1563/64 і 1566 гг. выконваў функцыі сакратара пры “вялікіх” пасольствах ВКЛ у Маскоўскую дзяржаву, акрамя таго, ў 1559 і 1561 гг. ён адпраўляўся з дыпламатычнымі місіямі ў Крымскае ханства: Книга посольская... Т. 1. С. 70–86, 97–98; Янушкевіч А.М. Вялікае Княства... С. 42–43, 73–74, 97–99; Lepszy K. Haraburda Michał // Polski Słownik Biograficzny (PSB). Т. 9. Wrocław etc., 1960–1961. S. 288.

³ Дербов Л.А. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572–1576) // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. 1954. Т. 39. Выпуск исторический. С. 182–183; Книга посольская... Т. 1. С. 293–301; Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570–1667 гг.) / Отв. ред. Л.С. Абецедарский, М.А. Волков. Мн., 1963. С. 7–8; Янушкевіч А.М. Вялікае Княства... С. 112–117; Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588). Warszawa, 2002. С. 45–47; Pirożniński J. Sejm Warszawski roku 1570 / Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. CCLXXIX. Prace historyczne, z. 36. Kraków, 1972. S. 12.

Наступнае “вялікае” пасольства Рэчы Паспалітай было накіравана ў Маскву ўжо ад імя новага караля і вялікага князя Стэфана Баторыя. Хутка пасля заканчэння сойма 1576 г. быў вызначаны яго склад: “вялікімі” пасламі сталі ваяводы мазавецкі Станіслаў Крыскі і менскі Мікалай Сапега, а сакратаром – падскарбі дворны і пісар ВКЛ Фёдар Скумін-Тышкевіч¹. Між іншым, з гэтага часу сакратарамі “вялікіх” пасольстваў Рэчы Паспалітай у Маскоўскую дзяржаву прызначаліся, прынамсі, у канцы XVI – пачатку XVII ст., выключна прадстаўнікі ВКЛ. У сувязі з абстрактна-ситуацыйнай у Інфлянтах улетку 1577 г., паслы прыбылі ў Маскву толькі ў студзені наступнага года. Перамовы былі складанымі. Вялікі князь маскоўскі Іван IV быў упэўнены ў сваёй ваенна-палітычнай перавазе над Рэччу Паспалітай і навязваў пасольству непрымальныя ўмовы міру. У выніку, было ўзгоднена перамір’е на тры гады, якое, дарэчы, Стэфан Баторый так і не ратыфікаваў².

Поспехі Рэчы Паспалітай у ваенных кампаніях 1579–1581 гг. прымусілі на гэты раз Івана IV шукаць шляхі прымірэння са Стэфанам Баторым. Мірныя перамовы, пры пасярэдніцтве папскага легата Антоніа Пасевіна, вяліся ў снежні 1581 – студзені 1582 г. на мяжы Вялікага Княства і Маскоўскай дзяржавы. У склад “вялікага” пасольства ўвайшлі брацлаўскі ваявода Януш Збаражскі, дворны маршалак ВКЛ Альбрэхт Радзівіл, а сакратаром пасольства стаў пісар М. Гарабурда. Перамовы скончыліся падпісаннем 15 студзеня 1582 г. Ям-Запольскага міру паміж дзяржавамі тэрмінам на 10 гадоў – Рэч Паспалітая захавала за сабой паўночна-ўсходнія землі Беларусі і амаль усе Інфлянты³.

¹ Книга посольская... Т. 2: 1576–1583 гг. / Ред. М. Погодин, Д. Дубенский. М., 1843. С. 17–25; Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacje, listy i akta z lat 1576–1586 / Zebrał i wydał I. Polkowski. Kraków, 1887. S. 64–65. Ганцом Ф. Скумін-Тышкевіч ужо ездзіў у Маскву ў 1569 г.: Янушкевіч А. М. Вялікае Княства... С. 111.

² Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582) // Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Подгот. к изд. Цепковым А. И., Рязань, 2005. С. 68, 78–79, 91–92; Карамзин Н. М. История государства Российского: В 3-х кн. Кн. 3. Т. 9. СПб., 1998. С. 161–162; Книга посольская... Т. 2. С. 29–38; Русско-белорусские связи. С. 10; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3 (1463–1584). Т. 6. М., 2001. С. 858–861; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 311–313; Ibid. Sapięha Mikołaj na Kodniu // PSB. T. 35/1, z. 144. Warszawa-Kraków, 1994. S. 117.

³ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 244–245, 250–251, 256–257, 266–269, 278–279; Карамзин Н. М. История государства... Т. 9. С. 196–199; Книга посольская... Т. 2. С. 209–245; Соловьев С. М. История России... Т. 6. С. 887–888; Archiwum Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana wielkiego Koronnego (AJZ). T. 2: 1580–1582 / Wyd. J. Siemieński. Warszawa,

Тым не менш, Ям-Запольскі мір не вырашыў усіх спрэчных пытанняў, што датычылі Інфлянтаў. У гэтай правінцыі востра сутыкаліся інтарэсы не толькі Рэчы Паспалітай і Маскоўскай дзяржавы, але і Швецыі. Таму Стэфан Баторый ужо ўвесну 1582 г. мусіў накіраваць у Маскву новае “вялікае” пасольства (перамовы вяліся ўлетку таго ж года). Склад пасольства амаль не змяніўся ў параўнанні з тым, якое вяло перамовы каля Яма Запольскага. Прадстаўніком Кароны быў Я. Збаражскі, сакратаром – М. Гарабурда. Толькі замест А. Радзівіла ВКЛ прадстаўляў жамоіцкі кашталян М. Тальваш, які ўжо меў вопыт дыпламатычнай дзейнасці ў Маскоўскай дзяржаве⁴.

Напрыканцы панавання Стэфана Баторыя ў красавіку 1586 г. з “вялікім” пасольствам у Маскве знаходзіўся знаўца ўсходняй палітыкі Вялікага Княства менскі кашталян М. Гарабурда. Дарэчы, польскіх прадстаўнікоў у дадзеным пасольстве не было. Перамовы, якія праводзіў М. Гарабурда, датычыліся вельмі шырокага колу пытанняў: ад кампенсацыі розных крыўдаў, нанесеных купцам Рэчы Паспалітай у Маскоўскай дзяржаве, да магчымай уніі паміж дзвюма краінамі². Гэтая місія, безумоўна, была пікам дыпламатычнай кар’еры беларускага шляхціца. У Гародні 24 чэрвеня 1586 г. М. Гарабурда зрабіў справаздачу аб выніках свайго пасольства перад Стэфанам Баторым, але ўжо 12 ліпеня таго года ён раптоўна памёр ад запалення лёгкіх³. Знакаміты храніст, дыпламат і юрыст Рэйнгольд Гейденштейн у сваіх “Запісках пра Маскоўскую вайну”, выдадзеных у 1584 г. у Кракаве, характарызаваў М. Гарабурду, як чалавека “таленавітага і асабліва дасведчанага ў маскоўскіх справах”⁴.

1909. S. 142, 152, 186–187, 200–202, 266, 277–279; Lepszy K. Haraburda Michał. S. 289; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 339–340; Ibid. Radziwiłł Albrycht // PSB. T. 30/1, z. 124. Wrocław etc, 1987. S. 136–137; Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce od r. 1548 do 1690. Berlin-Poznań, 1864. T. 1. S. 386–450. Пра місію А. Пасевіна: Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве: [сборник] / Сост. и предисл. И. В. Курукина. М., 2005.

¹ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 286–287, 289, 307; Карамзин Н. М. История государства... Т. 9. С. 236–237; Книга посольская... Т. 2. С. 248–274; Соловьев С. М. История России... Т. 6. С. 888; Akta Metryki Koronnej. Co ważniejsze z czasów Stefana Batorego. 1576–1586 / Wyd. A. Pawiński. Warszawa, 1882. S. 230; Lepszy K. Haraburda Michał. S. 289; Sprawy wojenne... S. 349.

² Карамзин Н. М. История государства... Т. 10. С. 288–290; Русско-белорусские связи. С. 18–19; Соловьев С. М. История России... Кн. 4 (1584–1613). Т. 7. М., 2001. С. 273–275; Lepszy K. Haraburda Michał. S. 289–290; Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика / Liet. istorijos inst. Кн. 594: 1585–1600. Vilnius, 2006. P. 13–29.

³ Свяжынскі У. “Гістарычныя запіскі” Ф. Еўлашоўскага. Мн., 1990. С. 110; Lietuvos Metrika. Кн. 594. P. 21–29.

⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 250.

Пад час трэцяга бескаралеўя ў Рэчы Паспалітай, пасля смерці Стэфана Баторыя, мірныя адносіны з Масквой для літвінаў былі надзвычай важнымі. На элекцыйным сойме ў жніўні 1587 г. сенатары ВКЛ нават самастойна заключылі перамір'е на 15 гадоў з маскоўскімі пасламі¹. Новы кароль і вялікі князь Жыгімонт Ваза, сын шведскага караля Ёхана III, доўга ўхіляўся ад ратыфікацыі гэтага перамір'я, бо не выключалі ваеннага ўмяшання Рэчы Паспалітай у канфлікт паміж Маскоўскай дзяржавай і Швецыяй². Са свайго боку, палітычная эліта Вялікага Княства настойліва дамагалася яго зацвярджэння. На вальным сойме 1590 г. літвіны ўвогуле не хацелі ўхваляць ніякіх фінансавых рашэнняў, пакуль Жыгімонт Ваза не прызначыць адмысловае пасольства з мэтай або заключыць з Масквой вечны мір, або зацвердзіць перамір'е 1587 г.³ Кароль Жыгімонт Ваза вымушаны быў саступіць і ўвосень 1590 г. да вялікага князя Фёдара Іванавіча накіравалася “вялікае” пасольства Рэчы Паспалітай у складзе падляшскага ваяводы Станіслава Радзімінскага і падканцлера Вялікага Княства Габрыэля Войны, функцыі сакратара выконваў пісар ВКЛ Мацей Война⁴. У выніку перамоў, якія цягнуліся з кастрычніка 1590 г. па студзень 1591 г., Рэч Паспалітая і Маскоўская дзяржава заключылі мір на 12 гадоў, які таксама забяспечваў і інтарэсы Швецыі⁵.

На сойме 1600 г., калі тэрмін гэтага міру падыходзіў да завяршэння, актыўна абмяркоўвалі пытанне, ці працягваць мір, ці рыхтавацца да вайны з Маскоўскай дзяржавай. Нягледзячы на апазіцыю часткі польскіх сенатараў і земскіх паслоў, было ўсё ж вырашана адправіць у Маскву пасольства, каб весці перамовы аб вечным міры або нават

¹Lietuvos Metrika. Kn. 594. P. 83–88. Палітычная барацьба ў ВКЛ, і ў Рэчы Паспалітай у цэлым, пад час першых трох бескаралеўяў падрабязна разгледжана ў: Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 80–284, 354–420.

²Archiwum Domu Radziwiłłów (ADR). Listy ks. M.K. Radziwiłła Sierotki–Jana Zamoyskiego–Lwa Sapiehy. Kraków, 1885. S. 191; Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie (AGAD). Archiwum Publiczne Potockich. Zbiór Dyaryuszów sejmowych za panowania Zygmunta III. T.1 (1585–1607). S. 275, 281–285; Wisner H. Opinia szlachecka Rzeczypospolitej wobec polityki szwedzkiej Zygmunta III w latach 1587–1632 // Zapiski Historyczne. 1973. T. 38, z. 2. S. 14–15; Ibid. Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 // Ibidem. 1986. T. 51, z.1. S. 39–40.

³Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ). Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 283. Арк. 19адв.–20адв.; Koponczyński W. Liberum veto: studium porównawczo-historyczne. Kraków, 1918. S. 433–435.

⁴Lietuvos Metrika. Kn. 594. P. 107–111.

⁵Ibidem. P. 111–185. Гл. таксама: Карамзин Н.М. История государства... Т. 10. С. 328–329; Соловьев С.М. История России... Т. 7. С. 307–311; ADR. S. 209. У час місії С. Радзімінскага памёр, таму завяршалі перамовы ў Маскве толькі Г. Война і М. Война.

уні паміж дзяржавамі¹. Увосень 1600 г. паслы – варшаўскі кашталян Станіслаў Варшыцкі, канцлер Вялікага Княства Леў Сапега і пісар ВКЛ Гальяш Пельгрымоўскі – накіраваліся ў Маскоўскую дзяржаву. Даволі складаныя і цяжкія перамовы вяліся са снежня 1600 г. па сакавік 1601 г. Ад ідэі уніі ў Маскве адмовіліся, але безумоўным поспехам місії было заключэнне міру паміж Рэччу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай тэрмінам на 20 гадоў².

Прадстаўнікі ВКЛ займалі вядучае становішча ў дыпламатычных місіях Рэчы Паспалітай у Маскоўскую дзяржаву. Аднак літвінаў сустракаем і ў пасольствах, якія накіроўваліся ў іншыя краіны. Так, сакратаром пасольства ў Швецыю, прызначанага на сойме 1596 г., стаў каралеўскі сакратар Мікалай Сапега, сын былога менскага ваяводы Багдана Сапегі³. Паслы Рэчы Паспалітай у кастрычніку 1596 г. у Стакгольме вялі перамовы з герцагам Карлам, дзядзькам Жыгімонта Вазы, які фактычна не прызнаваў свайго пляменніка каралём Швецыі⁴. У цэлым, дадзеная дыпламатычная місія была няўдалай.

Да “вялікіх” пасольстваў, на нашу думку, можна аднесці таксама пасольства, якое было накіравана ад імя станаў Рэчы Паспалітай з элекцыйнага сойма 1573 г. у Францыю да новаабранага караля і вялікага князя Генрыха Валуа. Сярод паслоў, якія павінны былі абвесціць Генрыху Валуа вынікі выбараў, атрымаць ад яго прысягу на ўмовы элекцыі і суправадзіць у Рэч Паспалітую, сенатараў ВКЛ прадстаўляў дворны маршалак Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка, а шляхту – Аляксандр Пронскі⁵.

¹Janiszewska-Mincer B. Rzeczypospolita Polska w latach 1600–1603. Narastanie konfliktu między Zygmuntem III Wazą a stanami. Bydgoszcz, 1984. S. 29, 38–41, 45–47, 53; Lietuvos Metrika. Kn. 594. P. 226–228; Rzońca J. Rzeczypospolita Polska w latach 1596–1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. Studia i monografie, 156. Opole, 1990. S. 151.

²Карамзин Н.М. История государства... Т. 11. С. 441–443; Соловьев С.М. История России... Т. 8. С. 480–485; Lulewicz H. Sapieha Lew // PSB. T. 35/1, z. 144. S. 88–89; Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy 1600 r. Lwów, 1927.

³Dyaryusze sejmowe roku 1597. W dodatkach: akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego sejmku / Wyd. E. Barwiński. Kraków, 1907. S. 185–186; Nagielski M. Sapieha Mikołaj // PSB. T. 35/1, z. 144. S. 122.

⁴Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 187–196; Rzońca J. Rzeczypospolita Polska w latach 1596–1599. S. 152–153.

⁵Kempa T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł „Sierotka” (1549–1616) wojewoda wileński. Warszawa, 2000. S. 81–87; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 325–326. Гл. таксама: Diariusz poselstwa polskiego do Francji Henryka Walezego w 1573 roku / Opr. A. Przyboś i R. Żelewski. Wrocław, 1963. Між іншым, А. Пронскі выхоўваўся пры двары караля Францыі

Выкананне дыпламатычнай місіі ў складзе “вялікага” пасольства безумоўна давала магчымасць росту па кар’ернай лесвіцы і атрымання матэрыяльных узнагарод. Так, М. Тальваш у 1570 г. стаў жамойцкім кашталянам¹. Менскі ваявода М. Сапега ў 1578 г. атрымаў ў арэнду старое і “новападвышанае” мыта ў ВКЛ, за выключэннем Жамойці². М. Гарабурда ў 1585 г. увайшоў у склад сената Рэчы Паспалітай – быў прызначаны менскім кашталянам³. Каралеўскі сакратар М. Сапега непасрэдна перад місіяй у Стакгольм быў намініраваны Жыгімонтам Вазам каршоўскім цівуном і атрымаў штогадовую “пенсію” ў памеры 2 000 польскіх злотых⁴. Л. Сапега ў жніўні 1601 г. атрымаў ад Жыгімонта Вазы прывілеі на вечнае ўладанне маёнткамі Пневіцы і Росіца ў Браслаўскім павеце і Полацкім ваяводстве адпаведна⁵. Звяртае на сябе ўвагу даволі малады ўзрост нясвіжскіх Радзівілаў, якія ўдзельнічалі ў пасольствах Рэчы Паспалітай у канцы XVI ст., – братам Мікалаю Крыштафу і Альбрэхту было тады па 24 гады. Верагодна, для Радзівілаў удзел у падобных місіях быў магчымасцю праявіць сябе перад караём, увайсці ў яго найбліжэйшае атачэнне, а таксама замацаваць свае пазіцыі сярод палітычнай эліты краіны. Заўважым, што з шасці шляхціцаў, якія выконвалі функцыі сакратароў пры пасольствах, пазней тры сталі сенатарамі Рэчы Паспалітай (М. Гарабурда, Ф. Скумін-Тышкевіч, М. Сапега), а М. Война – дворным падскарбіем. Пра тое, што выкананне дыпламатычных місіі непасрэдна ўплывала на кар’ерны рост, сведчыць прывілей Ф. Скуміну-Тышкевічу на гарадзенскае староства, выдадзены Жыгімонтам Вазам 30 красавіка 1589 г. у Варшаве. У прывілеі, сярод іншых заслуг земскага падскарбія Вялікага Княства, на першым месцы адзначаўся яго ўдзел у пасольствах “у землі *непрыяцельскія – маскоўскія і татарскія*”⁶.

Паводле маёснага становішча “вялікія” паслы паходзілі з асяроддзя магнатэрыі або заможнай і сярэдняй шляхты Вялікага

Карла IX, брата Генрыха Валуа.

¹ Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская Метрика / Liet. istor. inst. Kn. 51: 1566–1574. Vilnius, 2000. P. 265.

² Lulewicz H. Sapieha Mikołaj na Kodniu. S. 117.

³ Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386–1795). Kraków, 1885. S. 110.

⁴ Nagielski M. Sapieha Mikołaj. S. 122.

⁵ Lulewicz H. Sapieha Lew. S. 101.

⁶ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 76. Арк. 13 адв.–14 адв.

Княства, а сакратары такіх пасольстваў – збольшага з ліку сярэдняй шляхты, зрэдку, з заможнага шляхецтва. Таксама гэта былі прадстаўнікі знатных, арыстакратычных родаў – Радзівілы, Сапегі, Тышкевічы, Пронскія. “Вялікімі” пасламі прызначаліся, як правіла, сенатары, а ўсе сакратары “вялікіх” пасольстваў былі непасрэдна звязаны з канцылярыяй: былі сакратарамі або пісарамі. Падобна, што канфесійная прыналежнасць не ўплывала на ўключэнне той ці іншай асобы ў склад дыпламатычнай місіі. Сярод удзельнікаў “вялікіх” пасольстваў сустракаем і католікаў (Г. Война, М. Война, А. Радзівіл, М.К. Радзівіл, Л. Сапега, М. Сапега), і пратэстантаў (М. Тальваш, Г. Пельгрымоўскі, А. Пронскі), і праваслаўных (М. Гарабурда, М. Сапега, Ф. Скумін-Тышкевіч). Дарэчы, паказальным у гэтым плане з’яўляецца выпадак, звязаны з пасольствам Рэчы Паспалітай, якое вяло перамовы каля Яма Запольскага. Папскі легат А. Пасевіна настойваў, каб сярод паслоў былі выключна католікі, аднак, Стэфан Баторый уключыў у склад пасольства праваслаўнага М. Гарабурду¹. Варта адзначыць высокі адукацыйны ўзровень дыпламатаў тагачаснай Рэчы Паспалітай. Шмат у каго за плячыма была адукацыя ў заходнееўрапейскіх універсітэтах, часам, і не ў адным: М.К. Радзівіл Сіротка (Цюбінген), М. Сапега (Лейпцыг, Каралевец), Ф. Скумін-Тышкевіч (Базель, Лейпцыг, Цюбінген), А. Радзівіл (Лейпцыг, Рым), М. Сапега (Балоння), Л. Сапега (Лейпцыг).

Безумоўна, неабходна сказаць, што фактычна ўсе “вялікія” паслы і сакратары такіх пасольстваў вельмі актыўна ўдзельнічалі ў палітычным жыцці. М.К. Радзівіл, А. Радзівіл і Л. Сапега ўваходзілі ў вышэйшую частку кіроўных колаў Рэчы Паспалітай. Зрабіў добрую палітычную кар’еру М. Тальваш, які, акрамя ўрадаў менскага і жамойцкага кашталянаў, трымаў урады дворнага маршалка ВКЛ (1588–1596 гг.) і троцкага кашталяна (1596–1598 гг.)². Браў ён удзел у вальных соймах Рэчы Паспалітай 1569, 1582 і 1592 гг., а ў 1593 г. удзельнічаў у працы Галоўнага з’езда ВКЛ і быў абраны дэпутатам Галоўнага Трыбунала з Троцкага павета³. М. Сапега, які

¹ Иван Грозный и иезуиты. С. 99, 207–208.

² Wolff J. Senatorowie i dygnitarze... S. 65, 179.

³ AJZ. T. 3: 1582–1584 / Wyd. J. Siemieński. Warszawa, 1913. S. 475–476; Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. Kraków, 1932. S. 355; Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. 2: Okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII wiek / Oprac. H. Lulewicz. Warszawa, 2009. S. 104; Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2007. S. 89;

ў 1588 г. атрымаў намінацыю спачатку на берасцейскае, а затым на віцебскае ваяводства, браў удзел у працы Люблінскага сойма 1569 г., каранацыйнага сойма 1587/88 г. і вальнага сойма 1597 г.¹ М. Сапега і М. Тальваш прысутнічалі на Галоўным соймаку ВКЛ, што адбыўся ўлетку 1577 г. у Ваўкавыску². У 1577 г. М. Гарабурда з'яўляўся каралеўскім паслом на соймак Слонімскага павета, скліканы перад Галоўным соймакам у Ваўкавыску; магчыма, менавіта ён быў адным з паслоў на сойм Рэчы Паспалітай 1582 г., а ў 1585 г. удзельнічаў у працы наступнага сойма ўжо як менскі кашталян³. Стольнікам Вялікага Княства, а затым трэцім кашталянам стаў А. Пронскі. Ён прадстаўляў Віленскі павет на сойме 1590/91 г., а ўжо ў 1592 і 1595 гг. удзельнічаў у соймавай працы як сенатар⁴. Актыўным парламентарыем канца XVI – пачатку XVII ст. быў Г. Война, які ўдзельнічаў у працы 15 вальных соймаў Рэчы Паспалітай⁵. Заўважым таксама, што тыя ж М. Тальваш, М.К. Радзівіл Сіротка, А. Пронскі, Л. Сапега былі важнымі фігурамі на палітычнай сцэне як Вялікага Княства, так і Рэчы Паспалітай у цэлым, у перыяды бескаралеўя⁶.

Актыўна сябе ў палітычным жыцці праяўлялі і асобы, хто выконваў функцыі сакратароў пры “вялікіх” пасольствах. Так, паслом Новагародскага павета на сойм 1569 г. быў А. Абрыйскі, прымаў удзел ён і ў элекцыі 1587 г.⁷ Ф. Скумін-Тышкевіч з 1586 г. займаў

Jarمیński L. Bez użycia siły. Działalność polityczna protestantów w Rzeczypospolitej u schyłku XVI wieku. Warszawa, 1992. S. 20–22, 76, 81, 194–195, 213, 220, 233; Seredyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej na sejmach Zygmunta III Wazy (1587–1632) // Rozprawy z dziejów XVI i XVII wieku. Poznań, 2003. S. 213.

¹ Akta unii... S. 355; Seredyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej... S. 210; Wolff J. Senatorowie i dygnitarze... S. 9.

² Akta zjazdów... T. 2. S. 37.

³ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911. Приложения. С. 72; Akta Metryki Koronnej. S. 279–280; Dyaryusze sejmowe roku 1585. W dodatkach: Ułamki dyaryusza sejmowego roku 1582, akta sejmikowe i inne akta odnoszące się do sejmów 1585 r. / Wyd. A. Czyczyński. Kraków, 1901. S. 336.

⁴ Biblioteka Muzeum Narodowego im. Książąt Czartoryskich w Krakowie. Collectanea do dziejów Polski z lat 1553–1611. Polska. T. II (XVI–XVII). Akta 1 (1585–1598). Rkp. 2243IV. S. 185 (інфармацыя А. Радамана); Dyaryusze i akta sejmowe z roku 1591–1592 / Wyd. E. Barwiński. Kraków, 1911. S. 313–314; Jarمیński L. Bez użycia siły. S. 93, 100; Wolff J. Senatorowie i dygnitarze... S. 65, 318.

⁵ Seredyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej... S. 215.

⁶ Akta zjazdów... T. 1: Okresy bezkrólewí / Oprac. H. Lulewicz. Warszawa, 2006.

⁷ Akta unii... S. 356; Akta zjazdów... T. 1. S. 256.

урад земскага падскарбія, а з 1590 г. – новагародскага ваяводы¹. Ён удзельнічаў у працы 8 соймаў Рэчы Паспалітай і 5 разоў уваходзіў у склад Трыбунала ВКЛ (быў дэпутатам з Віленскага і Новагародскага паветаў, прычым, у 1588, 1591 і 1593 гг. выконваў функцыі маршалка Трыбунала)². Акрамя таго, Ф. Скумін-Тышкевіч браў удзел у Галоўных з'ездах ВКЛ 1591, 1593, 1605 і 1615 гг.³ М. Сапега, сакратар пасольства ў Швецыю, абіраўся дэпутатам Трыбунала ў 1599 і 1610 гг., быў паслом ад Слонімскага павета на сойм 1603 г., з 1611 г. уваходзіў у склад сената Рэчы Паспалітай як менскі, а затым новагародскі ваявода, і ўдзельнічаў у працы 6 вальных соймаў⁴. У часы трэцяга бескаралеўя Г. Пельгрымоўскі і Г. Война ўвайшлі ў шляхецкую частку пасольства ад станаў ВКЛ на каранацыйны сойм Жыгімонта Вазы 1587/88 г.⁵ Пасол на сойм 1597 г. ад Ашмянскага павета Г. Пельгрымоўскі быў абраны пасольскім маршалкам Галоўнага соймаку ў Слоніме, а на сойме 1600 г. выступаў як пасол Віленскага павета⁶. Таксама ён тройчы абіраўся дэпутатам Трыбунала ад Жамойцкага староства (у 1596, 1602 і 1604 гг.), прычым, у 1602, на наступны год па вяртанні з місіі ў Маскве, быў абраны маршалкам Трыбунала⁷. Дарэчы, пра адметны статус у Вялікім Княстве М. Гарабурды і А. Абрыйскага можа сведчыць наступны даволі цікавы факт. Перад соймам 1578 г. “лісты зашытыя” з канцылярыі былі разасланы не толькі сенатарам і дворным ураднікам ВКЛ, як заўсёды, але таксама і двум пісарам – М. Гарабурдзе і А. Абрыйскаму⁸. Між іншым, менавіта гэты сойм прыняў рашэнне аднавіць вайну з Маскоўскай дзяржавай⁹.

¹ Падрабязна пра Ф. Скуміна-Тышкевіча: Радаман А. Інструкцыя Новагародскага соймаку паслам на Варшаўскі сойм 1598 г. // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2005. №2. С. 106–108.

² Deputaci Trybunału... S. 73, 74, 76, 82, 85, 88, 108, 128; Jarمیński L. Bez użycia siły. S. 170, 173, 182, 194, 218, 220; Seredyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej... S. 214.

³ Akta zjazdów... T. 2. S. 93, 104, 152, 214.

⁴ Deputaci Trybunału... S. 108, 139; Nagielski M. Sapieha Mikołaj. S. 122; Seredyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej... S. 210.

⁵ Akta zjazdów... T. 1. S. 309; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 408.

⁶ Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 120, 408, 420, 423; Radaman A., Ferenc M. Rejestr senatorów i posłów na sejmie walnym warszawskim 9 II–21 III 1600 r. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Pracy Historyczne. 2004, z. 131. S. 89–107.

⁷ Deputaci Trybunału... S. 98, 116, 117, 123.

⁸ Лаппо И. И. Великое княжество... Приложения. С. 116.

⁹ Он же. Великое княжество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. Спб., 1901. Т. 1. С. 168–170; Lulewicz H. Gniewów... S. 314–317; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 404–430.

Знешнепалітычныя пытанні меншай значнасці вырашалі “малыя” пасольствы. “Малымі” пасламі, якія накіроўваліся ў Маскоўскую дзяржаву, былі звычайна літвіны.

У 1571 г. да Івана IV быў адпраўлены пасол Рэчы Паспалітай М. Гарабурда¹. Цікава заўважыць, што змест дадзенай місіі Жыгімонт Аўгуст падрабязна ўзгадняў з віленскім ваяводам і канцлерам М. Радзівілам. Прынамсі, кароль адзначаў, што М. Гарабурда павінен быў „*мець ад В[ашай]М[іласці] (М. Радзівіла. – У.П.) указанні больш падрабязныя*” і пад час пасольства меў „*дзеінічаць наводле інструкцыі В[ашай]М[іласці]*”². Перамовы, праведзеныя з вялікім князем маскоўскім у канцы 1571 г., былі не вельмі ўдалыя³. Наступны раз М. Гарабурда накіраваўся ў Маскоўскую дзяржаву ўжо ў час першага бескаралеўя ў Рэчы Паспалітай. Дарэчы, гэтая місія мела надзвычай вялікі і скандальны рэзананс як у Вялікім Княстве, так і ў Кароне. З’езд станаў ВКЛ, які праходзіў у Вільні на мяжы 1572–1573 гг., без узгаднення з польскім бокам, адправіў на перамовы з Іванам IV пасла, якім зноў стаў М. Гарабурда⁴. А тым часам у Рэчы Паспалітай разгарэўся палітычны скандал – у Польшчы літвінаў абвінавацілі ў патаемных зносінах з Масквой і спробах сепаратнай элекцыі Фёдара Іванавіча на пасады вялікага князя літоўскага⁵. На самой справе, кантакты часткі палітычнай эліты ВКЛ з Іванам IV мелі на мэце запабегчы агрэсіі Маскоўскай дзяржавы ў Інфлянты ды і ў межы самога Вялікага Княства, а не разрыў уніі з Каронай⁶. Перамовы М. Гарабурды з маскоўскім князем, якія праходзілі ў Ноўгарадзе ў лютым 1573 г., скончыліся безвынікова. Выказаныя паслом умовы, пры якіх магчыма была падтрымка літвінамі маскоўскай кандыда-

¹ Книга посольская... Т. 1. С. 312–313.

² Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów / Oprac. I. Kaniewska. Kraków, 1999. S. 601–602, 608.

³ Карамзин Н.М. История государства... Т. 9. С. 115–116; Lepszy K. Haraburda Michał. S. 289.

⁴ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 110–112. Пачаць перамовы з Іванам IV палітычная эліта ВКЛ вырашыла яшчэ на сваім з’ездзе ў Рудніках у верасні 1572 г.: Ibid. S. 91–105; Tyla A. The Formation of Lithuanian Eastern Policy: the Dietine of Rūdninkai. September 24–27, 1572 // Lithuanian Historical Studies. 1996. № 1. S. 22–37.

⁵ Трачевский А. Польское безкорольеве по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869. Приложения. С. 102–103; Floria B. Wschodnia polityka magnatów litewskich w okresie pierwszego bezkrólewia // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1975. № 20. S. 55, 61–63; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 127–128, 130.

⁶ Dubas-Urwanowicz E. Koronne zjazdy szlacheckie w dwóch pierwszych bezkrólewiach po śmierci Zygmunta Augusta. Białystok, 1998. S. 239.

туры на будучых выбарах у Рэчы Паспалітай, былі непрымальнымі для Івана IV, а яго тэрытарыяльныя і палітычныя прэтэнзіі – непрымальнымі для літвінаў¹. Рэзананс ад гэтага скандалу быў настолькі вялікім, што М. Гарабурда быў нават вымушаны на элекцыйным сойме 1573 г. рабіць падрабязную справаздачу са свайго пасольства².

У часы бескаралеўя ВКЛ адпраўляла свае “малыя” пасольствы не толькі ў Маскоўскую дзяржаву, але і ў Францыю, і Свяшчэнную Рымскую імперыю. Так, на з’ездзе Вялікага Княства ў кастрычніку 1574 г. было вырашана накіраваць да Генрыху Валуа, які ў чэрвені таго года па-сутнасці збег з Рэчы Паспалітай, уласных паслоў – віленскага кусташа Мальхера Гедройца і пісара Вацлава Агрыпу. Пасольства ўвесну 1575 г. у Парыжы заявіла Генрыху, што калі ён не вернецца да 12 мая 1575 г. у краіну, то літвіны не будуць яго вызнаваць сваім вялікім князем³. Вядома, што Генрых Валуа так і не вярнуўся, таму Рэч Паспалітая зноў апынулася ў стане бескаралеўя. Наступная элекцыя ў лістападзе-снежні 1575 г. скончылася абраннем адразу двух каралёў і вялікіх князёў – імператара Свяшчэннай Рымскай імперыі Максімільяна II і трансільванскага князя Стэфана Баторыя. Прыхільнікі Максімільяна адправілі да яго пасольства, ВКЛ у якім мелі прадстаўляць М. Тальваш і В. Агрыпа. Аднак М. Тальваш так у Вену і не паехаў, а інтарэсы Вялікага Княства пры імператарскім двары ўвесну 1576 г. прадстаўляў толькі В. Агрыпа⁴.

У 1584 г., ужо ў час панавання Стэфана Баторыя, паслом у Маскоўскую дзяржаву быў пісар Леў Сапега. Яго місія, першапачаткова збольшага тэхнічная і разведвальная, у сувязі са смерцю Івана IV, набыла даволі вялікае значэнне. Л. Сапега здолеў дамовіцца з маскоўскімі баярамі аб заключэнні перамір’я на 10 месяцаў, што адкрыла шлях для далейшых мірных перамоў між краінамі⁵.

¹ Карамзин Н. М. История государства... Т. 9. С. 131–134; Kempa T. Mikołaj Krzysztof... S. 79; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 112–114; Zbiór pamiętników do dziejów polskich: W 4 t. / Wyd. W. de Broel-Plater. T. 3. Warszawa, 1858. S. 58–64.

² Lepszy K. Haraburda Michał. S. 289.

³ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 188–190.

⁴ AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Nr. 67. S. 1–4; Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk (Kórnik). Oddział w Poznaniu. Rkps. 1303. K. 11–18v.; Wierzbowski T. Zabiegi cesarza Maksymiliana II o koronę polską 1565–1576 (dokończenie) // Ateneum. Pismo naukowe i literackie. 1879. R. 4. T. 4. S. 86–89.

⁵ Карамзин Н.М. История государства... Т. 10. С. 286; Русско-белорусские связи. С. 15; Салей С. Першае пасольства Льва Сапегі ў Маскву (1584 г.) у гістарыяграфіі і крыніцах: да пытання дэканструкцыі мітаў // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук.

Па сваім маёмасным статусе “малыя” паслы былі, як правіла, прадстаўнікамі заможнай і сярэдняй шляхты. Заўважым, што Л. Сапега на той час толькі пачынаў шлях да статусу магната. Сярод “малых” паслоў значную ролю адыгрывалі супрацоўнікі канцэлярыі ВКЛ: М. Гарабурда, В. Агрыпа, Л. Сапега. Выкананне падобных місій магло непасрэдным чынам уплываць і на прасоўванне па кар’ернай лесвіцы. Так, Л. Сапега ўжо ў лютым 1585 г. атрымаў намінацыю на ўрад падканцлера¹. Таксама звернем увагу, што ўсе “малыя” паслы разглядаемага перыяду стануць потым сенатарамі Рэчы Паспалітай: М. Гарабурда – менскім кашталянам, М. Гедройц – жамойцкім біскупам, Л. Сапега – падканцлерам, канцлерам і, нарэшце, віленскім ваяводам, В. Агрыпа – менскім і смаленскім кашталянам. Як і ў выпадку з “вялікімі” пасламі, канфесійная прыналежнасць не ўплывала на даручэнне дыпламатычных місій. Пасламі выступаюць і праваслаўныя (М. Гарабурда), і католікі (М. Гедройц), і пратэстанты (В. Агрыпа, Л. Сапега). Прынамсі, частка “малых” паслоў мела высокі адукацыйны ўзровень. Акрамя Л. Сапегі, універсітэцкую адукацыю мелі М. Гедройц (Каралевец, Вітэнберг, Лейпцыг, Цюбінген) і В. Агрыпа (Кракаў, Вітэнберг).

М. Гедройц і В. Агрыпа, як і згаданыя ўжо вышэй Л. Сапега і М. Гарабурда, актыўна праявілі сябе на палітычнай арэне Рэчы Паспалітай. М. Гедройц прадстаўляў шляхту Віленскага павета на Люблінскім сойме 1569 г. Стаўшы жамойцкім біскупам, ён удзельнічаў у каранацыі 1587/88 г. і вальных соймах 1578, 1592, 1597, 1601 гг.² В. Агрыпа выконваў пасольскія функцыі на каранацыйным сойме 1574 г., на якім быў абраны маршалкам пасольскай ізбы, перад вальным соймам 1578 г. быў каралеўскім паслом на сойміку Віленскага павета, а ўжо як сенатар браў удзел у працы каранацыйнага сойма 1587/88 г. і вальнага сойма 1590 г.³ В. Агрыпа ў 1591 г. і М. Гедройц у 1593 г. прысутнічалі на Галоўных з’ездах ВКЛ, а

арт. / Рэдкал.: С.В. Марозава. Гродна, 2007. С. 118–123; Соловьев С.М. История России... Т. 7. С. 265–269; ADR. S. 174–176; Lulewicz H. Sapieha Lew. S. 84–85; Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy w 1584 r. // Przewodnik Naukowy i Literacki. №49 (1921). S. 122–134.

¹ Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кн. 70 (1582–1585): кн. запісаў №70 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А.А. Мяцельскі. Мн., 2008. С. 238.

² Akta unii... S. 356; Herbst S. Giedroyć Melchior // PSB. T. 7. Kraków, 1948–1958. S. 430–431; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 315; Sereyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej... S. 197.

³ Лаппо И.И. Великое княжество... Приложения. С. 117; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 76, 161; Sereyka J. Senatorowie Rzeczypospolitej... S. 193; Tyszkowski K. Agrypa Waclaw (Iwan) // PSB. T. 1. Kraków, 1935. S. 32–33.

таксама бралі актыўны ўдзел у палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у часы бескаралеўя¹.

Менш важныя даручэнні ў галіне знешняй палітыкі выконвалі ганцы. Праз іх маглі перадавацца глейты для “вялікіх” пасольстваў. Так, з сойма 1569 г. у Маскву накіраваўся рэчыцкі земскі пісар Андрэй Халецкі, які ў лістападзе прывёз глейт ад Івана IV для “вялікага” пасольства Рэчы Паспалітай². Падобныя місіі выконвалі каралеўскія дваране Леў Бухавецкі і Юры Грудзенскі (з Польшчы) у 1576 г., Марцін Палуян у 1577 г., Пётр Візгірд у 1582 г., гарадзенскі стольнік Ян Дзевялтоўскі ў 1590 г., Барталамей Бярдоўскі ў 1600 г.³ Пры дапамозе ганцоў адбывалася ліставанне паміж манархамі, сенатарамі Рэчы Паспалітай і маскоўскімі баярамі па розных пытаннях двухбаковых адносін. Такія даручэнні ажыццяўлялі Іван Гогаць у 1576 г., Мікалай Бурба і каралеўскі сакратар Гальяш Пельгрымоўскі ў 1583 г., Павел Волк і Марцін Сушскі ў 1592 г., гарадзенскі войскі Я. Дзевялтоўскі ў 1593 г., каралеўскі дваранін, гараднічы полацкі Ян Корсак-Галубіцкі ў 1596 г.⁴ У сувязі са смерцю маскоўскага князя Фёдара Іванавіча, з сойма Рэчы Паспалітай у сакавіку 1598 г. у Маскву накіравалі ганцоў – полацкага харужага Я. Корсака-Галубіцкага і Мікалая Радзьяёўскага (з Польшчы) – з лістамі да самых уплывовых маскоўскіх баяраў ад Жыгімонта Вазы, а таксама ад віленскага ваяводы Крыштафа Радзівіла, канцлера Л. Сапегі і канцлера Кароны Яна Замойскага. У лістах прапаноўвалася адкласці выбары да прыезду пасольства Рэчы Паспалітай і абраць вялікім князем маскоўскім Жыгімонта Вазу. Аднак дадзеная місія сарвалася, бо яшчэ 27 лютага 1598 г. новым князем стаў Барыс Гадуноў⁵.

Ганцы з Вялікага Княства накіроўваліся таксама і ў Крымскае ханства: Юры Быкоўскі (1571 г.), Юры Глубоцкі і Павел(?) Волк

¹ Akta zjazdów stanów... Т. 1. S. 406, 411; Т. 2. S. 93, 104, 113.

² АСД. Т. 7. С. 48; Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1910. Т. 7: 1554–1572. S. 342–343.

³ Гейденштейн П. Записки о Московской войне. С. 67, 70–71, 78–79, 283, 288; Карамзин Н.М. История государства... Т. 9. С. 142–143; Книга посольская... Т. 2. С. 1–4, 15–17, 25–29, 245–248; Соловьев С.М. История России... Т. 8. С. 857–858; Lietuvos Metrika. Кн. 594. P. 98–107, 226–227; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 293, 311.

⁴ Книга посольская... Т. 2. С. 4–11, 274–281; Русско-белорусские связи. С. 13–15, 30–56; Lietuvos Metrika. Кн. 594. P. 186–193, 208–212, 217–223; Sprawy wojenne... S. 45–47.

⁵ Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (РНБ). Ф. 971. Собрание автографов П.П. Дубровского. Авт. 234. № 157. Л. 1–10тв.; Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596–1599. S. 143–144.

(абодва ў 1586? г.)¹. У першай палове 1570-х гг. у Канстанцінопалі з мэтай навучання ўсходнім мовам знаходзіўся Крыштаф Дзержак (Дзержка), які паралельна выконваў і дыпламатычныя функцыі. Пазней, як ганец Рэчы Паспалітай, ён наведваў Турцыю ў 1577 (1578?), 1581, 1583, 1584 і 1591 гг.²

Вельмі актыўным быў абмен ганцамі паміж Рэччу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай на заключным этапе Інфлянцкай вайны 1578–1582 гг. У гэты час у Маскву ездзілі Пётр Гарабурда (1578–79 гг.), Вацлаў Лапацінскі (1579–80 гг.), Багдан Прасёлак (1579 г.), Рыгор Лазавіцкі і Габрыэль Любашчынскі (1580 г.), К. Дзержак (1581 г.), Мацей Правозскі (1581–82 гг.)³.

Роля ганцоў значна павялічвалася ў перыяд бескаралеўяў. Дзякуючы ім, палітычная эліта ВКЛ падтрымлівала непасрэдны кантакт і вяла перамовы з кіраўнікамі суседніх дзяржаў і магчымымі прэтэндэнтамі на ўладу ў Рэчы Паспалітай. Так, у Маскоўскую дзяржаву з рознымі даручэннямі накіроўваліся Фёдар Варапай і Стэфан Мацвяевіч (абодва ў 1572 г.), Матуш Нарбут (разам з палякам Марцінам Страдомскім) і Іван Бака (у 1576 г.)⁴. Са з'езда Вялікага Княства ў жніўні 1575 г. у якасці ганца да імператара Максімільяна II быў адпраўлены Андрэй Волан, які ў верасні таго года ў Празе прасіў імператара паўплываць на Маскву дзеля забеспячэння спакою ВКЛ і Інфлантаў⁵. У кастрычніку 1587 г. з'езд Вялікага Княства накіраваў да двух прэтэндэнтаў на ўладу ў Рэчы Паспалітай – шведскага каралевіча Жыгімонта Вазы і эрцгерцага Максімільяна – ганцоў, князёў Яна Свірскага, гаспадарскага маршалка, і Сямёна

¹ Книга посольская... Т. 1. С. 309–312; Lietuvos Metrika. Кн. 594. Р. 20–21, 52–54, 219. У Крымскае ханства Ю. Быкоўскі ездзіў таксама ў 1562 і 1563 гг., а ў 1562, 1563 і 1567–1568 гг. ён быў ганцом і ў Маскоўскую дзяржаву: АСД. Т. 4. С. 3–4; Книга посольская... Т. 1. С. 211–213, 230–231, 244–246, 261–266; Янушкевіч А. М. Вялікае Княства... С. 103.

² Baranowski B. *Dzierżek Krzysztof* // PSB. Т. 6. Kraków, 1948. S. 160–161.

³ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 81, 97, 146, 172, 184, 209, 283, 287; Карамзин Н. М. История государства... Т. 9. С. 174–175; Книга посольская... Т. 2. С. 34, 38–55, 105–122, 137–209, 246–248; Lulewicz H. *Gniewów o unię*... С. 313.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею: В 5 т. Т. 3: 1544–1587 гг. СПб., 1848. С. 161–162; Карамзин Н. М. История государства... Т. 9. С. 123–125; Русско-белорусские связи. С. 9; Florig B. *Wschodnia polityka*... С. 50–51; Lulewicz H. *Gniewów*... С. 81–83, 88, 102–103, 109–110, 259, 262; *Sprawy wojenne*... С. 14. С. Мацвяевіч быў накіраваны ў Маскву без узгаднення з польскім бокам са з'езда сенатараў ВКЛ у Рудніках.

⁵ Lulewicz H. *Gniewów o unię*... С. 219; Wierzbowski T. *Zabiegi cesarza*... С. 81.

Друцкага-Саколінскага, гараднічага дзісенскага, адпаведна, якія павінны былі заявіць, што іх абранне без удзелу і згоды літвінаў не мае законнай сілы¹.

Пад час бескаралеўя, ганцы маглі дасягаць і вельмі важных рашэнняў. Так, з элекцыйнага сойма Рэчы Паспалітай 1573 г. у Маскоўскую дзяржаву былі накіраваны Фёдар Варапай і Андрэй Тараноўскі (з Польшчы), якія здолелі працягнуць перамір'е паміж краінамі на адзін год – да 15 жніўня 1574 г.² У ліпені 1574 г., амаль адразу пасля ўцёкаў Генрыха Валуа ў Францыю, у Маскву адправіліся каралеўскія сакратары Мацей Пратасовіч (з Вялікага Княства) і Барталамей Завадскі (з Кароны), якія ўжо ў канцы жніўня прадоўжылі перамір'е з Маскоўскай дзяржавай яшчэ на два гады, да 15 жніўня 1576 г.³ З красавіка па май 1587 г. у Маскве знаходзіліся ганцы троцкі падкаморы Багдан Агінскі і люблінскі падстолі Пётр Чарнікоўскі. Яны 7 мая працягнулі перамір'е паміж краінамі, заключанае яшчэ ў верасні 1586 г., што было надзвычай важна для знешняй бяспекі Рэчы Паспалітай ва ўмовах бескаралеўя⁴.

Ганцы, як правіла, паходзілі з асяроддзя беднай і сярэдняй шляхты. Звычайна гэта былі нязнатныя шляхціцы, хаця, сустракаюцца і прадстаўнікі княжацкіх родаў: Агінскія, Друцкія-Саколінскія, Свірскія. Былі сярод ганцоў і прадстаўнікі рэгіянальнай, павятовай палітычнай эліты (А. Халецкі, К. Дзержак, Я. Свірскі, П. Візгін, Б. Агінскі, Я. Дзевялтоўскі, Я. Корсак-Галубіцкі). Місія ганца, як правіла, не вяла непасрэдна да палітычнага ці матэрыяльнага авансу. Маём адзінкавыя выпадкі, калі ганцы амаль адразу пасля выканання місіі атрымлівалі тую ці іншую ўзнагароду ад караля і вялікага князя. Так, Г. Пельгрымоўскі пакінуў Маскву ў ліпені 1583 г., а ўжо ў жніўні атрымаў ад Стэфана Баторыя ва ўладанне фальварак Неравашкалаўшчына ў Ашмянскім павеце, а Я. Корсак-Галубіцкі, які яшчэ ўвосень 1596 г. знаходзіўся ў Маскоўскай дзяржаве, улетку 1597 г. быў прызначаны Жыгімонтам Вазам на ўрад полацкага

¹ Lulewicz H. *Gniewów o unię*... С. 395–397.

² Ibidem. С. 143–144.

³ Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / Рэд. Ю. С. Пшыркоў. Мн., 1975. С. 83; Lulewicz H. *Gniewów o unię*... С. 172.

⁴ Карамзин Н. М. История государства... Т. 10. С. 314–316; Русско-белорусские связи. С. 19; Соловьев С. М. История России... Т. 7. С. 284–286; Lietuvos Metrika. Кн. 594. Р. 40–52, 64–74; Lulewicz H. *Gniewów o unię*... С. 359, 378. Справадзачу пра вынікі пасольства пасланцы прадставілі на элекцыйным сойме 14 жніўня 1587 г.

харужыя¹. Звернем увагу таксама на той факт, што амаль ніхто з тых шляхціцаў, хто быў ганцом у дадзены перыяд, затым не стаў сенатарам. Адзіным выключэннем быў Я. Корсак-Галубіцкі, які ў 1620 г. быў прызначаны дэрпцкім, а ў 1621 г. – полацкім кашталіям². Верагодна, яго кар’ерны рост адбываўся не толькі дзякуючы асабістым заслугам і заслугам яго роду, але і дзякуючы магутнаму патрону. Так, у сакавіку 1598 г. К. Радзівіл адзначаў, што полацкі харужы з’яўляецца слугой канцлера Л. Сапегі³.

Тым не менш, шмат хто з іх зрабіў добрую палітычную кар’еру, перш за ўсё, на павятовым узроўні. Так, А. Халецкі з 1579 г. займаў урад рэчыцкага земскага суддзі, а з 1589 г. – рэчыцкага маршалка⁴. П. Візгірд у красавіку 1584 г. атрымаў прывілей на пасаду троцкага канюшага, а ў студзені 1591 г. стаў ковенскім маршалкам⁵. У маі 1588 г. К. Держак быў прызначаны Жыгімонтам Вазам троцкім харужым⁶. Даволі ўдалую кар’еру ў Гарадзенскім павеце зрабіў Я. Дзевялтоўскі, які быў мясцовым стольнікам і войскам⁷. Магчыма, менавіта той самы Г. Любашчынскі, які быў ганцом у Маскоўскую дзяржаву ў 1580 г., займаў пасаду віцебскага падстоля ў канцы XVI ст.⁸ Іншыя рабілі кар’еру пры каралеўскім двары. Так, на двары Жыгімонта Вазы сустракаем К. Держак, П. Волка і, магчыма, Г. Любашчынскага і Б. Бярдоўскага⁹. В. Лапацінскі да 1581 г. выконваў функцыі інстыгатора ВКЛ¹⁰.

¹ Метрыка Вялікага княства... С. 66; Радаман А., Галубовіч В., Вілімас Д. Земскія ўраднікі Полацкага ваяводства (другая палова XVI – першая палова XVII стст.) // *Commentarii Polocenses Historici – Полацкія гістарычныя запіскі*. Т.1. 2004. С. 74.

² Радаман А., Галубовіч В., Вілімас Д. Земскія ўраднікі Полацкага ваяводства... С. 74–75; Wasilewski T. Korsak Jan Hołubicki // *PSB*. Т. 14. Warszawa–Kraków, 1968–1969. S. 105. Інфармацыя аб тым, што Я. Корсак-Галубіцкі перад смерцю ў 1625 г. атрымаў прывілей на смаленскае ваяводства, хутчэй за ўсё, не адпавядае рэчаіснасці: *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: Spisy*. Т. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003. S. 217.

³ РНБ. Ф. 971. Авт. 234. № 157. Л. 1.

⁴ Halecki O. Chalecki Andrzej // *PSB*. Т. 3. Kraków, 1937. S. 247.

⁵ Метрыка Вялікага княства... С. 171–172; НГАБ. КМФ-18. Спр. 77. Арк. 213адв.–214. За карысныя звесткі, датычныя П. Візгірда, дзякую А. Радаману.

⁶ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 72. Арк. 83–83адв.

⁷ Радаман А., Галубовіч В., Вілімас Д. Земскія ўраднікі Гарадзенскага павета ВКЛ (другая палова XVI – першая палова XVII ст.) // *Герольд Litherland*. №17. Год V–VI. Горадня, 2006. С. 106.

⁸ Радаман А., Галубовіч В., Вілімас Д. Земскія ўраднікі Віцебскага ваяводства (другая палова XVI – першая палова XVII стст.) // *Commentarii Polocenses Historici*. Т. 2. 2005. С. 54.

⁹ *Ordynacja dworu Zygmunta III z 1589 roku / Opracował K. Chłapowski*. Warszawa, 2004. S. 63, 67, 71, 73, 87.

¹⁰ Grzybowski S. Łopaciński (Łopatyński) Waclaw (Bazyli) // *PSB*. Т. 18. Wrocław etc, 1973. S. 402.

Былыя ганцы актыўна ўдзельнічалі ў грамадска-палітычным жыцці як Вялікага Княства, так і ўсёй Рэчы Паспалітай. Так, А. Халецкі быў паслом ад Рэчыцкага павета на Люблінскі сойм 1569 г., а на соймах 1579/80 і 1581 гг. абіраўся паборцам (зборшчыкам падаткаў) у гэтым павеце¹. У працы Люблінскага сойма бралі ўдзел таксама Я. Свірскі і Ф. Варапай, якія прадстаўлялі Віленскі і Аршанскі паветы, адпаведна². Ф. Варапай удзельнічаў у з’ездзе ВКЛ у Вільні пад час першага бескаралеўя на мяжы 1572/73 г. і ў канвакацыі 1573 г. у Варшаве³. У працы элекцыйнага сойма Рэчы Паспалітай увесну 1573 г. і з’езда станаў Вялікага Княства ў Гародні ўвесну 1576 г. прымаў удзел М. Пратасовіч⁴. П. Гарабурда ў 1590 і 1592 гг. быў соймавым паслом, а на вальных соймах 1581 і 1590 гг. абіраўся паборцам у Віленскім павеце⁵. Троцкі канюшы П. Візгірд уваходзіў у склад дэлегацыі станаў ВКЛ на каранацыю Жыгімонта Вазы ў 1587/88 г., а мясцовы харужы К. Держак прадстаўляў троцкую шляхту на вальным сойме 1597 г.⁶ Б. Агінскі браў удзел у працы элекцыйнага сойма 1587 г. і абіраўся паслом на вальныя соймы Рэчы Паспалітай 1600, 1607, 1609, 1611, 1613 (надзвычайны) і 1615 гг. з Троцкага павета і Віцебскага ваяводства⁷. У Галоўных з’ездах Вялікага Княства ўдзельнічалі Б. Агінскі (1593 г.), П. Візгірд (1614 г.), Я. Корсак-Галубіцкі (1615 г.)⁸. Дарэчы, полацкі шляхціц Я. Корсак-Галубіцкі праводзіў даволі актыўную палітычную дзейнасць. Ён абіраўся ў склад Трыбунала ВКЛ ад Полацкага ваяводства ў 1595, 1604 і 1618 гг., а таксама, магчыма, з Аршанскага павета ў 1598 г.⁹ На вальным сойме 1590 г. ён быў прызначаны паборцам у

¹ Akta unii... S. 356; Halecki O. Chalecki Andrzej. S. 247; Vilimas D. LDK pavietų žemės teismų pareigūnai (1566–1588 m.): Pirmoji pavietų bajoriškųjų juristų karta // *Lituanistica*. 2002. Nr. 4. P. 25–26; Volumina Constitutionum. Т. II, vol. 1. S. 439, 461.

² Akta unii... S. 355–356. Акрамя таго, Ф. Варапай у Любліне быў прызначаны паборцам у Аршанскім павеце: *Помнікі старажытнай...* С. 83.

³ Akta zjazdów stanów... Т. 1. S. 64; Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 122.

⁴ Akta zjazdów stanów... Т. 1. S. 71, 169.

⁵ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 283. Арк. 144; Konopczyński W. Liberum veto. S. 435; Volumina Constitutionum. Т. II, vol. 1. S. 461; Т. II, vol. 2. S. 166.

⁶ Akta zjazdów stanów... Т. 1. S. 287–298, 308–311; Zakrzewski A. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki. Warszawa, 2000. S. 215.

⁷ *Dyjaryjusze sejmowe r. 1587: sejmny konwokacyjny i elekcyjny / Wyd. A. Sokołowski*. Kraków, 1887. S. 144, 153; Radaman A., Ferenc M. Rejestr senatorów i posłów... S. 89–107; Wasilewski T. Ogiński Bogdan Marccjan // *PSB*. Т. 23/3, z. 98. Wrocław etc, 1978. S. 599–600. Zakrzewski A. Sejmiki Wielkiego Księstwa... S. 216.

⁸ Akta zjazdów... Т. 2. S. 106, 108, 199, 215.

⁹ *Deputaci Trybunału...* S. 95, 106, 123, 164.

Полацкім ваяводстве, а ў 1600 г. на перадсоймавым соймаку полацкая шляхта абрала яго паслом на сойм¹.

Удзельнікі дыпламатычных місій прыцягваліся да выканання функцый каралеўскіх паслоў на перадсоймавых соймаках у паветах Вялікага Княства. Так, у верасні 1576 г. на павятовым соймаку ў Вільні каралеўскім паслом быў М. Пратасовіч, у чэрвені 1577 г. у Коўна і Рэчыцы ў якасці паслоў выступалі Б. Агінскі і А. Халецкі, адпаведна, а ў снежні 1577 г. на соймаку ў Троках – Б. Агінскі². Таксама ганцы неаднаразова абіраліся дэпутатамі Трыбунала ВКЛ: І. Бака ў 1584 г. (з Троцкага павета), М. Бурба ў 1589 г. (з Жамойцкага староства), Я. Дзевялтоўскі ў 1588 г., П. Візгірд у 1588 і 593 гг. (з Троцкага і Ковенскага паветаў, адпаведна), А. Волан у 1597 г. (з Ашмянскага павета)³.

У дадзены перыяд ганцамі былі і асобы, вядомыя ў гісторыі Рэчы Паспалітай не толькі сваёй палітычнай дзейнасцю: дзееч рэфармацыйнага руху, філосаф і правазнаўца А. Волан, паэт і пісьменнік Г. Пельгрымоўскі, выдатны знаўца ўсходніх моў К. Дзержак, актыўны абаронца праваслаўнай царквы Б. Агінскі. Што датычыць адукацыі, то абсалютная большасць ганцоў атрымлівала яе на Радзіме, хіба толькі А. Волан вучыўся за мяжой, ва ўніверсітэтах Франкфурта-на-Одэры і Каралюўца, і К. Дзержак вывучаў мовы ў Канстанцінопалі. Таксама можна сцвярджаць, што, як і ў выпадку з “вялікімі” і “малымі” пасламі, канфесійная прыналежнасць не адыгрывала ніякай ролі ў даручэнні шляхціцу місіі ганца.

Такім чынам, паводле свайго маёмаснага статусу ўдзельнікі “вялікіх” і “малых” пасольстваў у разглядаемы перыяд адносіліся да магнатэрыі, заможнай і сярэдняй шляхты. У сваю чаргу, ганцамі прызначаліся прадстаўнікі сярэдняй і дробнай шляхты. Сярод удзельнікаў дыпламатычных місій было даволі шмат выхадцаў са знатных, арыстакратычных родаў Вялікага Княства (Агінскія, Гедройцы, Друцкія-Саколінскія, Пронскія, Радзівілы, Сапегі, Свірскія, Тышкевічы). Значную ролю ў выкананні знешнепалітычных даручэнняў адыгрывалі супрацоўнікі канцылярыі ВКЛ, якія ўваходзілі ў склад пасольстваў усіх узроўняў. Безумоўна, большасць тагачасных “дыпламатаў” можна аднесці да палітычнай эліты

краіны. Яны вельмі актыўна ўдзельнічалі ў грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай як на агульнадзяржаўным, так і на лакальным узроўні. Удзел у “вялікім” пасольстве для шляхты безумоўна быў непасрэднай падставай для палітычнага авансу і матэрыяльных узнагарод. У значна меншай ступені гэта датычыла “малых” паслоў і ганцоў. А вось канфесійны фактар аніяк не ўплываў на ўваходжанне шляхціца ў склад дыпламатычнай місіі.

Важна адзначыць, што сярод “дыпламатаў” ВКЛ значную ролю адыгрывалі прадстаўнікі інтэлектуальнай і культурнай эліты. Ва ўніверсітэтах Еўропы навучаліся Радзівілы, Сапегі, В. Агрыпа, А. Волан, М. Гедройц, Ф. Скумін-Тышкевіч. Адметны ўплыў на развіццё культуры Рэчы Паспалітай аказалі В. Агрыпа, А. Волан, Г. Пельгрымоўскі. Л. Сапега і М.К. Радзівіл праявілі сябе як слаўтыя мецэнаты, а Б. Агінскі і М. Гедройц за ўласныя сродкі актыўна падтрымлівалі праваслаўнае і каталіцкае кнігадрукаванне.

Найбольш выбітным і вопытным “дыпламатам” Вялікага Княства Літоўскага ў апошняй трэці XVI ст. быў М. Гарабурда, які за гэты перыяд браў удзел у 5 знешнепалітычных місіях, а за ўсё сваё жыццё – у 10. Прычым, за сваю кар’еру ён быў і ганцом, і “малым” паслом, і сакратаром “вялікага” пасольства, і, нарэшце, “вялікім” паслом. У 1570–80-х гг. як мінімум у 6 дыпламатычных місіях у якасці ганца, пераважна ў Турцыю, а таксама ў Маскоўскую дзяржаву, удзельнічаў К. Дзержак. Заўважым, што Ю. Быкоўскі, ганец у Крымскае ханства ў 1571 г., яшчэ ў 1560-я гг. 5 разоў накіроўваўся ганцом у Крым і Маскву. Двойчы “вялікім” паслом Рэчы Паспалітай прызначаўся М. Тальваш. Акрамя іх, у даследаваны час неаднаразова дыпламатычныя даручэнні рознага ўзроўню выконвалі Л. Сапега, В. Агрыпа, Г. Пельгрымоўскі, А. Абрінскі, Ф. Скумін-Тышкевіч, Ф. Варапай, Я. Дзевялтоўскі.

¹ Radaman A., Ferenc M. Rejestr senatorów i posłów... S. 89–107; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 2. S. 166–167.

² Лапо И. Великое княжество... Приложения. С. 54, 72, 118.

³ Deputaci Trybunału... S. 65, 74, 76–77, 89, 101.

Дадатак

Шляхта Вялікага Княства Літоўскага ў “вялікіх” і “малых” пасольствах Рэчы Паспалітай (1570–1600)

Прозвішча, імя, гады жыцця	Год пасольства	Пасада на момант пасольства	Пасада, вышэйшая ў кар’еры	Універсітэцкая адукацыя (горад)	Веравызнанне на момант пасольства	Маёмасны статус
“Вялікія” паслы						
Тальваш Мікалай (?–1598)	1570 /1582	Менскі кашталян	Троцкі кашталян	-	Лютэранін	Заможная шляхта
Радзівіл Мікалай Крыштаф (1549–1616)	1573	Дворны маршалак	Віленскі ваявода	Страсбург, Цюбінген	Католік	Магнат
Пронскі Аляксандр (каля 1550–1595)	1573	-	Троцкі кашталян	-	Кальвініст	Заможная шляхта
Сапега Мікалай (каля 1525–1599)	1578	Менскі ваявода	Віцебскі ваявода	Лейпцыг, Каралявец	Праваслаўны	Заможная шляхта
Радзівіл Альбрэхт (1558–1592)	1581 /1582	Дворны маршалак	Земскі маршалак	Лейпцыг, Рым	Католік	Магнат
Гарабурда Міхал (?–1586)	1586	Менскі кашталян	Менскі кашталян	-	Праваслаўны	Сярэдняя шляхта
Война Габрыэль (?–1615)	1590 /1591	Падканцлер	Падканцлер	-	Католік	Сярэдняя шляхта
Сапега Леў (1557–1633)	1600 /1601	Канцлер	Віленскі ваявода	Лейпцыг	Католік	Магнат
Сакратары “вялікіх” пасольстваў						
Абрынскі-Харытанавіч Андрэй (?–1589?)	1570	Сакратар ЯКМ, новагародскі падкаморы	Сакратар ЯКМ, новагародскі падкаморы	-	?	Сярэдняя шляхта
Скумін-Тышкевіч Федар (?–1618)	1578	Падскарбі дворны, пісар	Новагародскі ваявода	Базель, Лейпцыг, Цюбінген	Праваслаўны	Заможная шляхта
Гарабурда Міхал (?–1586)	1581 /1582 1582	Пісар	Менскі кашталян	-	Праваслаўны	Сярэдняя шляхта
Война Мацей (?–1607)	1590 /1591	Пісар, сакратар ЯКМ	Падскарбі дворны	-	Католік	Сярэдняя шляхта
Сапега Мікалай (каля 1558–1638)	1596	Сакратар ЯКМ	Новагародскі ваявода	Балоння	Католік	Заможная шляхта
Пельгрымоўскі Гальяш (?–1605)	1600 /1601	Пісар і сакратар ЯКМ	Пісар і сакратар ЯКМ	-	Кальвініст	Сярэдняя шляхта
“Малыя” паслы						
Гарабурда Міхал (?–1586)	1571 /1572 1573	Пісар	Менскі кашталян	-	Праваслаўны	Сярэдняя шляхта
Гедройц Мальхер (каля 1536–1608)	1574 /1575	Віленскі кушташ	Жамойцкі біскуп	Каралявец, Вітэнберг, Лейпцыг, Цюбінген	Католік	Заможная шляхта
Агрыпа Вацлаў (каля 1525–1597)	1574 /1575 1576	Пісар, сакратар ЯКМ	Смаленскі кашталян	Кракаў, Вітэнберг	Лютэранін	Сярэдняя шляхта
Сапега Леў (1557–1633)	1584	Пісар, сакратар ЯКМ	Віленскі ваявода	Лейпцыг	Кальвініст	Заможная шляхта

Мусеев М. В.

СЛОН ИВАНА ГРОЗНОГО

Характерной особенностью дипломатического этикета XV–XVI веков являлся обмен подарками между участниками дипломатического общения. В делопроизводственной практике Посольского приказа посольские дары определялись как «поминки». Наибольшее развитие «поминки» приобрели в отношениях с восточными странами, хотя и контакты с европейскими дворами сопровождались взаимным дарением.

В основном, в виде посольских даров-«поминок» шли сукна, одежда, парадная посуда и различные диковины¹. Оружие и деньги дарились крайне редко и сопровождалось различными условностями. Иногда среди «поминок» встречались животные. Как правило, преподносились в виде даров ловчие птицы и кони (иноходцы, аргамаки). Впрочем, встречались и более нетривиальные варианты дарения животных. Так, например, из Англии Ивану Грозному в дар были преподнесены львы, а так же 12 собак [1, с. 63–64, 66, 116–117]. В обратном направлении вывозились лоси и белые медведи. Англичане в этом проявляли весьма большую активность, в результате чего после 1559 г. на вывоз этих животных требовалось разрешение царя [1, с. 72]. Неподдельный интерес белые медведи вызывали и в сефевидском Иране. На рубеже XVI–XVII веков к казвинскому двору царское правительство дважды отправляло это «северное чудо». Кроме медведей шаху Аббасу дарили соболей и охотничьих собак. В свою очередь Борис Годунов хотел получить барсов для охоты [2, с. 3, 28, 54]. Однако самым экзотичным подарком в этом ряду животных, несомненно, был слон, подаренный, согласно свидетельствам иностранцев, иранским шахом Тахмаспом. Казалось бы, подобное событие должно было привлечь внимание современников, однако вся эта ситуация крайне плохо прослеживается по документам. Дело в том, что от раннего этапа русско-иранских отношений документов не сохранилось [4, с. 444–450]. Параллельные источники тоже умалчивают о подробностях этих связей.

¹ Нередко дарение сукон, парадной посуды и других предметов производства диктовались целями рекламы своих товаров. Наиболее очевиден этот контекст в отношениях Англии и Нидерландов с Россией [см.: 3, с. 47].

В результате, вся эта история известна по двум источникам¹: «Запискам» Г. Штадена [7, с. 51] и «Памфлету» П. Одеборна [8, с. 211]. Дополнительное затруднение представляет то, что оба автора передают историю о слоне весьма отлично друг от друга, сходясь лишь в том, что слон был, и что его убили.

«Записки» Штадена состоят из четырех частей: «Страна и правление московитов», «Проект», «Прошение» и «Автобиография Генриха Штадена», написанные им в течение 1577–1578 годов. При дворе пфальцграфа Георга Ганса фон Фельденц-Лютцфельштейна (1543–1592) Г. Штаден выступал экспертом по Московии; в 1580–1581 гг. он вел какие-то торговые дела, касающиеся Русского государства [7, с. 6–11]. Хронологически это сочинение охватывает период с 50-х до начала 70-х гг. XVI века. Сведений о последующей доработке и дополнениях «Записок» нет, поэтому можно осторожно предположить, что события, упоминаемые Штаденом, не выходят за очерченные хронологические рамки.

В своем сочинении Генрих Штаден историю о слоне передает в двух контекстах. Первый – это «чумные» опасения москвичей, второй – орография Кремля и Китай-города. Именно в первом контексте Штаден поместил основную информацию о слоне.

«Великому князю был подарен слон вместе с арабом, который за этим слоном ухаживал. Араб получал в Москве большое жалованье. Это подметили русские бражники (*Brasneck*), т.е. беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и [зерную] играют (*doppeln und spielen*). Из-за денег они тайно убили жену араба. Вот этот-то араб был оклеветан и оговорен русскими вместе со своим слоном, будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой» [7, с. 51].

Исходя из сведений о хронологическом охвате сочинения Штадена, можно предложить, что слон у Ивана Васильевича мог появиться не ранее 1550 г. и не позднее 1578 года (времени окончания

¹ Комментаторы новейшего издания «Записок» Г. Штадена указали еще на один источник сведений о слоне, а именно Пискаревский летописец («Слон вызвал пристальное внимание жителей столицы и оказался отмеченным в летописях (ПСРЛ. Т. 34. С. 202), как и другие экзотические для России животные, в частности львы» [см.: 5, сн. 170б.–2, с. 217]. Однако это указание не верно. В Пискаревском летописце в статье под 7108 годом рассказывается о градостроительных мероприятиях Бориса Федоровича Годунова в Москве и интересующий нас сюжет передается следующим образом: «Того же году зделаны зубцы каменные по рву кругом Кремля-города, где львы сидели...» [см.: 6, с. 202].

работы Штадена над «Записками»). Раннюю дату можно сместить чуть дальше, а именно к 1553 г., когда в Москву прибыл посол шаха Тахмаспа – Сейиид-Хусейн [9, прим. 256, с. 51]. В принципе, возможны и другие датировки дарения слона царю. Однако надо учитывать, что после посольства Сейиид-Хусейна русско-иранские контакты имели опосредованный характер. В этих контактах играли значительную роль агенты Московской компании и ширванский правитель Абдулла-хан устаджлу [4, с. 448–449, сноска 21]. Впрочем, и английские, и русские источники хранят молчание о дарах, соответственно, и слон попадает под действие «практики умолчания». Следовательно, дальнейшая конкретизация хронологии прибытия слона в Москву на данный момент затруднена в виду отсутствия источников. Однако нижняя граница пребывания его в царствующем граде может быть уточнена. Г. Штаден упоминает, что слон находился около двойных ворот по соседству с парой львов [7, с. 63]. Этих львов Ивану Грозному подарила английская королева Мария Тюдор [1, с. 63–64, 66]. После пожара 1571 г. несчастных животных нашли погибшими, но о слоне бывший опричник не упоминает [7, с. 69], следовательно, можно предположить, что Москву он покинул до этих событий.

Таким образом, хронология пребывания слона в Русском государстве может быть следующей: не ранее 1553 г. и до 1571 г.

Вопрос о личности дарителя слона Ивану Грозному не является праздным. Учитывая отсутствие документов, подробно рассматривающих этот сюжет, в литературе существует ряд альтернативных мнений. Рассмотрим одно из них. Л.А. Юзефович в книге, посвященной посольскому церемониалу Русского государства XVI–XVII веков, упоминает, что слон был подарен Ивану Грозному персидским шахом Аббасом I [10, с. 118]. Однако это, несомненно, ошибка: дело в том, что шах Аббас вззошел на престол в 1587 году [11, с. 187], то есть уже после смерти царя Ивана Васильевича. Следовательно, Аббас не мог подарить царю слона.

Отказавшись от версии с дарением Аббасом слона, мы не даем окончательного ответа на заданный вопрос. Дело осложняется тем, что, несмотря на убежденность комментаторов «Записок» Г. Штадена, в факте дарения слона шахом Тахмаспом, сам немец-опричник об этом умалчивает. Более того, он пишет, что слон был «из Аравии» [7, с. 63]. Подобное указание не является точным географическим определением источника подарка, так как Аравия в то время не

была государством, и, соответственно, в дипломатических отношениях не участвовала. Аравийский полуостров большей частью входил в состав Османской империи, русско-турецкие связи довольно хорошо документированы и в этих материалах дарение слона русскому царю не фигурирует. Более того, реальность аравийского слона близка нулю, так как к этому времени на Аравийском полуострове живых слонов не было [12, с. 152–160]¹. Следовательно, «иранский след» в дарении слона можно признать основным, вместе с тем личность донатора не поддается однозначной интерпретации. Объяснение этому кроется в специфике раннего этапа русско-иранских отношений. Впервые иранское посольство посетило Москву в 1553 году. Сообщение об этом нашло отражение даже не во всех летописных памятниках, а те, что все-таки упоминают об этом, делают это в лапидарной манере и информации о дарах не имеют [9, с. 51, прим. 256]. Дополнительным затруднением является тот факт, что посольских книг (и других дипломатических документов) по отношениям Русского государства и Сефевидского Ирана от этого времени не сохранилось [4, с. 444–450].

Позднее шах Тахмасп, опасаясь дальнейшего ухудшения ирано-турецких отношений, старался уклониться от возможных конфликтных ситуаций, которыми грозили как раз связи с Россией [13, с. 27, 29]. Именно поэтому на долгое время русско-иранские отношения олицетворял ширванский правитель Абдулла-хан устаджлу [4, с. 448–449, прим. 21]. С другой стороны, в России тоже не спешили развивать отношения с казвинским двором: русский посланник к шаху был направлен только в 1569 г. [9, с. 78], в целом же эти отношения со стороны Москвы поддерживались так же через опосредованных лиц, а именно, купцов английской Московской компании [14, с. 241, 254, 257]. Очевидно, что обе страны относились к взаимным контактам в определенной степени насторожено, все это, в принципе, характерно для начального этапа отношений. Главное же, что в итоге обмен дарами между дворами на этом этапе не отразился в источниках. Таким образом, персона донатора не может быть установлена с исчерпывающей убедительностью, но как рабочую гипотезу можно принять версию о дарении слона Ивану Грозному шахом Тахмаспом.

¹ Благодарю Е.Н. Машенко за любезную консультацию об ареале обитания слонов в эпоху Средневековья.

Не менее интригующим вопросом является вопрос о судьбе слона, как его использовали в Москве. Ответ на него кроется в самой практике использования посольских подарков. Дипломатические дары играли определенную роль в репрезентации власти: с одной стороны они подчеркивали роль донатора [см.: 3, с. 48], с другой указывали на место в мировой иерархии получателя дара. Просто говоря, деньги как объект дарения являлись унижением для одариваемого, придавая самому подарку оттенок непаритетных отношений. И наоборот, ряд подарков могли актуализировать представления одариваемого о своей выдающейся роли¹. Таким образом, от одних даров отказывались, а другими, напротив, гордились и стремились к их широкой манифестации перед подданным и послами других держав. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует следующий факт: дары, привезенные А. Поссевино, сначала прошли «цензуру» Ивана Грозного и лишь затем были показаны придворным [см.: 15, с. 200].

В связи с этим возникает вопрос: какое место в подобной «иерархии даров» занимал слон? Ответ на него можно дать, только если учитывать следующее: скрывали его или, напротив, выставляли. И Г. Штаден, и П. Одеборн отвечают на него однозначно: слон был предметом экспонирования. Более того, немец-опричник указывает место, где выставляли диковинный подарок шаха Тахмаспа: «Ворота эти двойные. [Около них] во рву под стенами находились львы... У этих же ворот стоял слон...» [7, с. 63]. Расположение ворот позволяет уточнить следующее сообщение Штадена. Описывая пожар 1571 г., автор касается судьбы тех самых львов, по его словам их нашли мертвыми на торгу [7, с. 69]. Торгом в те времена называли современную Красную площадь, следовательно, искомые ворота должны были выходить именно на нее. Таких ворот в Москве было немного. Кремлевские: Никольские, Фроловские (Спасские) и Константино-Еленинские. Китайгородские: Москворецкие и Неглименские (Воскресенские). Из перечисленных выше только китайгородские Москворецкие и Неглименские ворота были двупроездными. Городская топонимика лишь за Неглименскими воротами сохранила еще одно название – *Львиные* или у *Львицы* [16, с. 70]. Это название регистрируется весьма рано, в начале XVII столетия [17, с. 89, сн. 172,

¹ Впрочем надо помнить, что подобные контексты были культурно обусловлены и один и тот же предмет в различных культурно-исторических реалиях мог быть прочитан по-разному.

с. 146]. Таким образом, слон был выставлен на обозрение за Воскресенскими воротами, в довольно оживленном месте. Все это указывает на то, что подарок шаха воспринимался царем как статусный и имеющий довольно большое значение¹. Продолжая наши рассуждения, можно сделать осторожное предположение, что в это время за Неглименскими (Воскресенскими) воротами сложился своего рода зоопарк, который, не исключено, играл определенную роль в репрезентации царской власти. Более того, этот «зоопарк» сохранился и позднее. В конце 1599 г. его показывали персидским послам, среди которых был Орудж-бек баят оставивший записки. В своем сочинении он описал зверинец следующим образом: «Нам также показали огромную клетку с дикими зверями: среди других там был лев, громадный как лошадь, чья грива падала по обе стороны его шеи...». Из последующего описания прогулки персидских послов становится очевидным, что происходила она на современной Красной площади [18, с. 159]. Это сообщение ценно не только подтверждением факта наличия в Москве в то время зоопарка, но и его репрезентационного характера. Итак, мы подходим к заключительному вопросу, ответ на который может подтвердить наше суждение о репрезентационном характере экспонирования слона, а именно как использовали этот экзотический подарок в Москве Ивана Грозного.

К сожалению здесь Г. Штаден нам не поможет. Дело в том, что автор-авантюрист рассказывает казус о слоне в двух контекстах. Первый: «чумные опасения» горожан, второй – орография Кремля и Китай-города. Ясно, что и первый и второй контексты не затрагивают церемониальных аспектов слоновья бытия. Здесь на авансцену выходит «Памфлет» немецкого пастора Пауля Одеборна. В науке за этим сочинением закрепилась достаточно скептическая оценка. Не в последнюю очередь в этом сыграли задачи текста Одеборна, написанного в 1584 г., сразу после смерти Грозного и изданного уже в 1585 году. Сочинение было направлено на девальвацию образа первого русского царя. В своем труде немецкий пастор исходил из идей генетической преемственности жестокости и злодейства [19, с. 50–51]. Кроме этого, сочинение Одеборна, лично в России не бывавшего, основывалась на источниках, которые И.И. Полосин характеризовал как политические слухи и сплетни [8, с. 195,

¹Мнение Л. Юзефовича о размещении слона у Троицких ворот [10, с. 118] можно признать ошибочным: дело в том, что о наличии торгового за этими воротами данных нет, и его построения противоречат источникам, рассмотренным в тексте.

200, 203]. Лишь недавно исследователям удалось несколько конкретизировать представления об источниковой базе «Памфлета» П. Одеборна. Среди них как устные рассказы, так и письменные сообщения С. Герберштейна, Н. Меховского, А. Поссевино и ряда других авторов [19, с. 49–58; 20, с. 60].

Впрочем, все эти штудии не изменили коренной оценки сочинения П. Одеборна, и новейшая исследовательница этого нарратива А.Л. Хорошкевич отметила, что труд пастора – «зеркало того сумбура в общественном мнении Речи Посполитой, который царил вскоре после окончания Ливонской войны» [19, с. 57]. Таким образом, прибегать к сведениям П. Одеборна необходимо с известной осторожностью.

Пастор о слоне сообщает следующее (в изложении И.И. Полосина): животное должно было обучаться придворному церемониалу, а именно, вставать перед царем на колени [8, с. 211]. Соответственно, для Одеборна (оставим изыскания о достоверности этого сообщения в стороне) роль слона в придворном церемониале, а, следовательно, и репрезентации царской власти, очевидна. Учитывая изложенное выше о месте экспонирования слона, можно предположить, что репрезентационная сторона в этой истории имела место, но в том ли виде, как это сообщает Одеборн, сказать определенно сложно.

Впрочем, какие бы планы на животное не имело царское правительство, судьба его оказалась трагичной. То ли из-за неправильной дрессуры [8, с. 211], то ли из-за опасений чумы [7, с. 51], слон попал в немилость. По данным П. Одеборна его сразу убили, по сообщению Г. Штадена сначала сослали в «посад Городецкий», а затем убили.

Это последнее сообщение заслуживает особого внимания, так как оно очень хорошо соответствует и тому значению, которое придавали слону в Москве и самой политической системе Русского государства того времени. Следовательно, необходимо выяснить, что это за «посад Городецкий». К сожалению, однозначного ответа нет. И.И. Полосин локализовал его в Бежецком уезде [8, с. 169]. Это суждение опирается на атрибуции г. Бежецка – Городцу средневековых документов [21, с. 20; 22, с. 100; 23, с. 551]. Однако Бежецк как место ссылки слона выглядит сомнительно, так как местное предание, отраженное в «Хронологионе» Петра Воинова, об этом факте ничего не знает, да и само правление Ивана Грозного в этом источнике отражено весьма скудно [21, с. 20]. Также необходимо учитывать, что Бежецк называли Городцом до правления Ивана III [22, с. 100].

Другую локализацию предложили комментаторы новейшего издания «Записок» Г. Штадена. По их мнению, это Городец, в XVI веке – посад Звенигорода [5, сн. 17об.-5 с. 218]. В основе подобной локализации лежат следующие суждения комментатора. Первое – близость Звенигорода к столице, второе – сюда «отправляли пленных ханов». Однако соглашаясь с первым доводом, со вторым согласиться сложно. Абд ал-Летиф проживавший некоторое время в Звенигороде пленником не был. Абд ал-Летиф, брат Мухаммад-Эмина, выехал в январе 1493 года в Россию и, как сообщают летописи, был пожалован Звенигородом с пошлинами [24, с. 211; 25, с. 162; 26, с. 39; 27, с. 158, 323]. По справедливому замечанию С.Н. Кистерева в основе этого пожалования лежала традиция. Так, в середине XV века здесь размещался царевич Касим со своим отрядом, здесь же находились большие массивы земель «численных людей» [см.: 28, с. 136; 29, с. 71]. Подобная практика сохранялась и позднее: в 1552 г. Звенигородом был пожалован вернувшийся после мытарств в степи претендент на астраханский престол хан Дервиш-Али [30, с. 495]. Для ссылки ханов использовались города более удаленные от Москвы. Так, казанский хан Али, плененный в 1487 году, был сослан в Вологду, члены его семьи – в Карголом [31, с. 68; 32, с. 565]. Тот же Абд ал-Летиф, после ареста по распоряжению Ивана III в 1502 г., не вернулся в Звенигород, а содержался в Кремле на особом подворье в качестве почетного пленника [29, с. 73]. Шах-Али, попавший в опалу по подозрению в измене, отправлен на Белоозеро [33, с. 67, 88]. В целом, Звенигород входил в число городов, которыми жаловали выезжих Чингизидов, но не ссылали.

Соответственно объяснение того, что в «Записках» Штадена понималось под посадом Городецким (или Городки) с помощью утверждения, что в Звенигород ссылали пленных ханов принять нельзя. Более того, возможна еще одна локализация этого населенного пункта. Не исключено, что это Городец Радилов на Волге¹. Этот город был основан во 2-й пол. XII века как крепость и военная база Ростово-Суздальской земли на ее восточных границах. На рубеже XIV–XV веков укрепления Городца были разрушены (наиболее очевидной причиной можно считать нашествие ордынского эмира Эдиге в 1408 г.) и более не восстанавливались, к XVI в. от него остался лишь посад, постепенно деградирующий в село. Об этом факте наглядно свидетельствует мощность культурного слоя по-

¹ Благодарю А.В. Кузьмина, обратившего мое внимание на этот факт.

селения XV–XX вв. не превышавшая 10–15 см, что говорит о неактивной заселенности этого места¹ [34, с. 158, 160–161, 163, 164]. Не последнее место в снижении значения Городца Радилова, до того игравшего заметную роль, имел перенос центра княжества из него в Нижний Новгород в 1311 году [35, с. 90, 91, 94–95, 107, 119, 206, 209, 211]. Дополнительным аргументом в пользу Городца на Волге может быть, то, что умертвить слона посланный дворянин должен был «...при помощи [крестьян] окрестных сох (*Schigen*) и посадских (*Burger*)» [7, с. 51]. Ситуация с фигурантами убийства слона больше подходит для дворцовой волости, чем для того же Звенигорода с его развитым поместным и вотчинным землевладением. Городец же на Волге как раз и примыкал к дворцовой Городецкой волости [23, с. 599]. Показательно, что городецкие земли в конце 40-х гг. XV в. перешли к князю Ивану Васильевичу Горбатуму, административный центр удела переместился в Юрьевец, после введения опричнины и казни князя Александра Горбатого городецкие земли перешли в опричнину [36, с. 39–41]. Последнее обстоятельство, как кажется, может служить дополнительным доводом в пользу Городца Радилова как места ссылки слона.

Таким образом, в Москве при Иване Грозном сложился своего рода зоопарк, выполнявший репрезентационные функции, направленные, вероятно, не только на иностранных наблюдателей, но и местное население. Самым экзотичным его представителем был слон. Время нахождения животного в Москве довольно сложно уточнить, пока возможно указать лишь довольно широкие рамки от 1553 года и до пожара 1571 года. Впрочем, учитывая, что городская топонимика факт этот не запечатлела, можно предположить, что было оно довольно кратким. По крайней мере, львы, дважды жившие в царствующем граде, оставили более сильное, даже неизгладимое впечатление у москвичей. Уточнение места ссылки слона также достаточно затруднено. На данный момент, отбросив Бежецк, из-за его большой удаленности от столицы и все-таки северное расположение, осталось два кандидата – Звенигород и Городец на Волге. В пользу первого говорит – близость к Москве, в пользу второго – характер описания места последнего акта драмы о слоне «Записок» Штадена.

¹ Благодарю Г.Л. Новикову за любезную консультацию по значению мощности культурного слоя рассматриваемого поселения.

Заклячая эту небольшую работу, хотелось бы отметить, что со второй половины XVI века московские идеологии находят новую форму утверждения величия царской власти, а именно экспонирование редких, диковинных животных. Для этого было избрано оживленное место, мимо которого прошел бы редкий горожанин или иностранец, а именно угол за Неглименскими воротами между Никольскими воротами и Собакиной (ныне Угловой Арсенальной) башней. Эта форма представления идеи о величии царя для окружающих оказалась довольно удачной ввиду ее транспарентности, иначе говоря – ясности для зрителя, и не нуждающейся в дополнительном разъяснении, в результате чего от нее не отказались и позднее, после смерти Ивана Грозного.

Список литературы

1. Гамель, И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях / И.Х. Гамель – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. Статья первая. – С. 1–179.
2. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией / Изд. под руководством Н.И. Веселовского. – СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. – Т. II. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. – 447 с.
3. Загородняя, И.А. Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенности / И.А. Загородняя // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Тезисы докладов. – М., 2006. – С. 46–48.
4. Новосельцев, А.П. Русско-иранские отношения во второй половине XVI в. / А.П. Новосельцев // Международные связи России до XVII в. Сб. статей. – М.: АН СССР, 1961. – С. 444–461.
5. Штаден, Г. Записки о Московии / Г. Штаден. М.: Древлехранилище, 2009. – Т. II. Статьи и комментарии. – 476 с.
6. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы – М.: Наука, 1978. – С. 31–220.
7. Штаден, Г. Записки немца-опричника / Сост. и комментарии к.и.н. С.Ю. Шокарева. – М.: РОССПЭН, 2002. – 240 с.
8. Полосин, И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. / И.И. Полосин – М.: АН СССР, 1963. – 384 с.
9. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин – М.: Книга, 1989. – Кн. III. Т. IX. – (Репринтное воспроизведение издания Н. Эрлинга. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1843). – Стб. 1–280.
10. Юзефович, Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. Юзефович – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2007. – 344 с.
11. Лэн-Пуль, С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / С. Лэн-Пуль – М.: Муравей, 2004. – 311 с.
12. Машенко, Е.Н. Слоны и люди: драматическая история / Е.Н. Машенко // Наука и жизнь. – 2009. – № 12. – С. 152–160.

13. Гусейн, Ф.А. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг. по материалам трудов османского летописца Ибрахима Рахимизаде / Ф.А. Гусейн – Баку: «Нурлан», 2005. – 216 с.
14. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Рязань: Александрия, 2007. – 400 с.
15. Московское посольство // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве: [сборник] / Сост. и предисл. И.В. Курукина, пер. с нем. С.П. Гиждеу, пер. с лат. Л.Н. Годовиковой. – М.: Аграф, 2005. – 256 с.
16. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. М., 1950. Т. I. 1147–1762 / П.В. Сытин (Труды музея истории и реконструкции Москвы / под общ. ред. Ф.И. Салова). – М., 1950. – Вып. I. – 415 с.
17. Мархоцкий, Н. История Московской войны / Подготовка публикации, перевод, вводная статья, комментарии Е. Кукушиной. М.: РОССПЭН, 2000. – 223 с.
18. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского / Пер. с англ., введ., коммент. и указ. О. Эфендиева, А. Фарзалиева. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2007. – 211 с.
19. Хорошкевич, А.Л. Иван III и его потомки в представлении Пауля Одеборна: источники памфлета и историческая память / А.Л. Хорошкевич // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. – С. 49–58.
20. Mund, S. Ivan III, man and a ruler in early modern western European writings (late 15th – early 16th century) / S. Mund // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. – С. 59–75.
21. Попов, Н. Исторические заметки о Бежецком Верху XVII и XVIII веков / Н. Попов // Чтения в обществе истории древней России. – М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1882. Кн. III: июль – сентябрь 1881. – С. 2–74.
22. Любавский, М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра / М.К. Любавский. – М.: АН СССР, 1929. – 175 с.
23. Готье, Ю. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования экономического быта Московской Руси / Ю. Готье. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. – 306 с.
24. ПСРЛ. – Т. XXIV: Типографская летопись – Пг.: 2-ая Государственная типография, 1921. – 271 с.
25. ПСРЛ. – Т. IV: Новгородские и псковские летописи – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – 363 с.
26. ПСРЛ. – Т. VI: Софийские летописи – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – 360 с.
27. ПСРЛ. – Т. XXVIII: Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) – М.-Л.: АН СССР, 1963. – 411 с.
28. Зимин, А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. / А. А. Зимин – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
29. Кистерев, С.Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий / С.Н. Кистерев // Звенигород за шесть столетий. Сборник статей. – М., 1998. С. 65–88.
30. Моисеев, М.В. Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке / М.В. Моисеев // Иноземцы в России XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 484–504.
31. Соловьев, С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев – М.: Мысль, 1989. – 783 с.
32. Худяков, М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / М.Г. Худяков // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М.: Инсан, 1996. – С. 531–758.

33. ПСРЛ – Т. XIII: Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью – М.: Языки русской культуры, 2000. – 544 с.

34. Медведев, А.Ф. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге / А.Ф. Медведев // Культура Древней Руси. – М.: Наука, 1966. – С. 158–167.

35. Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / В.А. Кучкин. – М.: Наука, 1984. – 348 с.

36. Чеченков, П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления / П.В. Чеченков. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. – 140 с.

Дзярновіч А. І.

“НЕВЯДОМЫ СТРЫЙКОЎСКИ”: ГІСТОРЫЯ РУКАПІСУ ПАЭМЫ “БІТВА ПАД УЛАЙ” (1564) СА ЗБОРАЎ ПУШКІНСКАГА ДОМУ Ў САНКТ-ПЕЦЯРБУРЗЕ¹

Для гістарыяграфіі і гісторыі ідэй у Вялікім Княстве Літоўскім XVI ст. постаць Мацея Стрыйкоўскага ўяўляецца знакавай. Паляк з паходжання, а нарадзіўся ён у 1547 г. у Стрыкава Ленчыцкага ваяводства (у сённяшніх геаграфічных рэаліях – каля Лодзі), у шаснаццацігадовым узросце Стрыйкоўскі апынуўся ў Вялікім Княстве, дзе яму давялося не проста спазнаць шмат якія павароты лёсу, але і скончыць свой зямны шлях, што адбылося ў 1590 г. Найперш на сваёй новай Радзіме ён стаў прафесійным вайскоўцам, служыў ў Віцебскім гарнізоне, а таксама рыскуном (разведчыкам) на маскоўскай мяжы [54, с. 13–98]. Было нешта нязвычайнае ў гэтым чалавеку, бо старыя княскія роды і магнатэрыя Вялікага Княства ахвотна набліжала да сябе маладога паляка, які меў ужо немалы вайсковы досвед, а да таго ж атрымаў пэўнаю адукацыю. Невядома, каб Стрыйкоўскі вучыўся ва ўніверсітэце, але ў 1561 г. ён скончыў парафіяльную школу ў Бжэзінах і, у прыватнасці, валодаў тым базавым узроўнем ведаў ды навыкаў, якія нават і ў XVI ст. былі прывілеяй зусім нешматлікай часткі насельніцтва. Як бы то ні было, у розныя часы Мацей Стрыйкоўскі ўваходзіў у блізкае атачэнне такіх сваіх “хлебадаўцаў”, як слуцкія князі Алелькавічы (1576–1578), а ў далейшым – жамойцкага біскупа Мельхіёра Гедройца, з дапамогай якога ў 1579 г. ён і атрымаў сваю апошнюю пасаду жамойцкага каноніка.

Апублікаваня творы Стрыйкоўскага

Для нас жа найбольш важнае тое, што Стрыйкоўскі стаў аўтарам першай друкаванай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага – “Kronika polska, litewska, zmuudzka i wszystkiej Rusi” [51], якая ўпершыню выйшла з друку ў Каралеўцы ў 1582 г. На працягу XVIII–XX стст. прагучала шмат розных выказванняў на адрас Стрыйкоўскага як

¹ Архіўная праца па тэме артыкула стала магчымай дзякуючы падтрымцы Музея Гісторыі Польшчы (Muzeum Historii Polski).

Иллюстрация 1. Портрет Мацея Стрыйкоўскага ў кенігсбергскім выданні “Хроніцы Польшчы, Літвы, Жамойці і ўсёй Русі” (1582). Змяшчэнне аўтарамі ўласных партрэтаў у сваіх выданнях – рыса рэнесанснай культуры

гістарыёграфу – з аднаго боку, як піша Альбіна Семянчук, адзначаюцца ягоная эрудыцыя і навізна падыходаў да матэрыялу; з іншага боку, яго дакаралі ў кампілятыўнасці, схільнасці да містыфікацыяў і проста ў заблытванні некаторых фактаў. Менавіта гэты твор ацэньваецца як удалая кампіляцыя іншых хронік, найперш Яна Длугаша і Мацея Мехавіты. Але, аб’ектыўна, Мацей Стрыйкоўскі выканаў для Вялікага Княства Літоўскага працу вартую той, што ў свой час зрабіў Ян Длугаш для Польшчы [30, с. 69].

Першым жа друкаваным творам Стрыйкоўскага была генеалагічная паэма “Goniec spoty”, прысвечаная валадарам Польшчы і ВКЛ [48]. Як і “Goniec spoty” таксама ў Кракаве быў апублікаваны яшчэ адзін гістарычны твор Стрыйкоўскага – “O wolności Korony Polskiej, y Wielkiego Xięstwa Litewskiego” [53].

Але творчая спадчына гістарыёграфу не абмежаваная толькі ягонымі прыжыццёвымі выданнямі. І ўжо апублікаваныя творы, і рукапісы Стрыйкоўскага выклікалі нязменную цікавасць выдаўцоў і публікі. Ужо ў першай палове XVII ст. у Любчы быў апублікаваны фрагмент з “Ганца цноты” пад назвай “Genealogia albo krotkie opisanie wielkich książąt litewskich” [47]. Ужо ў другой палове XVIII ст. з’явілася перавыданне “Хронікі” [49], а ў сярэдзіне XIX ст. выйшла з друку выданне “Хронікі” Стрыйкоўскага, да якога і сёння найчасцей звяртаюцца даследчыкі [50].

Але зусім не ўся спадчына Стрыйкоўскага была даступна да XX ст. У 1978 г. польская даследчыца Юлія Радзішэўская паводле рукапісу апублікавала яшчэ адну працу гістарыёграфу – “O początkach” [52]. Гэты твор быў напісаны ў 1577 г., яшчэ да “Хронікі”, у форме эпічнай паэмы з праяўнымі ўстаўкамі. Твор “Пра пачаткі” прысвечаны ўласна гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і, як адзначаюць даследчыкі, паводле зместу ў значнай ступені перагукаецца з “Хронікай Быхайца”. Гэтае назіранне вельмі важнае, бо можа пацвердзіць аўтэнтычнасць рукапісу, апублікаванага ў 1846 г. Тэадорам Нарбутам. Але сярод творчай спадчыны Мацея Стрыйкоўскага ёсць адзін твор, знаходжанне якога працяглы час заставалася невядомым, і вакол якога ў XIX ст. узніклі легенды, якія працягвалі цыркуляваць сярод спецыялістаў і публікі яшчэ і ў XX ст.

Мова ідзе пра рукапіс аднаго з найбольш ранніх твораў Стрыйкоўскага – паэмы “Бітва пад Улай” – які патрапіў у т.зв. “калекцыю Анацэвіча” і сёння захоўваецца ў фондзе ў зборах

Института Российской Литературы (Пушкинским Доме) РАН у Санкт-Пецябурзе.

Ігнат Анацэвіч як збіральнік рукапісаў

Трэба адзначыць, што постаць самога збіральніка старажытнасцяў Ігната Анацэвіча (1780–1845) зусім неардынарная. Гэты ўраджэнец Малой Бераставіцы атрымаў адукацыю ў Каралевецкім (Кёнігсбергскім, 1803–1805) і Віленскім (1813) універсітэтах, а з 1818 г. выкладаў у Віленскім універсітэце, дзе яму здаваў іспыт Адам Міцкевіч (1798–1855), а лекцыі наведваў Юліюш Славацкі (1809–1849). Але Анацэвіч здабыў славу не столькі ўласна гісторыка, колькі архівіста і археографа. Праўдападобна, што ў вялікай ступені на развіццё інтарэсаў да архіваліяў паўплывала азнаямленне Анацэвіча са зборамі Мікалая Румянцава (1754–1826) – у 1809–1810 гг. каля году правёў Анацэвіч у Гомелі ў палацы Румянцава, разбіраючы рукапісы і занатоўваючы змест важных дакументаў. А там захоўваліся, у тым ліку, найкаштоўнейшыя матэрыялы па гісторыі Вялікага Княства XV–XVII стст. [20, с. 64–68.]. У далейшым, жывучы ў Вільні, Анацэвіч працягваў супрацоўніцтва з Румянцавым [19, с. 40–41.].

Пасля ад'езду ў 1818 г. вядомага віленскага гісторыка Іаахіма Лялевеля (1786–1861) у Варшаву, Анацэвіч быў запрошаны заняць ягонае месца ва ўніверсітэце, дзе ён і служыў па 1828 г., спачатку як ад'юнкт (асістэнт прафесара), а з 1827 г. як прафесар. Паводле штатнай пасады Ігнат Анацэвіч выкладаў усеагульную гісторыю, але найбольшую славу прынес гісторыку ўпершыню ўведзены і чытаны ім бясплатна курс гісторыі Літвы. У далейшым некаторыя свае погляды на гісторыю Вялікага Княства Літоўскага Ігнат Анацэвіч выклаў у суправаджальных тэкстах [43, с. I–XXI] у падрыхтаваных ім да выданняў працах польскага гісторыка і езуіта Яна Альбертрандзі (1731–1808), бібліятэкара і архівіста караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага. У 1820-х гг. Анацэвіч апублікаваў два маштабныя творы Альбертрандзі – па перыядах каралевання Генрыха Валуа і Стэфана Баторыя [37], а таксама Казіміра Ягелончыка, Яна Альбрэхта і Аляксандра Ягелончыка [38]. Для гэтага выдавецкага праекта рукапісы Альбертрандзі Віленскі ўніверсітэт часткова атрымаў задарма, а часткова набыў [10, с. 181].

Ілюстрацыя 2. Ігнат Жэгота Анацэвіч. Партрэт выкананы В. Радзігам паводле малюнка К. Жукоўскага. Апублікаваны пасля смерці Анацэвіча ў пецябуржскім выданні “Rocznik Literacki” (1846, Т. 3). Як пішуць С. Габрусевіч і С. Марозава: “Перад намі фізічна моцны чалавек. Гэтая моц ірвецца вонкі так, што яе з вялікай цяжкасцю ўтрымлівае верхні гузік сурдута. Твар прыгожы і разумны, у поглядзе адкрытасць і цвёрдасць”.

Але ад універсітэцкіх уладаў яму ўдавалася, не без цяжкасцяў, атрымаць грошы на археаграфічныя экспедыцыі. У ліпені-жніўні 1822 г. архівіст знаёміўся з манастырскімі і радавымі магнацкімі зборамі і, што важна, рабіў публічныя справаздачы па выніках сваіх пошукаў [29, с. 474–485; 9, с. 175–180]. Ужо тады віленскі архівіст шукаў слядоў дзейнасці Стрыйкоўскага: “У Вялікай Бераставіцы я не знайшоў тых хронік, якімі карыстаўся Стрыйкоўскі, калі князі Заслаўскія валодалі гэтым маёнткам” [9, с. 180].

Анацэвіч не толькі выяўляў і вывучаў рукапісы, але і набываў іх. Як гэта, напрыклад, было зроблена ім у 1822 г. у Адама Храптовіча (1768–1844) [29, с. 476]. У 1826 г. зноў здзейсніў сваю археаграфічную выправу і вядома, што ў царкоўных і манастырскіх архівах ён набываў рукапісы. Сваім археаграфічным экспедыцыям Анацэвіч надаваў вялікае значэнне. Уласную навуковую выправу ў Каралевец (Кёнігсберг), адкуль віленскі гісторык прывёз некалькі сшыткаў выпісак, Анацэвіч параўноўваў з падарожжам Язона ў Калхіду і меркаваў, што мэта ягонага ўласнага падарожжа “непараўнаўча больш высакародная” [39, с. 114].

Важнымі памочнікамі Анацэвіча ў зборы рукапісаў былі ягоныя студэнты, на якіх універсітэцкі прафесар уплываў сваімі натхненнем і імплэтам. Вяртаючыся з летніх вакацый у Вільню, студэнты прывозілі для Анацэвіча рукапісы і кнігі.

Універсітэцкая кар’ера Ігнацыя Анацэвіча была перапынёная ў 1828 г. Два сюжэты сышліся ў тым фатальным для Анацэвіча годзе – раскрыццё таёмнага студэнцкага таварыства “*Племя сарматаў*”, да якога прафесар не меў прамога дачынення, але сярод удзельнікаў якога карыстаўся вялікім аўтарытэтам, і настойлівасць самога Анацэвіча ў расследаванні фінансавых злоўжыванняў універсітэцкай адміністрацыяй. У выніку Ігнацы Анацэвіч быў адхілены ад прафесарскай пасады, а пазней і сасланы на радзіму – у Малую Бераставіцу [14, с. 70–83]. Дайшло да судовага працэсу, але Гродзенскі гродскі суд, а затым Гродзенская крымінальная палата апраўдалі былога прафесара. Як раз у час працэсу ўласнай рэабілітацыі Анацэвіча, царскія ўлады вырашылі ліквідаваць Віленскі ўніверсітэт як асяродак вальнадумства. Усе гэтыя драматычныя падзеі выштурхоўвалі Анацэвіча з Радзімы.

Пазбаўлены магчымасці працы па прафесіі ў Вільні, ды шукаючы юрыдычнага апраўдання, Анацэвіч скіраваўся ў сталіцу Расійскай імперыі. Парадакслальным чынам гэтая паездка аказалася маг-

чымаю дзякуючы аб’ектыўнаму стаўленню да справы Анацэвіча ўплывовага шэфа жандараў графа Бенкендорфа, бо ягоны асабісты дазвол патрабаваўся, каб былі віленскі прафесар змог пакінуць, гэтым разам, Гродна. У 1834 г. Анацэвіч быў ужо ў Пецяярбурзе.

Пасля расцягнутага на два гады бюракратычнага працэсу Анацэвічу ўдалося атрымаць частковую рэабілітацыю Сената. Але цалкам расследаць ягоную справу было складана – Віленскі ўніверсітэт ужо не існаваў. З-за аддаленасці справы ў часе і памылак у разглядзе справы расійская адміністрацыя вызваліла Анацэвіча ад суда і следства. Залічыць жа тэрмін знаходжання пад судом за час службы і выдаць жалаванне адмовілася [14, с. 88]. Але і вяртацца Анацэвічу не было куды. У Пецяярбурзе жа ён знайшоў велізарныя сховішчы архіўных матэрыялаў, вывезеных з Рэчы Паспалітай.

Ужо ў 1834 г. паводле пратэкцыі Анацэвіч атрымаў пасаду ў толькі што створанай Археаграфічнай камісіі, а неўзабаве стаў адначасова памочнікам бібліятэкара Румянцаўскага музея. Трэба адзначыць, што Ігнат Анацэвіч не быў сапраўдным членам Археаграфічнай камісіі. Міністр народнай асветы граф Увараў дазволіў яму толькі ўдзельнічаць у падборцы матэрыялаў (25.10.1837 г.) [35, с. 34]. І гэты сюжэт мае ўжо непасрэдныя адносіны да тэмы рукапісу Стрыйкоўскага. Паводле задання Археаграфічнай камісіі Анацэвіч разбіраў рукапісы ў Публічнай бібліятэцы і бібліятэцы Генеральнага штаба. Менавіта ў гэтых установах апынуліся шматлікія матэрыялы з канфіскаваных збораў Чартарыйскіх у Пулавах і збораў Варшаўскага Таварыства Прыхільнікаў Навук. Але архіўныя матэрыялы з далучаных правінцый імперыі знаходзіліся ў сталіцы Расіі без належнага парадку і ўліку, што было прычынай цэлай чарады скандалаў.

У красавіку 1839 г. Анацэвіч атрымаў дазвол на разбор папер у бібліятэцы Генеральнага штабу, якія належалі раней Чацкаму, а пазней іх набыў Чартарыйскі. Гісторык адзначаў, што ў гэтай калекцыі, “паводле звестак, якія дайшлі да мяне, павінна было быць кардонаў лічбаю 232, у якіх было актаў з гакам тысяч каля 13, але іх... не знаходжу” [35, с. 35].

Але ўжо 22 снежня 1837 г. Анацэвіч страціў пасаду ў Археаграфічнай камісіі. Мікалай Улашчык звязвае гэтае рашэнне міністра народнай асветы з раскрыццём у 1838 г. падпольнай арганізацыі Шымона Канарскага, пасля чаго па Расійскай імперыі пракацілася хваля арыштаў удзельнікаў арганізацыі, а таксама

звальненне з дзяржаўнай службы асобаў каталіцкага веравызнання [35, с. 35]. Усё ж Анацэвіч захаваў працу ў Румянцаўскім музеі, дзе яго начальнікам быў вядомы расійскі філолаг Аляксандр Вастокаў (1781–1864). Той жа, ў сваю чаргу, меў пасады кансерватара манускрыптаў Публічнай бібліятэкі і захавальніка фонду рукапісаў Царскай бібліятэкі, ды няшмат часу мог прысвячаць Румянцаўскаму музею. Асноўныя функцыі там выконваў Анацэвіч.

Карыстаючыся ж поўным даверам Вастокава, Анацэвіч мог без абмежавання праглядаць рукапісы Царскай бібліятэкі, якія ў той час яшчэ не былі інвентарызаваныя [14, с. 90]. Неўпарадкаванасць архіва прывяла да старты многіх рукапісаў, што выявілася ў выніку рэвізіі 1834 г. Абвінавачаны ў празмернай даверлівасці Аляксандр Вастокаў атрымаў адстаўку. Спрабуючы ўмацаваць сваё падважнае становішча, Вастокаў звярнуўся да свайго былога памочніка Цярэшчанкі па кансультацыю. Цярэшчанку ж самога падазравалі ў продажы Румянцаўскаму музею кніг і рукапісаў больш чым на 20 000 рублёў. У пэўным сэнсе, спрабуючы выйсці з-пад удару, Цярэшчанка прапанаваў усталяваць таемны нагляд за кнігазборамі паэта і бібліяграфа Васіля Анастасевіча, Сабурава, паэта Мікалая Языкова, географа Пятра Кепена, а таксама Ігната Анацэвіча, які незадоўга да таго страціў працу і ў Румянцаўскім музеі [39, с. 98].

Расійскі даследчык Сяргей Нікалаеў, услед за Феліксам Пагарэцкім, сцвярджае – пры тым, што рукапісы траплялі да Анацэвіча ў розны час і рознымі шляхамі, асноўны фонд яго калекцыі сфармаваўся ў Пецябургскі перыяд дзейнасці збіральніка і архівіста, а менавіта з 1833 па 1845 гг. [27, с. 202–203].

Лёс калекцыі Анацэвіча ў другой палове XIX ст.

Мы не ведаем поўнага складу гэтай надзвычай багатай калекцыі. Апроч іншага, Анацэвіч сам падарыў некалькі рукапісаў вядомым гісторыкам свайго часу, частку перадаў у бібліятэкі, а перад сваёй смерцю пэўную колькасць кніг і рукапісаў уладальнік калекцыі разаслаў даследчыкам гісторыі і культуры былога Вялікага Княства Літоўскага, з некаторымі ён не быў нават знаёмы [27, с. 202–203]. Матэрыялы пра казацтва, якія ўтрымліваліся ў ягонай калекцыі, Анацэвіч перадаў вядомаму збіральніку К. Свідзінскаму [16, с. 1336]. У далейшым гэтыя матэрыялы патрапілі ў Бібліятэку Красінскіх ды загінулі ў Варшаве пад час Другой Сусветнай вайны.

Сам Ігнат Анацэвіч не склаў вопісу калекцыі. Незадоўга ж перад сваёй смерцю ён даручыў зрабіць падобны каталог Т. Макарэвічу. Смерць жа ўладальніка спыніла гэтую працу і быў складзены толькі ахоўны каталог, магчыма тым самым Макарэвічам [Рохорскі Т. 1. с. 415].

Пасля смерці Ігната Анацэвіча ў 1845 г. у яго не засталася прамых нашчадкаў, а справамі спадчыны займаўся пляменнік Вацлаў Анацэвіч. Пляменнік, напрыклад, прадаў частку рукапісаў прадстаўніку вядомага шляхецкага роду Слізняў, але пры перавозцы ў Гродзенскую губерні па неасцярожнасці яны згарэлі. У далейшым Вацлаў Анацэвіч неаднаразова спрабаваў прадаць калекцыю свайго дзядзькі, але не меў у гэтым значных поспехаў. Ён не мог прапанаваць матэрыялы калекцыі дзяржаўным установам Расіі, бо шляхі атрымання самім Ігнатам Анацэвічам падобных дакументаў былі падазронымі ці незразумелымі. Таксама бясплэннымі засталіся перамовы з Акадэміяй навук у Кракаве.

У сярэдзіне XIX ст. у польскай і расійскай прэсе яшчэ з'яўляецца інфармацыя і прыгадкі пра калекцыю [46, с. 406–407; 13, с. 660; 28, с. 1096], але ў далейшым знікаюць і яны. Праўда, у канцы XIX ст. Станіслаў Пташыцкі набыў тры дакументы з гэтай калекцыі і паведаміў у друку пра некаторыя іншыя [45, с. 220–246]. Альбіна Семянчук мяркуе, што ў гэтым жа зборы захоўваўся яшчэ адзін твор Мацея Стрыйкоўскага [31, с. 53], а менавіта “*Аб пачатках, вывадах, мужнасці, справах рыцарскіх і хатніх слаўнага народу літоўскага...*”, які быў апублікаваны Юліяй Радзішэўскай ужо ў 1978 г. [52]. А Вацлаў Анацэвіч пайшоў з жыцця ў 1898 г. і пасля гэтага лёс калекцыі Ігната Анацэвіча ўяўляўся многім даследчыкам досыць цьмянай.

Каталог Віктара Каліноўскага

Падобна, што з перадачай спадчыны звязанае таксама ўзнікненне каталога калекцыі, складзенага ў другой палове 1850-х гг. Віктарам Каліноўскім (1833–1862). Гэты архівіст – яшчэ адна каларытная асоба, звязаная з незвычайнай гісторыяй калекцыі. Віктар быў старэйшым братам Вікенція Канстанціна Каліноўскага, вядомага ў беларускай традыцыі як Кастусь Каліноўскі (1838–1864), аднаго з лідэраў антыцарскага паўстання 1863–1864 гг.

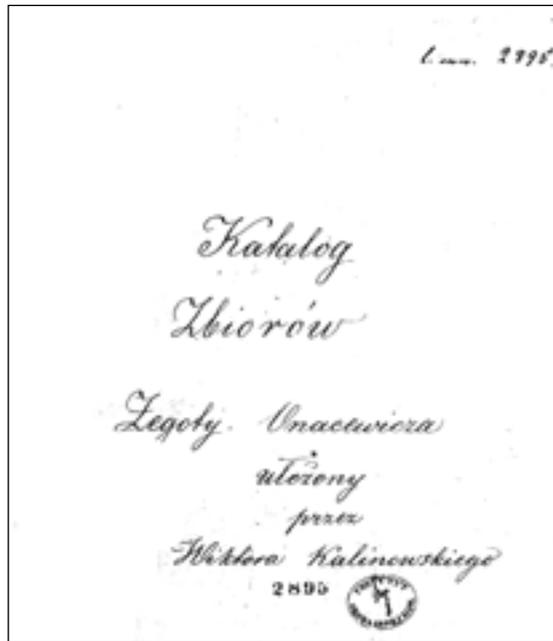

Иллюстрация 3. Першая старонка каталога Віктара Каліноўскага. Бібліятэка Нацыянальнага Цэнтра імя Асалінскіх (Уроцлаў). Руканіс 2895/II, арк. 1.

У 1852 г. Віктар Атон Каліноўскі паступіў на медычны факультэт Маскоўскага ўніверсітэта, але ўжо ў 1856 г. перабраўся ў Санкт-Пецярбург, дзе ўладкаваўся на працу ў Публічную бібліятэку [26, с. 208]. Вячаслаў Шалькевіч сцвярджае, што да пераезду Віктара Каліноўскага ў Пецярбург спрычынілася прапаноўва Адама Кіркора (1818–1886) выконваць у Пецярбурзе даручэнні Віленскай Археалагічнай камісіі. Найперш, гэта тычылася росшуку і падрыхтоўцы да публікацыі рукапісаў, якія маюць дачыненні да гісторыі былога Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы [36, с. 109, 111].

Было відавочна, што нягледзячы на адукацыю ў галіне натуральных навук, Віктар Каліноўскі быў захоплены айчыннай гісторыяй, але, да таго ж, валодаў кампетэнцыяй у пытаннях археаграфіі і крыніцазнаўства гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Слыжны

гісторык Мікалай Кастамараў (1817–1885), які на пэўным этапе стаў нават канкурэнтам Віктара Каліноўскага па ўладкаванню на працу ў Публічнай бібліятэцы, прыгадваў пазней: “...не здарылася ў жыцці бачыць чалавека, які так аддана захапляўся археаграфіяй і гісторыяй. Яго веды не ішлі далей Літвы і Польшчы, але затое яго можна было назваць хадзячым каталогам самых дробных звестак пра мінулы побыт гэтых краёў” [18, с. 259–260; беларускі пераклад цытаты паводле: 26, с. 208].

Вядома, што, калі Віктар Каліноўскі прыехаў у Пецярбург, бацькаў прыяцель пазнаёміў яго з гродзенцам, малодшым бібліятэкарам Публічнай бібліятэкі Антонам Іваноўскім, які ў той час займаўся складаннем каталогу польскамоўных кніг Імператарскай Публічнай бібліятэкі і наняў дзеля гэтага двух супрацоўнікаў. Як мяркую сучасны пецярбургскі даследчык Мікола Нікалаеў, адным з іх, верагодна, быў Віктар Каліноўскі [26, с. 209].

У Пецярбурзе Віктар Каліноўскі атрымаў доступ да найбагацейшых калекцый дакументаў па гісторыі свайго краю. У сваім прашэнні да дырэктара Імператарскай Публічнай бібліятэкі Мадэста Корфа (1800–1867), датаваным 6 снежня 1860 г., архівіст паведамляў, што на працягу некалькіх гадоў займаўся справаздачамі пра рукапісы бібліятэкі для Віленскай археалагічнай камісіі. А “цяпер жа, з нагоды даручэння мне на час работы ў Галоўным Маскоўскім архіве, я жадаў бы перадаць мае заняткі брату майму Вікенцію Каліноўскаму, кандыдату С.-Пецярбургскага ўніверсітэта” [17, с. 102].

Можна выказаць здагадку, што пад час працы ў Публічнай бібліятэцы ў другой палове 1850-х гг. Віктар Каліноўскі і пазнаёміўся з калекцыяй Ігната Анацэвіча, і тады ж склаў яе каталог. І вось тут, яшчэ ў пецярбургскі перыяд працы Віктара Каліноўскага, з’яўляецца новы сюжэт, важны для разумення далейшай гісторыі каталога Каліноўскага і звестак пра калекцыю Анацэвіча.

У 1857 г. у Пецярбург прыязджаў у той час супрацоўнік, а ў далейшым дырэктар Бібліятэкі Ossolineum у Львове Аўгуст Бялёўскі (1806–1876). Ossolineum быў заснаваны ў 1817 г. графам Юзафам Максіміліянам Асалінскім (1748–1826) адмыслова для збору кніг і рукапісных матэрыялаў па гісторыі даўняй Рэчы Паспалітай і сярэднявечнай Польшчы. Бібліятэка была дапоўнена кнігазборамі Любамірскіх, Скарбкаў, Сапегаў і ў 1827 г. расчыніла свае дзверы для наведвальнікаў. У Аўстра-Венгрыі таварыства Ossolineum стала цэнтрам даследаванняў гісторыі Польшчы і Рэчы Паспалітай уво-

гуле. Аўгуст Бялёўскі прыязджаў у Пецяярбург адмыслова, каб наведць Рукапісны аддзел Публічнай бібліятэкі. Тут ён і пазнаёміўся з апантаным даследчыкам Віктарам Каліноўскім [36, с. 111–112]. У далейшым гэтыя бібліяфілы і архівісты падтрымлівалі кантакт праз ліставанне, і ў лістападзе 1859 г. Віктар Каліноўскі нават прасіў Аўгуста Бялёўскага дапамагчы ў навуковых пошуках Мікалаю Кастамараву, які летам 1860 г. збіраўся наведаць Львоў [7; арк. 71–74; 17, с. 104–105].

Таму не выпадкова, што пасля смерці Віктара Каліноўскага каталог ягонай бібліятэкі і апісанне калекцыі рукапісаў патрапіў у Ossolineum [6; 5]. І самае галоўнае для нашай тэмы – туды ж трапіў і каталог калекцыі Ігната Анацэвіча, складзены Віктарам Каліноўскім [8].

Далейшы ж лёс львоўскага “Асалінэўма” і ягоных калекцый быў не просты. Пасля пераходу Львова і Галіцыі пад уладу СССР інстытут “Асалінэўм” быў зліквідаваны, захавалася толькі бібліятэка. Пад час нямецкай акупацыі бібліятэка “Асалінэўма” была перайменаваная ў Дзяржаўную бібліятэку ў Львове (*Staatsbibliothek Lemberg*), але частка кніжных збораў ужо тады пачалі перавозіць у сталіцу Генеральнага камісарыята – у Кракаў. Пасля заканчэння Другой Сусветнай вайны, у 1947 г. 70% фондаў “Асалінэўма” (217 тыс. адзінак захавання на двух чыгуначных саставах) былі перавезеныя ва Ўроцлаў, дзе і нанова адрадзілася Бібліятэка Нацыянальнага цэнтра ім. Асалінскіх (*Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich*). Тады ж, у 1947 г. 10 тыс. тамоў былі перададзены са Львова ў Бібліятэку АН СССР у Маскве. Перадача фондаў Польшчы не спынялася ўвесь пасляваенны час і апошнія матэрыялы былі вывезеныя толькі ў 1987 г.

Ва Ўроцлаве ж апынуліся і ўсе матэрыялы львоўскага “Асалінэўма”, звязаныя з дзейнасцю Віктара Каліноўскага, у тым ліку рукапісны каталог калекцыі Ігната Анацэвіча. Але яшчэ адзін варыянт гэтага каталога, толькі машынапісны на картках, захоўваецца ў Ягелонскай бібліятэцы ў Кракаве [2]. На гісторыі гэтага варыянта каталога трэба будзе спыніцца ніжэй. Што яшчэ важна – копіі абодвух каталогаў на мікрафільмах знаходзяцца таксама ў Адзеле мікраформаў Нацыянальнай бібліятэкі ў Варшаве [3; 4]. Рукапісны каталог мае памеры 21,5 x 26 см і ў ім утрымліваецца 319 пазіцый. Машынапісны каталог мае памеры карткаў 18,5 x 23 см і складаецца з 455 аркушаў (асобных старонак).

На арк. 1 машынапіснага варыянту каталогу маецца запіс: “lutego 1890, 24 odebrałem od JW Hr. Wł. Broel-Platera rękopism oprawny: Katalog Żegoty Onacewicza 4° wielkie kart 1–391 (wydział historyczny) i karty 1–53 (wydział map, gdzie niestaje 31, 33, 34, i 35) z obowiązkiem zwrotienia go o ręk własnych w całości i obliczenia kart przy zwrocie: do soboty 3 marca 1890”. Ніжэй жа знаходзіцца подпіс: “A. Brückner”. Яшчэ ніжэй алоўкам занатавана: “oddał”. Злева на маргінезе кракаўскага машынапіснага асобніка маецца яшчэ адзін важны запіс: „po zużytkowaniu proszę złożyć do Biblioteki Jagiellońskiej jako dar hr. Feliksa Platera”.

Такім чынам, мы ведаем, што ў канцы XIX ст. машынапісны каталог знаходзіўся ва ўласнасці графа Фелікса Броэль-Плятэра, які валодаў маёнткамі Бельмонты і Опса пад Браславам. Менавіта ў Плятэраў пазычаў каталог вядомы польскі гісторык літаратуры і мовазнаўца Аляксандр Брукнер (1856–1939). І таксама зразумела, што ў Кракаў каталог, як дар Ягелонскай бібліятэцы, перадаў Фелікс Броэль-Плятэр.

Але храналагічна паміж гэтымі двума запісамі, таксама на першай старонцы, знаходзіцца яшчэ адзін запіс, зроблены яшчэ адной сьлянянай асобай, гісторыкам і даследчыкам Метрыкі ВКЛ Станіславам Пташыцкім (1853–1933). Запіс паведамляе, што арыгінал каталога вернуты Аляксандрам Брукнерам і “знаходзіцца сёння ў бібліятэцы графа Фелікса Броэль-Плятэра ў Бельмонтах Ковенскай губерні, Браслаўскага павету. Гэтая копія зробленая па просьбе графа Фелікса для публічнага ўжытку. Хто зрабіў гэты каталог, дагэтуль невядома. Увесь збор Анацэвіча я асабіста аглядаў ў Пецяярбурзе. Дзе ляжыць цяпер, не ведаю. Станіслаў Пташыцкі. Пецяярбург 10.XII(27.XI)[1]1913”.

Такім чынам, робіцца зразумелым, што Пташыцкі ведаў пра існаванне яшчэ аднаго асобніка каталога, хутчэй за ўсё рукапіснага, які ён называе “арыгіналам” Броэль-Плятэраў. Відавочна, што гэта не той рукапісны каталог, які патрапіў у “Асалінэўм”, бо на першым аркушы таго каталогу вельмі выразна напісана: Katalog zbiorów Żegoty Onacewicza ułożony przez Wiktora Kalinowskiego”. І далей тым жа почыркам ідзе сам тэкст каталогу. Падобна, што Пташыцкі меў справу з каталогам, укладзеным Макаравічам і пазней даступным даследчыку Феліксу Пагарэцкаму.

Апроч таго, Станіслаў Пташыцкі пакінуў нам яшчэ адну надзвычай важную інфармацыю – у 1913 г. у Пецяярбурзе гісторык асабіста

аглядаў калекцыю Анацэвіча. Значыць, да Першай Сусветнай вайны гэтая калекцыя яшчэ захоўвалася ў тым горадзе, дзе і ўтварылася як цэльнасць.

Машынапісны каталог стаў не толькі асноўнай крыніцай звестак пра калекцыю Анацэвіча, але свайго роду і гістарычнай крыніцай, якая прыцягвала ўвагу даследчыкаў – ад Аляксандра Брукнера, які праглядаў каталог у 90-х гг. XIX ст., да сучасных даследчыкаў [27, с. 203].

Асобна ў каталозе вылучаны матэрыялы, якія “не вызначаныя ў каталозе Анацэвіча”, а таксама “каталог бібліятэкі Анацэвіча”. “Каталог Анацэвіча” – гэта, магчыма, і ёсць каталог, складзены паводле даручэння ўладальніка Т. Макарэвічам.

Увесь збор Анацэвіча, паводле каталога Віктара Каліноўскага, налічваў 74 пергамінавых дыпламаў, 540 актаў і лістоў, 128 рукапісаў, 78 карт і планаў. Такім чынам, 820 адзінак захавання. Але ж колькасць дакументаў у каталозе Каліноўскага заўважна меншая, бо пад некаторымі пазіцыямі ў Каліноўскага аб’яднаныя некалькі дакументаў калекцыі [31, с. 48]. Уся калекцыя складаецца з 13 тэматычных раздзелаў. Праўдападобна, што гэты падзел, не заўжды вельмі выразны, быў уведзены самім Анацэвічам і толькі перанесены ў каталог Каліноўскім [27, с. 204].

Гісторыя рукапісу паэмы Стрыйкоўскага паводле каталога Каліноўскага

Паэма Стрыйкоўскага ў калекцыі ды каталозе аднесена да раздзелу Х, які мае назву “Аўтографы”. Ва ўсіх раздзелах калекцыі сустракаюцца аўтографы гістарычных асобаў, але ж найбольшая частка іх сабрана менавіта ў раздзеле Х, які захаваная не цалкам, але ўяўляе з сябе адну з самых найкаштоўнейшых частак калекцыі Анацэвіча [27, с. 207].

Гэты твор Стрыйкоўскага не проста адзначаны ў каталозе Каліноўскага, але яму нададзена значная ўвага ў анатацыі. У пачатку апісання Віктар Каліноўскі пазначыў, што “Rękopism znajdował się uprzednie w Bibliotece Radziwiłłowskiej, następnie był czas jakiś własnością Załuskiego, nareszcie dostał się do Żegoty Onacewicza” [8, арк. 8[–1]; 2, арк. 10]. Уся анатацыя займае чатыры аркушы (асобныя старонкі) і заканчваецца яна наступнай інфармацыяй: „Wiersz ten o porażeniu Moskwy cały następnie rękopism wypełnia od stronicy

15 do 32. Kończy się na wyrazach: „... siedm lat marszowych obrokow używał”. Na końcu 32 str. napis ręką nieznanego, pismo wyblakłe: „To wiersze iny byly zgijnely z wielkim frasunkiem autorowym”. Pod niemi Załuski też same zlewe w słowo powtarza dodając raz jeszcze na samym końcu: „ad calcem MSS. Originalis Stryjkowkiego ex Bibli. Radivill. G. 76”. Michał Wiszniewski (Histor. Liter. T. 7 stron. 473) wspomina o tym poemacie, tak go nazywa, jako nie wydanym dotąd dodając ze: „Rps. Znajduje się w Bibl. Załuskiego”. Dotąd w rzeczy samej nie znane” [8, арк. 8[–4]; 2, арк. 11 v.].

Прааналізуем гэтыя звесткі. Вельмі важна, што мы атрымліваем інфармацыю пра месцазнаходжанне рукапісу да таго моманту, як ён у Санкт-Пецярбурзе трапіў у калекцыю Анацэвіча. А цяпер мы можам з вельмі вялікай верагоднасцю сцвярджаць, што гэта адбылося менавіта ў Пецярбурзе.

Ілюстрацыя 4. Выява “бестыі” (насарога?) і мяркуемы аўтограф Мацея Стрыйкоўскага (справа) са “Зборніка Стрыйкоўскага” ў Пушкінскім Доме (Калекцыя Анацэвіча, Х. 33, арк. 2). У гэтым вядзецца гаворка, што аўтар сам бачыў гэтага звера, якога прывезлі паказаць султану, у садзе пры Святой Сафіі ў Канстанцінопалі ў 1574 г. Мацей Стрыйкоўскі сапраўды ў 1574 г. ездзіў з пасольствам у Канстанцінопаль.

Першае вядомае нам сховішча, у якім захоўваўся рукапіс Стрыйкоўскага – гэта Архіў Радзівілаў, названы ў анатацыі Залускага як “Бібліятэка Радзівілаў”. Ужо ў XVI ст. у галоўных цэнтрах латыфундый Радзівілаў існавалі архіўныя зборы, а сама сістэма архіўнага справаводства Радзівілаўскіх калекцый была даволі дасканалаю яшчэ ў XVI – XVII стст. У яе аснову быў пакладзены прынцып сістэматызацыі матэрыялу паводле галоўных разнавіднасцяў дакументаў: пергаментныя прывілеі, прыватная карэспандэнцыя, публічныя справы і г. д. [15, с. 96–103; 21 с. 3–9; 22 с. 28–34] Рукапіс Стрыйкоўскага мог трапіць да збораў Радзівілаў таму, што апошнія выступалі таксама як мецэнаты паэта-храніста, які карыстаўся гасціннасцю і архівамі Радзівілаў. Але дакладней пра захаванне рукапіснага зборніка Стрыйкоўскага ў апошняй чвэрці XVI – першай палове XVIII ст. мы не можам нічога сказаць, апроч таго, што рукапіс меў у гэтым архіве сінтуру G. 76. Гэтую ж сінтуру Радзівілаўскага архіва ўтрымлівае апошняя архіўная памета на рукапісе зборніка Стрыйкоўскага [1, арк. 32].

Сённяшняя структура архіўнага збору Радзівілаў, той яго часткі, што сёння захоўваецца ў Варшаве, была створана Антоніем Іваноўскім, які стаў чарговым нясвіжскім архівістам у 1908 г. А рукапіс Стрыйкоўскага ўжо ў XVIII ст. перайшоў з уласнасці Радзівілаў да Залускіх. Таму пакуль не ўдаецца асветліць гісторыю перамяшчэння рукапісу ў Радзівілаўскіх архівах.

Пра пераход рукапісу ў калекцыю Залускіх сведчаць уласнаручныя запісы Юзафа Залускага і адзначэннягэтага факту Віктарам Каліноўскім. Тут варта крыху спыніцца на гісторыі самой бібліятэкі Залускіх.

8 жніўня 1747 г. паводле ініцыятывы братаў Юзафа Анджэя (1702–1774) і Анджэя Станіслава (1695–1758) Залускіх у Варшаве ў Данілавіцкім палацы была адчынена першая ў Рэчы Паспалітай публічная бібліятэка. Аснову бібліятэка склала асабістая калекцыя братаў Залускіх – выбітных польскіх бібліяфілаў і асветнікаў. У 1748 г. браты Залускія абвясцілі бібліятэку агульнадаступнай. Пасля ж смерці Юзафа Залускага бібліятэка перайшла ва ўласнасць дзяржавы і стала называцца Бібліятэкай Рэчы Паспалітай імя Залускіх. У 1780 г. выйшла пастанова Сейму Рэчы Паспалітай пра наданне Бібліятэцы Залускіх права на атрыманне абавязковага экзэмпляра ўсіх публікацый, што выходзілі ў краі. Фактычна, гэта была адна з першых у Еўропе нацыянальных бібліятэк.

Пасля канчатковага падзелу Рэчы Паспалітай Бібліятэка Залускіх была абвешчана ўласнасцю расійскага ўраду і імператрыцы Кацярыны II распарадзілася перавезці яе ў Санкт-Пецярбург. Летам і восенню 1795 г. спачатку на падводах з Варшавы ў Рыгу, а потым морам у Пецярбург была дастаўлена кніжная і рукапісная калекцыя Залускіх, якая стала асновай для замежнага фонду Імператарскай Публічнай бібліятэкі (сёння – Расійская Нацыянальная бібліятэка) [23, с. 88; 24, с. 221–222; 25].

Гэта прынцыповая для нашай тэмы інфармацыя. Цяпер мы разумеем, што з вывезенымі фондамі Бібліятэкі Залускіх рукапіс Стрыйкоўскага патрапіў у Санк-Пецярбург у Публічную бібліятэку, адкуль яго вынес Ігнат Анацэвіч ды ўключыў ва ўласную калекцыю.

Легендарная калекцыя (XX ст.)

У 1913 г. Станіслаў Пташыцкі быў апошнім, хто паведаміў пра сваё знаёмства з калекцыяй! Далей сляды яе губляюцца. І ўжо ў 1935 г., пад час VI Усеагульнага з’езду польскіх гісторыкаў у Вільні ўзнікла праблема рэканструкцыі складу калекцыі. Да гэтай тэмы ў сваім рэферэце звярнуўся польскі медыевіст Фелікс Пагарэцкі, які выказаўся наступным чынам пра лёс калекцыі: “...да гэтага моманту не вядома, што з іх [збораў – А. Дз.] захавалася. Можа быць гэтыя мае пошукі спрычыняцца да адкрыцця іх рэштак” [44, Т. 1, с. 414] (разрадка ў тэксце – Ф. Пагарэцкага).

У распараджэнні Пагарэцкага, апроч машынапіснай версіі каталогу Каліноўскага (але Пагарэцкі ведаў і пра рукапісны асобнік з “Асалінэўма”), быў каталог са збораў польскага гісторыка і архівіста, дырэктара Нацыянальнага музея ў Львове Аляксандра Чалоўскага (1865–1944). Магчыма, гэта і быў каталог, складзены ў сярэдзіне XIX ст. Т. Макарэвічам.

Структурны падзел калекцыі Анацэвіча паводле абодвух каталогаў супадаў (13 раздзелаў), як і колькасць дакументаў – 319. Але Пагарэцкі адзначае, што “танюткі (з 13 аркушыкаў) сшытак” – каталог са збораў Чалоўскага, “быў перапісаны з мноствам памылак і перакручваннем нейкім невукам, можа ў сярэдзіне XIX ст.” [44, Т. 1, с. 415].

Сам Пагарэцкі падрабязна прааналізаваў толькі раздзелы I–IV калекцыі Анацэвіча, таму пра рукапіс Стрыйкоўскага, які захоўваўся ў раздзеле X, гэты даследчык нічога не напісаў.

Пасля выступу Пагарэцкага адбылася дыскусія, пратакол якой быў таксама апублікаваны [44, Т. 2, с. 194–196]. У абмеркаванні лёсу калекцыі ўзялі ўдзел такія слыннымя навукоўцы, як Ул. Семковіч, У. Суходольскі, Р. Мянцікі, Т. Таркоўскі, у прыватнасці, паведаміў, што спробы адшукаць калекцыю Анацэвіча прадпрымаў памерлы ў 1880 г. Канстанцін Скірмунт, пра што паведамлялася ў некралогу па Скірмунту ў варшаўскім штотыднёвіку „Kłosy” (1880, нр. 790).

Гэта віленская дыскусія 1935 г. стала апошнім публічным абмеркаваннем лёсу калекцыі Анацэвіча і яе асобных рукапісаў. Далей наступае зацішка на чарговых 44 гады. Пакуль, трэба меркаваць, у самым канцы 1970-х гадоў, у архіве Інстытута сусветнай літаратуры імя Максіма Горкага АН СССР не была выяўлена гэтая калекцыя [12, с. 12]. Там Калекцыю Анацэвіча знайшлі сярод неразабраных рукапісаў, ды было прынятае рашэнне перавесці яе ў Ленінград, дзе яна і склалася. Якім чынам калекцыя трапіла ў Маскву, пакуль застаецца загадкай. Калекцыю перадалі ў Сховішча старажытнасцяў («Древлехранилище») імя Малышава Пушкінскага Дому (Інстытута расійскай літаратуры АН СССР).

Параўнанне актуальнага стану калекцыі Анацэвіча (374 адзінак захавання XV–XIX стст.) з каталогам Каліноўскага дазволіла С. Нікалаеву прыйсці да высновы, што страчанай апынулася каля адной трэці матэрыялаў калекцыі [27, с. 204]. Ахоўны вопіс калекцыі ў Пушкінскім ДOME быў складзены на падставе машынапісу каталога сярэдзіны XIX ст.

Між тым, рукапіс паэмы Стрыйкоўскага прыцягнуў увагу даследчыкаў адразу. Расійскія філолагі, супрацоўнікі Пушкінскага Дому В. Баскакаў і А. Панчанка, у газетным артыкуле “Таямніцы старых папак”, прысвечаным калекцыі і яе перавозу ў Ленінград, асобна адзначылі: “Паэзія польскага Рэнэсансу прадстаўлена невядомай паэмай Мацея Стрыйкоўскага, буйнейшага пісьменніка тае эпохі” [11, с. 6]. Увогуле, раптоўная знаходка гэтай неацэннай калекцыі выклікала цікаваць прэсы ў Савецкім Саюзе і ў Польшчы. Апроч галоўнай партыйнай газеты “Правда” пра гэта напісала „Życie Warszawy” (22/23.09.1979). Па слядах гэтых публікацый польскі філолаг Наталля Івашкевіч здолела на месцы пазнаёміцца з матэрыяламі, але не вывучаючы іх. Яе артыкул з часопіса “Literatura” [40, с. 12–13] быў перадрукаваны іншай польскай прэсай [41]. Паміж іншага, Наталля Івашкевіч бачыла і рукапіс паэмы Стрыйкоўскага і палічыла яго цалкам аўтографам аўтара XVI ст. Аглядны артыкул

пра ўсю новаздабытую калекцыю змясціў у часопісе “Literatura radziecka” таксама расійскі паланіст Сяргей Нікалаеў [42, с. 150–153].

Цікавасць да калекцыі Анацэвіча была зноў узбуджаная сярод навукова-гуманітарнай грамадскасці. Але самі матэрыялы калекцыі заставаліся не на шмат больш даступнымі.

Найноўшы этап даследавання

Большая частка XX ст. – гэта “цёмныя гады” для калекцыі Анацэвіча, на працягу якіх назапасіўся і пэўны аб’ём недакладнай інфармацыі пра яе матэрыялы. Так, напрыклад, Юлія Радзішэўская, калі рыхтавала да выдання працу Стрыйкоўскага “*O początkach*”, то меркавала, што паэма “Бітва пад Улай” была напісаная на лаціне і падавала яе тытул наступным чынам: “*De clade 30 milium Russorum cum Petro Szoyski Palatino Polocensi in campo Ivanensi ad fluvium Ulam, ... Anno 1564*” [52, с. 6]. Хутчэй за ўсё, Радзішэўская карысталася каталогам Бібліятэкі Залускіх, бо піша далей, што да інвентара Юзафа Залускага гэты твор быў запісаны як пазіцыя № 31. Залускі зрабіў лацінамоўны каталог, адпаведна і ўяўленне пра паэму склалася, як лацінамоўную.

Але перавезеныя ў Пушкінскі Дом матэрыялы калекцыі Анацэвіча яшчэ працяглы час заставаліся недаступнымі для даследчыка з паза Пушкінскага Дому – пакуль матэрыялы разбіраліся архівістамі. Найвядомейшы на сёння знаўца творчасці Мацея Стрыйкоўскага прафесар Універсітэту імя Адама Міцкевіча ў Познані Збыслаў Вайтквяк у сваёй манаграфіі пра біяграфію паэта-храніста адзначаў, што ў 1980 г. ён двойчы (у маі і жніўні) пісаў у Пушкінскі Дом з просьбай вырабіць фотакопіі рукапісу, але не атрымаў адказаў [54, с. 181, заўвага. 713].

Актуалізацыя ведаў пра рукапіс паэмы Стрыйкоўскага у Беларусі ёсць заслуга гродзенскага гісторыка Альбіны Семянчук. У чэрвені 1999 г. і верасні 2003 г., як вынікае з “Аркуша выкарыстання рукапісу”, яна змагла азнаёміцца з помнікам. У энцыклапедычных артыкулах пра Мацея Стрыйкоўскага Альбіна Семянчук змясціла звесткі пра сам рукапіс, з указаннем таго, што ён знаходзіцца ў Пушкінскім ДOME [33, с. 432; 32, с. 638]. А ў сваёй працы пра ўдзел Стрыйкоўскага ў Інфлянцкай вайне даследчыца адзначыла, што “на жаль, гэты рукапіс, які мог бы даць шмат цікавай і, магчыма, невядомай інфармацыі аб бітве, вельмі пашкоджаны і таму амаль

не чытаемы” [34, с. 344]. У 2008 г. Альбіна Семянчук агучыла на канферэнцыі, прысвечанай Ігнату Анацэвічу, а і потым апублікавала даволі падрабязны агляд калекцыі Анацэвіча, базуючыся на каталозе Каліноўскага і рэканструкцыі Пагарэцкага [31, с. 45–57].

Ілюстрацыя 5. “Табліца і сума ўсіх замкаў інфляцыйкіх” са “Зборніка Стрыйкоўскага” (Пушкінскі Дом, Калекцыя Анацэвіча, X. 33, арк. 4–5).

Аўтар гэтых радкоў ад 2008 г. вядзе планамернае вывучэнне рукапісу Стрыйкоўскага. На базе прадастаўленых мною архіўных матэрыялаў і паводле дамоўленасці са мною ў чэрвені 2009 г. праф. Вайтквяк зрабіў паведамленне на пасяджэнні Познанскага аддзелу Польскага Навуковага Таварыства і ў 2010 г. апублікаваў тэкст

дакладу ў выглядзе брашуры, дзе прааналізаваў структуру рукапісу [55, с. 18–66].

У далены момант рукапіс паэмы Стрыйкоўскага рыхтуецца да публікацыі. Заканчваецца “дэтэктыўны” – прыхаваны і міфічны – этап існавання гэтага тэксту. А яго публікацыя несумненна стане не толькі ўнёскам ў вывучэнне пісьменства Вялікага Княства Літоўскага, але і прыўнясе новы фактычны матэрыял для вывучэння гісторыі нашага рэгіёну Еўропы ў XVI ст.

Спіс крыніц і літаратуры

Архівы:

1. Пушкинский Дом (Санкт-Петербург). Древлехранилище. Коллекция Онацевича. X, 33 («Зборнік Стрыйкоўскага»).
2. Biblioteka Jagiełłńska (Kraków). Rkps. 6767 II. Katalog rękopisów, dokumentów i map, które znajdowały się w bibliotece Żegoty Onacewicza w Petersburgu. Maszynowy odpis oryginału z biblioteki Feliksa Broel Platera w Belmencie na Litwie, sporządzony na polecenie właściciela rękopisu przez Wiktora Kalinowskiego.
3. Biblioteka Narodowa (Warszawa). Zbiory mikrofilmowe. Mf. 26193 (Rps. Ossolińskich 2895/II). Katalog zbiorów Żegoty Onacewicza ułożony przez Wiktora Kalinowskiego.
4. Biblioteka Narodowa (Warszawa). Zbiory mikrofilmowe. Mf. 43834 (Rps. BJ 6767 II). Katalog rękopisów, dokumentów i map, które znajdowały się w bibliotece Żegoty Onacewicza w Petersburgu. Odpis sporządzony przez Wiktora Kalinowskiego.
5. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (Wrocław). Rkps. 2194/I. Pobieźnie skreslona wiadomość o rękopisach zbioru Wiktora Kalinowskiego.
6. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (Wrocław). Rkps. 2241/II. Katalog książek pozostałych w Petersburgu po śp. Wiktoże Kalinowskim. 1864 r.
7. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (Wrocław). Rkps. 2432/II. Korespondencja Augusta Bielowskiego. T. 2.
8. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (Wrocław). Rkps. Ossolińskich 2895/II. Katalog zbiorów Żegoty Onacewicza ułożony przez Wiktora Kalinowskiego.

Літаратура:

9. [Анацэвіч, І.] Урывак з падарожных запісак прафесара Віленскага ўніверсітэта Ігната Анацэвіча пад час праезду яго праз адну частку Гродзенскай губерні ў ліпені і жніўні 1822 года / І. Анацэвіч // С.А. Габрусевіч, С.В. Марозава. Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына: гістарычны нарыс. – Гродна: ГрДУ, 2005. – С. 175–180.
10. [Анацэвіч, І.] Уступ да працы Яна Альбертрандзі “Праўленне Генрыха Валуа і Стэфана Баторыя, каралёў польскіх” / І. Анацэвіч // С.А. Габрусевіч, С.В. Марозава. Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына: гістарычны нарыс. – Гродна: ГрДУ, 2005. – С. 181–183.
11. Баскаков, В., Панченко, А. Тайны старых папок / В. Баскаков, А. Панченко // Прав-да. – 1979, 21 сент. – С. 6.
12. Бударягин, В.П., Маркелов, Г.В. Новые поступления в Древлехранилище Пушкинского Дома / В.П. Бударягин, Г.В. Маркелов // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.М. Панченко. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 5–15.
13. Васильев, В. Еще о руссах / В. Васильев // Северная пчела. – 1860. – № 161. – С. 659–660.

14. Габрусевич, С.А., Марозава, С.В. Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына: гістарычны нарыс / С.А. Габрусевич, С.В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2005. – 216 с.
15. Дзярновіч, А.І. Архівы Радзівілаў / А.І. Дзярновіч // А.І. Дзярновіч. “...in nostra Livonia”. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і акаваны аналіз / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі. – Т. I. – Мн.: Atheneum, 2003. – С. 96–103.
16. Иконников, В.С. Опыт русской историографии / В.С. Иконников. – Киев, 1892. – Т. I. – Кн. 2. – [6], 883–1540, ССХХІІІ–СССЛХХІІ, [2], 150, X с.
17. К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Мн.: Беларусь, 1988. – 208 с.
18. Костомаров, Н.И. Автобиография / Н.И. Костомаров // Под ред. В. Котельникова. – М.: Задруга, 1922. (“Библиотека мемуаров”). – 440 с.
19. Лабынцев, Ю.А. Книжное наследие Н. П. Румянцева / Ю.А. Лабынцев. – М.: Наука, 2004. – 208 с.
20. Лабынцев, Ю.А. «На благое просвещение» / Ю.А. Лабынцев. – Мн.: НББ, 1999. – 147 с.
21. Латушкін, А.М. Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў у XV – першай палове XX ст.: гістарыяграфія і крыніцы / А.М. Латушкін // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер. 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 2. – С. 3–9.
22. Латушкін, А.М. Нясвіжскі архіў Радзівіла / А.М. Латушкін // Кліо: грани історыі. – Мінск: НІО, 2007. – С. 28–34.
23. Люблинская, А.Д. Иностранные исторические фонды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина / А.Д. Люблинская // Исторический журнал. – 1944. – Кн. 12. – С. 88–89.
24. Люблинская, А.Д. Иностранные исторические фонды Публичной библиотеки / А.Д. Люблинская / Публикация Л.Б. Вольфун // Публичная библиотека и культура. Три века истории. Документы, материалы, исследования. – СПб.: РНБ, 2006. – Вып. 1. – С. 212–228.
25. Моричева, М.Д. Библиотека Залусских и Российская национальная библиотека / М.Д. Моричева. – СПб.: РНБ, 2001. – 214 с.
26. Нікалаеў, М. Браты Каліноўскія і Публічная бібліятэка / М. Нікалаеў // Шляхам гадоў: Гісторыка-літаратурны зборнік. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. – [Вып. 1]. – С. 206–211.
27. Николаев, С.Н. О коллекции Игнатия Онацевича / С.Н. Николаев // Духовная культура славянских народов. Литература, фольклор, история: Сб. статей к IX Международному съезду славистов / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Ленинград: Наука, 1983. – С. 197–209.
28. О-ч Я. Несколькo слов об Игнатии Онацевиче / Я. О-ч // Санкт-петербургские ведомости. – 1860. – № 209. – С. 1096.
29. Онацевич, И. Отрывок из путевых записок профессора Виленского университета Игнатия Онацевича во время проезда его через одну часть Гродненской губернии в июле и августе 1822 г. / И. Онацевич // Северный архив. – 1822. – Декабрь, № 24. – С. 474–485.
30. Семянчук, А.А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А.А. Семянчук. – Гродна: ГрДУ, 2000. – 161 с.
31. Семянчук, А.А. Калекцыя прафесара Ігната Анацэвіча ў “Пушкінскім Доме” / А.А. Семянчук // Ігнат Анацэвіч: жыццёвы шлях, педагагічная і навуковая спадчына. – Гродна: ГрДУ, 2008. – С. 45–57.

32. Семянчук, А.А. Стрыйкоўскі Мацей / А.А. Семянчук // Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя: У 2 т. – Т. 2. – Мн.: БелЭн, 2006. С. 638.
33. Семянчук, А.А. Стрыйкоўскі Мацей / А.А. Семянчук // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Т. 6. – Кн. 1. – Мн.: БелЭн, 2001. С. 432–433.
34. Семянчук, А.А. Удзел Мацея Стрыйкоўскага ў Інфлянцкай вайне / А.А. Семянчук // Castrum, urbis et bellum: Зборнік навуковых прац. – Баранавічы: БУД, 2002. – С. 342–348.
35. Улашук, Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н.Н. Улашук. – М.: Наука, 1973. – 304 с.
36. Шалькевич, В.Ф. Кастусь Калиновский: Страницы биографии / В.Ф. Шалькевич. – Мн.: Университетское, 1988. – 240 с.
37. Albertrandy, J.Ch. Panowanie Henryka Walezynsa i Stefana Batorego / J.Ch. Albertrandy. – Warszawa: Nakł. i drukiem A. Brzeziny, 1823. – Т. 1–2.
38. Albertrandy, J.Ch. Panowanie Kazimierza, Jana Alberta i Aleksandra Jagiellończyków, królów polskich i w książąt litewskich / J.Ch. Albertrandy / Wyd. Żegota Onacewicz. – Warszawa: Nakł. i drukiem A. Brzeziny, 1827. – Т. 1–2.
39. Iwaszkiewicz, J. Ignacy Żegota Onacewicz — historyk Litwy. Z dziejów dawnego Uniwersytetu Wileńskiego / J. Iwaszkiewicz // Studia i materiały z dziejów nauki polskiej. – 1961. – Ser. A. – Z. 4. – S. 41–126.
40. Iwaszkiewicz, N. Na tropach sensacyjnego odkrycia. Bezcenne polonica / N. Iwaszkiewicz // Literatura. – 1979. – Nr. 51/52. – S. 12–13.
41. Iwaszkiewicz, Natalia. Na tropach sensacyjnego odkrycia. Bezcenne polonica / N. Iwaszkiewicz // Express Poznański. – 1980. – Nr. 28, 29, 30.
42. Nikolajew, S. Odkrycie starej kolekcji / S. Nikolajew // Literatura radziecka. – 1980. – Nr. 12. – S. 150–153.
43. Onacewicz, I. Krótki rys dziejów Litwy / I. Onacewicz // J.Ch. Albertrandy. Panowanie Kazimierza, Jana Alberta i Aleksandra Jagiellończyków, królów polskich i w książąt litewskich / Wyd. Żegota Onacewicz. – Warszawa: Nakł. i drukiem A. Brzeziny, 1827. – Т. 1. – S. I–XXI.
44. Pohorecki, F. Teki i zbiory Żegoty Onacewicza (Próba rekonstrukcji) / F. Pohorecki // Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie. 17–20 września 1935 r. – Lwów: Nakładem Polskiego Towarzystwa Naukowego, 1935. – Т. 1: Referaty. S. 414–424; Т. 2: Protokoły. – S. 194–196.
45. Ptaszycki, St. Wiadomość bibliograficzna o rękopisie nieświeżskim Kroniki Macieja Strykowskiego / St. Ptaszycki // Pamiętnik literacki. – Lwów, 1903. – Rok 2. – Zesz. 2. – S. 220–246.
46. S[obieszczański], F.M. Wiadomość o zbiorze atlasów i map Ignacego Onacewicza / F.M. S[obieszczański] // Biblioteka warszawska. – 1849. – Т. 3. – S. 406–407.
47. Strykowski, M. Genealogia albo krotkie opisanie wielkich książąt litewskich y ich wielkich a mężnych spraw wojennych, uczynione niegdy przez Matysa Strykowskiego, a teraz odnowione, y znowu na świat wydane przez Samuela Dowgirda... / M. Strykowski. – Lubcz, w Drukarni Piotra Blastusa Kmity, 1626. – K. nlb. 23.
48. Strykowski, M. Goniec cnoty / M. Strykowski. – Kraków, 1574.
49. Strykowski, M. Kronika Macieja Strykowskiego niegdyś w Królewcu drukowana / M. Strykowski. – Warszawa: Drukarnia Societatis Jesu, 1766. – IX, 360 s.
50. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnym powtorzeniem wydania pierwotnego królewskiego z roku 1582, poprzedzone Wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań / M. Strykowski. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – Т. I–II.

51. Strykowski, M. Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmudzka, y wszystkiey Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych krain Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodów z rozmaitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Sławańskich, Liflantskich, Pruskich starych, Dotąd ciemnochmurną nocą zakrytych Kronik, y Latopiszow Ruskich, Litewskich, y Długosza Oyca dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnością y węzłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) Przez Macieia Osostewiciivsa Strijkowskiego dostatecznie napisana, złożona, y na pierwsze światło z wybadaniem prawdziwie dowodney starodawności własnym wynalezieniem, przeważnym dochcipem, y nakładem nowo wydzwigniona przez wszystkie starożytne wieki, aż do dzisieyszego Roku 1582. A tu przod wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich na Swiecie Narodow gruntowne wywody. Z łaską y Priwileiem Kro: J. M: / M. Strykowski. – Drukowano w Krolewcu v Gerzego Ostenbergera: M.D.LXXXII. – Fol., k. tyt. i k. 20 nlb.; str.1+791.

52. Strykowski, M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / M. Strykowski / Opracowała J. Radziszewska. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. – 764 s.

53. Strykowski, M. O wolności Korony Polskiej, y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, a o srogim zniewoleniu inszych Krolestw pod tyrańskim iarzem Tureckim: y o rokoszach ninieyszego tyrańca Tureckiego Amurata, y wszystkich Krolow domu Ottomańskiego, krotki a skuteczny wywod: tudziesz ktorymby sposobem ta zła moc pogańska vkrocona być mogła. Matysa Strykowskiego przestroga, w Konstantynopolu, według czasu istnie gwoli oyczyźnie napisana / M. Strykowski. – Kraków: Drukarnia Mikołaj Szarffenberger, 1575. – 88 s.

54. Wojtkowiak, Z. Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności / Z. Wojtkowiak. – Poznań: UAM, 1990. – 248 s. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Ser. Historica. Nr. 169).

55. Wojtkowiak, Z. Odnaleziony tekst Macieja Strykowskiego o bitwie z Moskwą 1564 roku i inne rewelacje w zbiorach rosyjskich i nie tylko / Z. Wojtkowiak. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. – 114 s. (Biblioteczka Źródłoznawcy. Nr. 2).

Левшун Л. В.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (1596 г.) В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В белорусской научной, а еще более – в учебной и популярно-просветительской литературе – весьма распространено представление о том, что национальная культура белорусов сохранялась прежде всего, если не исключительно, в униатской среде (А.И. Мальдис, С.В. Морозова, Г.М. Саганович, И.В. Саверченко, С. Сильвестрова и др.). При этом униатство часто представляется «национальной религией белорусов» и соответственно – одним из важнейших (если не главным) фактором белорусского этно- и культурогенеза в XVII–XVIII вв. Однако – при том, что невозможно и неверно отрицать действительно решающую роль Брестской унии в формировании белорусской нации – нужно, как видится, правильно расставить акценты и адекватно определить характер и, так сказать, «сверхзадачу» этой роли: заключалась ли она в самом деле в сохранении культурных традиций этих земель или оказывала какое-то иное, безусловно мощное и даже решающее, воздействие на этногенетические и культуротворческие процессы. Оставляя в стороне чрезвычайно сложные для обсуждения без специальной на то подготовки богословские (церковно-канонический и экклезиологический) аспекты церковной унии 1596 г., обратимся к собственно культурологическому.

И здесь, прежде всего, необходимо констатировать, скажем так, «абerrацию адекватности»: современные представления о культурогенезе, какими бы верными они не были, не могут адекватно отражать культурную ситуацию конца XVI – XVII вв. В частности, мы не можем говорить о сохранении *национальной* культуры в униатский период просто потому, что само представление о *национальном* своеобразии (в современном смысле этого понятия) возникло позднее – в эпоху Просвещения. В означенный же период самоидентификация культурных общностей Речи Посполитой, которую мы сейчас характеризуем как «национальную», осуществлялась преимущественно по конфессиональному признаку, и самоидентификационная картина «государства двух народов» существенно от-

личалась от той, какой она могла бы быть, если бы формировалась на основе действительно критерия национальности. В Речи Посполитой этого периода «белорусская национальная культура» (как и «украинская», и «литовская», и «польская») еще только готовилась к своему самоосознанию и оформлению. Однако существовала имевшая к тому времени многовековую традицию культура «русинов», которая объединяла до времени православных, проживавших на литовских, польских, белорусских и украинских землях, в единую культурную общность, идентифицируемую по главному критерию – принадлежности «Руской Церкви» и пользованию «русским езиком». Именно приверженность «русской вере» (Православию) и качество жизни в ней, а не социальный статус (например, принадлежность к высокородному «рыцарству» и соблюдение «рыцарского» морального кодекса) определяли аксиологический статус человека в этой культурной общности. Вот характерный пример: князь Константин Острожский, принадлежавший роду, чья древность и слава почитались всеми «народами» Речи Посполитой, утверждает, что, хотя местные жители и называют его «начальником Православия», сам он считает себя не большим, но *равным каждому, кто «стоит в правоверии»* [12, с. 100, стлб. 2]. Этнонимом этой «многонациональной» в современном понимании общности было, как известно, понятие «Русь», «русины», «языком межнационального общения» – «русский» язык Великого княжества Литовского (в современной терминологии – «старобелорусский и староукраинский»), а языком богослужения – «славенский», то есть церковнославянский местного извода. И поскольку, по весьма распространенному мнению, именно униаты сохраняли и развивали «национальный» язык и письменность белорусов, то достаточно рассмотреть, как в действительности обстояло дело с «русским» и «словенским» языками и письменностью на них в период унии (1596–1839) и каковы были последствия этого «дела», чтобы выявить истинную роль униатства в «сохранении национальной культуры белорусов».

В означенную эпоху «национальным» языком православных Речи Посполитой был, повторю, «русский език», который называли еще «свойственным» – «своим», «собственным» языком «русинов», а также – «простой мовой». Причем, «простая мова» отнюдь не тождественна разговорному языку и/или просторечию. «Простая мова» – это *письменный*, а значит, неким образом нормированный язык, понимание которого и пользование которым требовало

и определенной образованности (в церковных братских школах ему специально обучали¹), и некоторого навыка. «Простая мова» «русинов» отличалась от их разговорного языка в той же мере, как и нынешний письменный белорусский литературный язык – от его устно-разговорного варианта.

«Русский» и «славенский» (церковнославянский местного извода) в этой культурной общности тесно взаимодействовали (поскольку были генетически связаны и не утратили общих черт как в лексическом, так и в грамматическом плане). Именно в культуре православных дольше всего, на мой взгляд, продержалась ситуация, определяемая как диглоссия («руско»-«славенская»), при которой два родственных языка сосуществовали в отношениях взаимодополнения, маркируя, скажем так, разные стили² письменной речи: «русский» включал в себя разговорный, деловой (канцелярский) и активно формирующиеся научный (в том числе богословский) и светский литературно-художественный стили – то есть являлся маркером «низкого» и «среднего» языковых стилей; «славенский» использовался как книжный богослужебный (сакральный), являясь вместе с тем одним из маркеров «высокого» стиля [ср.: 14, с. 35]. Многочисленные лексические и грамматические свойства церковнославянского до сих пор органично включены как в разговорные (народа и интеллигенции), так и в художественно-литературный и научный стили современного белорусского языка; да и собственно церковнославянский язык понятен без перевода любому белорусу, способному воспринимать литературно нормированную речь.

О том, что языковое положение было именно таково, свидетельствуют, в частности, школьные учебники, изданные в православной среде: «Иоанна Дамаскина о осми частех слова, елика пишем и глаголем» (Вильно, 1586); «Адельфотес. Грамматика доброглаголивого еллинославенского языка...» (Львов, 1591); «Грамматика словен-

¹К примеру, в королевской жалованной уставной грамоте (1589 г.) о дозволении православным виленцам иметь при Свято-Троицком храме братство со «шпиталем», «друкарней», «школой», читаем: «в школе братской... языка и писма руского, греческого, латинского и польского накладом брацким... учити повинны». АЗР. Т. 4. N 18. *То же: Литовская Метрика. Кн. LXXIII. Л. 459–460.* В реформированной архимандритом Леонтием (Карповичем) пятиклассной школе при виленском Свято-Духовом церковном братстве «в трех (классах. – Л.Л.) латинская наука... чтется, в четвертом – руская, пятое во славянскаго и греческаго языка наказанье». АИЗР. Т. 4. N 217 от 21 янв. 1619 г.

²«Стиль... означает вариативность слова на фоне традиции, то есть является формой соотносительности, одним из модусов традиции... формой включенности конкретной деятельности в целостность всей системы культуры» [10, с. 9, 136].

ска» Лаврентия Зизания (Вильно, 1596); «Наука ку читаню и розуменю писма словенского» – «Азбука» братьев Зизаниев (Вильно 1596); «Часовник, в немже наперед азбуки к научению детям, хотящим розумети Писание» (Вильно, 1596); «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (Вильно, 1619), которую, вместе с «Арифметикой» Магницкого Ломоносов называл «вратами своей учености»; знаменитый «Букварь» Спиридона Соболя (типография Кутейнского монастыря, 1631), другие многочисленные буквари и азбуки и т.д.

Заметим при этом, что все переводы Св. Писания на «русский язык» – а их было немало и в доуниатскую, и в униатскую эпоху (особенно у протестантов) – во-первых, были сделаны не с церковнославянского языка (а с чешского, польского, еврейского, латинского) [см., напр.: 11, с. 21–41]; во-вторых, не получили широкого распространения в православной культурной общности Речи Посполитой, даже в протестантской среде [см.: 3, с.13–16], в отличие, например, от издания Острожской Библии (1581–1582), в которой представлен как раз местный извод «словенского» языка.

Проповеди в православных церквях обыкновенно произносились на «русском», «свойственном» языке, но цитаты из Св. Писания и творений отцов Церкви могли приводиться как по-«словенски» (с последующим объяснением по-«русски»), так и в переводе на «русский язык» (в изданиях богословского, проповеднического и катехитического характера с обязательной маргинальной отсылкой к «словенскому» оригиналу). О такого рода практике можно судить, к примеру, по многочисленным архиерейским посланиям; по переписке князя Константина Острожского; по изданным произведениям клирика Острожского Василия; трудам Стефана и Лаврентия Зизаниев, архимандрита Леонтия Карповича, Ивана Вышенского, Лазаря Барановича и др.

Произведения «русинов» (православных), написанные на «несвойственном» и/или «несловенском» языках начинают активно появляться именно в период униальной полемики: «Казанье Кирилла Иерусалимского» Стефана Зизания (1596); «Гармония» Ипатя Потя (1608), «О тайнах церковных» Иосифа Рутского (1608), «Фринос» Мелетия Смотрицкого (1610) и др. изданы на двух языках – «русском» и польском. Таким образом, не правильнее ли полагать, что именно церковная уния 1596 г. спровоцировала употребление «русинами» польского и латинского языков в тех ситуациях (сферы богословия, церковной проповеди, катехизации) когда

обычно употреблялся «русский язык»? Мелетий Смотрицкий (ок. 1578–1633), перейдя в унию, начинает писать только по-польски; полемисты и той и другой стороны активно используют польский язык. Униатские богословы пользуются польским и латынью. Знаменитый Симеон Полоцкий (1629–1680) в свой полоцкий, нужно полагать – базилианский, период творчества пишет преимущественно на польском языке; «русским» же и «словенским» языками (с заметной примесью польского) пользуется, желая быть понятным москвитам – епископу Каллисту, присланному на полоцкую кафедру патриархом Никоном, московскому царю, царевне, царевичу и т.д. (однако записывает свои вирши, как правило, латиницей).

В целом, языковой состав базилианских книжных собраний (а базилианский орден, как известно, являлся основным орудием распространения унии на землях «Руси») был польско-латинским [8, с. 22]. К примеру, С. Морозова, исследовав состав книг в библиотеках трех базилианских монастырей, выяснила, что в них доминируют издания европейской печати [6, с. 116] – разумеется, некириллические. А как заметил И. Юркевич, библиотека Жировичского монастыря к 1828 г. (то есть пробыв к тому времени в унии около 220 лет) «состояла преимущественно из отцов Церкви, латинских классических писателей, схоластиков средних веков и польских авторов», при том, что книг на «русском» и «словенском» языках в ней почти не было [9, с. 1418].

Чем объяснить эти и многие другие факты? Вероятнее всего, тем, что *униатам более «свойственными» были польский и латинский языки*. Действительно, как замечают исследователи, «на протяжении почти всего XVII в. в типографии (Свято-Троицкого виленского монастыря, переданного в 1608 г. униатам. – Л.Л.) печатались только книги на латинице» [5, с. 416]. Из кириллических свято-троицких изданий до 1767 г. известны лишь два: «Наука яко вѣрити мает ка(ж)дый...» (1628 г.), «Служебник, или Литургикон» (1692) [5, с. 416]. А, к примеру, *миссионерских кириллических катехизисов* униатского происхождения практически не сохранилось – они были в основном польскоязычными [5, с. 467]. Немногие дошедшие до нас печатались в Почаеве и Супрасле и предназначались в основном для тех епархий, которые приняли унию позднее – на рубеже XVII–XVIII вв. [5, с. 470], в связи с чем там гораздо дольше в качестве сакрального богослужебного языка сохранялся «словенский», а языком проповеди оставался «русский». В епархиях же, что при-

няли унию ранее, языком обучения, проповеди и катехизации стал к этому времени польский. Например, базилианам основанного в 1764 г. Уманского монастыря нравственное богословие даже предписано было учить на польском, а не на «русском» языке [см.: 5, с. 457]. Всякого рода инструкции и пособия для приходского униатского духовенства издавались на польском и латинском языках (на «руськом» – редко) [5, с. 451, 452, 454 и др.].

Молитвы и песнопения, предназначенные для заучивания «простаками»-«русинами» («простѣишѣм народом»), как и поучения, адресованные им, если и записывались на «свойственном» (то есть «русском») языке, то не кириллицей, а *латиницей* [5, с. 455, 463, 465]. Возникает вопрос: почему? Да потому, видимо, что униатские священники уже не могли свободно читать кириллический текст. Об этом красноречиво свидетельствуют сами униатские иерархи.

Известно, что Иосафат Кунцевич в своих «Правилах для священников» предписывал им «кгда тежь читают Евангеліе, албо какую молитву в голос... не мают выкладать словенских слов по-руску...», а «учите(л)ное Ева(н)геліе або житіе с(вя)ты(х)», читать и истолковывать «по ру(с)ку» с амвона [см. 7, с. 57; 5, с. 450]. Постановление знаменитого Замойского собора (1720 г.) также предписывает униатским священникам «наученіе пароховъ свойственным языком» [цит. по: 5, с. 438]. Ничего подобного не находим в православной среде. Но отсутствие здесь мероприятий в защиту «словенского» и «русского» языков означает лишь то, что этой защиты не требовалось. Действительно, какой же смысл предписывать православным иереям литургисать по-«словенски», а народ поучать по-«руськи», если они и без того служили по-«словенски» и проповедовали по-«руськи»? Следовательно, настойчивые предписания такого рода, адресованные униатским священнослужителям, свидетельствуют именно о том, что «словенский» и «русский» языки активно вытеснялись из богослужбной, пастырской и катехитической практики униатов, несмотря на все предписания их духовных властей.

Результат не заставил себя ждать. Уже в 1722 г. в Супрасле отдельной брошюрой (и потом как приложение ко многим изданиям катехитического характера) публикуется составленный униатским митрополитом Львом Кишкой двуязычный церковнославяно-польский «Лексікон, сирѣчь словесник славенский» [4, № 203], содержащий основную богослужбную терминологию и предназначенный для униатского духовенства, уже не владеющего «сло-

венским» языком в мере, достаточной для исполнения священнического служения. В предисловии к «Лексикону» униатский митрополит весьма красноречиво признается: «...яко *сотный* іерей *едва* славенскій разумѣть языкъ (иначе говоря, среди униатских священников к первой четверти XVIII в. в среднем лишь *один из ста «едва разумел»* церковнославянский язык. – Л.Л.), не вѣдѣй, что чтеть въ Б(о)жестве(н)ной Службе съ погибелією своя и порученныхъ паствѣ его... Сіе же все искусно бысть текущаго году, и мнозѣ о(т)риновенни о(т) рукоположенія на іерейство сея ради вины...(то есть по этой причине не допущены к иерейской хиротонии. – Л.Л.)» [л. 1 б; цит. по: 5, с. 444]. А, к примеру, в библиотеке им. Франциска Скорины в Лондоне хранится экземпляр униатского издания «Службы св. Иоанна Златоустого» XVII в., выполненного на церковнославянском и *латинском языках* [7, с. 49] – видимо, для лучшего понимания текстов службы униатскими священнослужителями, не владеющими «словенским».

Таким образом, именно униатские священнослужители, а не «простый народ русский» скоро забыли не только «словенский» (церковнославянский), но в известной степени – даже и «свойственный русский» языки.

Утверждение, что в униатском богослужении сохранялся «свойственный» язык «русинов», а не «непонятный народу церковнославянский», также не соответствует действительности. Официально языком богослужения в униатской церкви оставался церковнославянский с теми же характерными местными (то есть земель ВКЛ) особенностями, что и в православных богослужбных книгах. Достаточно взять любой кириллический униатский служебник, чтобы убедиться в этом. К примеру, в униатском «Лейтургиконе си сут служебнике» (Вильно, 1692), под 15-м сентября находим память Иосафата Кунцевича: «Въ той же день празднуем блаженнаго священномученика Иосафата архиепископа Полоцкаго». Далее следуют традиционные тропарь и кондаки. В тропаре, в частности, поется: «Светилник светлый явися, священномучениче Иосафате, яко уобо пастыр добрый положил еси душу свою за овца, от распрлюбных врагов' убіен еси и вѣшел еси въ Святая Святых, съ безплотными водворяся. Темь ты молим, многострадалне, моли Пастырем Началника Христа, нас' причтати деснаго овец стоянія и спасти душа наша» (л. 136).

Еще одним весьма показательным фактом, позволяющим адекватно оценить роль униатства в сохранении и развитии исконных

традиций культурной общности «русинов» Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, является то, что «русинская» культура за эпоху унии почти что полностью утратила письменные свидетельства почитания местных православных святых. Из всего воссозданного в 1984 г. Собора белорусских святых периодически в униатских богослужебных книгах встречается – по понятным причинам – лишь память Трех Виленских мучеников. Как это могло случиться, отвечает отчасти автор «Перестороги» (1606?), указывая на целенаправленное и систематическое изъятие из обращения церковнославянских книг: «В самом Кракове корунном и в костелах римских книг словенских великими склепами найдешь замкнутых, которых въ свет не выпустят; также есть во Львове у мнихов-домиников склеп великий книг наших словенских учителей, до купы възнесенных». «Множество старославянских памятников, – констатировал П. Бобровский, – было уничтожено иезуитами, а после Брестского собора 1596 г. – их последователями, василианами (то есть базилианами, читай униатами. – Л.Л.)» [2, с. 277]. Вместе с тем во второй половине XVII–XVIII вв. широкое распространение в Речи Посполитой получают разного рода произведения, отражающие почитание униатского мученика Иосафата Кунцевича [см.: 1, № 425; 429; 436; 437 и др.]. А вот памяти и жития местных древнейших (православных) святых сохранились благодаря тиражированию их в книжности Северо-Восточной Руси и Великого княжества Московского. И лишь в эпоху, которая обычно характеризуется как период «русификации» белорусских земель, почитание местных святых постепенно возвращается в отечественную культуру. Так, «Западно-Русский месяцеслов на 1865 год» [Вильно: тип. Губернского правления, 1864. – 105 с.], кроме свв. Антония, Иоанна и Евстафия Виленских, приводит памяти: св. Кирилла Туровского; преп. Евфросинии Полоцкой; преп. Авраамия Галицкого; прп. Авраамия Смоленского; св. кнн. Феодора, Давида и Константина Черниговских; мчч. Харитины; мч. Меркурия Смоленского.

Чем закончился этот инициированный принятием унии процесс «расподобления» и последующих полонизации и латинизации «русинской» культуры в Речи Посполитой, известно: в 1696 г. языком деловой письменности (то есть фактически – государственным языком) объявляется польский – причем, нужно заметить, не как посягательство на, так сказать, языковые права «русинов», но как реакция на то, что деловая письменность уже фактически пользо-

валась в абсолютном большинстве случаев польским. А «русско-язычной» неделовой письменности в это время у «русинов» уже почти не осталось: историография, беллетристика, драматургия и поэзия знают почти исключительно польский (или, как варианты, макаронический польско-«русский», записанный в абсолютном большинстве случаев латиницей), либо латинский языки. Эту культурную катастрофу отражают, в частности, данные каталога «Книга Беларусі»: со второй четверти XVII в. и до 1772–1795 гг. (то есть до времени объединения нынешних белорусских земель с Российской империей) выпшедшие на территории Беларуси кириллические издания, отражающие местный извод церковнославянского языка и «русский език», были церковно-литургического и катехитического содержания и выпущены, в основном, в православных братских типографиях; дольше всех из них продержались типографии Кутинского и Могилевского православных братств. Униатские кириллические издания богослужебного и катехитического характера (об их характере см. выше) активизируются после Замоиского собора – в Супрасльском монастыре периода митрополитства Льва Кишки и позже [4, № 201–205, 207, 209, 213, 214, 218, 219 и др.] и в Свято-Троицком Виленском монастыре с 1767 г. [4, № 242–246, 254, 255, 257 и др.]. Затем, вплоть до начала XX в. (!) какие-либо кириллические издания, имеющие местные языковые особенности, на территории Беларуси отсутствуют. И лишь в начале XX в. (1906 г.; см. 4, № 1, с. 206) появляются в печати отдельные светские кириллические издания (наряду с заметно большим количеством латинических – см. 4, № 4, 12, 13, 17, 19–22, 23–24, 25, 26, 31 и др. со стр. 206 и дал.) уже на новом белорусском языке, отстоящем, таким образом, от живой традиции письменно-литературного употребления «русского свойственного езика» более чем на столетие!

Очевидно, таким образом, что распространение униатства и происходившая в униатской среде полонизация и латинизация культуры «русинов» в Речи Посполитой стала причиной *угасания и обрыва* традиций исконной (самоидентифицирующей) на этих землях православной культуры, а никак не фактором ее сохранения и развития. Согласно известному культурологическому закону, «если в ходе культурных контактов создается соединение двух совместимых иерархий кодов, то мы получаем новый культурный тип. Если же сталкиваются два несовместимых кода – происходит взаимное разрушение: культура теряет свой язык» [13, с. 59]. Так

что именно в эпоху унии и под воздействием униатства традиционный культуротворческий алгоритм общности «русинов» Великого княжества Литовского был серьезно – думается даже, что невосстановимо – поврежден и заменен иным, который, подвергшись в свое время «корректирующему» воздействию «московского православия», и лег в основу дальнейшего белорусского культурогенеза.

Список литературы

1. Белоруссия в печати XVII столетия. Библиогр. указ. на иностр. яз. / Сост. М.А. Василевская. – Минск, 1985. – 84 с.
2. Бобровский, П. Судьба Супрасльской рукописи / П. Бобровский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – № 10.
3. Клімаў, І. Гісторыя старабеларускіх перакладаў Бібліі / Ігар Клімаў // Роднае слова. – 2007. – № 11. – С. 13–16.
4. Кніга Беларусі 1517–1917: Зводны каталог / Склад. Г.Я. Галенчанка і інш. – Мінск: БелСЭ, 1986 – 615 с.
5. Корзо, М.А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / М.А. Корзо. – Москва: Канон+, 2007. – 672 с.
6. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С.В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.
7. Нікалаеў, М.В. Палата кнігапісная: рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / М.В. Нікалаеў / Рэд. М.М. Розаў, А.С. Мільнікаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – 293 с.
8. Папоў, В.В. Нарыс гісторыі бібліятэкі Жыровіцкага Свята-Успенскага манастыра / В.В. Папоў; Дыпломная праца па гісторыі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – МДС, 2004. – 85 с.
9. Юркевич, И. Библиотека Литовской православной семинарии / И. Юркевич // Литовские епархиальные ведомости – № 24. – 1869. – С. 1418–1428.
10. Устюгова, Е.Н. Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля / Е.Н. Устюгова. СПб.: СПбГУ, 2003. – 257 с.
11. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский: В 3 томах. – Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. Кн. 2. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2007 – 704 с.
12. Окружное послание Киевского воеводы князя К. Острожского православному духовенству и мирянам в королевстве Польском Великом княжестве Литовском с убеждением их твердо стоять в православной вере и не обольщаться нововымышленною униєю, от 24 июля 1595 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т.4: 1588–1632. – № 71. – СПб., 1851. – С. 99–104; то же (в пер. на друс. яз.): (Книга Кириллова). – Гродно, 1786. – л. 494–500 б.
13. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры: Сборник / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 765 с.
14. Вэкслер, П. Гістарычная фаналогія беларускай мовы: Пер. з англ. / П. Вэкслер; [Прадм. Г. Цыхуна]. – Мінск: Логвінаў, 2004. – 254 с.

Самодурова Ю. С.

РЕДАКЦИОННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ БЕЛЬСКОГО СТИШНОГО ПРОЛОГА (НА МАРТ–АВГУСТ) 1496 г.

Стишной пролог на весеннее полугодие (март–август), ныне хранящийся в Библиотеке им. Врублевских Академии наук Литвы под сигнатурой F 19–100, писан полууставом на 516 листах и датируется 1496 годом по колофону, помещенному в конце кодекса; водяные знаки не противоречат этой дате [1, с. 38]. В колофоне также указано, что книга создана по заказу «пана Солтана Солтановича, наместника Бельскаго». Рукопись, поступившая из Супрасльского Благовещенского монастыря в 1877 году вместе с основной частью монастырской библиотеки [2, с. 118], до сих пор имеет лишь краткое описание [2, с. 127–128; 3, с. 198–199], ее поучительная часть в общих чертах охарактеризована А.А. Туриловым [4, с. 73].

Пролог представляет собой переводной сборник чтений (памятей и кратких житий святых, а также поучений) относительно устойчивого состава на каждый день года, структурированный в пределах года по месяцам и далее по дням. Церковнославянский Пролог возник, вероятно, на восточнославянской почве не позже начала XII века, но в течение последующих веков появилось несколько его видов и редакций. Основным можно считать разделение прологов на простые и стихишные. Главное их отличие состоит в том, что стихишные прологи дополнены переводными стихами византийского поэта Христофора Митиленского (ок. 1000–1050 гг.), а иногда и оригинальными славянскими проложными стихами. Стишной пролог переведен на славянский язык дважды около XIV века на Балканах: известны его сербский и болгарский переводы, каждый из них подразделяется на несколько редакций. На основе сербского перевода сформировались *Лукиева* и *Варламова*, на основе болгарского – *Тырновская*, *Московская* и *Новгородская* редакции Стишного пролога. У хронологически более раннего Простого пролога выделяются четыре редакции: *Краткая*, *Пространная*, *Псковская* и *Новгородская* [подробнее см.: 5, 6, 7, 8, 9].

Пролог № 100 составлен на основе Стишного пролога с добавлением статей из Пролога простого, но в некоторых случаях, описа-

ных ниже, встречаются контаминированные варианты житий, созданные путем объединения текстов, характерных для Простого и Стишного пролога.

Стихи и тексты житий в списке Стишного пролога № 100 (за исключением его индивидуальных чтений, о которых ниже) текстологически совпадают с болгарским переводом. Однако сравнение обеих (житийной и поучительной) частей данного списка со сводным перечнем чтений Стишного пролога болгарского перевода, составленным Г. Петковым [9, с. 141–205, 467–523], показало, что эта рукопись не относится ни к одной из известных редакций болгарского перевода.

Далее приведены особенности состава рукописи Стишного пролога № 100, отличающие его от типичной структуры Стишного пролога болгарского перевода. Сравнение сделано на материале летних месяцев (июнь–август).

1) Элиминации. Из состава Пролога № 100 исключены все краткие памяти Стишного пролога, не сопровождаемые стихами либо житиями, кроме памяти мученицы Евфалии (27.VIII.), т.е. все памяти данного списка, положенные на летние месяцы, имеют стихи и/или житийные тексты.

2) Добавления. В Прологе № 100 присутствуют стихи и жития, не встречающиеся ни в одном из известных видов Пролога; все они приведены ниже:

12.VI. Прп. Петр Афонский. Нач.: *Преподобнии и славнии отец наш Петр бе родом от грек, в воинском сану быв, и послану бывшу на брань с вои в Сирию...*

10.VII. Прп. Антоний Печерский. Стих: *Антоние возлюбив пещеру темную, доброты земныя оплевав, светло просия. Иже к Антонию притечет, грехом прощение приемлет. Антоние от земных к Богу придет. Нач.: Великому князю Владимиру Святославичу царствующую в Киеве, при сем бысть блаженнии Антоние от града Любеча...*

11.VII. Успение блаженной Ольги, княгини русской. Стих: *Ольга от неверных стран первое благоволение пред тобою, Господи. Не нуждею, но своею волею потече крест взяти. Премудрая цесарица Ольга Христу, всех цесарю, приведется.*

12.VII. Блаженные мученики варяг и Иоанн. Стих: *Мученици, пострадавшие Христу, подвигоположнику венценосци предсташа. Отец с сыном Отцу всех – Богу.*

13.VII. Собор архангела Гавриила. Нач.: *Возвеличим убо вси Господа, братие, и вознесем имя Его вкупе, творящая велия изрядная, имже несть числа...*

15.VII. Успение блаженного и равноапостольного великого князя Владимира: Стих: *Тленнаго цесарства венец имев, сподобися небеснии венец прияти. Владимир сокруши бездушныя кумиры, апостол показася, мысленныя сокрушая идолы. В пятыи на десять умре Владимир.*

18.VII. Многотерпеливый Иоанн затворник. Нач.: *Сеи преподобнии Иоанн затвори себе в тесне месте, едином от пещеры, и пребысть в велице воздержании лет 30...*

11.VIII. Прп. Феодор и Василий, пострадавшие в Киеве. Нач.: *Съ преподобнии Феодор оставль убо вся мирская, богатство разданичим и бысть мних, добре подвизався на добродетель...*

14.VIII. Пренесение мощей преподобного Феодосия, архимандрита Печерского. Стих: *Почитающе, преподобне, пренесение твоих мощей, приемлем от Бога даяние добрых. Архиереискыма рукама от пещеры в церкви положен Феодосии. В 14 августа положиши в гробе Феодосия. Нач.: При великом князи Всеволоде Киевском, сына великаго князя Ярослава Володимировича, в 18 лето по преставлении святаго отца нашего Феодосия...*

17.VIII. Прп. Алипий иконник. Нач.: *Сеи блаженнии Алипии пострижен бысть при игумене Никоне, добре извык хитрости иконней и иконы писати хитр бе зело...*

20.VIII. Преподобный Авраамий Смоленский. Стих: *Многы скорби, блажене, от человек претерпе в житии сем. Многа дарования в вечной жизни приемши от Владыки Христа. В 20 августа Авраамие к Богу отиде. Нач.: Сеи убо блаженнии Авраамии бяше от верну и славу родителю рождься, знамениту и всеми чтому в месте града Смоленска, всем благочестием украшени...*

Всего в Пролог № 100 добавлено 6 стихов и 8 житий, посвященных преимущественно древнерусским святым, причем 5 житийных текстов заимствованы из Киево-Печерского патерика.

3) Перенос чтений на другие даты. Стихи и жития в Прологе № 100 зачастую перенесены на соседние даты. Далее приведен список таких переносов. Первой указывается дата в рукописи № 100, далее в скобках – та, под которой соответствующие тексты читаются в других списках Стишного пролога.

5.VI. (6.VI.) Прп. сщмч. Дорофей, еп. Тирский – стих и житие (см. ниже о контаминированных вариантах житий); 5.VI. (6.VI.) Прп. Анувий знаменосец – стих; 5.VI. (6.VI.) Св. Аггал чудотв. – стих; 5.VI. (6.VI.) Прп. Фота – стих; 6.VI. (5.VI.) Прп. Иларион, игумен Далматский – стих и житие; 6.VI. (5.VI.) Св. Евстафий, архиеп. Антиохийский – стих; 6.VI. (5.VI.) Св. мч. Христофор Римский – стих; 6.VI. (5.VI.) Св. Конон Римский – стих; 6.VI. (5.VI.) Свв. мцц. Есия и Сосанна, ученицы св. Панкратия – стих; 6.VI. (5.VI.) 10 мчч.: Маркиан, Никандр, Аполлона, Леонид, Арий, Горгий, Иперехий, Селиний, Ириний и Памвон – стих (житие взято из Простого пролога, см. ниже); 13.VI. (11.VI.) Св. Трифиллий, еп. Левкусийский – стих;

4.VII. (5.VII.) Прп. Марфа, мать прп. Симеона столпника Дивногорца – стих (житие заимствовано из Простого пролога, см. ниже); 13.VII. (14.VII.) Св. мч. Иуст – стих и житие; 16.VII. (17.VII.) Памяти 7 вселенских соборов – стихи и тексты; 22.VII. (23.VII.) Пренесение мощей св. сщмч. Фоки Синопского – стих (житие взято из Простого пролога, см. ниже); 23.VII. (22.VII.) Свв. мчч. Трофим, Феофил и их 13 учеников – стих (житие восходит к Простому прологу, см. ниже); 23.VII. (24.VII.) Св. мц. Христина – стих и житие; 23.VII. (24.VII.) Св. Именей – стих; 23.VII. (24.VII.) Св. мч. Капитон – стих; 23.VII. (24.VII.) Св. Ермоген – стих; 25.VII. (24.VII.) Прп. и блж. Олимпиада белоризица – стих и житие (в Простом и Стишном прологах то же самое житие положено на разные даты); 25.VII. (24.VII.) Прп. Евпраксия – стих и житие;

25.VIII. (24.VIII.) Пренесение мощей св. ап. Варфоломея – стих и текст.

Всего обнаружено 23 случая перестановки стихных текстов на соседние даты: по 11 на июнь и июль, но лишь одно на август.

В 4 случаях стихи и стихные жития заимствованы в Пролог № 100 из осеннего полугодия. В перечисленных ниже чтениях первой указывается дата в Прологе № 100, второй – дата, под которой чтение встречается в других Стишных прологах: 1.VI. (24.I.) Св. и блж. Агапит безмездный врач – житие; 6.VI. (20.II.) Прп. Виссарион пустынный, чудотв. – стих и житие; 24.VII. (5.IX.) Свв. мчч. и чудотв. Борис и Глеб – стих; 26.VII. (12.I.) Прп. и многострадальный Моисей угрин – житие;

4) Переработка житийных текстов. Помимо исключений некоторых житий из состава Стишного пролога и добавлений к нему ранее не встречавшихся в Прологе текстов, в списке № 100 име-

ются также и переработанные варианты житий. Большинство из них – это контаминированные варианты житийных текстов Простого и Стишного прологов (ниже они цитируются по спискам фонда № 304.I Российской государственной библиотеки). Приведу пример подобного слияния двух вариантов текста:

8.VIII. Память прп. Емилиана исп., еп. Кизического.

Простой пролог (РГБ, ф. 304.I.-724)	Стишной пролог (РГБ, ф. 304.I.-718)	Пролог № 100
<i>Нач.:</i> Емилиан исповедник Христов бе во царство Льва иконоборца и епископ Кузический, многожды им нужен отврещися поклонения честных икон и не покорився...	<i>Текст:</i> Тои святые ради честные иконы многы претерпевыи злобы и горкая изгнания от звереименитнаго и нечестиваго Льва, венец исповеданию прием, успе о Господе.	<i>Нач.:</i> Емилиан исповедник Христов бе в царство Льва иконоборца, епископ сын Кизический, святая ради честные иконы многы претерпев злобы и горкая изгнания от звереименитнаго и нечестиваго Льва...

Как видим, в списке № 100 начало данного жития совпадает с версией Простого пролога, но далее используется версия Стишного пролога.

В списке № 100 контаминированными являются также тексты следующих житий: 3.VI. Свв. мчч. Лукиллиан, Павла дева и с ними 4 младенца: Клавдий, Ипатий, Павел и Дионисий; 5.VI. Прп. сщмч. Дорофей, еп. Тирский (при этом оба исходных варианта жития, из Простого и Стишного прологов, положены на 6.VI.); 7.VI. Св. мч. Феодот Анкирский; 11.VI. Свв. апп. Варфоломей и Варнава; 14.VI. Св. сщмч. Кирилл, еп. Гортинский; 30.VII. Св. Иоанн стратилат.

Всего на три летних месяца в Прологе № 100 выявлено 7 текстов, составленных из вариантов Стишного и Простого прологов: из них 5 положены на июнь, по одному – на июль и август.

Два жития в списке № 100 имеют индивидуальное окончание, не совпадающее ни с простой, ни со стихной версией Пролога:

30.VI. Собор свв. 12 апостолов

Простой пролог (РГБ, ф. 304.I.–724)	Стишной пролог (РГБ, ф. 304.I.–718)	Пролог № 100
<i>Нач.:</i> Святии апостоли, избрании Христа Бога нашего в различных странах учивше языки веровати во Святую Троицу...	<i>Нач.:</i> Блаженнии Давид, Святым Духом учим, ясно Святую Троицу в едино царствующую исповеда...	<i>Нач.:</i> Сый блаженнии Давид, Святым Духом учим, ясно Святую Троицу в едино царствующую исповеда...
<i>Кон.:</i> ...сотворим плод истиннаго покояния, да и делатели наши возвеселятся о нас, и к Богу с радостию принесены будем и вечных благ наследницы будем молитвами святых апостол.	<i>Кон.:</i> ...яко же и доселе не мощи никому мимоити мимо того места, аще не рукама ноздри заградит, в толице тело его на земли суд подъят яко и в будущем горная.	<i>Кон.:</i> ...един сый от ученик, бысть епископ в страны Аравийския, от еллин скончася. Пармена един од седмих и от 70 ученик, пред лици апостольскими миром скончася в свои диаконии.

6.VII. Прп. Сисой чудотв.

Простой пролог (РГБ, ф. 304.I.–724)	Стишной пролог (РГБ, ф. 304.I.–718)	Пролог № 100
<i>Нач.:</i> Сисой блаженни измлада Бога возлюбив воследова Ему...	<i>То же.</i>	<i>То же.</i>
<i>Кон.:</i> ...того Господь возва, идеже святых храми и присносущная светлость, и ныне за ны молится Христу Богу.	<i>Кон.:</i> ...к невеществе-ней преиде жизни, идеже святых селения и присносущная светлость, Христу о нас моляся.	<i>Кон.:</i> ...и рече: принесите ми сосуд избранныи пустыньни, и абие вдаст дух, и бысть молнии, исполнися храм благоухания.

Один текст, читающийся в Прологе № 100, не встречается ни в каком ином из известных мне прологов. Приведу здесь его начало и конец:

31.VIII. Воспоминание положения пояса пресв. Богородицы в Халкопратии.

Вариант текста в Простом и Стишном прологах (РГБ, ф. 304.I.–724, 718)	Пролог № 100
<i>Нач.:</i> Егда преславная Владычица наша Богородица и приснодевая Мария к рождышномуся от нея Господу хотяше отити, повеле дати две ризе свои двема женам убогома...	<i>Нач.:</i> Господь наш Иисус Христос, просветивши вся земля святым крещением, от идольския лести обратив и веры ради Константина цесаря, дать матери его Елене обрести древо креста своего...

<i>Кон.:</i> ...и принесен бысть в царство Устияна благочестиваго и сокривен бысть в Халкопратии, и преданно бысть обою яко божественная дара и без соблазнене утверждение сущему граду Богородица [и всем крестьяном].	<i>Кон.:</i> ...месяца августа в 31, да по всеи вселенней прославится имя святяга Богородица, ея же молитвами да сподобит ны Господь Бог наш царствию небесному во вся веки.
---	--

5) **Займствования из Простого пролога.** Составители Пролога № 100, следуя в основном стихной версии памятника, в некоторых случаях все же предпочитали текст Простого пролога. Всего выявлено 12 таких займствований – один на июнь, 4 на июль и 7 на август:

6.VI. 10 мчч.: Маркиан, Никандр, Аполлона, Леонид, Арий, Горгий, Иперехий, Селиний, Ириний и Памвон (в Простом и в Стишном прологах эта память положена на 5.VI.); 11.VII. Вмч. Евфимия; 17.VII. Св. вмч. Марина; 22.VII. Пренесение мощей св. сщмч. Фоки Синопского (в Стишном прологе эта память положена на 23.VII.); 27.VII. Св. вмч. и бессеребренник Пантелеимон; 1.VIII. Свв. Елеазар иерей, Соломония и 7 чад ее Маккавеев: Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Алим (Самон) и Маркелл; 8.VIII. Прп. Феодосий, игумен Оровонский; 9.VIII. Св. ап. Матфей; 14.VIII. Св. прор. Михей; 25.VIII. Свв. Мина, Епифаний, Геннадий, Иоанн, архиеп. Константинопольские; 27.VIII. Прп. Осия, еп. Кордувийский; 28.VIII. Прп. Моисей мурин.

Кроме этого, в Пролог № 100 на три летних месяца займствовано 48 житийных текстов, читающихся только в Простом прологе. Не всегда займствованное житие положено на тот же день, поэтому в следующем ниже перечне первой указывается дата, на которую данное проложное житие положено в рукописи № 100, в скобках – соответствующая дата Простого пролога.

5.VI. Прп. Феодор мних и чудотв.; 8.VI. Прп. Ефрем, архиеп. Антиохийский; 8.VI. (7.VI.) Свв. Кириакия, Калерия и Мария; 9.VI. Прп. Кирилл, архиеп. Александрийский; 10.VI. Св. сщмч. Тимофей, еп. Прусский; 10.VI. Блжж. Фефан и Панесемна Антиохийские; 17.VI. Прп. Ипатий чудотв. Руфианский; 19.VI. Св. ап. Иуда Фаддеев; 19.VI. Прп. Иоанн отшельник; 20.VI. Свв. мчч. Инна, Пинна и Римма Готские; 22.VI. Св. сщмч. Евсевий, еп. Самосатский; 23.VI. Свв. мчч. Евстохий пресвитер, Гай анепсей и чада его: Лоллий, Провий и Урван; 26.VI. Св. Иоанн, еп. Готский; 28.VI. Св. Павел врач.

2.VII. Св. архиеп. Иувеналий, патр. Иерусалимский; 4.VII. (5.VII.) Прп. Марфа, мать прп. Симеона столпника, Дивногорца; 4.VII. Свв. мчч. Феодот и Феодотия; 5.VII. Св. мц. Агния; 5.VII. Св. мц. Кирилла

(Киприлла) Киринойская; 6.VII. Свв. мчч. Лукия дева, Рикс викарий и прочие 9 мчч. в Кампании; 7.VII. (27.XI.) Прп. Акакий послушливый; 11.VII. Успение блж. Ольги, княгини русской; 12.VII. Блжж. мчч. варяг и сын его Иоанн в Киеве; 13.VII. Св. мч. Миропия; 13.VII. Св. мч. Серапион; 13.VII. Св. мч. Маркиан; 14.VII. Прп. Иосиф, архиеп. и исп. Солунский, брат св. Феодора Студийского; 14.VII.5: Прп. о. нашего Еллий мних; 15.VII. Св. мч. Авудим; 15.VII. Успение блж. и равноап. вел. кн. Владимира Киевского; 17.VII. (16.VII.) Свв. мчч. Онисифор и Порфирий; 22.VII. Чудеса св. сщмч. Фоки; 22.VII. Св. мч. Иулиан; 23.VII. Свв. мчч. Трофим, Феофил и их 13 учеников; 23.VII. Св. сщмч. Аполлинарий, еп. Равеннский; 24.VII. Свв. мчч., чудотв. Борис и Глеб русские; 27.VII. Прп. Анфиса, игуменья Мантинейская, и 90 сестер ее; 29.VII. Св. мч. Феодотия и чада ее.

2.VIII. Св. сщмч. Стефан, папа Римский, и иже с ним мчч.; 3.VIII. Прп. Косма скопец, отшельник; 4.VIII. Св. мч. Елевферий кувикулярий; 8.VIII. Св. мч. Марин старец; 16.VIII. Перенесение нерукотворного образа Христа из Едессы в Константинополь; 21.VIII. Св. мч. Лукий; 22.VIII. Св. мчч. Ириной, Ор и Оропс; 24.VIII. Св. сщмч. Евтихий, ученик св. Иоанна Богослова; 25.VIII. Свв. 37 мчч. в Филипполии; 30.VIII. Св. сщмч. Филонид, еп. Киринойский, и иже с ним.

Как видим, пополняя житийный раздел Пролога № 100 на летние месяцы, составители активно пользовались Простым прологом.

6) Особенности поучительного раздела. В поучительной части Стишного пролога № 100 положено по 1–2 чтения на каждый день; на 5 дней (30.VI, 17.VII, 11.VIII, 17.VIII и 31.VIII) поучений нет. Корпус поучений данного списка не совпадает с чтениями редакций Стишного пролога, перечень которых составлен Г. Петковым. Исключение составляют пять текстов: на 1.VI. (*Слово Иоанна Златоустаго како иерея чтити*. Нач.: Слышите Павла глаголюща: поклонитесь стареишинам вашим, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати им в день судный о вас...), 2.VI. (*Слово от патерика о некоем пустыннице, како согрешив, покайся*. Нач.: Поведаяше отец Пафнутии: помыслих ити в пустыню, егда же где обрящу человека, работающа Владыце Христу, и шед днии 30, обретох пещеру, и стопы к ней мужескы...), 6.VIII. (*Почтение Климента Охридского на Преображение Господне*. Нач.: Послушайте, братие, да скажу вам дни сего честь, каковая в он явишася, в сии бо день, братие, Господь наш Иисус Христос своим учеником откры славу своего божества...), 14.VIII. (*Почтение Климента Охридского на предпразднество Успения Богородицы*. Нач.: Да есте

ведуще, братие, яко днесь предпразднество Успения пресвятыя Богородица, по плоти матери Господа нашего Иисуса Христа, да соберетесь вси в церковь на молитву...) и 15.VIII. (*Почтение Климента Охридского на Успение пресвятой Богородицы*. Нач.: Днесь, братие, мати Господа нашего преставльшиися от жития сего в вышнее царство, в обители вечныя вселяется, в радость вечную и веселие неизглаголанное...). Все они, по данным Г. Петкова, читаются в Новгородской редакции Стишного пролога. Один текст (на 6.VIII.) входит также в состав Московской редакции Стишного пролога. Таким образом, можно говорить о некотором сходстве поучительной части списка № 100 и Новгородской редакции Стишного пролога.

7) Индивидуальные поучения. В состав Пролога № 100 входят 10 индивидуальных поучений на летние месяцы: 6 из них не встречаются ни в одном из известных мне видов Пролога. Это следующие поучения:

10.VI. Слово Иоанна Златоустаго о святом комкании. Нач.: *Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем своим и не презре бо человеческого согрешения...*; 15.VI. Слово о злых женах. Нач.: *Что есть жена зла? Купница бесовская, торг адов, цесарь сквернам, воевода неправдам, стрела сатанина, летящая в день...*; 21.VII. Слово Иоанна Златоустаго. Нач.: *Слышите, любимици, ангелову повесть Василием глаголанную, слышасте, како ти ангели не согрешивше трепещут, како мы убежим вечных мук...*; 30.VII. Слово, что есть знамение совершенна христианина. Нач.: *Вера права, дела благочестива, христианин истов, дом христов делы благими и учении добрыми и верными строяся...* (иной перевод этого текста встречается в прологах на 15.III); 3.VIII. Слово о сени первого закона. Нач.: *Егда ведяше Моисей жиды из Египта, проведе я посуху Чермное море и прииде к горе Синаистей, и возведе я на гору и пребысть 40 днии без пища...*; 26.VIII. Слово о страхе Божии. Нач.: *Первее имейте, братие, страх Божии в сердци своем, аще бо человек имат страх Божии в сердци, то может от всякаго зла востягнутися...*

Еще 4 поучения на летние месяцы Пролога № 100 не характерны для Стишного, но известны по Простому прологу пространной редакции под другими датами. Все они перечислены ниже; первой приводится дата, под которой текст читается в Прологе № 100, в скобках указаны соответствующие даты Простого пролога.

11.VI. (9.XI, 31.XII, 5.VI) Слово св. Василия. Нач.: *Братие, боимся смерти и ужасаемся, боим же ся родства огнена, яко вечен есть,*

боим же ся огня, яко негасим есть...; 2.VII. (25.V.) Слово от Лимониса о поручении св. Богородици. Нач.: *Поведаше Паладии мних пришедшим нам к нему, яко бе некто муж христолюбив в Александрии, зело благоговейн и милостив...*; 16.VIII. (5.XI.) Слово Иоанна Златоустаго о лечащих болезни волхвованием и наузы. Нач.: *Жития сего наводимая скорбная или имения лишение, или болезни тяжкыя, от оных мук нам ослабу творит, егда бо в недуг впадеш лют, мнози приидут, нудяще ты...*; 20.VIII. (7.I, 14.I, 15.I) Слово о погребающихся в церкви. Нач.: *Бе некая черноризица в стране Тавинеистеи, яже плоти воздержание стяжа, суровством же языку празнословия не остася...*

Как следует из материалов летних месяцев, Стишной пролог № 100 является результатом последовательной редакторской работы, проделанной, как мне кажется, с целью пополнения житийной части этого сборника. Это позволяет сделать вывод, что данная рукопись являет собой список ранее неизвестного вида Стишного пролога, составленного на территории Великого княжества Литовского.

Список литературы

1. Морозова, Н.А. Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог / Н.А. Морозова. – Vilnius, 2008.
2. Морозова, Н.А., Темчин С.Ю. Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.) / Н.А. Морозова // Z dziejów monasteru supraskiego. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa”. – Białystok, 2005. С. 117–140.
3. Добрянский, Ф.Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / Ф.Н. Добрянский. – Вильна, 1882.
4. Турилов, А.А. К истории Стишного пролога на Руси / А.А. Турилов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2006. – № 1 (23). – С. 70–75.
5. Темчин, С.Ю. Почему древнеславянский календарный сборник кратких житий был назван Прологом (об одном палеославянском недоразумении) / С.Ю. Темчин // Славяноведение. – 2001. – № 2. – С. 3–21.
6. Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока. Т. I: Восточная агиология / Сергей (Спаский). – М., 1997 (перепечатка владимирского издания 1901 г.).
7. Фет, Е.А. Пролог / Е.А. Фет // Лихачев Д.С. (ред.) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – Л., 1987. – С. 376–381.
8. Чистякова, М.В. Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь–ноябрь / М.В. Чистякова. – Vilnius, 2008.
9. Петков, Г.В. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век): Археография, текстология и издание на проложните стихове / Г.В. Петков. – Пловдив, 2000.

Сообщения

ГРЮНФЕЛЬД ИЛИ ГРЮНВАЛЬД? К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАНЦЕЛЯРСКИХ ПИСАРЕЙ

Битва, что произошла 15 июля 1410 г. на территории тогдашнего Орденского государства в Пруссии, в треугольнике между селениями Танненберг, Грюнфельд и Людвигсдорф, с самого начала была оценена современниками как значительное событие. Но, что может показаться довольно странным, также с самого начала возникли разные версии локализации, а, значит, и названия сражения. В этом сообщении речь пойдет о польской традиции обозначения битвы под Грюнвальдом, которая имело прямое воздействие на исторические традиции народов Великого княжества Литовского.

Названия места битвы в польских источниках имеют вариативность. Первые сообщения Ягайло после самой битвы, датированные 16 июля 1410 г., вообще не дают битве названия, рассказывая только о *campus prelii* (поле битвы), с дополнением «за Дубровной» («*retro Dambrownis in campo prelli*»), как в письме к королеве Анне, или «около Островны» («*prope Hastenrode in campo prelii nostri*»), как в письме к епископу познаньскому Альберту [9, S. 425–427; 3, с. 118–140].

В близком по времени создания к дате битвы нарративном памятнике – «Хронике конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христовый 1410», составленной, как считается, в период от ноября 1410 г. по январь 1411 г. [2, с. 30], в очень простой форме информируется о «месте битвы» («*de loco conflictus*») [9, S. 438; 2, с. 146].

Но уже в том же в 1410 г. в источниках появляется то название, которое позже станет общепринятым в историографии и историческом сознании сразу нескольких народов Центральной и Восточной Европы.

В первые месяцы после сражения из канцелярии Ягайлы еще выходили документы с указанием *Грюнфелда*, как это было сделано в письме от 16 сентября 1410 г. к епископу помезанскому Яну II. В этом письме, собственно, и идет речь о битве, которая состоялась в местности *Grunenvelt* – это значит *Grünfeld*. Тут необходимо отметить, что немецкое “v” в словах неинострного происхождения

читается как “f” и сама буква называется “фау”. *Grünfeld* в переводе означает «Зеленое поле». Особо следует отметить, что в средне-нижнемецком языке фраза «ze velde komen» («приходить на поле») имеет значение «zum kampf, turnier antreten» («готовиться к ..., начинать борьбу, турнир») [6, S. 477].

Но в конце того же 1410 года в документах появляется и так знакомое нам сегодня название. Речь идет о документах, выданных королевской канцелярией в Кракове 20 декабря 1410 г. в деле выкупа Николауса Варнсдорфа и еще двух других командиров наемных отрядов Ордена. Служащий канцелярии Ягайло использовал в тексте этих документов обозначение местности как «in campo dicto Grunwalt» вместо *Grunvelt* (in campo dicto Grunwalt; in campo dicto Grunwalt; in campo Grunwalt) [1, № 619, 3267].

Существует еще один документ, с той же хронологической датой, в котором Хольбрахт фон Лоим, наемный рыцарь Тевтонского ордена, взятый в плен в битве под Грюнвальдом [8, z. 2, s. 95–112], обещает заплатить за свое освобождение выкуп в размере 150 коп чешских грошей и передать одну кольчугу и два арбалета [1, № 52]. Этот латиноязычный документ составлен также в Кракове, и он интересен, кроме всего прочего, формой передачи названия места сражения – *Gruenwalt*. С одной стороны, мы видим стремление писаря очень точно обозначить немецкий умляутный гласный звук [y:], а диграф “ue” уже позже в немецкой письменности будут передавать через “ü” («у с умляутом»). С другой стороны, мы видим, как на наших глазах в названии исчезает *-feld* и появляется *-walt* (*-wald*).

Вполне возможно, что это была лингвистическая ошибка – переписчик плохо понял название и во втором слоге (слове) названия букву “e” передал как “a” [4, s. 135]. Кроме того, в немецком языке в начале слов буквы “v” и “f” обозначают один звук – “f”. И, таким образом, «Зеленое поле» (*Grunvelt/Gruenvelt/Grünfeld*) трансформировалось в «Зеленый лес» (немецкое *Grünwald*; в польской транскрипции *Grunwalt, Grunwald*).

В дальнейшем эта традиция обозначения битвы 15 июля 1410 г. как Грюнвальдской закрепилась в польских хрониках и памятниках историописания. Во многом это стало возможным, благодаря авторитету известного польского хрониста Яна Длугоша (1415–1480), который в своем масштабном труде «*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*» обозначил место сражения следующим образом: «in campis villarum Tannenberg et Grunwald»; а так же «в деревеньке

Грюнвальд» («villagium Grunwald») [5, p. 86–118]. Но главным названием у Длугоша стал Грюнвальд. Подобная дихотомия еще сохранялась и у другого великого польского историографа, но уже начала XVI в., Матея Меховского (1457–1523), который писал о битве около «villarum Thanenbrik et Grimvald» [7, p. CCLXXIX].

Почему же отпал Танненберг? Может быть потому, что это было «немецкое видение» событий? Кроме того, реальное поселение Грюнфельд было связано с последним, победным для союзников, этапом сражения. Польские источники продолжали настойчиво обозначать битву Грюнвальдской в то время, как населенный пункт в Пруссии по-прежнему назывался Грюнфельдом [4, s. 135].

Эта история с происхождением и распространением названия «Грюнвальдская битва» довольно поучительна. Она показывает, как временами ошибки или описки в названиях могут стать началом для возникновения нового исторического термина. Оказывается, от служебников канцелярий, в этом смысле – на уровне текстовой фиксации – довольно много зависит. Тут мы имеем тот редкий случай, когда можем очень точно датировать время возникновения (на уровне документальных источников) исторических терминов – в данном случае это 20 декабря 1410 г.

Но, определенно, все эти зигзаги вариативности не могут помешать нашему почитанию традиции.

Список литературы

1. Гага, Р.Б. Грюнвальд в источниках: “Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христовы” / Р.Б. Гага. – Пинск: ПолесГУ, 2009. – 208 с.
2. Гага, Р.Б. Лісты Ягайлы і ананімная “Хроніка канфлікту” як крыніца па даследаванню Грунвальдскай бітвы / Р.Б. Гага // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 118–140.
3. Archiwum Glywne Akt Dawnych. – Dokumenty pergaminowe.
4. Biskup, M. Grunwaldzka bitwa. Geneza – przebieg – znaczenie – tradycje / M. Biskup. – Warszawa: Interpress, 1991. – 211 s.
5. Joannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. – Varsaviae: Wydawn. Nauk. PWN, 1997. – L. X, XI / Textum recensuit D. Turkowska. – 351 p.
6. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. – Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 1986. – 343 S.
7. Mathiae de Mechovia Chronica Polonorum. – Cracoviae: Hieronymi Vietoris Chalcographi, 1521. – [22], CCCLXXIX p.
8. Pelech, M. W sprawie okupu za jeczyw krzyziackich z Wielkiej Wojny (1409–1411) / M. Pelech // Zapiski Historyczne. 1987. – T. 52 – Z. 1. – S. 131–152; Z. 2. – S. 95–112.
9. Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehle. – Leipzig: S. Hirzel, 1866. – Bd. III. – 730 S.

Галенчанка Г. Я.

НОВЫ ДАКУМЕНТ АБ СКАРЫНЕ

З канца XIX ст., калі пачаліся больш менш сталыя даследаванні, і да нашых часоў знойдзены і апублікаваны невялікі шэраг даволі аднастайных, пераважна судовых актаў, што тычацца жыццёвага шляху Скарыны.

Асабліва стрыманы ў гэтым сэнсе апошнія поўстагоддзя, нягледзячы на юбілеі і іншыя знаменальныя падзеі. Здавалася, што ўжо ўсё вычарпана і абнародавана. Выявілася, што гэта не зусім адпавядае рэчаіснасці. Два замежныя даследчыкі ў 1999 г. апублікавалі вялікую падборку матэрыялаў, прысвечаных прысутнасці і дзейнасці літвінаў у Кракаве з канца XIV ст. да 1579 г. [1].

Сярод пералічаных звестак пачатку XVI ст. двойчы сустракаецца імя “Францішка літвіна”. Першая згадка даўно вядома даследчыкам. Гэта фрагмент з актавага запісу Кракаўскага ўніверсітэта 1506 г. аб далучэнні некалькіх студэнтаў да стану бакалаўраў, у тым ліку “Фран[цызк]а з Полацка, літвіна”. Другая згадка, якая апублікавана Вацлавам Урбанам і Сігітасам Лужысам у агульнай кніжнай кампазіцыі, сапраўда новая, адзначаная выдаўцамі знакам запытання: ці той вядомы Скарына. Варта прывесці гэтую выпіску: «*4.VIII.1512. “Mgr Franciscus [Scoryna?] de Poloczko ad acta praesentia personaliter constitutus” contra Annam Craysla. instricem de Cracovia mgr Stanislaum Brzezicki in procuratorem constituit*». Інакш кажучы, магістр Францыск з Полацка 4 жніўня 1512 г. удзельнічаў пры разборы маёмаснай судовай справы ў Кракаве супраць Анны Крайслі, інтарэсы якой абараняў магістр Станіслаў Бжезіцкі.

Са згаданага рэгеста зразумела, што ў жніўні 1512 г. Скарына яшчэ быў у Кракаве, у той час як экзамены ў Падуі пачаліся праз тры месяцы. Калі лічыць згаданую асобу за Францішка Скарыну, то відавочна, што ён выехаў (ці вярнуўся) ў Падую напярэдадні добра вядомай нам экзаменацыйнай сесіі. Згодна з паведамленнямі гісторыкаў, Падуанскі ўніверсітэт у тыя гады не працаваў з-за італьянскай вайны [2, с. 167]. Скарына нейкім чынам дамогся здачы экзамена. У Кракаўскім ўніверсітэце выкладаліся асновы медычнай навукі, але Акадэмія ў той час не практыкавала падобных экзаменаў. Хто дапамог Скарыне ў яго падарожжы да Падуі і заахвочанні

масцітай экзаменацыйнай камісіі не высветлена.

Другі варыянт, што ў гэтым апублікаваным запісе згадваецца зусім невядомая нам асоба – нейкі Францішак палачанін, звязаны з Кракавам і Полацкам іншымі дачыненнямі. На карысць першага меркавання можна прывесці некалькі довадаў. Выразная рэдкасць палачан у актах Кракаўскага ўніверсітэта і іншых кракаўскіх інстанцый у пачатку XVI ст., тым больш іх адсутнасць (па выяўленых тагачасных крыніцах) у спалучэнні з імем Францыск. Па-другое, тэрмін, з якім звязаны акт, адносіцца да таго перыяду ў жыцці Скарыны, аб якім даследчыкам нічога канкрэтнага не вядома. Праз тры месяцы – 5 лістапада 1512 г. – ён прадстаў на сваёй экзаменацыйнай сесіі Падуанскага ўніверсітэта ў прысутнасці вельмі значнай камісіі.

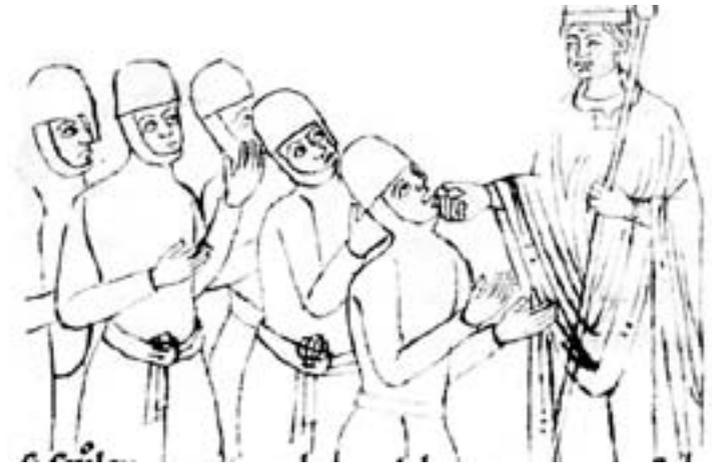
У пазнейшым артыкуле 2000 г., прысвечаным агульнаму разгляду згаданай вышэй кнігі, Вацлаў Урбан прыходзіць да лагічнай высновы, што названай там асобай быў усё ж такі сам Францішак Скарына [3, р. 430]. Падобная, вельмі верагодная гіпотэза дазваляе меркаваць пра магчымасць набыцця неабходных медычных ведаў упартаму палачаніну ў самім Кракаве, і ў канцы-канцоў адправіцца ў Падую для атрымання вышэйшай медычнай ступені. Такое меркаванне значна пашырае працяг кракаўскага перыяду ў жыцці і дзейнасці Скарыны, калі не зважаць на тое, што медычныя веды ён мог атрымаць і ў іншым месцы. Вядома дакументальна, што ў гэты таямнічы перыяд да 1512 г. ён нейкі час выконваў абавязкі пісара караля *Дакіі* (верагодна Даніі). Вельмі верагодна таксама, што пасля 1512 г. ён наведаў ВКЛ, дзе пасябраваў з віленскімі прыхільнікамі, якія падтрымалі ягоныя замыслы па арганізацыі выдавецкай справы ў Празе. Так ці інакш, адзначаны кракаўскі дакумент адчыняе магчымасць новых і значных знаходак аб жыцці і творчасці Скарыны ў гэтым вялізным стольным горадзе, звязаным шмат якімі грамадскімі, гаспадарчымі, духоўнымі адносінамі з ВКЛ. Тым больш, што згаданымі даследчыкамі выкарыстаны далёка не ўсе кракаўскія матэрыялы, што яны самі рупліва адзначылі ў прадмове.

Спісок літаратуры

1. Urban, W., Lūžys, S. Cracovia Lithuanorum saeculis XIV–XVI: Lietuvių Krokuvą XIV–XVI amžiais / W. Urban, S. Lūžys. – Vilnius, 1999. – P. 102–103, № 58 (Acta officialia generalia 26, p. 803).

2. Піотуховіч, М. Францішак Скарына і яго літаратурная дзейнасць / М. Піотуховіч // Чатырохсотлецце беларускага друку 1525–1925. – Мінск, 1926.

3. Urban, W. Lietuviai Krokuvėje nuo XIV a. pabaigos iki 1579 m. / W. Urban // Šešioliktojo amžiaus raštija / Senoji Lietuvos literatūra. – Vilnius, 2000.

ИСТОЧНИКИ

**«SOLDBUCH» ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА
КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СРАЖЕНИЯ
ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ
15 июля 1410 года**

Великая война с Тевтонским орденом 1409–1411 годов и ее центральное событие – Грюнвальдская битва – является одним из эпохальных событий отечественной и европейской средневековой истории, которое привело к значительным изменениям на Европейском континенте и определило дальнейшее развитие или упадок ряда европейских государств. Грюнвальдской битве посвящены сотни научных и научно-популярных работ в Беларуси и за рубежом. Однако ряд вопросов, касающихся сражения, до настоящего времени носит дискуссионный характер, что в свою очередь заставляет историков обращаться к непосредственным источникам для исследования битвы. Одним из таких источников является так называемый «*Soldbuch*» Тевтонского ордена за 1410–1411 годы, проливающий свет на численность и организацию, армии крестоносцев, принявшей участие в Грюнвальдском сражении.

Указанный источник впервые был использован немецким исследователем Эрнестом Кутовски в диссертации, посвященной истории наемников в Пруссии, которая была опубликована еще в 1912 г. [1], однако впервые он был издан только в 1988 г. профессором Геттингенского университета Свенном Экдалем [2]. До настоящего момента «*Soldbuch*» на современные языки не переводился.

«*Soldbuch*» Тевтонского ордена является манускриптом, в котором отражены выплаты жалования кондотьерам наемников, которые приняли участие в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 года, а также в обороне Мальборка и в военных действиях на стороне Ордена с июля 1410 года по февраль 1411 года.

«*Soldbuch*» представляет собой книгу, сшитую из 6 тетрадей, в переплете, сделанном в XIX веке, с дополнительной двухсторонней вклейкой, помещенной в книгу в XV веке ее во время ее написания. Общее количество страниц вместе с вклейкой – 118. Размер стра-

ниц 22,2 на 30 см, суммарная толщина книги составляет 1,3 см без переплета [2, с. 5–9].

В манускрипте имеется ряд пустых страниц, видимо предназначенных для последующих дополнений. Бумага манускрипта неоднородная, содержит несколько водяных знаков, указывающих на ее верхнеитальянское и фламандское происхождение. Записи сделаны на средневерхненемецком языке готическим письмом пятью различными почерками. На некоторых страницах записи сделаны двумя различными почерками [2, с. 9].

Книга была составлена в течение нескольких месяцев после подписания 1 февраля 1411 года первого Торуньского мирного договора между Польшей и ВКЛ с одной стороны и Тевтонским орденом с другой. Некоторые из записей были сделаны между 10 февраля и 12 апреля 1410 года, а самая поздняя запись датируется 27 мая 1411 года [2, с. 9].

Структурно рукопись состоит из 3 частей. Первая часть включает в себя страницы с 1 по 19 и содержит записи о выплате жалования наемникам, принимавшим участия в Грюнвальдской битве и получившим плату в Мальборке 20 июля 1410 года. Вторая часть книги включает страницы с 25 по 104, она содержит записи выплат жалования наемникам, которые сражались за Орден в разное время, с начала осады Мальборка 25 июля 1410 года до заключения Торуньского мира в 1411 году. Наконец, третья часть книги включает в себя страницы 116 и 117 и регистрирует тех наемников, которые не успели прибыть в Пруссию до 1 февраля 1411 года и поэтому плату не получили.

Существенным недостатком источника является его неполнота, присущая всем средневековым документам подобного рода. Так как кондотьеры получали деньги и за своих людей, большая часть наемников, которым согласно Зольдбуху было выплачено жалование, остались анонимными. С другой стороны, «*Soldbuch*» позволяет нам достаточно точно определить количество *гостей* и наемников, принявших участие в великой войне 1410–1411 гг. на стороне Тевтонского ордена.

Нас интересует первая часть «*Soldbuch*», поскольку именно она содержит сведения о наемниках и гостях, принявших участие в сражении при Грюнвальде. Из первой части книги мы узнаем о том, что в Грюнвальдской битве приняли участие наемники из 9 разных по численности рот.

Самую многочисленную роту собрал Никель Коттевич. Она включила в себя 379 копий и одного стрелка, то есть 1138 человек. Следующий по численности ротой является отряд Венцлава фон Донины, включавший в себя 237 копий и одного стрелка или 712 человек. Затем следует хоругвь рыцарей из Мейсена – общим числом 229 копий или 679 человек. Четвертой по величине являлась рота Каспера Герсдорфа, которая насчитывала 158 копий и 2 стрелка, то есть 476 человек. В этих четырех ротах кроме главных кондотьеров указан еще ряд кондотьеров второго звена, которые получили плату за себя и своих воинов, что указывает на сборный характер данных отрядов.

В остальных пяти ротах жалование получили только главные кондотьеры, и все они были меньше по численности. Рота Ханнуса фон Хокенбора состояла из 107 копий или 321 человека, рота Хайнче Борснича – из 40 копий или 120 человек, рота Дера фон Иленбурга – из 36 копий и 1 стрелка, то есть из 109 человек, а отряды Гирхатра Кинча и Мертина Ринлина насчитывали по 22 копьей, а значит по 66 человек. То, что копьей и стрелки в книге выплат жалования Ордена являются счетным единицам, а не боевыми, следует как из письма комтура Шлохава Арндта фон Бадена, адресованного великому магистру, так и того обстоятельства, что в манускрипте ни разу не указано три или более стрелка, а всегда только 1 или 2 [2, с. 149–151].

Таким образом, несложно подсчитать, что численность наемников и гостей, принявших участие в Грюнвальдской битве на стороне Ордена, составляла 1271 копьей и 2 стрелка, то есть всего 3695 воинов, из которых в Зольдбухе указаны имена 142 человек, а именно: Тиле Абештич, Хайнче Либенау, Петер Чёттич, Хайнче Брокс, Печше фон Редерн, Швобисдорф, Дункель, Польке фон Киттелич, Генрих Вальдау, Ульрих Вильде, Рулянт Шелендорф, Хайнче Шелендорф, Петер Беме, Бальчер Вильчкович, Фредерих, Ханнус фон дер Хойде, Никель Коттевич, Бальчер, Каспер Небельшич, Бернарт Тиргарт, Жор Пашке, Опеч Локау, Генрих Чечкау, Опец, Никель Ротенбург, Ханнус Ротенбург, Никель Унруу, Самсон Мельхозе, Габриель Ракель, Петер фон Вахау, Генрих Локау, Никель фон дер Оссель, Павел Бевер, Винценциус Грислим, Бальчер Метченроде, Фридрих Войдебах, Тиче Виртенхайн, Зегарт фон Лютен, Хайнце Чабельтич, Андриис фон дер Госсе, Часлав Гебельчк, Флич, Шимон Бруне, Ханнус Кувер, Павел Чакович, Лангенау, Никель

Зелестранг, Петер Шолтке, Брунинг Чабель, Конрад Квос, Ханнус Козелич, Ханнус Штольченберг, Ханнус Руске, Никель Ляндишкрене, Ханнус Бруне, Ленарт Грунхунт, Ульрих Шоф, Ройнче Шоф, Фридрих Шоф, Фридрих фон Ротенбург, Петер Вильденхаун, Ханнус Вехтер, Штенчлав Шонфогель, Бозе Ханнус, Генрих фон Мешенау, Никель Поннекау, Каспер Боер, Никель Добошич, Каспер Герсдорф, Никлès Дахше, Ханус фон Вигельшдорф, Ханнус фон Герсдорф, Ханнус фон Пенчкен, Лютер фон Пенч, Хайнче фон Герсдорф, Ханнус Чамбор, Хайнче фон дер Плезе, Ешке Штенч, Телфрих Калькрутер, Лютер Пакош, Вильрих Добиш, Генрих Авлèк, Ханнус Шелендорф, Гончель фон Зиделич, Никлès Дахше, Каспер Штевич, Френчель фон дер Ибе, Фрице Шоф, Хайнче Борснич, Ханнус фон Хокенборн, Гирхарт Кинч, Дер фон Иленбург, Мертин Ринлин, Венцлав фон Донин, Ханнус фон Киттелич, Зибе фон Розенталь, Каспер Гетринг, Хайнче Фирхин, Хайнче Пашкендорф, Хаберлянт, Хлавач, Вольф фон Чеделич, Бохуссе фон Перуче, Генрих Анебос, Касша, Глиннич, Генрих фон дер Нессе, Ханнус фон Ребенич, Вильгельм, Петир Хокак, Ульрих фон Риге, Конрад фон Коллен, Штанге, Генрих фон Донен, Ханнус Тадер, Никлюс Вальч, Шранк, Пешшик, Герунг, Ульрих Хобург, Зинке Видебах, Ченке фон Клингенштайн, Джон фон Визен Вассер, Джон Опачин, Петир фон Весселиг, Петир Биссенбург, Ханнус фон Лё, Бруснич, Генрих Вармунт, Тристрам фон Редрен, Иорге фон Шелендорф, Иоханнес Форверк, Петир Вах, Джон фон Кокерич, Никель фон Хойнич, Генрих Панович, Ханнус фон Вальдау, Генрих фон Хугевич, Фредерик фон Шплассау, Ханнус фон Канич, Хойде фон Конерич.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что наемники и гости из Мейсена зарегистрированы отдельно. Собственно, только они представлены в рукописи территориальным военным формированием. Данное обстоятельство указывает на особый статус мейсенцев среди гостей Ордена. Такое предположение подтверждается и другими источниками. Ян Длугош в «*Banderii Pruthenorum*», при описании хоругвей Ордена, отмечает, что рыцари Мейсена выставили хоругвь со своей земли за собственный счет. И потому сражались одним отрядом и под собственным знаменем, в то время как остальные гости и наемники были распределены для усиления хоругвей крестоносцев. В то же время численность хоругви из Мейсена, указанное Яном Длугошем (80 копий) не подтверждается данными Зольдбуха, в котором их численность составляет 229 копий, то есть почти втрое больше.

Еще одной особенностью хоругви из Мейсена является то, что в Зольдбухе только относительно ее указано количество воинов, побывавших в плену у союзников. Так рукопись сообщает нам, что «господин Хапкус фон Вальдау получил 322 марки 16 скотов за 14 копий и 2 стрелков за 2 месяца, что в плен попали, а именно господина Хакуса фон Вальдау 4 копыя 2 стрелка, господина Генрих фон Хугевича 4 копыя, Фредерика фон Шплассау 2 копыя, Ханнуса фон Канича 2 копыя, Хойде фон Каперича 2 копыя».

Всего из мейсенской хоругви, таким образом, побывали в плену 44 человека, что составляет примерно 6,5% от их общей численности. К сожалению, в «*Soldbuch*» больше данных по пленным не приводится. Кроме мейсенцев только один человек – Хайнче Борснич – отмечается как побывавший в плену. Не приводятся в манускрипте и данные по потерям.

Тем не менее «*Soldbuch*» Тевтонского ордена является самым ценным и точным источником, проливающим свет на численность армий, сражавшихся в битве при Грюнвальде. В частности, его данные опровергают утверждения некоторых историков об огромном числе наемников и гостей в армии Ордена. То обстоятельство, что наемники были распределены в большей части хоругвей Ордена, указывает на необходимость редукции к уменьшению численности орденских войск от нескольких десятков тысяч к 10–15 тысячам человек. Наконец, «*Soldbuch*» позволяет идентифицировать 142 непосредственных участника Грюнвальдской битвы.

Выплата жалования наемникам и гостям, записанным в части, касающейся Грюндвальдской битвы, осуществлялась в основном в прусских марках, однако иногда использовались венгерские (равен 12 скотам) и французские (равен 14 скотам) гульдены, а также английские нобли (равен 26 скотам). Одна прусская марка в то время равнялась четырем фирдунгам, что в свою очередь составляло 24 скота, либо 45 полускотов, или 60 шиллингов (солидов) [3, с. 21]. При этом 1 стрелок, то есть 1 человек, получал за одну неделю службы 22 скота, соответственно 1 копые, состоящее из 3 человек, получало за неделю службы 2 марки 18 скотов. Общая сумма, выплаченная Тевтонским орденом своим наемникам и гостям за участие в Грюнвальдской битве (плата за 8 недель службы), таким образом составляет около 51,5 тысяч прусских марок.

Также в книге отражены выплаты «за потери», вероятнее всего плата за гостей и наемников, которые погибли в битве. Общая сумма

таких выплат составила 748 марок и три фирдунга, что позволяет определить потери среди гостей и наемников в битве примерно от 60 до 150 человек (в зависимости от того, за сколько недель службы за них выплатили плату, чего мы точно не знаем). Эти предположения подтверждаются данными так называемого «*Чигизского манускрипта*», содержащего компиляцию работы «*О Пруссии*» Энеа Сильвио Пикколомини, который сообщает, что в битве под Грюнвальдом со стороны Ордена погибли 40 орденских комтуров, 600 конных рыцарей Ордена и 80 «гостей» и наемников рыцарского достоинства [4].

Таким образом, общая численность гостей и наемников, представленных со стороны Ордена в сражении под Грюнвальдом, могла достигать примерно 3800 человек. В целом книга выплат жалования Тевтонского ордена является не только ценным источником по военной истории, она представляет также огромную ценность для исследований в области средневековой генеалогии, денежного обращения в Средние века и средневекового делопроизводства.

Список литературы

1. Kutowski, E. Zur Geschichte der Söldner in den Heeren des Deutchordensstaatt in Preussen bis cum ersten Thornen Frieden / E. Kutowski. – Königsberg: i. Pr. Univ. Diss., 1912. – 116 s.
2. Das Soldbuch des Deuten Ordens 1410/1411 / Red. S. Ekdahl. – Köln-Wien: Böhlau, 1988. – 206 s.
3. Ausgabebuch des Marienburger Hauskomturs für die Jahre 1410–1420: m. Unterst. d. Vereins für d. Herstellung u. Ausschmückung d. Marienburg / Hrsg. von Walther Zieseemer. – Königsberg: Thomas & Oppermann, 1911. – 514 S.
4. Der Bericht der Chigi'schen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehle. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870. – B. 4. – S. 235–237.

Приложение

Текст книги выплат жалования наемникам Тевтонского ордена 1410–1411 гг., содержащий сведения об участниках сражения при Грюнвальде (перевод Р. Б. Гагуа)

Наемники года 1410.

Это описание платы, выплаченной в Мариенбурге в руки после битвы, до того как король Польши к Мариенбургу пришел, и те самые, что в битве участвовали, получили как за 5 недель в воскресенье перед днем Марии Магдалены (20 июля), и как за 3 недели, что еще не получили.

Тиле Абештич, Хайнче Либенау, Петер Чёттич и Хайнче Брокс получили 148 марок за 13 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получили они 40 марок за битву золотом, которые Н[икель] отсчитал.

Также 26 марок себе Тиле Абештич и т.д. взяли награду за свои потери.

Также тот же самый Тиле Абештич с его компаньонами получили 113 марок за вычетом 1 фирдунга за 13 копий и 2 стрелков за 3 недели.

Печше фон Редерн, Швевисдорф и Дункель получили 184 с половиной марки и 2 скота за 24 копыя и 1 стрелка за 5 недель. Также они должны были получить от Н[икеля] Коттевича 150 марок, что было отражено.

Также 50 марок они же получили за свои потери.

Также они же получили 203 с половиной марки за 24 копыя и 1 стрелка за 3 недели.

Господин Польке фон Киттелич получил 64 марки за вычетом 1 фирдунга за 9 копий, 2 стрелков за 5 недель.

Также получил ранее 60 марок от Никеля Коттевича, что было отражено.

Также 18 марок он же взял в награду за потери.

Также Генрих Вальдау и Ульрих Вильде, господина Польке компаньоны, получили 80 за вычетом 1 фирдунга за 9 копий и 2 стрелков еще за 3 недели.

Рулянт Шелендорф, Хайнче Шелендорф и Петер Беме получили 85 марок за 17 копий за 5 недель. Также получили ранее 150 от Н. Коттевича.

Также 34 марки взяли они же в награду за потери в битве.

Также этот же Рулянт Шелендорф и т.д. получили 140 марок и 1 фирдунг за 17 копий за 3 недели.

Бальчер Вильчкович, Фредерих и Ханнус фон дер Хойде получили 66 марок и 1 фирдунг за 15 копий за 5 недель. Также получили ранее 140 марок от Н. Коттевича.

Также 30 марок взяли они же в награду за потери в битве.

Также эти самые Бальчер и т.д. взяли 132 марки за 15 копий за 3 недели.

Каспер Небельшич, Бернарт Тиргарт и Жор Пашке получили 64 марки и 16 скотов за 6 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получили ранее 28 марок от Никеля Коттевича.

Также 8 марок эти же самые Каспер и т.д. взяли в награду за потери в битве.

Также тот же Каспер Небельшич и его компаньоны получили 55 марок за 6 копий и 2 стрелков ещё за 3 недели.

Опеч Локау и Генрих Чечкау получили 60 марок за вычетом 2 скотов за 5 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получили ранее 28 марок от Н. Коттевича.

Также 12 марок те самые Опеч и т.д. в награду за потери в битве.

Также этот же Опеч и т.д. взяли 46 марок 3 фирдунга за 5 копий и 2 стрелков ещё за 3 недели.

Никель Ротенбург и Ханнус Ротенбург получили 71 марку 10 скотов за 6 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получили ранее 20 марок от Н. Коттевича.

Также 12 марок взяли они же в награду за потери в битве.

Также эти самые Ротенбурги получили 55 марок за 6 копий и 2 стрелков еще за 3 недели.

Никель Унруу, Самсон Мельхозе, Габриель Ракель и Петер фон Вахау получили 21 марку 2 скота за 6 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также они получили ранее от Н. Коттевича 66 марок, что было отражено.

Также 6 марок они же получили за потери в битве.

Также они же получили 52 марки 4 скота за 6 копий и 1 стрелка еще за [3] недели.

Генрих Локау получил 18 марок 20 скотов за 1 копьё и 1 стрелка за 2 месяца, как за 5 недель, истекшие к воскресенью перед днем Марии Магдалены и за 3 недели. Также получили ранее 10 с половиной марок от Н. Коттевича.

Никель фон дер Оссель и Павел Бевер получили 47 марок 10 скотов за 11 копий и 2 стрелков за 5 недель. Получили ранее 113 марок от Никеля Коттевича.

Никель Коттевич, свистун, получил 18 марок 8 скотов за 1 копьё и 1 стрелка.

Винценциус Грислим, Бальчер Метченроде и Фридрих Войдебах получили 101 марку и 1 фирдунг за 11 копий за 5 недель. Также получили ранее от Н. Коттевича 50 марок.

Также 10 марок 3 фирдунга за 11 копий они же [получили] еще за 3 недели.

Тиче Виртенхайн и Зегарт фон Лютен получили 101 марку 3 солида за 13 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также получили ранее от Никеля Коттевича 82 марки 12 солидов.

Также они же получили 110 марок за 13 копий и 1 стрелка еще за 3 недели.

Хайнце Чабельтич получил 120 марок за 20 копий без 1 стрелка за 5 недель. Получил ранее 155 марок от Н. Коттевича.

Также 162 марки и 1 фирдунг он же ещё за 3 недели за 20 копий без 1 стрелка [получил].

Андрис фон дер Госсе, Часлав Гебельчк и Флич получили 171 марку и 1 фирдунг за 19 копий за 5 недель. Также получили ранее от Н. Коттевича 90 марок они же как плату.

Шимон Бруне и Ханнус Кувер получили 86 марок 16 скотов за 10 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получили ранее 60 марок от Н. Коттевича.

Также 7 с половиной они же получили в награду за потери.

Также 88 марок они самые за 10 копий и 2 стрелков ещё за 3 недели [получили].

Павел Чакович со своими компаньонами получил 122 марки 10 скотов за 17 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получили ранее 120 с половиной марок от Никеля Коттевича.

Также он самый получил 145 марок 3 фирдунга за 17 копий за 3 недели.

Лангенау получил 44 с половиной марки 2 скота от Кунче Коттевича помощь за 4 копья и 1 стрелка. Также получил ранее от Н. Коттевича 15 марок.

Также 4 марки он же получил в награду в помощь за потери.

Никель Зелестранг получил 59 марок за 8 копий за 5 недель. Также получил ранее 51 марку он же от Никеля Коттевича как плату.

Также Петер Шолтке, компаньон Никеля Зелестранга, получил 66 марок за 8 копий за 3 недели.

Брунинг Чабель и Конрад Квос получили 49 марок за 8 копий за 5 недель. Также получили ранее 61 марку от Н. Коттевича.

Также 8 марок они же получили в награду за потери.

Также они же получили 66 марок за 8 копий за 3 недели.

Ханнус Козелич со своим братом получил 67 марок 16 скотов за 6 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получил ранее 24 марки от Н. Коттевича.

Также они самые получили 55 марок за 6 копий и 2 стрелков за 3 недели.

Ханнус Шгольченберг и Ханнус Руске получили 41 марку 1 фирдунг за 5 копий за 3 недели.

Никель Ляндишкроне получил 9 марок 4 скота за 2 копы за 5 недель.

Ханнус Бруне получил 50 марок за 4 копы за 5 недель. Также получил ранее от Н. Коттевича 5 марок он же как плату.

Также он самый получил 33 марки за 4 копы за 3 недели.

Ленарт Грунхунт получил 29 марок 8 скотов за 1 копы и 1 стрелка за 2 месяца.

Ульрих Шоф и Ройнче Шоф получили 132 марки за 6 копий за 2 месяца.

Также они же два Шофа получили 29 марок 3 фирдунга от Фридриха Шофа помощь за 1 копы и 1 стрелка за 2 месяца.

Фридрих фон Ротенбург получил 50 марок за вычетом половины марки за 2 копы за 2 месяца 1 неделю.

Петер Вильденхаун и Ханнус Вехтер получили 35 марок 4 скота за 1 копы и 2 стрелков за 2 месяца.

Также 1599 марок 8 скотов Никель Коттевич сам за свои 72 копы и 2 стрелков за 2 месяца получил лично.

Также 151 марку 8 скотов Штенчлав Шонфогель за 7 копий и 1 стрелка за 2 месяца; Никель Коттевич получил. Также получил ранее 20 марок.

Также 431 марку 8 скотов Бозе Ханнус и Генрих фон Мешенау за 20 копий и 1 стрелка за 2 месяца; Никель Коттевич получил. Также получил ранее 16 марок, что было отражено.

Также 125 марок 8 скотов Никель Поннекау за 19 копий и 1 стрелка за 2 месяца.

Рота Каспера Герсдорфа

Каспер Боер и Никель Добошич получили 113 марок 8 скотов за 10 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также получил ранее 30 марок от Каспера Герсдорфа; что было отражено.

Также они же получили 85 марок за 10 копий и 1 стрелка еще за 3 недели.

Также 20 марок он же получил в награду за потери.

Никлс Дахше, Ханус фон Вигельшдорф, Ханнус фон Герсдорф и Ханнус фон Пенчкен получили 559 марок за 52 копы за 5 недель. Также получили ранее от Каспера Герсдорфа 156 марок, по 3 марки за копы; что было отражено.

Лютер фон Пенч и Хайнче фон Герсдорф получили 114 марок 16 скотов за 10 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также 15 марок они самые получили в награду за потери.

Ханнус Чамбор, Хайнче фон дер Плезе и Ешке Штенч получили 197 марок 2 скота за 18 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также получили ранее от Каспера Герсдорфа 55 марок; что было отражено.

Также 18 марок они самые получили в награду за потери.

Гелфрих Калькрутер, Лютер Пакош и Вильрих Добиш получили 197 марок 2 скота за 18 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также получили ранее 55 марок от Каспера Герсдорфа; что было отражено.

Также 18 марок они же получили в награду [за потери].

Генрих Авлек, Ханнус Шелендорф и Гончель фон Зиделич получили 75 марок 1 фирдунг за 7 копий за 5 недель. Также получили ранее 21 марку от Каспера Герсдорфа.

Также 7 марок они же получили [за потери].

Также Никлес Дахше получил 430 марок от Каспера Штевича и Френчеля фон дер Ибе помощь за 40 копий на 5 недель. Также получили ранее 120 марок от Каспера Герсдорфа; что было отражено. Также 17 марок они же получили [за потери].

Фрице Шоф [получил] 88 гульденов за 2 копы за [2] месяца, когда сюда к великой битве прибыл.

Также этот самый Фрице Шоф получил 16 гульденов и 1 фирдунг за 9 недель, что в Швеце дома вовремя получил с 1 лошадейю.

[Господин Хайнче Борснич]

Господин Хайнче Борснич получил 680 марок за 40 копий за 2 месяца, после великой битвы и нахождения в плену.

[Господин Ханнус фон Хокенборн]

Господин Ханнус фон Хокенборн получил 330 марок за 107 копий за 5 недель, после выхода из битвы. Также этому самому господину было выплачено 1100 марок в качестве платы; что было отражено.

Также 60 марок господин Ханнус фон Хокенборн получил за свои потери.

Также господин Ханнус фон Хокенбург получил 694 марки за 107 копий еще за 3 недели.

[Господин Гирхарт Кинч]

Господин Гирхарт Кинч получил 218 марок за 22 копыа за 5 недель. Также для господина Н. Коттевичем было выдано 84 марки, что было отражено.

Также 50 марок господин Гирхарт получил за свои потери.

Также господин Гирхарт получил 181 с половиной марку за 22 копыа еще за 3 недели.

[Дер фон Иленбург]

Дер фон Иленбург получил 300 марок за вычетом 8 скотов за 36 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также получил ранее от комтура Тухоли 100 и от казначея Страсбурга 100 марок; что было отражено. Также господин не пожелал взять никакой платы за 4 лошадей, которые ему принадлежали, грешный господин определил их Ордену.

Также 60 гульденов фон Иленбург получил за потери.

[Господин Мертин Ринлин]

Господин Мертин Ринлин получил 484 марки за 22 копыа за 2 месяца.

Наемники, которых господин Венцлав фон Донин привел, которые на битву пришли, за 2 месяца плату отсчитали, которые в битве участвовали, как за 5 недель, что они получили в воскресенье перед днем Марии Магдалены, и за 3 недели.

Господин Ханнус фон Киттелич получил 295 марок за 33 копыа за 5 недель. Также получил 158 марок 20 скотов и 1 солид в качестве своей платы, что было отражено.

Также 30 марок он же получил в награду за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Господин Зибе фон Розенталь получил 138 марок 2 скота за 18 копий и 1 стрелка за 5 недель. Получил ранее 114 марок; что было отражено.

Также 18 марок эти же 18 копий получили в награду.

Также получил еще за 3 недели.

Каспер Петринг, Хайнче Фирхин и Хайнче Пашкендорф получили 43 с половиной марки и пол фирдунга за 5 копий за 5 с половиной недель. Получили ранее 32 марки.

Также 5 марок они же получили в награду за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Хаберлянт со своими компаньонами получил 131 марку 8 скотов за 13 копий и 1 стрелка за 5 недель. Также получил ранее 52 марки.

Также 13 марок он же получил в награду за потери.

Также еще за 3 недели получил.

Господин Хлавач со своими компаньонами получил 76 марок 3 фирдунга и 1 солид за 8 копий за 5 недель. Также получили ранее 33 марки 14 солидов.

Также 10 марок они же получил в награду.

Также еще за 3 недели получил.

Вольф фон Чеделич со своими компаньонами получил 175 марок 10 скотов за 15 копий и 2 стрелков за 5 недель. Также получил ранее 40 марок.

Также 14 марок он же получил в награду за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Бохуссе фон Перуче получил 100 марок за вычетом 10 скотов за 10 копий и 1 стрелка. Также получил ранее 42 с половиной марки в качестве своей платы; что было отражено.

Также получил еще за 3 недели.

Генрих Анебос из гуфа господина Шранка получил 18 с половиной марок за 2 копыа. Также получил ранее 9 марок.

Также 1 с половиной [марку за потери].

Также получил ещё за 3 недели.

Касша из господина Шранка компании получил 11 с половиной марок за 1 копые и 1 стрелка за 5 недель.

Также получил еще за 3 недели.

Глинич и Генрих фон дер Нессе получили 36 марок 16 скотов за 2 копыа и 2 стрелков за 5 недель. Также 3 марки [за] потери.

Также получил еще за 3 недели.

Также Ханнус фон Ребенич и Вильгельм получили 84 марки 4 скота за 8 копий. Получили ранее 2 с половиной марки. Также 16 марок за вычетом 4 скотов за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Петир Хокак и Ульрих фон Риге получили 167 марок за 25 копий [за] полтора месяца. Получили ранее 2 с половиной [сотни] марок. Также 33 марки за потери получили в награду.

Также получили еще за 3 недели.

Конрад фон Коллен и Штанге получили 66 марок 14 скотов за 8 копий 1 стрелка. Получили ранее 48 марок. Также 4 марки за потери.

Также получил еще за 3 недели. Господин Генрих фон Донен получил 50 марок 4 скота за 4 копыя 2 стрелков. Получил ранее 14 марок. Также 50 марок за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Ханнус Тадер и Никлюс Вальч получили 53 марки за 4 копыя и 1 стрелка за полтора месяца. Получили ранее 19 марок. Также 8 марок за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Также господин Шранк, Пешшик и Герунг получили 58 марок 4 скота за 6 копий 2 стрелков. Получили ранее 33 с половиной марки. Также 2 марки за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Ульрих Хобург [получил] 14 марок за 1 копые за 5 недель. Также 1 марку 1 фирдунг за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Зинке Видебах со своими еще получил 96 марок за вычетом 2 скотов за 11 копий и 2 стрелков за 5 недель. Получил ранее 64 с половиной марки.

Также получил еще за 3 недели.

Также Ченке фон Клингенштайн [получил] 107 марок за 14 копий за 5 недель; был в компании господина Шранка.

Также 14 марок за потери получил в награду.

Также получил еще за 3 недели.

Джон фон Визен Вассер получил 17 с половиной марок за 2 копыя за 5 недель; еще в господина Шранка компании.

Также 2 марки он же получил за потери.

Также получил еще за 3 недели.

Джон Оппачин получил 40 марок за вычетом [10] скотов за 8 копий 1 стрелка. Получил ранее 75 марок.

Также 10 марок за потери получил в награду.

Также получил еще за 3 недели.

Господин Петир фон Весселиг получил 84 с половиной марки 4 скота за 6 копий 2 стрелков. Также получил [ранее] 7 марок. Также 15 с половиной марок получил в награду.

Также получил еще за 3 недели.

Петир Биссенбург получил 81 марку 16 скотов за 8 копий 2 стрелков. Получил ранее 37 с половиной марок. Также 9 марок получил в награду.

Также получил еще за 3 недели.

Ханнус фон Лё и Бруснич получили 50 марок за 4 копыя за 5 недель. Получил ранее 5 марок.

Также получил еще за 3 недели.

Генрих Вармунт получил 27 марок 1 фирдунг за 3 копыя [за] 5 недель. Получил ранее 14 марок.

Также получил еще за 3 недели.

Господин Тристрам фон Редрен и господин Йорге фон Шелендорф получили 107 с половиной марок за 5 недель. Получили ранее 30 марок.

Также получил еще за 3 недели.

Также Иоханнес Форверк, господина Тристрама компаньон, получил 108 марок за 7 копий 2 стрелков [за] 5 недель.

Также получил еще за 3 недели.

Также Петир Вах получил 44 марки за 2 копыя [за] 2 месяца.

Получил также еще за 3 недели.

Мейсенцы, бывшие в великой битве.

Джон фон Кокерич получил 131 марку за 21 копые. Также получил ранее в Старгарде; что было отражено.

Также Джон фон Кокерич получил 231 марку за 21 копые за другой месяц от битвы до вторника после дня Святого Лаврентия (12 августа).

Господин Никель фон Хойнич получил 719 марок за 141 копые за 1 месяц. Получил ранее 833 марки, что было отражено.

Также получил 11 марок еще за 1 копые.

Также получил 1562 марки за 142 копыя еще за 1 месяц от битвы до вторника после дня Святого Лаврентия (12 августа).

Генрих Панович получил 258 марок и 16 скотов за 51 копьё и 1 стрелка за 1 месяц. Также получил ранее 306 марок; что было отражено.

Также получил 564 марки 16 скотов за 51 копьё и 1 стрелка ещё за 1 месяц от битвы до вторника после дня Святого Лаврентия (12 августа).

Господин Ханнус фон Вальдау получил 322 марки 16 скотов за 14 копий и 2 стрелков за 2 месяца, что в плен попали, а именно господина Ханнуса фон Вальдау 4 копьё 2 стрелка, господина Генриха фон Хугевича 4 копьё, Фредерика фон Шплассау 2 копьё, Ханнуса фон Канича 2 копьё, Хойде фон Конерича 2 копьё.

Также 100 гульденов господин Ханнус фон Вальдау с вышеописанными своими сопровождающими получил за 14 копий и т.д.

Также 100 гульденов господин Ханнус фон Вальдау сам получил.

Казакоў А. У.

НЕВЯДОМАЕ ДАКАНЧАННЕ КАРАЛЯ ПОЛЬСКАГА І ВЯЛІКАГА КНЯЗЯ ЛІТОЎСКАГА КАЗІМІРА І КНЯЗЯ НАВАСІЛЬСКАГА І АДоеЎСКАГА МІХАІЛА ІВАНАВІЧА 1481 г.¹

Навасільскае княства вылучылася з Чарнігаўскага княства ў сярэдзіне XIII ст. Навасільскія князі ўяўлялі сабой старэйшую галіну сярод нашчадкаў Міхаіла Усеваладавіча Чарнігаўскага – родапачынальніка ўсіх “вярхоўскіх” князёў² [1, с. 45, схема 1].

У 1375 г. ардынцы спустошылі горад Навасіль, які з’яўляўся цэнтрам княства. Гэта прымусіла князя Рамана Сямёнавіча абраць сваёй рэзідэнцыяй Адоеў, куды з цягам часу і была перанесена сталіца. У тытулатуры мясцовых князёў з’явілася найменне “Адоеўскі”, але і “Навасільскі” таксама працягвала выкарыстоўвацца. Захавалася і назва “Навасільская зямля”, але цяпер яна стала называцца “Навасільскай і Адоеўскай” [2, с. 26–27].

У пачатку XV ст. адбылося разгалінаванне роду Навасільскіх князёў. Сыны Рамана Сямёнавіча Навасільскага Васіль, Леў і Юрый далі пачатак лініям Бялёўскіх, Варатынскіх і Адоеўскіх адпаведна [1, с. 46, схема 2]. Пры гэтым агульнародавы тытул “Навасільскі” выкарыстоўваўся прадстаўнікамі апошніх двух галін [3, р. 247, 254; 4, с. 100].

У 1427 г. Навасільскія князі, якія пры Васілю I служылі Маскве, былі прынятыя на службу вялікім князем літоўскім Вітаўтам і заставаліся васаламі літоўскіх гаспадароў да 70–80 гг. XV ст. [1, с. 47]. Аднак яны працягвалі захоўваць даволі высокую ступень самастойнасці і адасобленасці ад Вялікага Княства Літоўскага, а іх адносіны з віленскім дваром афармляліся дамовамі (“*докончаниями*”). Нам вядома аб існаванні такога даканчання паміж Вітаўтам з аднаго боку і Адоеўскімі і Варатынскімі князямі з іншага. Захаваліся звесткі аб тым, што дзесьці ў 1430–32 гг. Адоеўскіх князёў прыняў на

¹ Аўтар выказвае падзяку Р.А. Бяспалаву і А.І. Грушы за кансультацыю пры падрыхтоўцы гэтай публікацыі.

² У апошні час ужыванне абагульняльнага тэрміна “Вярхоўскія” у адносінах да княстваў у верхнім цячэнні р. Ака стала аб’ектам абгрунтаванай крытыкі [2], што прымушае нас браць гэта слова ў дзюкесе.

службу Свідрыгайла [1, с. 49; 2, с. 31]. Да нашага часу дайшлі тэксты трох даканчанняў: 1442, 1459, і 1483 гг. У кожным з іх з аднаго боку выступае кароль польскі і вялікі князь літоўскі Казімір, які прымае на службу Фёдара Львовіча Варатынскага – у 1442 г. [3, р. 247–248; 4, с. 55–56; 5, с. 4–5; 6, с. 117–118], Івана Юр’евіча Адаеўскага з “братанічы” (пляменнікамі) Бялёўскімі – у 1459 г. [3, р. 254–255; 4, с. 77–78; 5, с. 11–12; 6, с. 192–193] і сыноў вышэйзгаданага Фёдара Львовіча Дзмітрыя і Сямёна з іх пляменнікам Іванам Міхайлавічам – у 1483 г. [4, с. 100–101].

Усе тры пагадненні былі вядомыя і апублікаваныя яшчэ ў сярэдзіне XIX ст., пасля чаго неаднаразова перавыдаваліся (акрамя граматы 1483 г., якая публікавалася толькі аднойчы). Звесткі крыніц аб Навасільска-Адаеўскім княстве перыяду сярэдзіны – канца XV ст. не ўражваюць сваёй паўнатай, таму наяўнасць у распараджэнні даследчыкаў тэкстаў даканчанняў 1442, 1459 і 1483 гг. мае выключнае значэнне для вывучэння яго гісторыі. Да гэтых актаў звярталіся аўтары, якія ў той ці іншай ступені цікавіліся лёсам Навасільскіх князёў у XV ст.: М.К. Любаўскі, Ф.І. Леантовіч, С. Кучыньскі, А.У. Шэкаў, Я.І. Колычава, М.М. Кром, Р.А. Бяспалаў і інш. [1; 2; 7, с. 50; 8; 9, с. 131, 134, 136, 252, 253, 279, 283; 10, с. 40–42; 11, с. 261–265; 12, с. 203–209]. Апошні звярнуў увагу на сведчанне існавання дамовы паміж Казімірам і Бялёўскімі князямі, аналагічнай тром вышэйзгаданым. Аб гэтым вялікі князь літоўскі нагадваў Івану III праз сваіх паслоў у 1490 г. Казімір адзначыў, што Іван Васільевіч Бялёўскі яму служыў “и докончаніе, и присягу” яму даў [13, с. 47]. Паводле меркавання Р.А. Бяспалава, у гэтым даканчанні Бялёўскія маглі выступаць разам з Адаеўскімі, як тое было пры заключэнні пагаднення 1459 г. [2, с. 34]. Крыніца, прапанаваная да ўвагі чытача ніжэй, пацвярджае гэту гіпотэзу.

У зборы пергаментных дакументаў Галоўнага архіва старажытных актаў / Archiwum główne akt dawnych (AGAD) у Варшаве захоўваецца грамата, якая змяшчае тэкст даканчання паміж каралём польскім і вялікім князем літоўскім Казімірам і “Навасільскім і Адаеўскім” князем Міхаілам Іванавічам ад 26 студзеня 1481 г. Апошні выступае ад імені свайго брата Фёдара і пляменніка Івана Васільевіча. Супастаўленне імёнаў гэтых асоб з вядомай інфармацыяй па генеалогіі Навасільскіх князёў не пакідае сумненняў, што Міхаіл і Фёдар Іванавічы – гэта сыны Івана Юр’евіча Адаеўскага, які прысягнуў Казіміру ў 1459 г. Што ж тычыцца іх

братаніча Івана Васільевіча, то гэту асобу лёгка атаясаміць з сынам Васіля і пляменнікам яго брата Фёдара Міхайлавічаў Бялёўскіх, якія выступалі на баку ўсё таго ж Івана Юр’евіча ў грамаце 1459 г. Пагадненне 1481 г., відаць, і прыгадвалі паслы Казіміра на перамовах у Маскве ў 1490 г.

М.М. Кромам было зроблена некалькі важных заўваг адносна даканчанняў паміж Казімірам і Навасільскімі князямі. Па-першае, іх фармуляр заставаўся нязменным. Кожны раз пагадненне заключалася па “Витовтову докончанью”. Па-другое, кожнае пакаленне Навасільскіх князёў “абнаўляла” дамову сваіх бацькоў: прамежкі часу паміж 1442–1459 і 1459–1483 гг. прыкладна адпавядаюць змене адной генерацыі. Па-трэцяе, Адаеўскія і Варатынскія князі з некаторых часоў заключалі даканчанні з літоўскім гаспадаром асобна [1, с. 48–51].

Новая крыніца пацвярджае гэтыя назіранні. Па сваім фармуляры грамата 1481 г. адпавядае іншым аналагічным актам і ўтрымлівае спасылку на даканчанне Вітаўта. Што тычыцца меркаванняў аб перазаклучэнні пагадненняў з Вільняй кожным пакаленнем Навасільскіх князёў і аб тым, што Варатынскія і Адаеўскія рабілі гэта незалежна адно ад аднаго, то грамата 1481 г. надае ім большую абгрунтаванасць. У 1483 г. дзеці Фёдара Львовіча Варатынскага ў хуткім часе пасля смерці бацькі аднавілі яго даканчанне з Казімірам ад 1442 г. Сам Фёдар Львовіч яшчэ жыў у 1480 г. [13, с. 136]. З пагадненняў Адаеўскіх князёў да апошняга часу было вядома толькі адно – даканчанне Івана Юр’евіча 1459 г. Цяпер відавочна, што яго сыны, таксама як і дзеці Варатынскага князя, аднавілі бацькава даканчанне. Гэта дазваляе назваць і прыблізную дату смерці Івана Юр’евіча: відаць, ён памёр за год-два да часу прынясення прысягі Казіміру ягонымі сынамі. Цікава, што ў абодвух даканчаннях, заключаных Адаеўскімі князямі, на іх баку выступаюць князі Бялёўскія. У 1481 г. гэта была адна асоба – Іван Васільевіч. Адсюль вынікае, што бацька Івана Васільевіча і яго брат Фёдар, ад імя каторых Іван Юр’евіч заключыў пагадненне 1459 г., на студзень 1481 г. ужо не былі жывыя.

Асобны інтарэс выклікае тытулатура Навасільскіх князёў. Як было адзначана вышэй, тытулам Навасільскіх карысталіся і Адаеўскія, і Варатынскія. Паводле меркавання М.М. Крома, які падтрымаў версію С. Кучыньскага, гэта было адлюстраваннем барацьбы паміж гэтых двух галін за вяршэнства ў клане Навасільскіх князёў [9,

s. 133; 1, с. 50]. З ім не пагаджаецца А.У. Шэкаў, які лічыць, што агульна-народавы тытул выкарыстоўваўся Адоеўскімі і Варатынскімі толькі ў даканчаннях з літоўскімі гаспадарамі, тады як ў актах іншага характару Варатынскія як малодшая галіна роду Навасільскімі не называюцца [11, с. 262–263]. Не схіляючыся ў гэтай дыскусіі ні да аднаго з бакоў, адзначым, што ў грамаце 1481 г. Міхаіл Іванавіч Адоеўскі называе сябе князем Навасільскім, а ўжо праз два гады (у красавіку 1483 г.) гэтак быў запісаны Іван Міхайлавіч Варатынскі.

Акрамя зместу каштоўнасць новай крыніцы заключаецца яшчэ і ў тым, што, у адрозненне ад трох аналагічных актаў, яна ўяўляе сабой арыгінал, які добра захаваны і цалкам чытальны. Даканчаны 1442 і 1459 гг. вядомыя толькі па копіях у складзе Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага [3, р. 247–248, 254–255]. Паводле меркавання Р.А. Бяспалава, грамата 1483 г., якая знаходзіцца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў (Ф. 79, воп. 3, адз. зах. 2, арк. 2–2 адв.), уяўляе сабой пазнейшую копію. Прычым, яна вельмі кепска захавалася: даволі значная частка тэксту страчана альбо чытаецца няўпэўнена. Ці не таму выдаўцы грунтоўнага зборніка “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей” [6] адмовіліся ад яе публікацыі, надрукаваўшы тэксты пагадненняў 1442 і 1459 гг.?

Каштоўнасць крыніцы павышаецца тым, што на пергамене захавалася пячатка. Паколькі пагадненне складзена ад імя Міхаіла Іванавіча, яна мусіць належыць менавіта яму. Гэта, бадай што, адзіны вядомы экзэмпляр пячаткі князеў Навасільскага дома XV ст. На жаль, яна, у адрозненне ад самога пергаміна, знаходзіцца ў кепскім стане. Літар не захавалася, а выява невыразная і да таго ж пашкоджаная. Тым не менш можна з некаторай доляй упэўненасці сцвярджаць, што там выяўлена постаць чалавека, які стаіць. Гэта суадносіцца з вядомай пячаткай князя Івана Міхайлавіча Варатынскага 1587 г. На ёй прадстаўлены чалавек, які ў правай руцэ трымае дрэва, а ў левай нейкі прадмет акруглай формы [14, с. 11, табл. VIII, № 134].

Прымушаюць звярнуць на сябе ўвагу некаторыя асаблівасці мовы граматы 1481 г. Да іх можна аднесці напісанне ў тытулатуры Казіміра словаў “русского” і “прусского” з двума літарамі “с”, што сустракаецца даволі рэдка. Таксама незвычайным уяўляецца напісанне слова “братанич” праз літару “о” пасля “т” (“братонич”).

Усё вышэйсказанае робіць даканчанне 1481 г. важнай крыніцай, што прадстаўляе інтарэс не толькі для калег, якія цікавяцца гісторыяй Навасільска-Адоеўскага княства і дыпламатыяй Вялікага Княства Літоўскага адпаведнага перыяду, але і для спецыялістаў па гісторыі мовы, пісьма і сфрагістыцы.

Збор пергаментных дакументаў AGAD, дзе ўтрымліваецца грамата 1481 г., на сённяшні дзень налічвае 9140 актаў XII – пачатку XX ст. самага рознага кшталту. Як вынікае з назвы фонду, ён аб’ядноўвае крыніцы толькі па знешняй прыкмеце – тыпу матэрыяльнага носьбіта. Сярод іх сустракаюцца кірылічныя акты, якія датычацца гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Большасць з іх – гэта рэшткі колішняга архіва гэтай дзяржавы. У 1975 г. выйшаў у свет даведнік па AGAD, які ўтрымліваў падрыхтаваны І. Сулкоўскай-Курасёвай спіслы нарыс гісторыі архіва Вялікага Княства Літоўскага. Сярод актаў, якія патрапілі ў AGAD, аўтар называе “присяжны документ князя наваліска-адоеўскага (1481)” [15, с. 50]. Аднак гэта крыніца да апошняга часу заставалася невядомай шырокім колам навуковай грамадскасці.

Спіс літаратуры

1. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М.М. Кром. – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 320 с.
2. Беспалов, Р.А. К вопросу о терминах “верховские князья” и “Верховские княжества” / Р.А. Беспалов // Проблемы славяноведения: [сборник] / Брянский государственный университет. – Брянск, 2010. – Вып. 12 / [Отв. ред. С.И. Михальченко]. – С. 15–61.
3. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1993. – 401 p.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1846–1853. – Т. 1: 1340–1506. – 1841. – V, 373, 24, 15 с.
5. Сборник Муханова / Сост. П. Муханов. – 2-е изд., доп. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1866 г. – 4, XXXVI, XVIII, 622, LVII, 30 с.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 587 с.
7. Любавский, М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского статута: ист. очерки / М.К. Любавский. – М.: Унив. тип., 1892. – [998] с.
8. Леонтович, Ф.И. Очерки истории литовско-русского права (продолжение) / Ф.И. Леонтович // Журнал министерства народного просвещения. – 1893. – Ч. 290. – С. 259–326.
9. Kuczyński, S. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy / S. Kuczyński. – Warszawa: Zasilék Funduszu Kultury Narodowej, 1936. – 412 s.

10. Шеков, А.В. Верховские княжества (краткий очерк политической истории, XIII – середина XVI вв.) / А.В. Шеков. – Тула: Тул. археол. экспедиция, 1993. – 96 с.

11. Шеков, А.В. О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV–XV вв. / А.В. Шеков // Труды Государственного исторического музея. – 2006. – Вып. 158. – С. 258–268.

12. Кольчева, Е.И. Новосильско-Одоевская корпорация и судьба ее представителей в XV в. / Е.И. Кольчева // Словия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: тезисы докладов междунар. конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина, Москва, 13–16 июня 1994 г.: в 2 ч. / Межвузовский центр гуманитарного образования МФТИ “Петр Великий”; редкол.: Н.В. Карлов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1994. – Ч. 1. – С. 200–212.

13. Сборник Русского Исторического Общества. – СПб.: Тип. Импер. Академии Наук, 1882. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487–1533. / Под ред. Г.Ф. Карлова. – VI, 869, XII с.

14. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции; сост. П. Иванов. – М.: Тип. С. Селивановского, 1858. – 43 с.

Асновай для публікацыі паслужылі рэкамендацыі А.І. Грушы (“Метадчыныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага)”. Мінск, 2003). Літары, якія адсутнічаюць у сучасным алфавіце, захоўваюцца. Тэкст падзелены на словы, сказы і абзацы, уведзена сучасная сістэма пунктуацыі. Знакі ў выглядзе кропкі пасярэдзіне радка не адзначаюцца. Імёны ўласныя пачынаюцца з вялікай літары. Прапушчаныя літары ў скарачаных словах прыўносяцца ў радок і заключаюцца ў дужкі. Вынасныя літары надрукаваныя курсівам. У канцы радка ставіцца знак |.

1481 г. студзеня 26. Вільня. – Даканчальная грамата караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча

AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7364. Арыгінал.

Звычайны жоўты пергамін. 42×37×42×38,5. Краі скуры няроўныя. Правы край мае трохі выгнутую ў знешні бок форму. Загін унізе скуры скамячаны, з правага і левага бакоў мае прыблізна аднолькавую вышыню – 5.

Захаванасць дакумента добрая. Па лініі самага ніжняга гарызантальнага згіну (не ўлічваючы ніжняга краю, утворанага загінам) выразныя сляды вільгаці карычневага колеру. Некалькі плям такога ж характару сустракаюцца ў іншых месцах.

Скоратіс. Чорнае чарніла. Радкі няроўныя.

Чорнаваксовая віслая пячатка авальнай формы ў васковай місачы. Вышыня – 2, шырыня – 1,5. Выява часткова пашкоджаная і маларэльефная, чытаецца няўпэўнена (постаць чалавека, які стаіць). Надпіс адсутнічае (не захавайся?). Пячатка мацуецца на шайковым малінавым шнурцы. Шнур прасунуты праз дзве пары адтулін, зробленых на загіне і на аркушы.

Дакумент быў складзены ў 5 разоў па гарызанталі, у 2 разы – па вертыкалі. Квадраты, утвораныя лініямі згіну (адварот):

B	A
D	C
F	E
H	G
J	I

Квадраты I і J маюць большую вышыню за астатніх.

Паметкі.

На адвароце ў верхнім левым куце квадрата B сінім чарнілам ПМ-1: № 7364 (XX ст.; сучасны шыфр адзінкі захоўвання).

У квадраце G іншым почыркам простым алоўкам ПМ-2: N 100. Ніжэй іншым почыркам простым алоўкам ПМ-3: [...]63.

У квадраце J зверху цёмна карычневым чарнілам ПМ-4: Лис[т] [к] н(я)зе[и] [Но]восел[ских] [...] служит[и] [к]оро[лю] [К]а[зи]миру в лето 6984, ген(варя) [...] [ин]д[икт] [...] (XVI ст.). Пад ім іншым почыркам светла карычневым чарнілам ПМ-5: № 3 (XVIII ст.?).

Яшчэ ніжэй тым жа почыркам і чарнілам, што і ПМ-4, ПМ-6: в над цітлай. Ніжэй тым жа чарнілам ПМ-7: сімвал у выглядзе літары “С”, павернутай разрываю ўлева. Унізе квадрата J да гары нагамі іншым почыркам іншым чарнілам ПМ-8: [...] [Nowosils]kich [i] [Odoiewsk] ich [i]ako poczeli sluzyc [...][...] (XVII–XVIII ст.?).

У верхняй частцы квадрата I тым жа чарнілам, што і ПМ-5, ПМ-9¹: List ru[s]ki xiazat Nowosielski[ch] [i] Odoiewskich ia[ko] [poczeli] | sluzyc krolu Jg msci Kazimierzowi. W Wilnie. Roku od stworzeni[a] | swiata, 6989² i dnia 25 januarij (XVIII ст.). Ніжэй тым жа почыркам і чарнілам ПМ-10: Litera C szuflada 2 sztuka 5 (XVIII ст.). Ніжэй папяровая наклеяка, на ёй іншым почыркам карычневым чарнілам ПМ-11: Szuflada № 3 | fasciculus. 3. sztuka 6 (XVIII ст.?).

На форзацы на палях у верхнім левым куце простым алоўкам ПМ-12: Д[...]³ | N 163. Ніжэй на полі злева тым жа почыркам, што і ПМ-3, простым алоўкам ПМ-13: [...]63. На верхнім полі справа простым алоўкам ПМ-14: [Nowosielskij] [Odojewskij] [...] [Kazimierz] IV [Jagiel] | [...] 6989 [...]1481.

М(и)лстыю б(о)жыёю і г(о)с(по)д(а)ра⁴ Казимира, короля Польскаго і великаго кн(а)за Литовскаго і Русскаго, і княжети Прусскаго і Жамойтскаго, | і иных, язь, кн(а)зь Михаило Иванович Новосильский і Вдоевський і сь своим братом, сь кн(а)земь Федором Ивановичем, і сь своим | братоничем, сь кн(а)земь Иваном Васильевичем били есмо челом королю Казимиру г(о)с(по)д(а)рю, великому кн(а)зю, абы нас принал | ў службу. И г(о)с(по)д(а)рь король і великий кн(а)зь нас, слуг своих, пожаловал, принал ў службу по дади своего, великаго кн(а)за | Витовтову, докончанью.

А нам ему служити вѣрне во всем без всякоя хитрости, и во всем послушным быти. А ему | нас во ч(е)сти, и въ жалованьи, и въ докончаньи держати, как дада его, великий кн(а)зь Витовтъ, дѣда нашего | держал, и шцевъ наших, и нас во ч(е)сти и въ жалованьи. А полѣтное нам давати по старинѣ. А быти нам по королевои і великаго кн(а)за воли Казимировой. А с ким будет мирен король і великий кн(а)зь Казимиръ, ино и мы с тым | мирны, а с ким король

¹ У ПМ-9, 10 і 11 захавана арыгінальная пунктуацыя.

² Нумар года падкрэслены рысай.

³ Адзін сімвал.

⁴ Абрэвіятура гсдра можа расшыфроўвацца і як **государь**.

і великий кн(а)зь Казимиръ немирень, ино и мы с тым не мирны. А королю і великому кн(а)зю | Казимиру боронити нас шт всякаго, как і своего. А без королевы і великаго кн(а)за Казимировы воли нам ни с ким не до|канчивати, а ни пособлати никому.

А нѣшто ныкаторыми¹ дѣлы, што Б(о)гъ измыслит над королем і великим кн(а)зем | Казимиром, ино нам і нашим дѣтем служити королевым дѣтем к Литовскай землі, хто будет великим кн(а)-земь | на Литовскай землі. А што Б(о)гъ ўчинит над нами, ино по нашем животѣ королю і великому кн(а)зю Казимиру | дѣтем нашим служити к Литовскай землі, а по его животѣ дѣтем его, хто будет г(о)с(по)д(а)ремъ на великом Литовь|ском княжёньи. А по коим дѣлом б(о)жым ўднава над нашыми дѣтми Б(о)гъ што ўчинит, не будет штрона нашего, ино зе|млі не штступити нашої шт Великаго княжства Литовскаго. А хто са останет по нашем животѣ дѣтеи | наших, і королю і великому кн(а)зю Казимиру сь шчинъ наших их не рушити, а въ землі, і въ воды, і въ шчипны наши са ему не вступати, поколь рубеж Новосильский і Вдоевскай землі, шпроч того, што издавна шт(о)шло. А і дѣтем его, хто будет на Литовскай землі г(о)с(по)д(а)ремъ, наших дѣтеи не рушити. А і правду і записи | такий жь ему нам і нашим дѣтем дати. А хто не въсхочет имъ правды і докончанья тако же дати, а по то|му жь их не восхочет держати, как король і великий кн(а)зь Казимиръ, ино с нас целованье долов, а нам вола. |

А суд і справа королю і великому кн(а)зю Казимиру давати нам в сих дѣлех чисто без перевода. А съехавса, судам | королевым і великаго кн(а)за с нашыми судами судити, целовавъ кр(е)сть, без всякия хитрости, въ правду на шбѣ сторонѣ. А ш што сопрут са суди в которых дѣлех, ино положить нам на г(о)с(по)д(а)ра, на короля і великаго(о) | кн(а)за Казимира, і они едут перед короля і великаго кн(а)за. А кого шбвинит, то судамъ не надобѣ, а винаштыи истецъ заплатит.

А сь великим кн(а)земь Московским, і с великим кн(а)земь Переславьским, і сь великим кн(а)зем | Проньским, хто но² будет таа великаа княжента держати, с тыми нам суд свои имѣти по старинѣ. А чего | межі себе не ўправим с тыми великими кн(а)зьми

¹ Так у рукапісу.

² Так у рукапісу.

Ѹ доканчаньи, ино королю за то стоѣти и Ѹправлати, | коли ты¹ три кн(а)зи великии верху писаны с королем и великим кн(а)земъ будут Ѹ доканчани, или съ его сыном, или | съ его намест(ни)ком, которьи будетъ после его держати Великое княженъе Литовское. И ѿ чем коли сами про|межи себе кн(а)зи Новосильский и Ѡдоевский сопремса, и нам положити на своего г(о)с(по)д(а)ра, корола и великого кн(а)за | Казимира, и королю и великому кн(а)зю Казимиру межи нас то Ѹправити.

А на сем на всем ѿз, кн(а)зь Михаило | Иванович, и съ своим братом, съ кн(а)земъ Федором Ивановичем, и съ своим братоничем, съ кн(а)земъ Иваном Васильевичем | целовали есмо ч(е)стныи кр(е)сть своему г(о)с(по)д(а)рю, королю и великому кн(а)зю Казимиру.

А по сеи намъ грамотѣ | правити.

А п(и)сан Ѹ Вилни в лѣт(о) 6989, ген(вара) 26 д(е)нь, индик(т) 14. А при том были боѿре наш(и) Степан Борисович, а Иван Матфѣевич, | а Михаило Ѡлександрович, а Федоръ Иванович, а Григорей Иванович, а Григорей Иванович², а Данило Степанович.

РЕЦЕНЗИИ

¹ Так у рукапису.

² Паўторана ў рукапису.

Мартынюк А. В.

**АЛЕСЬ БЕЛЫЙ
В ПОИСКАХ БЕЛОЙ РУСИ
(рецензия на книгу Алеся Белого
«Хроніка Беларусі».
Мінск, Энцыклапедыкс, 2000)**

Монография Алеся Белого «Хроніка Беларусі» вышла из печати в 2000 году. За прошедшие 10 лет сформировалась та необходимая дистанция, которая позволяет оценить как саму книгу, так и ее роль в изучении генезиса названия «Белая Русь», а также наметить перспективы дальнейших исследований данной проблематики.

Не вызывает сомнений основной итог: книга Алеся Белого уверенно вошла в поле научной дискуссии. После исследования автора можно без колебаний «сдать в архив» многие историографические мифы и «романтически-краеведческие версии» происхождения названия «Белая Русь»: автохтонность его для белорусских земель чуть ли не со времен Рюрика; отражение этнографических особенностей Беларуси (белые одежды и белый цвет волос и т.п.); «татищевские известия» о тождестве Белой Руси с территорией Владимиро-Суздальской земли (следует отметить, что в последнем пункте Алесь Белый предвосхитил критические наблюдения А.П. Толочко, показавшего механизм создания В.Н. Татищевым своих «уникальных известий») и т.п. Автор убедительно показывает весьма сложный генезис хоронима «Белая Русь» и его многовековые «странствия» на просторах Восточной Европы, прежде чем он закрепляется на определенной территории.

Наиболее сильной стороной рассматриваемой книги представляется широкое привлечение для изучения генезиса и исторического бытования названия «Белая Русь» нового, ранее неизвестного материала: сведений латиноязычных географических трактатов, венгерских хроник, средневековой немецкой поэзии, памятников картографии периода Средних веков и раннего Нового времени.

Введенные автором в научный оборот, эти тексты и материалы не только качественным образом расширяют источниковую базу для изучения проблемы, но и ставят на повестку дня вопрос о необходимости системного поиска и выявления упоминаний Белой Руси в европейской исторической традиции. Не останавливаясь подробно на сильных сторонах книги, которая содержит и много нового материала, и обильную пищу для размышлений читателя, обратимся к тем моментам, которые требуют критического разбора.

Не со всеми положениями и интерпретациями автора можно согласиться. Прежде всего это относится к главной идее всей книги – гипотезе о том, что Белая Русь является продуктом книжного отождествления античной Албании со средневековой Русью через посредство некоторых промежуточных звеньев (например, народа Wizzi у Адама Бременского). Страницы книги (с. 25–40), призванные подтвердить этот тезис, производят чрезвычайно искусственное впечатление: цитаты из Исидора Севильского и Роджера Бэкона соседствуют с легендами о белоглазых албанах и рассказами о «страны Вису» Ибн Фадлана и т.п. – но этот средневековый *puzzle* так и не складывается в убедительную картину. Фактически вся концепция базируется на внешнем сходстве семантики хоронимов и этнонимов, принадлежащих разным регионам и разным эпохам: Албания (от лат. *albus* – белый) – Wizzi (созвучное немецкому *weiss* – белый) – Alba Russia. Не совсем понятен механизм подобного отождествления: в какой среде оно произошло, почему оказалось воспринято европейской исторической и географической традицией и каким образом следы данного отождествления позднее из этой традиции исчезли? Если принять гипотезу автора, то связь названий Албания и Белая Русь должна была быть для средневековых авторов самоочевидной и достаточно широко распространенной (раз она положила начало устойчивой традиции). В цитируемых же источниках, напротив, Русь и Албания, если и соседствуют иногда в тексте, то никоим образом не отождествляются – т.е. осознаются средневековыми авторами как разные явления. Для подтверждения гипотезы автору не хватает самого главного – *прямых свидетельств источников*, отождествляющих античную Албанию со средневековой Русью. Между тем, многообразие средневековой географической номенклатуры – причудливо сочетающей в себе ученое наследие античности, прагматичную

систематизацию реальных сведений и откровенный вымысел, служивший целям развлечения читателей, – позволяет найти самые неожиданные сопоставления. Трудно удержаться от искушения подсказать автору источник, который содержит столь необходимую ему связку Албании и Руси.

Прежде чем говорить о самом источнике, необходимо пояснить исторический контекст, который сделал возможным его появление. XIII век является ключевым в истории европейской картографии и географических представлений в целом. Потребности морской торговли, прежде всего в акватории Средиземного моря, приводят к широкому распространению сначала письменных лоций (описаний прибрежной полосы), а затем и к созданию на их основе карт-портюланов, которые являются прямыми предшественниками карт Нового времени (наиболее ранние сохранившиеся портюланы относятся к рубежу XIII и XIV вв.). Источник, о котором идет речь, как раз и представляет собой такое описание побережья Средиземного и Черного морей¹. По ряду признаков это описание может быть датировано началом XIII в. (обращает на себя внимание наличие в тексте куманов/половцев и отсутствие всякого упоминания о татарах). Вероятно, перед нами одна из первых черноморских лоций, созданных итальянскими мореплавателями после их «массового прорыва» в Черное море в результате падения Константинополя в 1204 г. В тексте данного источника неоднократно проводится прямое отождествление между Русью и Албанией, между русами и албанами: «*mare Albanorum, id est Russorum*», «*quod est Russorum id est Albanorum*», «*Albanos idem Russos*», «*et orientam ad Albanos, quod et Russi*»².

Можно ли сказать, что перед нами недостающее звено – и гипотеза, выдвинутая Алесем Белым, получила свое подтверждение? На наш взгляд, такой вывод был бы несколько преждевременным. Сама гипотеза автора о книжном происхождении названия «Белая Русь» подразумевает, как уже говорилось выше, *самоочевидное отождествление*, которое не могло не повториться в работах разных средневековых книжников. В цитированных же выше фрагментах мы имеем скорее единичное и локальное

¹ Dalché, Patrick Gautier. Carte marine et portulan au XII siècle. Le Liber de existencia riveriarum et forma maris nostri Mediterranei (Pise, circa 1200). Rome, 1995.

² Там же, с. 138, 139, 140, 171.

сопоставление, обусловленное спецификой источника, пытающегося примирить сведения, почерпнутые из ученой литературы, с реалиями нового для него региона. На месте Албании вполне могло стоять какое-нибудь иное антикизирующее название причерноморского региона – Алания, Скифия, Сарматия и т.п. Таким образом, перед нами скорее случайное совпадение, чем недостающее звено в цепи литературной трансформации античной Албании в средневековую Белую Русь, наличие которой предполагает автор.

Упомянув Сарматия, мы не можем не остановиться на еще одном источнике, важном для понимания генезиса хоронима «Белая Русь». Отечественные исследователи до сих пор не обратили должного внимания на чрезвычайно интересное описание восточноевропейского региона, созданное во второй половине XV в. византийским историком Лаоником Халкокондиллом (см. нашу статью в настоящем издании). В своем описании он говорит о «Белой Сарматии» (в которой находится город Новгород) и о «Черной Сарматии» (к ней относятся Киев, Москва, Тверь). Очевидно, что перед нами один из этапов генезиса цветных обозначений разных регионов Руси. Важно отметить, что по прямому свидетельству Халкокондила «сарматы» (русские) сами используют обозначение Белая и Черная Сарматия для названия своих земель. Очевидна некоторая условность этого свидетельства (вряд ли в Киеве или Москве именовали свою землю именно *Сарматией*, а не Русью), но нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что цветные обозначения имели хождение и на собственно русских землях. Между тем, тезис о том, что наименование «Белая Русь» до конца XV в. не использовалось самими восточными славянами, имеет важное значение для гипотезы Алексея Белого об искусственном, книжном происхождении этого наименования. Представляется, что данный тезис автора все еще остается недостаточно обоснованным.

Пытаясь упорядочить сообщения средневековых источников, Алексей Белый вводит понятия *цисрифейской* (северной) и *трансрифейской* (южной) локализации Белой Руси. В книге эти термины играют вполне понятную инструментальную роль: они позволяют автору привязать большую часть сообщений о Белой Руси к северной (новгородской) локализации и как-то сфокусировать те известия, которые явным образом в эту локализацию не впи-

сываются. Такая жесткая привязка во многих случаях выглядит искусственно (см. например, предположение о перенесении названия Белая Русь с Новгородской земли на Галицкое княжество в результате перехода князя Мстислава Мстиславича *Удатного* с новгородского стола на галицкий; с. 111). Автор убедительно показывает, что «первой родиной» Белой Руси был регион Новгорода. Однако очевидно, что Белой Русью могли быть названы и другие регионы восточнославянского мира, в зависимости от позиции наблюдателя – собственно это напрямую и следует из текста многих источников, которые цитирует автор.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на еще один аспект проблемы, который часто ускользает от внимания исследователей, увлеченных прямолинейной привязкой средневековой географической номенклатуры к конкретным историческим регионам. Массовое появление в источниках XIV–XV вв. (при этом источниках весьма различного происхождения – византийских, немецких, венгерских, итальянских и т.д.) целого комплекса обозначений для различных частей восточнославянского мира – *Русь Великая, Малая, Белая, Черная, Красная, Внутренняя, Внешняя и т.д.* – несомненно отражает какую-то важную тенденцию развития данного региона. Можно предположить, что этой тенденцией стала постепенная дезинтеграция того культурно-исторического пространства, которое современные историки называют Древней Русью, катализатором (но отнюдь не единственной причиной!) которой стало монгольское нашествие. Одним из результатов этой дезинтеграции стала потребность в обозначении обособляющихся регионов для стороннего наблюдателя. Представляется, что именно эта потребность и привела к массовому появлению «цветных» названий для обозначения различных частей бывшей Древней Руси. И если в период XIV–XV вв. эти обозначения еще «плавают» по карте Восточной Европы, то уже в XVI в. начинается процесс их закрепления за определенными территориями. Рождение термина, таким образом, неразрывно связано с формированием новых историко-географических реалий в Восточной Европе в «постдревнерусский» период, а легендарная *Alba Russia* трансформируется в современное название нашей страны.

Возвращаясь к рассматриваемой работе, хочется отметить, что хорошие книги по истории бывают разными. Есть книги, которые

открывают проблему. Есть книги, которые закрывают проблему. И есть книги, без обращения к которым дальнейшее изучение проблемы становится невозможным. Именно к последнему виду книг и относится исследование Алеся Белого «Хроніка Беларусі».

Научная жизнь

ЭХО ГРЮНВАЛЬДА:

Международная научная конференция «Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге)»

2010 год был богат на акции, посвященные 600-летию Грюнвальдской битвы. Кроме костюмированных представлений этого лета на самих Грюнвальдских полях и под Новогрудком, состоялись научные конференции и семинары в Польше, Литве, Беларуси, а также и в России, где в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) 22–24 октября 2010 г. была организована Международная научная конференция «Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге)». Следует отметить, что исторический факультет СПбГУ в последние годы является инициатором регулярных масштабных конференций по истории Восточной Европы. И это происходит благодаря неутомимой энергии одной очень заметной в университете кафедре – кафедре истории славянских и балканских стран, возглавляемой доктором исторических наук Александром Филюшкиным.

За годы проведения петербургских конференций уже выработался их определенный организационный стандарт. Так и на этот раз конференция не ограничивалась одним днем – на пленарные заседания был отведен один день, еще один день работали 6 секций, а в последний день состоялось выездное научно-практическое заседание «Северо-запад России как перекресток культур». Последний пункт программы является также отличительной чертой конференций, подготовкой которых занимается кафедра: организаторы конференции отказываются от помпезных приемов, но зато инвестируют доступные средства в «научные экскурсии». В этом году состоялся выезд в крепости Орешек и Старую Ладугу, которые связаны с историей русско-скандинавских и российско-шведских отношений. Туда, согласитесь, не каждый участник конференции найдет время и возможность добраться самостоятельно.

Еще одна особенность петербургской конференции заключается в том, что материалы конференции (в формате «расширенных тезисов») вышли до начала этого научного мероприятия, и все его

участники при регистрации получили довольно объемный 388-страничный сборник «Судьбы славянства и эхо Грюнвальда» (СПб., издательство «Любавич»). Эта «опция» значительно упростила работу участников конференции и сделала ее более эффективной, так как при выборе секции можно было ориентироваться не только на названия докладов, а в дискуссиях – не только на воспринятый на слух материал.

Ознакомление с программой конференции, а в еще большей степени – непосредственные контакты с участниками научного собрания, позволили осознать, насколько серьезным организаторы постарались сделать на своей конференции представительство исследователей из ближайших к России стран. И если Литва, Эстония и Молдова были представлены двумя участниками из каждой страны, а Польша, Финляндия и Венгрия – по одному, то из Украины было заявлено 22 участника, а из Беларуси – 16. И в таком широком представительстве украинцев и белорусов видится настойчивая позиция кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ.

Кроме того, отличительная черта Санкт-Петербургской конференции – широкие хронологические и тематические рамки. С одной стороны, действительно трудно конкурировать с конференциями по Грюнвальду, которые состоялись в Польше, Литве и Беларуси, где специалисты по периоду Великой войны 1409–1411 гг. могли рассматривать узкие вопросы давно обсуждаемой темы. С другой стороны, тут видится также историографический почерк Петербургской исследовательской школы, которая традиционно обращается к широким контекстуальным полям. Таким образом, на конференции обсуждались проблемы, которые охватывают период от начала становления государственности Литвы до казацких войн в Украине XVII века.

Безусловно, невозможно прореферировать все доклады, прозвучавшие на столь масштабной конференции. Упомяну только некоторые, информация о которых может быть полезной для белорусского читателя и дискуссии вокруг которых я слышал сам. Да простят меня другие коллеги, которых я не смог назвать по чисто техническим причинам. Но, напоминая, существует сборник материалов и готовится отдельное большое издание с новыми текстами по итогам конференции.

Филолог Владимир Василик из Санкт-Петербургского университета в своем докладе о богослужебных песнопениях в Грюнваль-

дской битве предложил свою версию происхождения гимна «Богородица», который, по утверждению Яна Длугоша, пели польские рыцари перед началом сражения. Докладчик выводит текст и мелодию «Богородицы» из православного византийского песнопения, которое через Чехию попало в Польшу (в «Богородице» Василик находит богемизмы XIII в.). И именно в византийской традиции присутствуют представления о Деве Марии как военачальнице. Добавим, что и сам польский термин *Bogurodzica*, как полагает Т. Лер-Сплавинский, это очень древнее церковнославянское заимствование в польском языке, пришедшее в Польшу при чешском посредничестве с первыми христианскими миссионерами. В современном польском языке используются обороты *Matka Boża u Matka Boska*.

Литовский исследователь Гедиминас Лесмайтис в своем докладе (казалось бы на вполне партикулярную тему «Историография военной истории ВКЛ во время первых двух бескоролевий (1572–1576 гг.)» обратил внимание участников конференции на то, что война – это только суровый экзамен для враждующих сторон. Военная же история предусматривает изучение и подготовительных акций, военных реформ, а также военного потенциала противников.

Белорусский историк Алексей Мартынюк предложил совершить феерическое путешествие по Европе начала XV века вслед за епископом Султании Иоанном де Галонифонтибусом. В 1318 г. римский папа Иоанн XXII провел реорганизацию церковных провинций и подчинил обширные пространства Передней Азии архиепископу Султании – в этом городе Северного Ирана находилась летняя резиденция монгольских ильханов. Именно архиепископу Султании и поручил столетием позже Тимур/Тамерлан дипломатическую миссию в Европе. В результате осуществления этой миссии архиепископ Иоанн написал «Книгу познания мира», в которой описал также Русь и Литву. Галонифонтибус отмечал, что «ныне» большая часть «Руссии» подчинена Витовту и королю Польши. Жители же самой Литвы («малой страны») прежде были язычниками, а теперь являются добрыми католиками. Особую ценность этой информации придает тот факт, что она была зафиксирована накануне Грюнвальдской битвы.

Белорусская латинистка Жанна Некрашевич-Короткая обратила внимание на то, что в своей поэме «Прусская война» (1516 г.) Ян Вислицкий пишет о «тroyаких русинах» – белых, красных и черных.

При этом под «белыми русинами» автор имел в виду жителей того региона, который определял как Alba Russia немецкий писатель Пауль Одерборн.

Непосредственно на заседаниях конференции не смог выступить декан исторического факультета СПбГУ Андрей Дворниченко, но для сборника конференции он подготовил свой программный текст «Военно-служилое государство (Восточная Европа. XIII–XVI вв.)». Российский историк акцентирует внимание на том, что ВКЛ не знало удельной системы в том виде, как она была известна в Московской Руси, и видит в этом определенный парадокс: «при большей политической толерантности великокняжеской власти в ВКЛ, она брала на себя большие функции в ущерб местной княжеской власти». А «военный» и «служилый» характер знати в ВКЛ был выражен более ярко, чем в Московском государстве. «Это объясняется влиянием на последнее Орды, которая как-то «стирала» внешние проявления этих сущностных черт».

Наш очень краткий реферативный обзор все же позволяет понять, сколь широкая проблематика была вынесена на обсуждение петербургской конференции, посвященной 600-летию Грюнвальдской битвы. Это научное мероприятие стало достойным завершением юбилейного года.

О. И. Дзярнович

IN MEMORIAM

ПАМ'ЯЦІ ГІСТОРЫКА-МЕДЫЯВІСТА
ПАЎЛА АЛЕГАВІЧА ЛОЙКІ
(12.07.1958–22.10.2010)

Сосна У. А.

БЕЛАРУСКІЯ СЯЛЯНЕ І ШЛЯХТА Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ ПАЎЛА ЛОЙКІ

Павел Алегавіч Лойка належыць да мэтраў сучаснай айчынай медыявістыкі, чые навуковыя дасягненні і асоба вядомыя за межамі Беларусі, найперш у суседніх краінах. Ён быў з кагорты тых (М.В. Біч, У.Н. Сідарцоў, В.М. Фамін, Г.В. Штыхаў), прычым самы малады, хто зрабіў прарыў у гістарычнай адукацыі, стварыўшы першыя школьныя навучальныя дапаможнікі па айчынай гісторыі ў незалежнай Беларусі. Аднак, спрабуючы прадставіць і абагульніць спадчыну навукоўца, сутыкаешся з праблемай адсутнасці спецыяльна прысвечаных яму гістарыяграфічных прац, калі не лічыць кароткіх інфармацыйных даведак [1; 2; 3], якія, тым не менш, пазбаўляюць нас ад неабходнасці паўтарэння біяграфічных дадзеных і дазваляюць засяродзіцца выключна на асноўных кірунках навуковай дзейнасці. На вялікі жаль, гэтая плённая дзейнасць раптоўна абарвалася і таму аказалася ў многім незавершанай, бо ў бліжэйшых планах было выданне пашыранага варыянту манаграфіі пра шляхту і абарона дысертацыі на саісканне ступені доктара навук, што, зразумела, стала б важным выніковым рубяжом яго навуковай біяграфіі і прыцягнула б адмысловую ўвагу гістарыёграфу.

У дадзеным невялікім артыкуле мы будзем абавірацца на манаграфіі [4; 5], навукова-папулярныя кнігі [6; 7], раздзелы ў калектыўнай працы «Гісторыя сялянства Беларусі» [8; 9; 10; 11; 12], якія склалі аснову навуковага даробку П.А. Лойкі. Найбольш поўнай і дакладнай біябібліяграфічнай крыніцай з'яўляецца яго асабістая справа ў бягучым архіве ўпраўлення кадраў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Агульная колькасць апублікаваных прац навукоўца і педагога набліжалася да двухсот.

Гісторыю Вялікага Княства Літоўскага, Рускага, Жамойцкага (як любіў называць гэтую дзяржаву поўнаасцю і прычым слова Княства прынцыпова пісаць з вялікай літары) Павел Лойка абраў для даследавання яшчэ ў студэнцкія гады, калі пад кіраўніцтвам Валянціны Анатолеўны Цяпловой выконваў адпаведныя курсавыя і дыпломныя праекты. Заўсёды з удзячнасцю згадваў талерантнасць свайго першага навуковага кіраўніка, якая нічым не абмяжоўвала творчыя памкненні пачынаючага даследчыка, хоць час яшчэ быў познесавецкі і само ўпамінанне ВКЛ адносна Беларусі лічылася падазроным.

З паступленнем у аспірантуру Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР высветлілася, што даследаваць эпоху Вялікага Княства беларускім савецкім гісторыкам дазвалялася пераважна ў сацыяльна-эканамічным плане, без закранання дзяржаўна-палітычных аспектаў, прычым і эпоху патрабавалася называць па прыналежнасці да адпаведнай грамадска-эканамічнай фармацыі – феадальнай. Паводле Карла Маркса, “людзі маюць гісторыю таму, што яны павінны былі вырабляць...” [13, с. 29, заўвага], а пры федалізме асноўнымі вытворцамі матэрыяльных каштоўнасцей былі сяляне. Значыць, гісторыя федалізму – гэта перш за ўсё, гісторыя сялянства і яго вывучэнне для савецкіх гісторыкаў мела першаступеннае значэнне.

Малады навуковец пакуль быў рады і такой магчымасці спасцігаць гісторыю Бацькаўшчыны часоў ВКЛ і Рэчы Паспалітай, па сапраўднаму захапіўшыся прапанаванай тэмай эвалюцыі феадальнай рэнты на беларускіх землях, вынікам распрацоўкі якой стала абарона кандыдацкай дысертацыі і выданне манаграфіі аб прыватнаўласніцкіх сялянах [4], якая стала першым у гістарыяграфіі комплексным даследаваннем феадальнай рэнты ў прыватных уладаннях Беларусі другой паловы XVI–XVIII ст. Мабілізацыя аўтарам масавага матэрыялу дазволіла яму істотна ўдасканаліць метадыку даследчыцкай работы. Акцэнт усёй аргументацыі перанесены з апісання асобных фактаў, г.зн., з ілюстрацыйнага паказу, на пераважна статыстычны аналіз. У храналагічных рамках другой паловы XVI – XVIII ст. такая метадыка асвятлення тэмы прыменена ўпершыню. Сам гэты факт сведчыць, што манаграфія П.А. Лойкі змяшчае арыгінальны пошук у вырашэнні адной з самых складаных праблем гісторыі феадальных адносін на Беларусі.

Разнастайнасць і інфармацыйныя магчымасці выкарыстаных аўтарам крыніц дазволілі яму значна шырэй, чым у апублікаванай

раней літаратуры, вызначыць задачы свайго даследавання сістэмы рэнтных адносін на Беларусі ў перыяд развітога і позняга федалізму. Сярод іх новымі з’яўляюцца: увесь комплекс пытанняў аб феадальнай рэнце ў прыватнаўласніцкіх маёнтках, вызначэнне ў дынаміцы ўзроўню эксплуатацыі ў іх, высвятленне параённых асаблівасцей феадальнай рэнты. Прынцыповае значэнне мае падыход аўтара да праблемы рэнтных адносін з пазіцыі пошуку ўзаемасувязей, якія складваліся ўнутры гэтых адносін, высвятленні іх значэння ў развіцці сялянскай гаспадаркі, у разгортванні сацыяльнай барацьбы сялянства. Такі падыход сведчыць аб глыбокім разуменні аўтарам ролі дыялектыка-матэрыялістычнага прынцыпу вывучэння гэтай тэмы.

Метадыку даследавання П.А. Лойкі выгадна адрознівае шырокае прымяненне прынцыпу параўнання супастаўных даных, пошук дынамічных паказчыкаў. Тым самым у манаграфіі праблема рэнты паўстала ў руху, у развіцці, г.зн. яна вывучаецца не як статычная з’ява, а як працэс, што таксама надае ўсяму асвятленню тэмы навізну. Было б цікава пашырыць гэты метадалагічны прыём шляхам супастаўлення дадзеных аб рэнце ў працах па гісторыі Расіі, а таксама рэгіёну Прыбалтыкі, дзе структура рэнты фарміравалася пад моцным уплывам таварна-грашовых адносін.

У першай главе манаграфіі грунтоўна прааналізаваны стан гістарыяграфіі па данай тэме. У ёй падкрэслена вядучае значэнне прац савецкіх гісторыкаў. Аўтар крытычна аналізуе працы расійскіх і польскіх гісторыкаў, падкрэсліваючы слабыя бакі трактоўкі імі феадальнай рэнты.

Поўную характарыстыку атрымала крыніцазнаўчая база даследавання, якая складаецца ў асноўным з арыгінальных архіўных дакументаў, большая частка з якіх прыцягваецца ўпершыню.

Другая і трэцяя главы раскрываюць ва ўсёй шматскладанасці працэс фарміравання сістэмы рэнтных адносін ва ўмовах другой паловы XVI – XVIII ст. Моцным бокам гэтай часткі манаграфіі з’яўляецца ўсебаковы аналіз фактараў, якія вызначалі структурныя рысы, канкрэтна-гістарычны змест рэнтных адносін. Упершыню формы рэнты атрымалі поўную характарыстыку як вынік шэрагу сацыяльна-эканамічных, палітычных абставін, характэрных для Беларусі ў разглядаемы перыяд.

Звяртае на сябе ўвагу тое новае, што ўнесена аўтарам у выклад праблемы. Абгрунтавана карэкціруецца схема эвалюцыі форм фе-

адальнай рэнты ў другой палове XVII – пачатку XVIII ст., якую ў свой час прапанаваў вядомы гісторык-аграрнік Д.Л. Пахілевіч.

Чацвёртая глава лагічна завяршае разгорнуты аналіз феадальнай рэнты. Асабліва выразна бачна ў гэтай главе арыгінальнасць вывадаў і назіранняў аўтара. Тут упершыню раскрыты канкрэтна-гістарычны змест дынамікі асобных формаў рэнты і ўсёй структуры рэнтных адносін, якія склаліся на Беларусі. Нагляднае ўяўленне аб гэтым працэсе змяшчаюць табліцы 1–12 дадатку да тэкста манаграфіі. Вывады аўтара адносна цяглых сялян пабудаваны на вялікім і разнастайным матэрыяле крыніц і таму выглядаюць больш пераканаўча, чым назіранні над дадзенымі аб суадносінах формаў рэнты ў чыншавікаў. Але і там сцверджанні аўтара пярэчанняў не выклікаюць. Прынцыпова важным з’яўляецца вывад аб тым, што другая палова XVII – першая палова XVIII і асабліва другая палова XVIII ст. з’явіліся часам найвышэйшага развіцця фальварачна-паншчынай сістэмы, што мела сваім вынікам значнае павелічэнне адрабочнай рэнты, прыкметную яе перавагу ў агульным павіннасным рэжыме прыватнаўласніцкіх сялян Беларусі.

У першым томе “Гісторыі сялянства Беларусі”, якога П.А. Лойка з’яўляўся і адным з навуковых рэдактараў, праблематыка рэнтных адносін пашыраецца і на першую палову XIX стагоддзя. Тут на падставе аналізу царскага заканадаўства ў адносінах да сялян пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, зроблена наша сумесная выснова аб тым, што “нягледзячы на асобныя зрухі ў саслоўна-групавым складзе сельскага насельніцтва, палітычны акт далучэння Беларусі да Расійскай імперыі не прывёў да карэнных сацыяльных пераменаў у жыцці беларускага сялянства” [10, с. 267]. Разам з тым, даследчык заўважыў змены ў спосабах спагнання, суадносінах і памерах рэнты. Асаблівую цікавасць уяўляе аналіз ім прымянення ў беларускіх губернях указа імператара Паўла I аб трохдзённай паншчыне і ўвядзенні расійскага дзяржаўнага падаткаабкладання сялян [11, с. 301–303, 307–309].

Відавочна, пад уплывам свайго глыбокашанаванага навуковага кіраўніка аспіранцкіх гадоў – Васіля Іванавіча Мялешкі – Павел Алегавіч выйшаў на праблематыку сацыяльна-класавай барацьбы. Сумесна з кіраўніком ён падрыхтаваў дзве навукова-папулярныя кнігі пра буйнейшае ў гісторыі Беларусі XVIII ст. Крычаўскае паўстанне. У першай з іх (для школьнікаў) падрабязна раскрываюцца прадпасылкі, ход, рухаючыя сілы і вынікі паўстання [6]. Другая

(прадстаўлена як масава-палітычнае выданне) пабудавана на следчай справе кіраўніка паўстання Васіля Мацвеевіча Вашчылы, знойдзенай у Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Украіны ў Кіеве [7]. Тут у найбольшай ступені раскрыўся публіцыстычны талент і апавядальніцкае майстэрства вырасшага ў пісьменніцкай сям’і аўтара, што разам з патрытычным запалам так імпаніравала на лекцыях студэнтам гістарычнага факультэта БДУ.

Для савецкай гістарыяграфіі было асабліва характэрным узвалічэнне і раздуванне так званай класавай барацьбы як рухаючай сілы грамадскага развіцця. Да яе прыпісваліся нават крымінальныя дзеянні сялян, якія апырэры, як прадстаўнікі ніжэйшага, прыгнечанага саслоўя, заўсёды апраўдваліся. Зразумела, прадстаўнікі пануючых станаў феадальнага грамадства аб’яўляліся прыгнятальнікамі народных мас і рацыі не мелі. Таму лічылася маральным і пажаданым забойства сялянамі шляхціцаў-землеўласнікаў і адміністратараў, а сялянскія паўстанні прызнаваліся найвышэйшай формай класавай барацьбы, надзвычай ідэалізаваліся і ўсхваляліся. Сацыяльныя канфлікты ў феадальнай вёсцы, несумненна, мелі месца і іх варта апісваць, але ўзважана, не без уліку этнічных, канфесійных, урэшце палітычных чыннікаў. Апошнія савецкай гістарыяграфіяй ці ігнараваліся, ці гіпертрафіравана пераўвядлічваліся, у залежнасці ад бягучай унутранай і знешняй партыйна-урадавай палітыкі, выкананне якой забяспечвалася ідэалагічным апаратам і цензурай. Нядзіўна, што працы па сацыяльна-класавай барацьбе, захоўваючы несумненную каштоўнасць сабраным і прыведзеным у іх фактычным матэрыялам, патрабуюць зараз адпаведнага карэктавання.

Не пазбеглі закідаў і сапраўды папулярныя, хутка знайшоўшыя свайго ўдзячнага чытача, кнігі В.І. Мялешкі і П.А. Лойкі. Так, А.П. Грыцкевіч, адзначыўшы ідэалізацыю паўстанцаў, сцвердзіў, што “Вашчыле давалі ў адзелы сваіх узброеных сялян магнаты Цеханавецкія, каб Крычаўскае староства не дасталася Радзівілу. Гэта была барацьба не супраць, а за права эксплуатацыі сялянаў” [14, с. 423]. Крычаўскі рух 1740–1744 гг., паводле А.П. Грыцкевіча, быў “пад кіраўніцтвам адных збіральнікаў падаткаў супраць другіх збіральнікаў падаткаў” [15, с. 154]. І.А. Марзалок залічыў паўстанне ў антысеміцкія выступленні, не адмаўляючы “той факт, што менавіта дзікае эканамічнае рабаўніцтва, не абмежаваная нічым эксплуатацыя сялянства з боку арандатараў прывялі да ўзброеных выступленняў” [16, с. 140–141].

Павел Алегавіч з увагай і павагай аднёсся да падняцця сваёй даўняй тэмы. Дамаўляючыся аб нашым сумесным выступленні па дыскусійных пытаннях гісторыі феадальнага сялянства і шляхты ў друку, ён характарызаваў Крычаўскае паўстанне як антыарандатарскае (супраць Гдаля і Шмуйлы Іцкавічаў, а не ўладальніка – Гераніма Радзівіла) і гэтым патлумачыў антысеміцкія настроі паўстанцаў. Для талерантнага па сваёй натуре Паўла Лойкі важнейшай была гістарычная праўда. Ён перажываў узнікаючыя разлады і непаразуменні паміж гісторыкамі, што вядзе да аслаблення ў цэлым айчынай гістарычнай навукі, а характэрная пры гэтым амбіцыйнасць толькі перашкаджае пошуку ісціны. Не было канфліктаў у тых навуковых і педагагічных калектывах, якімі Лойка кіраваў. У яго выдатна атрымоўвалася навуковае рэдагаванне і лагічнае звязанне ў адно цэлае калектывных прац.

З пачатку 1990-х гг. выразна абазначыліся новыя даследчыцкія прыярытэты П.А. Лойкі. У акадэмічных “Нарысах гісторыі Беларусі” ён піша ўжо не толькі і не столькі пра сялян, колькі пра палітычныя адносіны ў Вялікім Княстве Літоўскім [17] і палітычнае становішча беларускіх зямель у часы Рэчы Паспалітай [18]. Гэтым замацоўвалася тэндэнцыя вяртання нашаму народу ва ўсім аб’ёме яго палітычнай гісторыі, асноўнымі дзеячамі якой тады былі шляхцічы. Тут ён ушчыльную падышоў да абрання гісторыі шляхты беларускіх зямель тэмай будучай доктарскай дысертацыі.

Праблема шляхты з’яўлялася адной з “белых плямаў” у гістарыяграфіі гісторыі Беларусі. Яна свядома замоўчвалася ў савецкі час. І справа тут не толькі і не столькі ў псеўдамарксісцкіх, вульгарных адносінах да вышэйшага саслоўя як выключна эксплуатацыйнага, колькі ў імперскім ігнараванні шляхты як творцы палітычнай гісторыі Беларусі, носьбіта дзяржаўнасці нашых земляў у феадальную эпоху. Як трапіна заўважыў Адам Мальдзіс, “шляхецкі” ўспрымалася нават горш, чым “дваранскі” – нягледзячы на беднасць, “шарачковасць” шляхты, бо дваранства было ўсё ж рускае, з яго выйшлі дзекабрысты, а шляхта, хаця і “гутэйшая”, атаясамлівалася з “польскасцю”, таму і трэба яе, маўляў, разглядаць толькі як класавага ворага” [19, с. 9]. Нават магутны шляхецкі рух канца XVIII – сярэдзіны XIX ст., нягледзячы на тое, што аб ім надзвычай высока адзываліся Маркс, Энгельс, Ленін, практычна абыходзіўся. Пасля вайны, калі Польшча стала сатэлітам СССР, яго можна было даследаваць, але ў плане руска-польскіх рэвалюцый-

ных сувязяў. Для эпохі Рэчы Паспалітай і ВКЛ дазволу на шляхецкую праблематыку зусім не было, хіба што ў сувязі з зямельнымі адносінамі і эксплуатацыйнай сялянства. Астатняе лічылася справай польскіх гісторыкаў. Да прыкладу, фрагменты падзеяў паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі на беларускіх землях маглі быць паказаны толькі праз прызму барацьбы за далучэнне да Расіі [гл.: 20, с. 159–165].

Для паглыбленай распрацоўкі гісторыі шляхты Павел Алегавіч абраў перыяд апошняй траціны XVI – першай траціны XVII ст., калі ў паслялюблінскіх умовах дробная і сярэдняя шляхта, пацясніўшы магнатэрыю, стала вызначальнай сілай у Княстве. Менавіта тады, да ўсталявання магнацкай алігархіі, шляхта беларускіх земляў найбольш актыўна і вынікова ўдзельнічала ў вырашэнні складаных унутраных і знешнепалітычных задач. Прычым, калі расійскія даследчыкі абмежавалі вывучэнне шляхты “Літоўска-Рускай дзяржавы” часамі да ўтварэння Рэчы Паспалітай, то польскія асноўную ўвагу ўдзялілі “Кароне”, а падзеі ў “Літве” іх цікавілі толькі ў сувязі з польскімі землямі. Да таго ж, адкрыўся шырокі доступ для даследчыкаў з краін СНД да польскіх архівасховішчаў, найперш Галоўнага архіва даўніх актаў у Варшаве, дзе сабраны асноўныя соймавыя дакументы.

Вынікам напружанай працы ў гэтым кірунку стала падрыхтоўка і выхад у 2002 г. манаграфіі аб удзеле шляхты беларускіх земляў у грамадска-палітычным жыцці [5]. У яе першым раздзеле “Стан шляхты беларускіх зямель у далюблінскі перыяд” паказаны працэс фарміравання і юрыдычнага афармлення гэтага саслоўя, што адбылося да сярэдзіны XVI ст. Адзначаны падзел прывелеяванага стану, паводле маёмаснай вагі і доступу да дзяржаўных пасадаў, прынамсі на тры катэгорыі: магнаты-латыфундысты, сярэдняя і дробная шляхта. Даведзена, што такі падзел абумоўліваў як неаднолькавую ступень удзелу катэгорый шляхты ў грамадска-палітычным жыцці дзяржавы, так і адрознасць іх сацыяльна-палітычных інтарэсаў.

Асноўнай часткай манаграфіі стаў другі раздзел “Палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць шляхты беларускіх зямель у апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст.” З яе бачна, наколькі шырокім быў абсяг пытанняў, што ставіліся, абмяркоўваліся, вырашаліся на шляхецкіх сходах павятовага, ваяводскага, агульнавялікакняжацкага ўзроўняў. Гэта знешнепалітычныя ўзаемадачыненні, эканамічныя праблемы, удасканаленне судовай

сістэмы, арганізацыя вайсковай справы, міжэтнічныя стасункі, кадравыя прызначэнні, канфесійныя канфлікты і шмат іншых. Палітычная актыўнасць “народу шляхецкага” была найвышэйшай. Інструкцыі паслам паведаў на вальны сойм не былі для цэнтральнай улады пустой паперай, а шляхціцы адчувалі сябе выпрацоўшчыкамі палітычнага курсу краіны. Палітычная эліта ВКЛ у першыя дзесяцігоддзі пасля Люблінскай уніі старалася, наколькі магчыма, дыстанцыявацца ад заходняга партнёра і вытрымліваць лінію на самастойнае бачанне і вырашэнне ўнутры- і знешнепалітычных праблем, хоць паступова адбылася прыцірка і збліжэнне інтарэсаў “абодвух народаў” Рэчы Паспалітай.

Цікавейшым з’яўляецца завяршальны раздзел аб грамадска-палітычнай свядомасці нашай шляхты. Найперш, якім было для іх паняцце Айчына. Як высвятляецца, напачатку даследуемага перыяду гэта толькі Вялікае Княства Літоўскае, а напрыканцы – ужо і Рэч Паспалітая (“Рэч Паспалітая наша, Карона і Літва”). Шляхта лічыла сябе стваральнікам асноў дзяржавы, гарантам яе моцы і функцыянавання. Ідэалам унутрыдзяржаўнага становішча краіны ўяўляецца хатні мір і жыццё ў “міласці і згодзе”. Дыктатура права павінна была гарантаваць вольнасці і роўнасць шляхецкага асяроддзя, да каштоўнасцей якога адносіліся грамадзянская адказнасць, справядлівасць, адданасць справе, адкрытасць, абмежаванасць у патрэбах, салідарнасць, мужнасць, абарончая ваяўнічасць, асабістая годнасць. Такі вобраз шляхціца неяк не стасуецца з аднабоковай выявай яго ў савецкай гістарыяграфіі як этнічнага чужынца і эксплуатацара-крывапіўца сялянскіх мас.

Змест, высновы манаграфіі П.А. Лойкі варта ўлічыць удзельнікам дыскусіі пра вытокі і значэнне літвінскай традыцыі, і ў параўнанні з заходнерускай плыню, што нядаўна разгарнулася на старонках часопіса “ARHE”. Мы з Паўлам Алегавічам абмяркоўвалі гэтую дыскусію і прыйшлі да думкі, што літвінства, як і заходнеруская традыцыя, былі праявамі нашай адметнасці ў сувязі ці ў суадносінах адпаведна з заходнім ці ўсходнім суседзямі. Тое, што было зроблена гэтымі плынямі ў плане самабытнасці, адстойвання суверэнітэту нашых зямель неацэнна з пункту погляду гістарычна-беларускай рэтраспектывы. Прыкладаў не бракуе і ў вышэйзгаданай манаграфіі. Зразумела, не заслугоўваюць ухвалення тыя літвінскія і заходнерускія дзеячы, ці іх нашчадкі, якія пад асіміляцыйным прэсам схіляліся пазней да польскасці ці расійскасці, але напраца-

ванае імі на мясцовай глебе разам з захаваннем этнічнасці сялянства сталася сапраўдным падмуркам беларускага адраджэння XIX, XX ды і XXI стагоддзяў. Зрэшты сама абвостраная цікавасць да гэтай праблематыкі нашых вядомых гісторыкаў пацвярджае сказанае. Вось толькі паменш бы вастрэні, катэгарычнасці, а пабольш узважанасці ў ацэнках сваіх продкаў, разумення магчымасцей і матывацыі іх паводзін у розныя гістарычныя эпохі, што дазволіць адэкватна высветліць эвалюцыю такіх феноменальных з’яў нашай гісторыі як літвінства і заходнерусізм.

Падсумоўваючы, варта вызначыць, якімі ж бачыліся даследчыку адносіны паміж дзвюма асноўнымі станами на беларускіх землях у XVI–XVIII стст. Яны выступаюць канфрантацыйнымі першапачаткова, у рэчышчы марксісцкіх падыходаў, але пазней і нейтральнымі, як гэта адлюстравана ў вучэбным дапаможніку для 7 класа [21]; паводле аўтара, кожны стан тут займаўся сваёй важнай для грамадства справай. Калі ж паўставала задача супрацьстаяння знешняй небяспецы, то ўзнікала і ўзаемадзеянне ўсіх станаў дзеля абароны роднай зямлі. А ў паўстанні 1794 г. перадавая шляхта свядома і актыўна прыцягвала сялян да сумеснай барацьбы за незалежнасць краіны, заклікаючы да “вольнасці і роўнасці грамадзянскай” [21, с. 133–134]. Іншая рэч, што сацыяльныя інтарэсы шляхецкага саслоўя такой кансалідацыі з сялянамі перашкаджалі.

Адкрытая Паўлам Алегавічам Лойкам даследчыцкая праблема-тыка патрабуе далейшай паглыбленай распрацоўкі і развіцця. Цешыць, што навуковец паспеў стварыць сваю школу, прадстаўнікі якой (Васіль Варонін, Аляксандр Доўнар, Віталь Галубовіч, Генадзь Ластоўскі, Уладзімір Падалінскі, Генадзь Прыбытка, Андрэй Самусік, Настасся Скеп’ян, Віктар Цішчанка, Макар Шніп) плённа працягваюць справу, якой Настаўнік прысвяціў нядоўгае, але поўнае творчае памкненне жыццё.

Спіс літаратуры

1. Лойка Павел Алегавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т.4: Кадэты–Ляшчэня / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1997. – С. 392.
2. Лойка Павел Алегавіч // Корзенко, Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: библиограф. справ. / Г.В. Корзенко. – Минск: Беларус. наука, 2007. – С. 227–228.
3. Лойко Павел Олегович // Институт истории Национальной Академии наук Беларуси в лицах (1929–2008 гг.): библиограф. справ. / Корзенко Г.В. [и др.]. – Минск: Белорусская наука, 2008. – С. 236.

4. Лойка, П.А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI – XVIII ст. / П.А. Лойка; пад рэд. В.І. Мясешкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 112 с.
5. Лойка, П.А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. / П.А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 99 с.
6. Мясешка, В.І. Паўстанне сялян пад кіраўніцтвам Вашчылы: Кніга для вучняў / В.І. Мясешка, П.А. Лойка. – Мінск: Народная асвета, 1988. – 95 с.
7. Мясешка, В.І., Лойка, П.А. Ўзняўся люд просты: Да 300-годдзя з дня нараджэння Васіля Вашчылы – кіраўніка Крычаўскага паўстання 1740–1744 г. / В.І. Мясешка, П.А. Лойка. – Мінск: Беларусь, 1992. – 80 с., іл.
8. Лойка, П.А. Сялянскія павіннасці. Змены ў землеўладанні і землекарыстанні / П.А. Лойка, В.Ф. Голубеў // Гісторыя сялянства Беларусі: У 3 т. Т.1: Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Пад рэд. В.І. Мясешкі і інш. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – С. 147–159.
9. Голубеў, В.Ф. Сялянскае землеўладанне і феадальная рэнта / В.Ф. Голубеў, П.А. Лойка // Тамсама. – С. 193–216.
10. Лойка, П.А. Змены ў становішчы сялянства пасля далучэння Беларусі да Расіі / П.А. Лойка, У.А. Сосна // Тамсама. – С. 259–267.
11. Лойка, П.А. Феадальныя павіннасці / П.А. Лойка // Тамсама. – С. 301–309.
12. Голубеў, В.Ф. Промыслы і рамяство. Работа па найму / В.Ф. Голубеў, П.А. Лойка // Тамсама. – С. 310–321.
13. Маркс, К. Немецкая ідэалогія / К. Маркс. Сочинения. 2-е изд. Т.3. – М., 1955. – С. 7–544.
14. Грыцкевіч, А. Старонкі нашай мінуўшчыны / А. Грыцкевіч. – Мінск: Кнігазбор, 2009. – 468 с.
15. Грыцкевіч, В. Гісторыя і міфы / В. Грыцкевіч. – Мінск: БелФранс, 2000. – 205 с.
16. Марзалюк, І.А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII стст. / І.А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ, 2007. – 164 с; іл.
17. Лойка, П.А. Палітычныя адносіны ў Вялікім княстве Літоўскім / П.А. Лойка // Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. / Рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – С. 114–140.
18. Емяльянчык, У.П. Палітычнае становішча. Канец Рэчы Паспалітай / У.П. Емяльянчык, П.А. Лойка // Тамсама. – С. 228–243.
19. Мальдзіс, А. Кніга першая – кніга апошняя / А. Мальдзіс // Кісялёў, Г. Сейбіты вечнага: артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйнага руху 1863 г.; Скарынаўская сімволіка: вытокі, традыцыі, інтэрпрэтацыі / Г. Кісялёў; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. – Мінск: Медысонт, 2009. – С. 3–15.
20. Игнатенко, А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII в.) / А.П. Игнатенко. – Минск: БГУ, 1974. – 192 с.
21. Лойка, П.А. Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII стст.: Вучэб. дапам. для 7-га кл. устаноў, якія забяспяваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі з бел. і рус. мовамі навучання / П.А. Лойка; пад рэд. П.Ф. Дзмітрачкова, У.А. Сосны. – Мінск: БДУ, 2004. – 191 с.; іл., карт.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Гагуа Руслан Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета (Пинск)

Голенченко Георгий Яковлевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Голубев Олег Евгеньевич – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Дзярновіч Олег Івановіч – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Жарин Дмитрий Валерьевич – магистр гуманитарных наук, методист Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (Минск)

Жарко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Казакow Александр Владимирович – ассистент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технического университета (Минск)

Ковалев Антон Владимирович – магистрант Белорусского государственного университета (Минск)

Левшун Любовь Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Любый Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий сектором научно-просветительской работы отдела «Музей археологии Москвы» ГУК «Музейное объединение «Музей Москвы» (Москва)

Подолинский Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета (Минск)

Самодурова Юлия Сергеевна – магистрант Вильнюсского университета (Вильнюс)

Самонова Мария Николаевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Сосно Владимир Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Темусhev Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Темусhev Степан Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Шимаk Елена Казимировна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Мартынюк А.В. *Пять текстов, о которых следует напомнить исследователям восточноевропейского Средневековья* [1.10.2010 г.]

В статье рассматриваются пять малоизвестных источников по истории Восточной Европы в XIV–XV вв. Данные источники несут новую информацию о восточноевропейском регионе: политическая и этноконфессиональная ситуация, историческая география, геральдика и т.д. Кроме того, они позволяют реконструировать динамику развития представлений об этом регионе и процесс постепенного «открытия Восточной Европы». Изучение данных источников является вктуальной задачей для исследователей, занимающихся историей Восточной Европы в данный период.

Самонова М.Н. *Скандинавы на белорусских землях в IX–X вв.: к постановке проблемы* [3.09.2010 г.]

В статье рассматриваются государственно-политические аспекты деятельности скандинавов на белорусских землях в IX–X вв. в контексте Древней Руси. Автор актуализирует важность древнерусского наследия в истории Беларуси. Прослеживается связь скандинаво-славянских контактов с возникновением первых государственных образований в Восточной Европе – «каганата русов», государства Рюрика, в состав которых входила значительная часть белорусских земель. Раскрывается значение Полоцка в геополитическом пространстве Восточной Европы через призму скандинаво-славянских связей. В итоге автор выделяет скандинавский фактор в обособлении Полоцкого княжества в составе Киевской Руси, что стало началом государственной традиции на территории Беларуси.

Ковалев А.В. *Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании* [15.09.2010 г.]

В статье рассматриваются библейские параллели и особенности в освещении трех военных кампаний Андрея Боголюбского в летописании и литературе Руси XII столетия. Исследуются специфические черты владимирской трактовки похода на Волжскую Булгарию (1164) как крестоносного. Сравняются описания падения Киева (1169) во владимирском и киевском летописании и восприятие осады Новгорода (1170) во владимирском и новгородском летописании.

Жарко С.Б. *К вопросу о битве на реке Калке в 1223 г.* [29.09.2010 г.]

В статье автор делает попытку обобщить и объяснить некоторые факты, связанные с битвой на реке Калке. В частности, анализируется цель первой монгольской атаки на славянские земли, рассматривается географическое положение поля битвы, раскрываются принципиальные причины поражения объединенных войск русских князей и половецких ханов. Это должно заинтересовать как специалистов, так и всех, кто увлекается историей.

Темушев С.Н. *Литва и Русь: трансформация взаимоотношений от даннической зависимости к внешней экспансии (историография проблемы)* [3.09.2010 г.]

В статье рассматриваются основные подходы ведущих белорусских, российских, украинских, польских и литовских историков к изучению проблемы взаимоотношений Древней Руси и Литвы (как этнополитического образования) в период до монгольского нашествия на Русь и создания Великого княжества Литовского. Делается вывод о недостаточной изученности данной проблемы, которая оказывается в тени проблемы становления ВКЛ во второй половине XIII в.

Голубев О.Е. *Феномен «своей античности» в истории Великого княжества Литовского* [27.09.2010 г.]

В статье автор вводит понятие «своя античность». Под этим термином он понимает сложный комплекс явлений, которые наблюдались в духовной жизни ВКЛ в XIV веке: сосуществование институтов православной церкви, охватывающей большинство славянского населения государства, и правящей элиты, которая придерживалась языческих традиций.

Любый А.В. *Символика перстня в легализации власти монарха над Великим княжеством Литовским (casus 1430 года)* [10.10.2010 г.]

Изменение или введение новых символов легализации власти монарха позволяют нам оценить масштабы преобразований Великого княжества Литовского на рубеже XIV–XV веков. Одному из таких нововведений – специальному перстню – посвящена данная статья, в которой раскрываются причины одноразового введения регалии, анализируются варианты интерпретации элемента, дана оценка ее исторической несостоятельности в политической культуре региона Восточной Европы.

Жарин Д.В. *Ганза и Восточная Европа: торговое и культурное взаимодействие в XIII–XV веках* [24.09.2010 г.]

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся торговых отношений Ганзейского союза с Восточной Европой в XIII–XV веках, в частности, рассматривается торговля ганзейских купцов с Полоцким княжеством, а позднее с городами белорусских и литовских земель Великого княжества Литовского. Уделяется внимание не только торговому, но и культурному взаимодействию немецких купцов и населения Великого княжества Литовского в средние века. Прослеживается деятельность ганзейских торговых поселений в Полоцке и Ковно. Проводится анализ категорий товаров, которыми торговали в Средние века на востоке Европы.

Воронин В.А. *Организация городского управления в Полоцке от конца XIV до середины XVI в.* [12.10.2010 г.]

В статье рассматривается эволюция системы муниципальной власти в городе Полоцке от конца периода княжения до Ливонской войны (1558–1583). Должность городского правителя (*городового тиуна*) существовала уже в конце княжеского периода. Она возродилась как пост местной администрации в XVI веке. Городское собрание (*вече*) действовало в Полоцке также со времени княжества. Модифицированная форма веча еще функционировала в XV веке. Новая система была создана в Полоцке в 1498 году, когда город получил Магдебургское право. Но эта система значительно изменилась к середине XVI века.

Темушев В.Н. *Кричевский участок литовско-московской границы в XVI в.* [3.09.2010 г.]

Данная статья посвящена реконструкции одного из участков литовско-московской границы XVI в., утверждение о протяженности которого является проблемой, до конца еще не решенной. Речь идет о фрагменте границы, разделявшей Кричевский повет (волость, староство) Великого княжества Литовского с Рославльским и Брянским уездами России. На основе анализа источников сделан вывод о том, что литовско-московская граница XVI в. на кричевско-рославльском участке имела иную протяженность. На значительном расстоянии границей служила р. Ипуть.

Шимаков Е.К. *«Проблема Московии» и антиосманская коалиция в политике Римской курии в первой трети XVI в.* [10.09.2010 г.]

В условиях все возрастающей угрозы для Европы со стороны Османской империи, когда активно стала разрабатываться идея антитурецкой коалиции, Римская курия выступала с призывами прекратить военные действия между европейскими христианскими государствами. С целью привлечения дополнительных сил к антитурецкой борьбе стратегической линией Апостольского Престола стало поддержание мира среди государств Восточной Европы. В сложившихся условиях между Великим княжеством Московским с одной стороны, и Великим княжеством Литовским и Коронай Польской – с другой, шла напряженная дипломатическая борьба за «покровительство» Римской курии.

Подолинский В.А. *Шляхта Великого княжества Литовского в дипломатических миссиях Речи Посполитой (последняя треть XVI в.)* [14.09.2009 г.]

В статье делается попытка составить коллективный портрет представителей ВКЛ в дипломатических миссиях Речи Посполитой. Определяется их имущественный и социальный статус, конфессиональная принадлежность, роль в политической жизни страны. В рассматриваемый период послами и секретарями посольств были магнаты, богатая и средняя шляхта, а гонцами – средняя и мелкая шляхта. Большинство дипломатов относились к государственной либо локальной политической элите. В состав посольств всех уровней входили сотрудники канцелярии Великого княжества. Конфессиональный фактор не влиял на включение шляхтича в состав посольства. Значительную часть послов составляли представители интеллектуальной и культурной элиты страны. Наиболее выдающимся и опытным дипломатом ВКЛ второй половины XVI в. был М. Гарабурда.

Моисеев М. В. *Слон Ивана Грозного* [16.09.2010 г.]

В статье рассмотрена судьба весьма экзотического дипломатического подарка Ивану Грозному, а именно слона. Уточнено место экспонирования слона в Москве, предложена новая локализация пункта «ссылки». Выдвигается предположение о существовании в Москве во 2-й половине XVI века зверинца, выполнявшего репрезентативные функции.

Дзярнович О.И. *“Неизвестный Стрыйковский”: История рукописи поэмы «Битва под Улой» (1564 г.) в собраниях Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге* [18.09.2010 г.]

Эта детективная история посвящена приключениям одной рукописи – неопубликованной поэме Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.). Первоначально рукопись находилась в распоряжении Радзивиллов в архиве Несвижского замка. В середине XVIII в. рукопись перешла в собственность польских меценатов и основателей Национальной библиотеки братьев Залуских. В 1795 г., после ликвидации Речи Посполитой, библиотека Залуских была вывезена в Санкт-Петербург, где стала основой для иностранного фонда Императорской Публичной библиотеки (сейчас: Российская Национальная Библиотека). У 1834–1845 гг. в Петербурге жил и исследовал рукописи бывший профессор Виленского университета Игнат (Жегота) Онацевич. Среди беспорядочно сваленных материалов из новоприобретенных западных провинций России Онацевич нашел рукопись Стрыйковского и позаимствовал ее для своей коллекции. После смерти Онацевича его уникальная коллекция переходит к наследникам, а в дальнейшем ее следы постепенно теряются. В XX в. коллекция Онацевича и рукопись поэмы Стрыйковского стали легендой в научной среде. В 1970-х годах коллекция неожиданно была обнаружена в Москве в архиве Института всемирной литературы, а в конце 1970-х передана в Институт русской литературы («Пушкинский Дом») в Ленинграде (Петербурге). В настоящее время начинается постепенное изучение коллекции и рукописи.

Левшун Л.В. *К вопросу о роли церковной унии (1596 г.) в формировании белорусской национальной культуры* [15.10.2010 г.]

Автором подвергается сомнению верифицируемость весьма распространенной в белорусской гуманитаристике идеи, согласно которой униатство, определяемое как «национальная религия белорусов», было той плодотворной средой, в которой сохранялись и развивались местные самобытные культурные традиции, формирующие национальную белорусскую культуру. Приводимые и анализируемые в статье факты представляют, напротив, картину поступательного разрушения «русинской» культуры Речи Посполитой именно и прежде всего в униатской среде, что привело в итоге к смене культуротворческого алгоритма и расколу некогда единой этнокультурной общности «русинов».

Самодурова Ю.С. *Редакционная принадлежность Бельского Стишного пролога (на март–август) 1496 г.* [10.09.2010 г.]

В статье описывается редакционная принадлежность рукописного полугодического (на март–август) Стишного пролога, написанного, согласно колофону, в г. Бельск в 1496 г. (Библиотека им. Врублевских АН Литвы, ф. 19–100). Материал летних месяцев (июнь–август) показывает, что данная рукопись, являясь списком Стишного пролога, содержит также некоторые произведения Простого пролога, а также ряд сводных текстов, созданных путем объединения вариантов Простого и Стишного пролога. Таким образом, данная рукопись представляет собой особую разновидность Стишного пролога, составленную на территории Великого княжества Литовского.

Дзярнович О.И. *Грюнфельд или Грюнвальд? К вопросу об исторической компетенции канцелярских писарей* [30.10.2010 г.]

На основании документальных источников автор устанавливает, когда возникла современная форма названия битвы под Грюнвальдом. Проведенный анализ показывает, что данная форма возникла в результате ошибки писаря. Это дает интересный материал для изучения работы канцелярии Польского королевства в Средние века.

Голенченко Г.Я. *Новый документ о Скорине* [11.10.2010 г.]

Автор знакомит читателя с новым документом, проливающим свет на жизнь восточнославянского первопечатника Франциска Скорины. Новые факты доказывают, что за несколько месяцев до сдачи экзамена в Падуанском университете на звание доктора медицины Франциск Скорина все еще был в Кракове.

Гагуа Р.Б. *«Soldbuch» Тевтонского ордена как ценный источник для исследования сражения при Грюнвальде 15 июля 1410 года* [21.09.2010 г.]

Статья посвящена одному из самых важных источников для подсчетов численности армий, принявших участие в Грюнвальдской битве. Он представляет собой книгу выплат жалований гостям и наемникам Ордена, состоявшим на службе в 1410 – начале 1411 гг., написанную на старонемецком языке. Книга выплат жалования Тевтонского ордена является не только ценным источником по военной истории, она представляет также огромную ценность для исследований в области средневековой генеалогии, денежного обращения в

средние века, и средневекового делопроизводства. В приложении к статье дается авторский перевод отрывка, содержащего сведения об участниках Грюнвальдской битвы.

Казаков А.В. *Неизвестное dokonчание короля польского и великого князя литовского Казимира и князя Новосильского и Одоевского Михаила Ивановича 1481 г.* [2.10.2010 г.]

Договор (“*докончание*”) между королем польским и великим князем литовским Казимиром и Новосильским и Одоевским князем Михаилом Ивановичем от 1481 г. до последнего времени не был известен исследователям. Этот документ, представляющий собой оригинал (пергамент) из собрания Главного архива древних актов (Archiwum główne akt dawnych) в Варшаве, существенно обогащает знания по истории Новосильско-Одоевского княжества «литовского» периода.

SUMMARY

Martyniuk A.V. *The five texts, which are necessary to remember the researchers of the Medieval Eastern European history*

The article covers five unknown sources on the history of Eastern Europe in the 14th–15th centuries. In the sources there is new information about the region of Eastern Europe: political, ethnic and confessional situation, historical geography, armory and so on. Besides, it allows us to reconstruct the dynamic development of representation about this region. Studying of the sources' data is an actual goal for historians, who study the Medieval Eastern European history.

Samonova M.N. *Scandinavians on the Belarusian lands in the 9th–10th centuries: to the problem posing*

The article considers the state-political aspects of the activity of Scandinavians on Belarusian lands in the 9th–10th centuries in the context of Ancient Rus'. The author updates the importance of Ancient Rus' heritage in the history of Belarus. It is traced the connection of Scandinavian-Slavic contacts with the beginnings of the first state formations in the Eastern Europe – “Rus khanate” and the Principality of Rurik in which the most parts of Belarusian lands are included. It is also shown the great importance of Polotsk in the geopolitical space of

Eastern Europe through prism of Scandinavian-Slavic connections. As a result the author indicates the Scandinavian factor in the separation of the Principality of Polotsk within the Kiev Rus' that has become the beginning of the independent state tradition on the territory of Belarus.

Kovalev A.V. *The campaigns of Andrey Bogolubsky and its ideological representation in chronicles*

The article considers biblical parallels and the specific features of the described Andrey's Bogolubsky campaigns in annals and the literature of 12th century Rus'. The author studies the way in which the conflict between Vladimir and Volga Bulgaria (1164) was interpreted in Vladimir as a crusading campaign. The article stresses the representation of Kiev's fall (1169) in the chronicles of Kiev and Vladimir and the specifics of description of Novgorod's siege in the chronicles of Novgorod and Vladimir-on-the-Clazma.

Zharko S. B. *To the question of the fight on the river Kalka in 1223*

The author has tried to generalize and to explain some events connected with the fight on the river Kalka. In particular the purpose of the first Mongolian attack on the Slavic grounds is shown, the geography of the place of the battle is outlined, the principal causes of the defeat of the allied armies of Slavic princes and Cumans khans are revealed. It must be interesting both for the specialists in the area of history and all the readers who are interested in history.

Temushev S.N. *Lithuania and Russia: the transformation of mutual relations from the dependence on a tribute to the external expansion (the historiography of the problem)*

In this article the basic campaigns of leading Belarusian, Russian, Ukrainian, Polish and Lithuanian historians to the studying of the problem of mutual relations of Ancient Russia and Lithuania (as ethno-political formations) during the period before the Mongolian invasion to Russia and the creation of The Grand Duchy of Lithuania are considered. The author makes a conclusion that this problem is insufficiently studied, because it was in the shadow of the problem of the formation of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 13th century.

Golubev O.E. *The phenomenon of "its antiquity" in the history of the Grand Duchy of Lithuania*

The author gives the definition of "its antiquity" (*"svoya antichnost"*). He implies by this the phenomenon, which existed in the spiritual life of the Grand Duchy of Lithuania, such as co-existence of the Orthodox Church joined the majority of the Slavic population of the state and the ruling elite saved pagan tradition.

Liuby A.V. *The symbolism of the signet-ring in the legalization of the monarchic power over the Grand Duchy of Lithuania*

The changing or the usage of new symbols of the monarchic power let us evaluate the scale of transformation of the Grand Duchy of Lithuania on the border of the 14th–15th centuries. The article deals with one of them – the special signet-ring. The author accounts for the reasons of leading into the usage of the new symbol valid for the only occasion.

Zharin D.V. *The Hanseatic League and the Eastern Europe in the 13th–15th centuries: the trade and the cultural interaction*

The basic attention in the article is devoted to the researching of the trading communications of the Hanseatic League with the Eastern Europe in the 13th–15th centuries, in particular with the Polotsk Duchy, and also cities of the Grand Duchy of Lithuania. The trade and cultural interaction between German merchants and population of the Grand Duchy of Lithuania in the middle Ages is also investigated. The activity of the Hanseatic trade settlements in Polotsk and Kowno is also researched. The goods, which were popular in the Middle Ages in the East of Europe, are analysed.

Varonin V.A. *The organization of municipal power in Polotsk from the end of the 14th century till the middle 16th century*

The article considers the evolution of the system of municipal power in the town of Polotsk from the time of the late principality till the Livonian war (1558–1583). The position of town ruler (*gorodovoy tiun*) was in Polotsk in the time of late principality. It remained as the post of regional administration in the 16th century. A municipal meeting (*veche*) originated in Polotsk from the epoch of principality. The modified form of *veche* was still functioning still in the 15th century. A new system of municipal power was created in Polotsk in 1498, when this town received the Magdeburg law. But this system has a changed considerably by the middle 16th century.

Temushev V.N. *The Krichev site of Lithuanian-Moscow border in the 16th century*

The article is devoted to the reconstruction of one site of Lithuanian-Moscow border in the 16th century. The problem connecting this site is not solved. It's about the fragment of the border, dividing Krichev district (*volost, starostvo*) of the Grand Duchy of Lithuania with Roslavl and Bryansk districts of Russia. On the basis of the analysis of sources the conclusion is made that Lithuanian-Moscow border of the 16th century on Krichev-Roslavl site had other extent. River Iput served as border on considerable distance.

Shymak A.K. *"The problem of Muscovy" and anti-Ottoman coalition in the policy of the Roman Curia in the first third of the 16th century*

In the conditions of ever-increasing threat to Europe from the Ottoman Empire, when the idea of anti-Turkish coalition was actively developed, the Roman Curia stood for a cessation of hostilities between the European Christian states. In order to attract additional forces to anti-Turkish struggle, the strategic policy of the Apostolic See was the maintenance of peace between the countries of Eastern Europe. Under these circumstances, between the Grand Duchy of Moscow, on the one hand, and the Grand Duchy of Lithuania and the Crown of Poland – on the other hand, there was intense diplomatic struggle for the "protection" of the Roman Curia.

Padalinski U.A. *The Shlachta (noblemen) of the Grand Duchy of Lithuania in the diplomatic missions of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the last third of the 16th century)*

The author tries to compose the portrait of the noblemen from the Grand Duchy of Lithuania in the diplomatic mission of the Polish-Lithuanian Commonwealth. He determines their property and social status, confession, political activity. At this period the magnates, noble and middle shlachta were ambassadors and diplomatic secretaries; middle and poor shlachta were couriers. The majority of diplomats belonged to the state or local elite. The officials of the Chancellory of the Grand Duchy of Lithuania were among the members of diplomatic missions. The confessional factor didn't influence on shlachta's rating among the members of diplomatic missions.

Moiseyev M.V. *The elephant of Ivan Grozny*

In the article the destiny of rather exotic diplomatic gift to Ivan Grozny, namely an elephant is considered. The exhibiting place in Moscow is specified, the new localization of the point of the reference is offered. The assumption of existence in Moscow in the 2nd half of the 16th century of a menagerie carrying out representative functions is put forward.

Dziarnovich A.I. *"Unknown Strykowski": The History of the Manuscript of "The Battle of Ula" Poem (1564) in the Collections of the Pushkin House in St. Petersburg*

This detective story is devoted to the adventures of Maciej Strykowski's unpublished "The Battle of Ula" Poem (1564). Initially, the manuscript was owned by Radziwill in the archives of Niasviž castle. In the middle of the 18th century the manuscript was acquired by Polish patrons and founders of the National Library of brothers Załuski. In 1795, after the elimination of the Commonwealth, the Załuski Library was moved to St. Petersburg, where it became the basis of the foreign fund of the Imperial Public Library (now: The Russian National Library). In 1834–1845 the former professor of the Wilno University Ignat (Żegota) Onacewicz lived and studied manuscripts in St. Petersburg. Among randomly piled material from newly acquired western provinces of the Russian Empire Onacewicz found the Strykowski's manuscript and "borrowed" for his own collection. After Onacewicz's death his unique collection passed to heirs, and in the future it would be gradually lost. In the 20th century the Onacewicz's collection and the manuscript of the Strykowski's poem became a legend in scientific midst. Suddenly, about 1970 the Onacewicz's collection was found in Moscow in the Institute of World Literature archives. About 1979 the collection was transferred to the Institute of Russian Literature (*Pushkin House*) in Leningrad (now St. Petersburg). At present the author begins a gradual learning of the collection and the manuscript.

Levshun L.V. *To the question of the role of the Church Union (1569) in the formation of the Belarusian national culture*

The author doubts the idea, very popular among the Belarusian scientists, according to the Union, which determined as "Belorussian national religion", was a productive environment for the saving and development of local cultural traditions. But in the article the cited and

analyzed data display the picture of gradual destruction of the Ruthenian culture mainly in the Union environment. In the end this situation came to split of the unified Ruthenian ethnic and cultural community.

Samodurova Ju.S. *Redaction characteristic of the Metrical Synaxarion for March–August from Belsk (1496)*

The article describes the structure of the Old Church Slavonic manuscript copy of the Metrical Synaxarion for March–August, which has been compiled, according to its colophon, in the town of Bielsk in 1496 (now kept in the Wróblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences, F 19–100). The research of the texts for June–August shows that this manuscript copy of the Metrical Synaxarion contains certain texts of the Non-Metrical Synaxarion, as well as some conflated texts which combine characteristics of both (metrical and non-metrical) types of the book. It may be concluded that this specific manuscript represents the Verse Synaxarion in its previously unknown edition, which originated in the Grand Duchy of Lithuania.

Dziarnovich A.I. *Grunfeld or Grunwald? To the question of historical competence of office clerks*

On the ground of documental sources the author ascertains the time, when contemporary form of name of the battle arose. Realized analysis shows, that the form arose as the result of a clerk mistakes. This gives us interesting material for studding of the Polish Kingdom Chancellery's work in the Middle Age.

Halenchanka G.J. *A new document about Skoryna*

The author introduces to us a new document, which shed a light on the life of the Slavic first printer Francysk Skoryna. New facts shows us, that in few months before passing the exam in Paduan University Francysk Skoryna was still in Krakow.

Gagua R.B. *The «Soldbuch» of the Teutonic Order – the important source for the research of the Tannenberg battle of the 15th of July 1410*

This article is devoted to one of the most important source for the inventory the armies' strength, which took part in the battle of Tannenberg. It is the paybook of remunerations for guests and mercenary knights that served for the Teutonic Order in 1410 – beginning of 1411 years. It was written in ancient German language. The Teutonic

Order's paybook is not only a valuable source of military history, but it is a very important source for researches of medieval genealogy, money circulation in Middle Ages and medieval office work. In appendix there is the text of the paybook, which contains the information of members of the Tannenberg battle, translated by author.

Kazakou A.U. *The unknown agreement between Kazimir the King of Poland and the Grand Duke of Lithuania and Michail Ivanovich the Prince of Novosil and Odoev*

The agreement (*“dokonchanie”*) between Kazimir the King of Poland and the Grand Duke of Lithuania and Michail Ivanovich the Prince of Novosil and Odoev of 1481 was unknown. This original pergamental document kept in the Central Archives of Historical Records (Archiwum główne akt dawnych) in Warsaw significantly enriches our knowledge about the “lithuanian” period of the Novosil-Odoev principality history.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis* = *Исследования по истории Восточной Европы*» объявляет о подготовке к печати четвертого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п.л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Заявки на участие в альманахе и тексты материалов принимаются до 15 сентября 2011 года по e-mail: albaruthenica@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 218.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т.д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением, Редакция

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Выпуск 3

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Мартынюк*
Компьютерная верстка *Н. М. Лазар*

На обложке: Грюнвальдская битва.
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.
Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург

Подписано в печать 29.12.2010. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 19,88. Уч.-изд. л. 21,38. Тираж 100 экз. Заказ 150.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси
Тел.: +375(17)219–06–68. E-mail: albaruthenica@mail.ru

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
ЛИ № 02330/0548535 от 16.06. 2009.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск